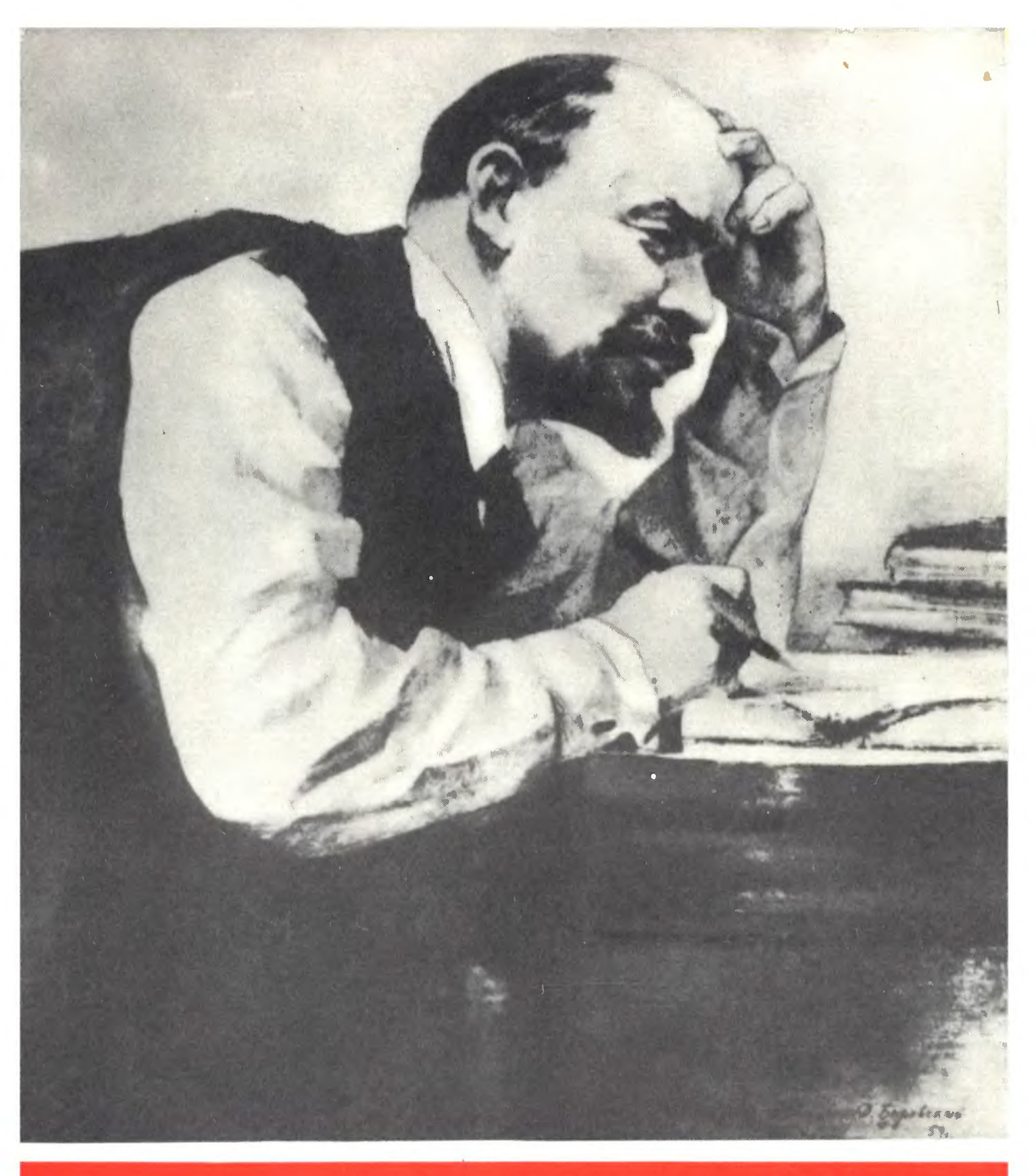
Молодая гвардия

4 • 1986

Марксизм-ленинизм — единое революционное учение. Созданная великим Лениным партия стала живым воплощением соединения научного социализма с рабочим движением, неразрывного единства теории и практики. Она была, есть и будет партией марксизма-ленинизма, партией революционного действия.

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: «Первый». Художник Ю. Ф. Рязанов.
Четвертая страница обложки журнала: На главном сборочном конвейере ЗИЛа. Фото Ю. Соколова.

«Молодая гвардия», 1986, № 4, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а
Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года.

Владимир СУВОРОВ

НАЧАЛО ЗВЕЗДНОЙ ЭРЫ

ЗАПИСКИ КИНООПЕРАТОРА

Мне посчастливилось быть свидетелем начала космических полетов. В январе 1960 года мы приступили к съемкам на предприятии, где главным конструктором был Сергей Павлович Королев. До этого я только слышал, что существует такой конструктор ракет — Королев, но встречаться с ним не приходилось, и, конечно же, я не мог и предположить, что целое десятилетие мне придется снимать космодром, ракеты, космонавтов. Королева я впервые увидел на территории завода, он тогда совершал свой ежедневный обход цехов.

— Вот он! — сказал наш режиссер Косенко, указав на плотного лобастого человека в белом халате. Округлое лицо с живыми карими глазами, прямой нос, рот плотно сжат. Чуть сутуловат, движения плавные, но быстрые.

Знакомство с Эс-Пэ — Сергеем Павловичем Королевым — у меня состоялось только в Байконуре и было несколько необычным. Мы тогда снимали фильм о готовящемся полете в космос Белки и Стрелки. Рабочий материал показали Сергею Павловичу. Он остался доволен. Не-

которые ролики смотрел несколько раз. А ведь рабочий материал смотреть тяжело — мешают дубли, засветки...

На заводе и на космодроме шли важные этапные работы, и кинооператоры были всегда рядом с инженерами и монтажниками. Однажды я подошел к Сергею Павловичу и выразил сожаление о том, что у нас нет журналиста, который бы вел летопись первого в мире космодрома.

— Может, эти записи делать мне?..

Королев снял телефонную трубку, набрал номер и, когда ему ответили, сказал:

— К вам сейчас придет Володя Суворов. Дайте ему тетрадь, пусть пишет.

И вот ежедневно, закончив съемки, я делал записи. Когда меня спрашивали: «Что это за амбарная книга у тебя?» — я с гордостью отвечал: «Пишу заметки для истории».

Сделав в тетради самые интересные заметки, я сдавал ее и расписывался. Через некоторое время я начал вторую тетрадь. Однажды дал почитать записи Сергею Павловичу.

— Читается легко, — одобрительно сказал он. — Только обо мне не пиши. Посмотри, сколько вокруг чудесных людей!

— А какие у вас будут замечания и пожелания?

— Ну, мое пожелание ты слышал, а замечаний делать не буду. Пиши все как есть. Не приукрашивай... Когда кончишь писать — поработай над своими заметками как следует. Стиль пошлифуй.

Эти тетради я храню до сих пор...

Мы не заметили, как пролетел год. За это время отсняли тысячи метров пленки. Наша киногруппа получила разрешение на кратковременное возвращение в Москву. Помню, сидим на аэродроме, настроение плохое. Завтра новогодний праздник, а мы не можем улететь. На аэродроме непривычно пусто, стоит лишь Ил-14 — личный самолет Сергея Павловича, — и никто не знает, куда и когда он улетает и сколько человек с ним летит. Мои ребята — Ильичев, Ионов, Панкратов, Бесчастнов и Тулушев — приуныли и порываются уехать в гостиницу.

И вот на аэродром приехал Главный. Увидев нас, сказал:

— Ну что, орелики? Застряли?

— Сергей Павлович! Теперь только второго января придут самолеты, а нам седьмого обратно!

— Мигом к пилоту, узнай, как загрузка — позволит? Да скажи ему, сколько у тебя груза...

Мы везли свою основную аппаратуру на профилактику.

Бегу к пилоту, потом — к Королеву:

— Пилот сказал: можно!

— Быстро в машину!..

И все-таки это случилось для нас неожиданно. Не то чтобы мы не были готовы к съемкам первого космонавта, совсем нет. Технически мы были давно готовы, а вот морально... С огромным волнением мы готовились снимать запуск космического корабля с человеком на борту. Начальства понаехало! Академики и министры, крупнейшие ученые и маршалы. Мы остро чувствовали, осознавали, что за нашими спинами миллионы зрителей, которые должны все увидеть и прочувствовать, как ЭТО было!

На аэродроме появились космонавты. Какие они? Очень молодые, подтянутые. Глаза у всех веселые. Может, у них здоровье и лучше, чем у других, но я не сказал бы, что они богатыри.

...В дверях показались еще две ярко-оранжевые фигурки. Это Гагарин и Титов. Чуть ссутулившись, они идут к стоящему на подставке кораблю. Ярко горят наши осветительные приборы. Они расставлены так, что освещают и подход космонавтов к кораблю, и сам корабль. Идет генеральная репетиция съемок посадки космонавтов в корабль. Вот Гагарин взялся за верхний обрез люка, подтянулся, закинул внутрь ноги и лег в кресло. Через некоторое время он вылез. Теперь — черед Титова...

Длинная комната с большими окнами, завешанными белыми шторами. Она стала маленькой и тесной потому, что сегодня здесь много народа. Буквой Т расставлены столы, покрытые голубым сукном. На столах бумага и карандаши. Мы ставим свет, синхронную камеру, магнитофоны и «Конвас» с «Родиной» *. Ставим и микрофоны: один на стол Госкомиссии, другой там, где будут сидеть космонавты. Сегодня торжественный день. Сегодня впервые официально будет названо имя того, кто будет космонавтом-один. Назовут и его дублера. Перед началом заседания ловим в коридоре Сергея Павловича Королева.

— Каков будет порядок выступлений? — спрашиваем.

Королев говорит о порядке ведения заседания, называет фамилии выступающих. Их много.

— Сергей Павлович! — взмолился я. — У нас одна синхронная камера. В ней триста метров пленки — это шестьсот секунд. На всех выступающих не хватит.

— Зарядите новую.

— Перезарядка займет две-три минуты...

— Ладно. Когда пленка будет кончаться, дай мне знать, — сказал Сергей Павлович.

В комнату непрерывно входят люди: ученые, врачи, инженеры, тренеры космонавтов, сами космонавты, их наставники, спортивный комиссар, научные работники. Мы включаем прожектора. Члены Государственной комиссии занимают в президиуме свои места. Это Главный конструктор академик Королев, теоретик космонавтики — президент Академии наук СССР академик Келдыш, председатель Госкомиссии Руднев и другие ответственные лица. Встает председатель Госкомиссии — я включаю синхронную камеру. Бесшумно идет мотор, мелькают цифры метража на счетчике. Доклад следует за докладом... Неумолимо тает запас пленки в кассете. Слово предоставляется Сергею Павловичу. Он говорит о том, что «ракета-носитель с кораблем-спутником на старте, к полету готовы, что необходимо назначить командира корабля, космонавта-один и его дублера — запасного пилота». Внешне Королев спокоен, уверен в себе и нетороплив, но что у него на душе, за внешним спокойствием? Ведь настал день, к которому он шел всю жизнь.

Пленка в кассете подходит к концу. Делаю отчаянные знаки Сергею Павловичу, а он увлекся — слушает очередного докладчика. Наконец он замечает мои немые сигналы. Встает, стучит карандашом по графину с водой — все смолкли, ожидая, что он скажет...

---

* Названия киноаппаратов.

— Товарищи, внимание! — И, выдержав паузу, добавляет: — Сейчас Володя Суворов перезаряжаться будет!

Все в зале рассмеялись. Пока они смеялись, мы с Юрой Панкратовым (Юра бледный — пот на лбу) успели снять кассету с экспонированной пленкой и зарядили чистую. Даю знак: «Готовы!» — и заседание продолжается.

И вот названо имя:

— Юрий Гагарин! Его дублер, запасной пилот — Герман Титов!

Из-за стола поднимается невысокого роста парень с тремя маленькими звездочками на погонах. Как же он молод! Волнуется. Это видно по тому, что он сегодня говорит медленней, чем обычно, тщательно подбирая слова. Он говорит просто, произносит слова, какие бы сказал, наверно, каждый, уходя на такое трудное, важное и опасное задание. А рядом с ним плечом к плечу сидели его товарищи по новой профессии — космонавты.

Мы приготовились снимать в домике космонавтов, но возникли препятствия. Медики опасаются, что мы перегреем воздух своими светильниками, что отрицательно скажется на медицинской аппаратуре. Домик маленький, и в комнатах довольно тесно. Время идет, а космонавты не сняты. Конечно, мы нервничаем. Наконец Косенко, Филиппов и я идем к Сергею Павловичу. Его домик рядом с домиком космонавтов. Помещение точно такое же. В окнах темно. Мы знаем, что он дома, что он много работал, и ему еще предстоит ночью быть на старте. Наверняка он отдыхает, и нам жалко его будить. Потоптавшись у крыльца, подходим к окну и тихо стучим. В окно выглядывает Сергей Павлович и скрывается в глубине комнаты. Идем к двери — она открывается. Эс-Пэ, склонив голову набок, смотрит на нас... Мы не кляузники, но выхода у нас нет — жалуемся на «эгоизм» медиков, не понимающих, как важно для нас снять в предполетный вечер ребят. Сергей Павлович берет трубку — минутный разговор, и все улажено. Мы просим прийти на съемку и его, хоть на несколько минут.

— Свет!

Юра и Герман садятся за прерванную нашим приходом партию шахмат, а мы с Филипповым начинаем снимать.

Пришел Сергей Павлович — он так и не уснул больше. Снимаем несколько планов космонавтов с Королевым. А потом он, Гагарин и Титов вышли на улицу подышать перед сном. Дворик. Темно. Тихо. Очень тихо. Все машины идут в объезд, чтобы не нарушить покой космонавтов. На фоне лунного неба чуть видны силуэты тополей. Естественно, что «колдун» (экспонометр) ничего не покажет. И все же — снимаю. Всюду следую за Королевым и космонавтами...

12 апреля 1961 года. Утро. Стартовая площадка Байконура. Сняли выезд Гагарина и Титова из домика. Потом их одевание. Я, снимая Гагарина, пячусь, отступаю перед ним. Гагарин отдал рапорт и прощается с председателем Госкомиссии, а потом с Сергеем Павловичем.

Подскакиваю к Королеву и прошу:

— Мне нужно наверх!

— Иди! А то не успеешь! — разрешает он.

На лифте я поднимаюсь на верхнюю площадку ферм обслуживания.

— Ребята! Помогите мне! — говорю я двум монтажникам и даю им ручные аккумуляторные светильники: — Включаются они вот так. Ты свети на лицо Гагарина, а ты — на Олега Ивановского. Включайте, когда лифт подойдет сюда.

Я отхожу в дальний угол площадки и изготовляюсь к съемке. А вот и лифт. Вспыхивает свет, включаю мотор киноаппарата, успеваю снять пятнадцать метров. Маленький кусок пленки! А теперь она стала уникальной, исторической ценностью. На ней — посадка Гагарина в корабль. Но в те минуты мы не думали ничего об истории, просто работали, просто снимали с обычной старательностью...

Старт ракеты был впечатляющим. Снимали его из бункера.

Вскоре из висящего у входа в бункер грибка-репродуктора послышались позывные Москвы.

— Товарищи! Москва! Сообщение! — крикнул кто-то, заглянув в бункер. Мы все, бросив работу, ринулись наверх слушать сообщение ТАСС.

— «...гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич».

— Ура! — заорали мы.

Настроение стало еще более праздничным, и спускаться вниз работать, прямо скажем, не очень-то и хотелось. Но дело есть дело. Тут подъехал Королев, и мы его сняли крупным планом.

И вот вынесены из бункера светильники и кабель, синхронная камера, штативы и магнитофоны. Юра Панкратов поднимается из бункера по лестнице, прижав к груди большую, сдвоенную трехсотметровую кассету синхронной камеры с только что отснятой пленкой. Перешагивая порог бункера, он споткнулся и растянулся плашмя перед самым входом. Кассета вырвалась из его рук и, звякнув, приоткрылась. Мы замерли. А Юра в каком-то невероятном броске накрыл ее собой, лежит и жалобно на нас смотрит. Гриша Косенко, побелев и онемев, молчит.

— Ты что? — с трудом выдавил я. — Как же ты так?..

Юре сейчас, наверное, провалиться бы сквозь землю легче. Он и не оправдывается. Глаза виноватые. Жалко его. И себя жалко. «Неужели пленка засветилась?» — холодея всем сердцем, думаю я. Все смотрят в землю.

— Надо сегодня же самолетом отправить пленку в Москву и срочно проявить, — предлагаю я.

С трудом отправляем материал в Москву с попутным самолетом. В ожидании результата ходим тихие, пришибленные. Косенко — мрачнее тучи. Спустя час в самолете генерала Каманина я лечу в Куйбышев. Туда после приземления для короткого доклада и отдыха прилетит Гагарин. Радист самолета настроился на Москву и вынес нам маленький, слабенький динамик. В эфире сильные помехи, да еще ревут моторы самолета. У маленького динамика, прильнув к нему, собрались все. Только тут я по-настоящему впервые и осознал, что совершено на Земле! По радио диктор передавал новости. Он сообщал о том, как ликует Москва, как люди валом валят на Красную площадь, что студенты и школьники на время оставили занятия, вышли на улицы и площади...

Вот и Куйбышев. Синее-синее апрельское небо. По дорожке, проложенной у небольшого дома-дачки, на самом берегу Волги, идет молодой, усталый, но такой счастливый человек. Он прилетел из космоса в эту апрельскую синеву, он первый посмотрел восход и закат солнца над Землей. Сейчас он идет по дорожке и счастли-

во улыбается своей широкой, обаятельной улыбкой, которую стараниями многочисленных кино-, теле- и фотокорреспондентов увидели миллионы и миллионы землян. Сергей Павлович тоже улыбается. Помягчел он и оттаял, сбросив груз непомерной ответственности, и мы рады за них обоих.

Ждем звонка из Москвы. С холодящим душу нетерпением ждем. Там сейчас, наверное, сантиметр за сантиметром ползет в проявочной машине ролик пленки...

К вечеру зазвенел телефон: «Вам телефонограмма из Москвы». Читаю: «Тонкая засветка по самому краю. ОТК пропускает все, кроме пяти последних крупных планов пультов. Желаем удачи. Ни фокуса, ни экспозиции!»

Ура, ура, ура!

И тут же вспомнилось, как в Байконуре, сразу же после старта, мы подошли к комнате связи, где находились члены Госкомиссии и куда непрерывно поступали сообщения о ходе полета. Там тогда собрались все освободившиеся от работ ракетчики. Целая толпа! Все жадно слушали передаваемые сообщения и тут же обсуждали их. А потом появился откуда-то председатель Госкомиссии К. Н. Руднев и сразу же взлетел на руках в воздух. Досталось и Сергею Павловичу — усталому, довольному. Не «пощадили» и Келдыша — чуть не закачали академика. А потом была Москва и Праздник!

Но не успели мы еще закончить монтаж фильма о Гагарине, как вскоре началась работа над следующим фильмом — о полете нового космонавта. Опять волнение, опять трудности и опять праздник.

Но не всегда мы, кинооператоры, были свидетелями лишь удач и праздников.

Помню, на одном из первых испытаний беспилотного корабля-спутника, когда в хвостовом люке Ан-10 подвесили очередной «шарик», мы, как всегда, заняли свои съемочные точки в самолете и на земле. Идущий на очередной сброс самолет был очень хорошо виден с земли, несмотря на большую высоту. Пора включать камеры. Вот камеры пошли. В визире моего аппарата очень хорошо было видно, как «шарик» отделился от самолета и полетел вниз. Я старался не выпускать его из кадра. Вот за «шариком» узкой лентой потянулся длинный шлейф парашюта, потянулся и... не раскрылся. Встреча «шарика» с землей была жесткой. Смялась тонкая скорлупа оболочки. Вылетели панели с приборами... Когда мы подъехали к месту аварии, обломки спускаемого аппарата небольшой кучкой лежали на земле и лениво чадили. Возле них ходило несколько человек. Я вышел из машины, держа «Конвас» наготове. Королев, хмуро склонив голову и заложив руку назад, рассматривал остатки «шарика».

— Снимай! Что же ты? — сердито бросил он мне. И уже помягче добавил: — Не всегда идет так, как хотелось бы. Для этого и отрабатываем все, чтобы потом не было неудач.

Выбрав съемочные точки, я начал снимать следы катастрофы: и совсем неглубокую вмятину в земле — след удара, и чадящие остатки «шарика», и нераскрывшийся парашют, и людей на месте аварии. Особенно тщательно я снимал детали: мало ли что могут увидеть конструкторы при просмотре материала.

После первых стартов с человеком на борту Королев выкроил время для нашей киногруппы и вплотную занялся ею. Мы перебра-

лись к нему на производство. Как оказалось, нужно нам было не так уж много: монтажную для режиссера Косенко, просмотровую комнату, две комнаты для Котова и Ланина — макетчика и мультипликатора, склад для осветительной аппаратуры — вот, пожалуй, и все. Съемочную аппаратуру мы держали или в спецпомещениях предприятия, или, когда не было съемок, в студии...

Наши взаимоотношения с Сергеем Павловичем Королевым налаживались в процессе труда. Иногда же контакты с ним складывались не совсем так, как хотелось бы... Прислали нам на Байконур нового ассистента оператора — Олега Тулушева. Молоденький, пижонистый. Ну да ладно, работал бы хорошо. Мы тогда готовились к съемкам бункера — подземного командного пункта, откуда и происходит управление ракетой. Однажды мы — режиссер Гриша Косенко, я и светотехник — спустились вниз, а Олегу там делать было нечего, и он остался наверху, разделся до плавок и улегся у бункера загорать. Кругом люди работают, а он как на пляже устроился. Тут появился откуда-то Сергей Павлович.

— Молодой человек! Вы что здесь делаете?

— Да вот, Сергей Павлович, появилось свободное время, решил погреться... Солнышко-то какое!

— Марр-р-р-ш отсюда! Нашел место загорать!..

Вечером встречаю Королева, пытаюсь оправдаться:

— Извините, тут сегодня мой ассистент отчудил. Он новенький, порядков не знает. Мы его пропесочили всем коллективом.

Сергей Павлович улыбнулся и говорит:

— Ладно. Только пусть голяком не бегает! Тут же космодром, а не пляж.

Все вопросы, связанные с производством фильмов по космической тематике, определял сам Королев. Еще был у нас контакт с ведущими конструкторами и инженерами, но, когда сценарий был готов, он опять попадал к Сергею Павловичу на утверждение. Мы обычно заходили всей группой: режиссер, операторы и директор, — нужно было в один визит решить все дела: и творческие, и организационные. Предварительно мы четко намечали круг вопросов, которые следует решить и в которых участие академика Королева было обязательно. ...Шестой год мы работали в Байконуре. На космодроме нас давно считали членами своего коллектива... Помимо кораблей «Восток» и «Восход», в этот же период мы много снимали разные спутники и межпланетные станции. Среди них были «Венеры», «Марсы», «Лунники», а теперь нам — Маху Рафикову и мне — поручили снять двухчастевую картину о космическом спутнике связи «Молния-1».

Мы выступали в роли режиссеров и операторов одновременно. Приказ был подписан. Но кроме приказа и нашего желания, пока ничего у нас не было. Ни сценария, ни киногруппы.

Пошли к Королеву:

— Сергей Павлович! Производство картины о «Молнии» поручили нам. Нужны консультанты, которые толково бы рассказали нам все, что нужно показать и сказать об этом спутнике.

Королев назвал нам две фамилии. Не откладывая, быстро разыскали назначенных консультантов. Те терпеливо вдалбливали нам необходимые знания о новых спутниках. Накопив материал для сценария, начали писать. Работа захватила.

...Уже сняты павильоны в предприятии и натура в Байконуре, и ушла со старта ракета с «Молнией». Вот с этого момента мы, ки-

нематографисты, и бессильны пока, еще не можем показать в натуре, как будет работать спутник связи в космосе. Здесь-то нам на помощь и приходят специальные виды съемок: макетные и мультипликационные. Больше месяца наши мультипликаторы-художники Рауф Валитов и Лариса Атаманова и макетчики Толя Котов и Борис Ланин напряженно работали, переводя наши рисунки в настоящую мультипликацию и макеты... Сейчас их двое, наших магов и чародеев: Толя Котов — макетчик и Борис Ланин — оператор-мультипликатор. Вот они-то и колдуют над макетом, укрепленным на фоне черного бархата, изображающего звездное небо. Наконец все готово, макет оживает. Снят кадр. Один только кадр. Стоп. Чуть-чуть меняются «декорации», и опять снят кадр.

И так кадр за кадром. И каждый последующий кадр чуть отличается от предыдущего. А на экране, на фоне звездного неба полетит «Молния». Панели ее солнечных батарей еще закрыты, мгновение — и вот они плавно распустились... Всего полтора полезных метра в фильме, около 80 кадриков, а работали над ними целых три дня. Сложный и кропотливый труд. Возьмите хотя бы такой, казалось бы, простой план из фильма: на фоне звездного неба летит спутник связи «Молния-1». Начинает работать КДУ— корректирующая двигательная установка. И вот на корпусе макета появились отблески пламени. И разве поверишь, что пламя — это кусочек ваты? А как здорово сделаны отблески!

Мы в комнате у оператора Ланина, снимающего мультипликацию. Стены и потолок в этой комнате — черные, чтобы не было на целлулоидных заготовках посторонних отсветов. В центре комнаты на специальном станке укреплен киноаппарат. Его объектив направлен вниз на многоярусные заготовки. Под ним фон — черное звездное небо. И здесь, как правило, идут кадровые съемки. Кадр. Смена перекладок. Еще кадр... И все это для того, чтобы зрители увидели на экране то, что пока мы еще не можем снять в натуре, что нельзя снять прямыми методами съемок.

Быстро летели дни, заполненные съемками, монтажом, просмотрами. Наконец фильм был смонтирован и озвучен. Позвонили Королеву и договорились о дне сдачи.

После просмотра фильма Сергей Павлович отозвал меня в сторонку и сказал:

— Володя! Я скоро лягу на операцию (дело было перед самым Новым, 1966 годом). Сейчас некогда поговорить о планах, а вот выйду из больницы, и ты обязательно приезжай к нам. Посидим, поговорим, да и фотографировать ты нас поучишь. Я недавно жене ко дню рождения фотоаппарат купил.

— А что, обязательно ложиться? — спросил я.

— Надо... Так что до встречи в Новом году...

Эта встреча не состоялась.

Четырнадцатого января поздним вечером раздался телефонный звонок. Голос товарища:

— Умер Сергей Павлович!

— Нет! Не может быть!

...Выдающийся ученый нашего времени, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии... Строгие, казенные слова официального некролога. А какими словами можно передать горечь утраты? Очень трудно подобрать слова, да и можно ли их подобрать?!

Последние годы мы не столько работали в студии, сколько дневали и ночевали у него на предприятии — работа была такая. И Сергей Павлович Королев стал нам больше, чем старший товарищ. Мы не чувствовали на себе давления его официальных званий и разговаривали с ним всегда свободно, на правах полноправных членов его большого хозяйства. Мы поверили в этого большелобого человека и полюбили его. Он, когда надо, ругал нас — мы на него не обижались. Нас радовала его похвала.

Иногда он был очень крут. В одно из приземлений аппарата произошел сбой связи. То есть связь-то была, но данные о пеленге приземляющегося корабля и месте приземления где-то задержались и вовремя не поступили к Сергею Павловичу. Посадка корабля — это всегда особо ответственный и напряженный момент.

— Что со связью? Где данные? — сурово спросил он у одного из больших начальников.

— Нет еще... — ответил тот.

— Повторите ваши обязанности! — рассердился Королев.

— Это вы мне, Сергей Павлович? — растерялся начальник.

— Вам, вам! — не стесняясь окружающих, крикнул Эс-Пэ.

И высокопоставленный товарищ вынужден был во всеуслышание повторить свои служебные обязанности. К счастью, подоспели необходимые данные, и неприятный разговор был закончен. А мы уяснили, что и большое начальство на космодроме несет строгую ответственность за свои обязанности... Это был железный закон.

...17 января 1966 года. Москва. Колонный зал Дома союзов. Венки. Льется траурная мелодия. Это единственная съемка, которую я не хотел бы вести. День — как бесконечность.

Среди людей, проходящих мимо усыпанного цветами гроба, много знакомых лиц — будто весь Байконур здесь... Коля Шумов — оператор, мой добрый старый друг, отошел за колонну и плачет. Мне нельзя... Я снимаю, хотя глаза то и дело заволакивает влага.

И новый день. И опять траурные мелодии, только вместо гроба с Сергеем Павловичем — урна с прахом и портрет его.

От Колонного зала до Красной площади — последний путь. Королева не стало. Но дело его продолжили другие. У него было много товарищей, последователей и учеников — тех, с кем начинал.

На окраине городка рядом с многоэтажными зданиями гостиниц есть три одноэтажных маленьких домика. Среди них — домик Королева.

К нему, как ручей, из бетона дорожка
От самого старта к крыльцу колесит...

Это здесь мы бродили с камерами, сторожа космонавтов и Сергея Павловича. Это здесь мы снимали их во время вечерних прогулок, когда на фоне угасающей зари Королев гулял с Гагариным и Титовым, а потом и с другими космонавтами.

Три комнаты: рабочий кабинет, спальня и гостиная. Скромная обстановка. Диван-кровать, стол, тумбочка — это спальня. Письменный стол, два стула, кресло для гостя, книжный шкаф и небольшой сейф — его рабочий кабинет. Комната с тахтой и круглым столом — место встреч и бесед.

Перед окнами домика такие же тополя, как и у домика космонавтов, и те же арычки журчали свои простые песенки. А перед

домиком скамья. Здесь вечером Королев сидел тогда с Юрой и Германом. Здесь же мы его видели и во время последних работ.

Помню чудный казахстанский вечер. Лунища — как огромная тарелка над горизонтом. На скамеечке перед домиком Сергей Павлович. Мы рядом.

— А все-таки я до тебя доберусь! — сказал Сергей Павлович. Пожил бы еще, и добрался бы! А может, и по Марсу бы походили!

У меня есть фотография Королева с его надписью: «Владимиру Андреевичу Суворову на добрую память о многолетней совместной работе.

Академик Королев. 6 ноября 1965 года».

Я смотрю на нее и не верю, что никогда он больше не скажет:

— Володя, сегодня можно снимать все! Скажи ребятам, пусть снимают больше — это история!

Каким же был Сергей Павлович? Ему было присуще все человеческое: обычно он был ровен, доброжелателен, разговаривал и работал спокойно. Приходила удача, и он радовался вместе со всеми. Иногда, если были причины, сердился. Крайне редко, но бывал и в гневе. Что же отличало Сергея Павловича Королева? Необычайная работоспособность, необычайная целеустремленность — в этом весь его характер. Все, кто работал с ним, как сговорились — рассказывают о Королеве как о человеке цельного характера. И это действительно было так. Он был бескомпромиссен. К намеченной цели он старался идти прямо, не ища обходных путей. Если кто ему мешал, он сначала старался убедить, привлечь на свою сторону, если же это не помогало, то говорил в лицо: «Вы мне мешаете!» — и убирал с пути, как говорится, не взирая на лица. Конечно, у него была власть, и власть немалая. Пользовался он ею разумно. Никогда он не был мстительным и зла не помнил. Отличала его «жадность» к работе. Работать он умел, а вот отдыхать, как я замечал, не очень. Работал он так, будто чувствовал, что времени ему отпущено в обрез.

Он осуществил многие свои планы. Но не все, только часть их. Остальное должны продолжить его ученики, его школа.

●

Анатолий КОМАРОВ

ДАЛЬНИЕ РЕЙСЫ

Повесть

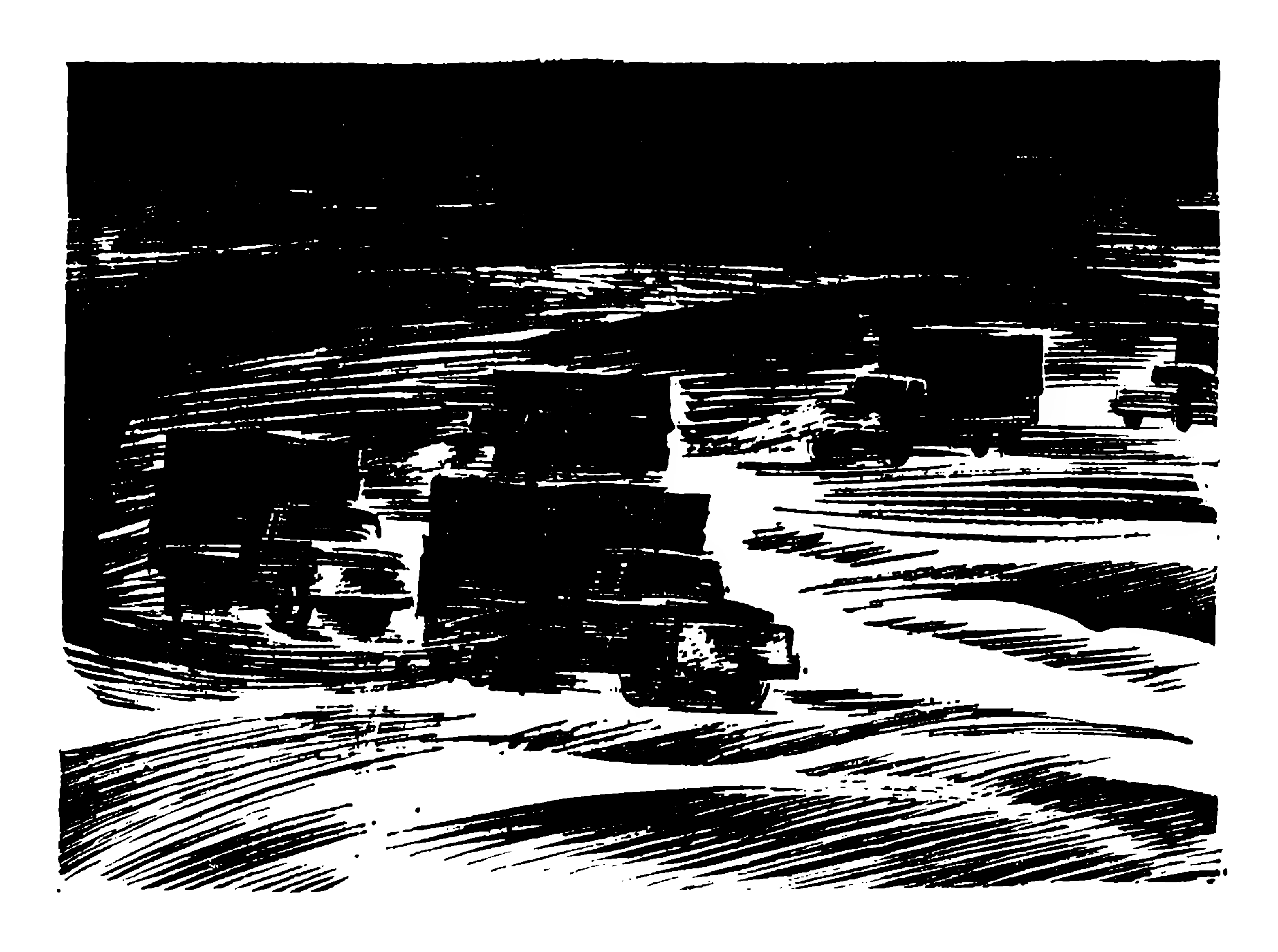

Рис. В. ИВАНОВА

Анатолий Комаров — молодой прозаик из города Кременчуга. Повесть «Дальние рейсы» — первое его произведение, публикуемое в центральном журнале. Оно подкупает знанием жизни, материала, на котором строится повесть, влюбленностью в своих героев.

Труд шофера для него не условная фактура сюжета, а сама жизнь. Ведь он много лет жил и работал водителем в Курганской области, в Сибири и Казахстане, потому в повести так правдиво представлена атмосфера, в которой живут и трудятся его герои, так объемны и достоверны их характеры.

Рассказы А. Комарова печатались в районных и областных газетах, в журнале «Урал». Он участник совещания молодых литераторов, проходившего в Киеве в 1983 году.

Глава первая

То лето в Северном Казахстане выдалось на редкость засушливое. По грейдерной дороге, поднимая тучи пыли, грохоча расхлябанной облицовкой, тащился старенький ГАЗ-51. В его кузове гранитные блоки — груз Джаман-сопки, а за рулем —новичок Гриша Беляев.

Нынешней весной пришел Григорий на автобазу, с гордостью выложил перед директором обтянутые красным коленкором новенькие корочки удостоверения и с недоумением смотрел, как тот недовольно вертел хрустящий, еще пахнущий типографской краской талон предупреждений, разглядывал его на свет, словно желая обнаружить там несуществующую просечку. Наконец директор вложил талон в удостоверение и испытующе посмотрел на парнишку.

— У нас, мил человек, работать надо!

— Ну так, а я чо, я и пришел работать, —вытянул Гриша тонкую мальчишечью шею, — я ведь давно об этом мечтал и вот, — Григорий показал на удостоверение, — вчера получил и сразу к вам. Машину бы мне какую-нибудь плохонькую, а?! — и он, не моргая, уставился на директора.

Тот отвел взгляд. Ребята, приходившие после курсов, в большинстве оказывались этакими лихими наездниками. Получит машину, поездит месяца два-три, разобьет ее в пух и прах и несет заявление на увольнение. Покалеченный автомобиль остается без хозяина. Тянут с него все, что возможно, и восстановить такую машину уже немалых трудов стоит. И каждый раз, принимая водителя, не нюхавшего шоферского дела, директор опасался, как бы очередной автомобиль не пришлось ставить «к забору».

— Ну так что ж, дам я тебе машину, только не сразу. Поработай месяца два-три слесарем. Себя покажешь, да и машина какая-нибудь освободится за это время, — и директор размашисто подписал заявление.

Но не проработал Григорий и недели, как ему по ходатайству завгара предоставили автомобиль. Машину эту с разбитым кузовом, «раскулаченную», как выражались шоферы, на ржавых дисках притащили от забора к мастерской.

Григорий весь отдался ремонту, иной раз и спал прямо в кабине. И механик, и завгар, видя такое старание, вся-

чески помогали парню. Не прошло и месяца, как машина уже ездила по территории автобазы. В столярной мастерской шутили: «Не успели сделать кузов, а он уже раскатывает». Но и тут новичок не растерялся: стал плотничать под урчание обкатываемого на холостых оборотах двигателя.

Месяц ездил по городу, в близлежащие села, а потом и в дальний рейс стал проситься. Долго начальник эксплуатации не решался отпускать его: машина старенькая, да и водитель неопытный; но сегодня все-таки разрешил сделать рейс на Джаман-сопку под присмотром «старичка». Отъехали с десяток километров, как у напарника поломка случилась. Пришлось ему в гараж возвращаться, а Григорий, с радости, что вырвался на простор, один помчал, с затаенным страхом перед дальней дорогой. И так все хорошо и гладко шло. Отыскал он Джаман-сопку, затерявшуюся в бескрайних степях Казахстана, погрузился и двинулся в обратный путь.

Степь пустынна, все словно вымерло; глазу зацепиться не за что. Кругом обнаженная пахота с еле приметными стебельками погибшей пшеницы. А солнце палит нещадно. Казалось, выжгло оно уже не только землю, но и небо, и сейчас висело в сером мареве. Врывающийся в кабину горячий ветер сушил пот. Во рту тягучая липкая слюна, которую ни проглотить, ни выплюнуть. Да все ничего, пока терпелось. Машина шла послушно и ровно. Гул мотора был чистым, без срывов и перебоев. Скоро будет Ишим; там можно искупаться, напиться и передохнуть. А дальше начнутся леса, хотя небольшие, но леса. Приятнее ехать, когда глаз видит зелень, а не сожженную голую землю.

Горизонт заметно потемнел, и солнце вроде бы стало меркнуть. Похоже, что зарождалась туча. Григорий стал подумывать, что вот соберется дождь, раскваси́т дорогу — тогда кукуй в этой степи. И он придавил акселератор, стараясь проскочить. Туча тоже не мешкала, быстро росла, сгущалась. Пепельно-черного цвета, с кровавыми подпалинами на закраинах, она выползала из-за горизонта, и было похоже, что не туча это, а занялась пожаром степь и теперь волокло дым. Вскоре подул боковой ветер, потащил пыль, зашевелил придорожный ковыль, а потом внезапно нахлынули сумерки.

«Сейчас ливанет! — подумал Григорий. Он принял

вправо к обочине и остановил машину. — Ну да и пусть льет! Постою. Дождь тоже нужен!»

И вдруг все враз загудело, завыло. Григорий поспешно закрыл стекла кабины. За ними творилось что-то невероятное. Летели, бились о машину вырванные с корнями шары перекати-поля и целлофановые мешки из-под удобрений. Один такой мешок шмякнул в лобовое стекло, на мгновение прилип, его рвануло, и он вместе со щеткой стеклоочистителя унесся дальше, и теперь ее не найти. Григорий, притихший и напуганный, прислушивался, как вздрагивает машина, качается на рессорах, словно едет по неровной дороге. А пыль проникла в кабину, откуда-то снизу поднималась густыми клубами. Дышать стало еще труднее. До звона в ушах мучила жажда; Григорий вспомнил, что у напарника, с которым выезжал в рейс, была пластмассовая канистра с питьевой водой. Кроме этого, к борту прибит ремень, как патронташ, в который вставлялись бутылки, вода в них охлаждалась встречным ветром. Когда делал кузов, старший шофер Пилюгин посоветовал сделать так же, но он отмахнулся: «Не в пустыне Каракумы ездим». На что тот, усмехнувшись, ответил: «Жареный петух клюнет — вспомнишь меня!»

Два часа бушевал ураган, и все это время Григорий дышал через ткань рубашки, отупело наблюдая, как проносятся вырванные с корнем сухие стебли пшеницы, какие-то тряпки, бумага и прочий хлам.

Стихло все так же внезапно, как и началось. Пыльная буря умчалась по степи и черной тучей висела уже слева, быстро уменьшаясь в размерах, уходя за горизонт. Двигатель послушно зарокотал. Григорий улыбнулся, погрозил вслед буре, включил скорость, но мотор заглох. Григорий удивленно высунулся из открытой дверцы; машину на полколеса замело землей. Снова взревел двигатель, машина напряглась, дрогнула, раздвигая рыхлый чернозем, качнулась еще раз и наконец вырвалась на твердый грунт дороги. В местах, где придорожные травы росли выше дорожного полотна, намело «сугробчики» земли, содранной с пахоты. Иногда наносы были так велики, что машина, влетая в них с разгона, теряла управление и шла юзом. Когда началась прикатанная до блеска и облизанная ветром глинистая дорога со свежеподнятым полотном, машина пошла свободней.

Григорий ехал один. Услышав дребезжащий сигнал, парень инстинктивно принял вправо, глянул в зеркало. Его

обгонял мотоциклист. Новенькая «Ява» светилась перламутром полированной краски. Григорий заметил массивную рукоятку руля и вцепившуюся в нее маленькую, почти детскую, руку. Шофер перевел взгляд на седока. В плотно обтянутых джинсах и короткой рубашке мотоциклист был какой-то уж очень миниатюрный. Григория обгоняла девчонка. Она улыбалась и, казалось, даже подмигнула шоферу. Обогнав, она обернулась и показала язык. Нога Григория сама вдавила педаль газа, и машина рванулась вперед, вслед умчавшейся озорнице.

Расстояние начало медленно сокращаться. Машина хоть и была старенькая, однако удачно отремонтированный двигатель тянул как новый. Стрелка спидометра уверенно ползла вверх. Вот Григорий включил поворот, вывел машину на левую сторону и, обгоняя, взглянул на соперницу. Щеки у нее горели, губы плотно сжаты, подстриженные под мальчишку каштановые волосы расчесывал ветер. Она тоже посмотрела на Григория. И тут на него нашло озорство. Сделав гримасу, он покрутил рукой в воздухе: мол, давай быстрей!.. Видишь, обгоняю! И, откинувшись на спинку сиденья, еще сильнее нажал на газ. Соперница осталась позади. Григорий вытер пот со лба, взглянул на спидометр. Стрелка дрожала между цифрами восемьдесят и сто.

— Вот так, — вслух сказал он, — знай наших! — И, взглянув в зеркало заднего вида, сразу же понял, что ликовать рано: она уверенно выходила на обгон. Самолюбие Григория было задето. Стиснув зубы, Григорий до отказа вдавил акселератор. Поршневые пальцы двигателей зазвенели от большой перегрузки, и все равно скорости груженого автомобиля не хватило, чтобы соперничать с быстроходной «Явой».

Впереди показался лес. Теперь расстояние установилось постоянным. Девушка не стремилась оторваться, но и он не настигал. Лес быстро бежал навстречу. И тут Григория словно толкнуло: в лесу должны быть пыльные наносы, а она могла об этом не знать. Григорий сбросил газ, в отчаянье нажал на сигнал.

...Она опомнилась лишь тогда, когда увидела зыбкую почву под колесами и уже ничего не смогла сделать. Григорий видел, как впереди мигнул стоп-сигнал и мотоцикл исчез в пыли.

«Все! — мелькнуло в голове у Григория. — Доигралась!»

Забыв о том, что резко тормозить на такой скорости опасно, он со всей силой нажал на тормоз. Машину внезапно швырнуло влево и стало заносить поперек дороги. Григорий невероятными усилиями выровнял автомобиль, но облако пыли там, где упала девушка, быстро приближалось. Чтобы не раздавить мотоциклистку, Григорий направил машину в кювет. Подмяв куст и сломав молоденькую березку, машина остановилась на лесной поляне.

Быстро распахнув дверцу, Григорий вылетел из кабины и бросился на дорогу, где все еще густо клубилась пыль. Мотоцикл лежал на боку со свернутым рулем и разбитой фарой; переднее колесо все еще крутилось. Тут же на дороге сидела девушка, бледная, онемевшая от испуга. Длинные пушистые ресницы ее чуть подрагивали. Из-под крышки бензобака мотоцикла тонкой струйкой тек бензин, пропитывая горячую пыль. Григорий поднял мотоцикл, установил его на подножку и окинул взглядом место падения. После того как мотоцикл срезало, он грохнулся набок и шел юзом вместе с мотоциклисткой. Шофер ясно представил, как она упала. Толстый слой пыли смягчил удар, но одежда ее была почти вся изорвана.

Григорий подошел к девушке. Она тяжело дышала, на шее пульсировала синяя жилка.

«Что же делать? — соображал Григорий. — Везти до первой деревни, в больницу? Как назло ни одной машины на дороге». Григорий поднялся, хотел взять ее на руки и нести в машину, но она вдруг шевельнулась и снова сжала веки с такой силой, словно вышла из темного подвала на яркий свет.

— Ну, слава богу! — радостно воскликнул Григорий.

Услышав его голос, девушка открыла глаза.

— Что это со мной случилось? — еле слышно спросила она.

Взглянув на свою одежду, она сжалась в комок.

— Иди в машину!.. — бросил Григорий. — За спинкой полог. Укройся. А то сейчас шофера съедутся. — И, словно в подтверждение его слов, на горизонте показался столб пыли. — А вот и машина, легка на помине, — проговорил Григорий.

Девушка быстро встала и направилась к машине Григория.

Дожидаясь, пока подойдет попутный автомобиль, Гри-

горий отряхнул пыль с брюк и рубашки, подошел к мотоциклу. Подъехал ГАЗ-69, остановился рядом.

— Что случилось? — высунул из кабины кудрявую голову водитель.

— Чепе, — коротко ответил Григорий и, поставив ногу на подножку автомобиля, пояснил: — Девчонка с мотоцикла упала, дальше ехать не может. Нужно мотоцикл погрузить.

Водитель стал осматривать мотоцикл. Вышел и его пассажир, солидный мужчина в белой рубашке. Он посмотрел на следы и сделал заключение:

— Скоростенка была порядочная! — и, подойдя к мотоциклу, добавил: — Хорошая машина, только не в те руки попала. Ну и бабы пошли, им бы детей рожать, а они лезут за руль скоростного транспорта. — А сама-то она как? — перевел он разговор на другую тему, словно только догадался, что не один мотоцикл кубарем летел по дороге.

— Оклемалась, у меня в кабине сидит!

Втроем они не без труда погрузили мотоцикл, Григорий поблагодарил их за помощь, пожелал счастливого пути.

— К вам можно? — Григорий шутливо постучал в дверцу кабины.

— Входите! — откликнулась девушка.

Григорий открыл дверцу и какое-то время стоял, не веря своим глазам.

— Ну входите же! — наконец не выдержала она.

— Да нет, я ничего... Я только удивился, где вы взяли одежду? — бормотал Григорий.

— А вы присмотритесь внимательней!

Когда Григорий уезжал в рейс, диспетчерша попросила его купить два ведра картошки. Дала деньги и мешок. Девушка нашла ножницы, которыми Григорий выстригал прокладки, вырезала в этом самом мешке прореху для головы, дырки для рук — и сарафан готов. «Вон как мешок искромсала. В такой ситуации и то вырез модно сделала», — подумал Григорий, выезжая на дорогу.

Машина с трудом прокладывала путь в рыхлом черноземе, мотор надсадно ревел. Чтобы как-то отвлечься, парень, стараясь перекричать рев двигателя, крикнул:

— Куда путь держала?!

— К дедушке с бабушкой, — охотно откликнулась де-

вушка. — Они в селе Ишимном живут, дедушка чабаном работает, а тут буря прошла, могла отару разогнать, вот я и спешила ему на выручку.

— Мотоцикл-то родители купили?

— Нет, дедушка. Родители против такой покупки были, а бабушка так прямо гнала деда со двора вместе с этим «красным дьяволом». Она строгая. Сейчас увидит меня в таком виде, шум до потолка поднимет. Деду, бедняжке, достанется от нее, — огорченно проговорила пассажирка.

Снова потянулась монотонная, выжженная солнцем степь. Молчание затянулось, и Григорий чувствовал себя неловко, молил бога, чтобы скорее отделаться от этой пассажирки. Внезапно на ухабе машину подбросило, Григорий искоса глянул на девушку и встретился с большими зелеными глазами, в которых светилось озорство. От этого взгляда Григорий осмелел, строго спросил:

— Как вас зовут?

— Света.

— Хорошее имя, только оно больше блондинкам подходит.

— А я и так светлая, только вот недавно волосы покрасила.

Григорий снова посмотрел на девушку, но о чем говорить — не нашелся.

Когда Григорий учился в петропавловском ремесленном училище, а потом на шофера, то слышал, что молодых девушек-казашек зовут «кызымочки», и отличаются они завидной скромностью, не соглашаются встречаться с парнями, а уж гонять на мотоцикле у них считается за великий грех.

Эту девушку тоже можно было назвать кызымочкой. У нее и лицо по-казахски широкое, и скулы обозначились довольно резко, только вот глаза были большие-пребольшие, и прыгали в них бесенята.

И пока он размышлял, с чего бы начать разговор, она спросила его первого:

— А вас как зовут?

— Гриша.

Снова молчание.

Проехали полосу, где прошел ураган. Стали чаще попадаться подлески и небольшие овраги. Все говорило о том, что скоро должна показаться река.

— Зря ехала, — сокрушалась Светлана. — Урагана здесь не было, а я мчалась и мотоцикл зря угробила.

Деревня показалась под вечер. Подъехали к небольшому домику с палисадником, из которого вышел старик в выгоревшем вельветовом халате.

— Дедушка, я с мотоцикла упала, — плаксиво сообщила Светлана, а сама даже не попыталась выйти из машины.

Дед засуетился, что-то пробормотал по-казахски, но тут, оттолкнув его, выкатилась бабка, кругленькая старушка.

— Я те чо говорила!.. Я те чо говорила!.. Свернет голову на этом дьяволе, как перед родителями ответ держать будешь?! — Дед что-то пробормотал в ответ, вероятно, заступался за внучку.

Мотоцикл они скатили по доскам, а когда Григорий сел за руль, вышла Светлана. Она осторожно, чтобы не расплескать, несла до краев наполненный алюминиевый ковш воды.

Напившись вволю, Григорий протянул ковшик Светлане.

— Спасибо! Вода чудесная, так бы и пил всю жизнь, да вот, видишь, работать надо! — Григорий показал на баранку.

— А вы заезжайте чаще, пейте сколь хотите!..

— Хорошо, постараюсь! — пообещал Григорий, думая, что сюда он навряд ли заедет. И рейса в эту сторону может не быть, да и неудобно заезжать к незнакомым людям, хоть у них такая симпатичная внучка. — Ну ладно, Света, я поехал.

Недалеко от окраины села шла полным ходом гулянка. Из-за ограды парни грозили кулаками, показывая на шлейф пыли, поднимаемой машиной. Григорий сбавил скорость, осторожно проехал мимо. У распахнутых настежь ворот стояли разукрашенные цветными лентами и воздушными шарами легковые автомобили. Вся ограда сверху была затянута брезентом, вероятнее всего, от солнца, а под ним длинные ряды столов, ломившихся от угощений. Уже вечер, а во рту у Григория не было ни крошки, и он только сейчас вспомнил об этом.

За деревней «проголосовал» солдат. Несмотря на жару и пылищу, все на нем сверкало и блестело. Будто он стоял не в испепеленной жарой пропыленной степи, а на городской площади перед первомайским парадом. Загру-

бевшая кожа лица скрывала едва заметные веснушки, а из-под фуражки выглядывали огненного цвета волосы. Солдат был какой-то хмурый. «Видно, не в настроении», — подумал Григорий и, не желая отвлекать пассажира от мыслей, не стал ни о чем спрашивать.

Но вот дорога пошла под уклон. Григорий выключил скорость, пустил машину в накат, и она, почувствовав свободу, устремилась вниз. Это был берег Ишима. Поворот стремительно приближался. На мелких ухабах машину колотило, и она дребезжала всеми жестянками, всеми болтами. Пассажир, внимательно смотревший вперед, не выдержал, начал ногами шарить педали управления.

Григорий слегка притормозил, пронесся по повороту и с ходу выскочил на понтонный мост. Он колыхнулся, ухнул вниз от тяжести груженой машины. Вокруг понтона пошли крупные волны.

Солдат посмотрел на Григория.

— Ну ты дае-о-ошь... Так ведь и в ящик сыграть недолго!

Григорий и сам перепугался, когда мост так внезапно ухнул вниз, но, стараясь не подавать вида, равнодушно ответил:

— Выдержит, там ограничение на десять тонн, а у нас только пять.

— Ну, ну, — согласился пассажир. — А все равно лихо!

— Ты на каких машинах в армии ездил?

— На всяких. А откуда это тебе известно?

— Видел, как ты ногами тормоза искал.

— А... Это бывает! Особенно когда за рулем мальчишка, а впереди повороты и река.

Григорию не понравилось, что его назвали мальчишкой. Он недовольно взглянул на пассажира, но промолчал, а когда проехал мост, съехал с дороги на берег реки.

— Искупаться надо! — пояснил Григорий на недоумевающий взгляд солдата.

— Я, пожалуй, тоже окунусь. А то в этом скафандре, думал, зажарюсь! — ответил пассажир, расстегивая парадный китель.

Купались долго. Григорий влезал на понтон и оттуда прыгал, стараясь подражать солдату.

Купание освежило. Даже солдат стал веселее. Прежде чем надеть китель, он снял с него все значки. Оставил только один, с большой цифрой «два», и, видя, что Гри-

горий с любопытством разглядывает значки, предложил:
— Если нравятся, можешь забрать. Мне они теперь ни к чему. — Солдат отвернулся к реке, натянул китель, спросил, не оборачиваясь: — Ты по деревне ехал, видел там свадьбу?
— Видел!
— Невеста это моя, замуж выходит.
— Ну-у-у?!
— Вот тебе и ну. Эх ты, жизня! — солдат тяжело вздохнул, откинул со лба мокрые волосы. — А ведь какая девчонка была!.. Не девчонка — моток колючей проволоки. Ни с какой стороны, бывало, не подъедешь, а вот видишь, поспела... Да-а-а... Ну да ладно!
Григорий, еще не испытавший ни любви, ни измены, невпопад скаламбурил:
— Если невеста уходит к другому, то неизвестно, кому повезло.
Солдат посмотрел на Григория, подумал: «Ни черта ты еще не смыслишь». А вслух сказал:
— Давай по этому поводу подзаправимся! — Он открыл небольшой чемодан, извлек оттуда сухой солдатский паек и пояснил: — Ребята на дорогу сунули, а сейчас, видишь, кстати. — Солдат ловко вскрыл банки. В одной оказалась тушенка, в другой каша гречневая, в третьей — пшенная. Голодный Григорий потянул носом, вдыхая аромат приправы.
— Рубай! — предложил солдат. — Вот только хлеба нет, одни галеты, — и развернул хрустящую бумагу, в которой оказалось какое-то подобие печенья из черной муки.
Григория долго уговаривать не пришлось. Он за обе щеки стал уминать гречневую кашу.
— Вкусно!.. А ты чего же за папиросу взялся?
— Сыт по горло!.. За три года так наелся этой каши, что теперь, наверное, всю жизнь мутить от нее будет. Давай хоть познакомимся, что ли? Остапом меня зовут!..
— А меня Гришкой!..
— Ну вот и лады!.. Сам я украинец, с Полтавщины, но служить довелось с сибиряками. Отличные парни!
Остап рассказал, как в прошлую уборку урожая был в этих краях, познакомился с девчонкой. Писала, что ждет, а приехал — свадьба.
— Что делать, и сам не знаю. Домой сообщил, что привезу невесту, а теперь вот не только невесты, а и самому

уехать не на что: проездные документы использовал, деньги на подарки истратил. Как теперь быть — ума не приложу.

— А ты не езди домой. Оставайся у нас. Общага при базе, машину дадут. В аккурат у нас одного прав лишили. Машина без шофера стоит. Ничего машина, два года от роду, почти новая. Может, тебе дадут. У тебя же второй класс?

Солдат долго о чем-то думал, а потом спросил:

— А как заработки?

— Кто их знает. Я недавно машину получил. Работают люди, не жалуются.

— Пожалуй, попытаю счастья. Будет и на нашей улице праздник! Поехали!..

К автобазе подъехали глубокой ночью. У ворот автобазы стояли вахтер Сизов и водитель Владимир Фадеев. Оба курили.

Григорий притушил свет, вышел из кабины, подошел к ним.

— Привет полуночникам!

— Здорово были! — откликнулся Фадеев. — Я слышал, ты в чужие края, в Казахстан ездил, ну и как?

— Нормально, — ответил Григорий.

— Хорошо, что нормально, а то ведь знаешь, по нашим дорогам да на такой развалюхе, это черт знает что.

— Развалюха? Сам ты развалюха.

— Ух, ты! — изумился Фадеев. — Ну, ну. Только ты не обижайся, это я так, к слову ляпнул. Знаешь, двое суток из-за руля не вылазил, а теперь вот язык чешется.

— Что ж так? Далеко ездил что ли?

— В Магнитогорск. Груз срочный. Пер как на пожар.

— Вот это да! — проникся Григорий уважением. Он знал, что до Магнитогорска больше тысячи километров в один конец. Да к тому же погрузка, заправка машины. Мысленно прикинул, мог ли сам сделать такой рейс, и понял, что вряд ли управился бы за двое суток, даже если был бы на новом автомобиле. И уже спокойно сказал:

— Что же спать не идешь? Ведь чуть свет на разгрузку, наверно!

— Уже разгрузили. Работяги меня как бога ждали. Не успел заехать, расхватали проволоку и в цех. Они уже

сутки без работы стояли, — он действительно был словоохотлив и даже болтлив и весел, словно не осталось за спиной более двух тысяч километров трудной дороги, со всеми ее неожиданностями, ухабами и передрягами. А веселость эта была, вероятно, от чувства выполненного долга. Видел, с какой радостью люди встретили драгоценный груз. И нет для человека важнее того, как ощутить, что твой труд нужен людям. И Григорий позавидовал Фадееву.

«Вот это люди работают, а я камни вожу», — а вслух сказал:

— В общаге спать будешь? Похлопочи место для моего друга. У тебя же там теща.

— Ладно, оформим, — сразу же согласился Фадеев, — только спать в общежитии я не намерен.

— Что же ты, домой пойдешь по такой темноте?

— Пойду, — Владимир мечтательно улыбнулся, — что мне общежитие, когда жена тепленькая на перине ждет. Вот только шесть километров пехом проперень надо. — Он подмигнул, хотел, видимо, ляпнуть еще что-то, вспомнил, что перед ним мальчишка, спохватился и с достоинством сказал: — Женатый человек должен дома спать, а не по общежитиям таскаться.

— Ну если так, то я могу тебя подбросить, пока машину не загнал.

Фадеев оглядел Григория с ног до головы, заявил:

— С тобой не поеду!

— Почему? — удивился Григорий.

— Да вот смотрю на тебя и думаю, то ли тебя ветром качает, то ли земля под тобой ходуном ходит. Больно жидко ты на ногах стоишь.

Григорий и сам чувствовал, что земля куда-то плывет из-под ног. Раньше где-то читал, что у моряков после длительного шторма бывает такое; ощущают качку, выходя на сушу. Теперь же, просидев в кабине столько времени, считал это явление нормальным и постарался оправдаться:

— Дорога там гиблая, уболтало!

Владимир хохотнул и обратился к вахтеру:

— Видал, парень честно признался, что уболтало, а все равно меня увезти желает. Вот что значит товарищество. Ну ладно, Гриша, поехали, —и он по-приятельски хлопнул парня по плечу.

Глава вторая

Дороги, разбитые по осенней хляби, тянутся средь раскисших полей и мокрых грустных лесов. Только изредка протащится вездеход ГАЗ-63 или ЗИЛ-157 и то стороной, по тернистым полям, придерживаясь лесных опушек, прорычит надсадным гулом, спеша доставить срочный груз.

На автобазе затишье. У водителей выходные. Многие из них, пользуясь бездорожьем, занимаются ремонтом, готовят машины к зиме, а те, у кого новые автомобили и работы уже закончились, не появляются на базе вообще. Если изредка и придет кто — разнаряженный, в дорогом плаще, костюме и в «вездеходах» (так шоферы называют болотные сапоги), потолкается в диспетчерской и идет в бильярдную.

Директор автобазы Николай Иванович Прудко, склонившись над заявками, собрав морщины на лбу, что-то соображает, беззвучно шевеля губами. Вот уже вторая неделя, как автомобили стоят из-за плохой погоды, а заявки идут и идут. Часто звонит телефон, и Николай Иванович берет трубку и оправдывается, что груз вовремя доставлен не будет, так как небесная канцелярия ничего не признает, и если кто недоволен, то советует обращаться прямо туда.

Иногда звонит какой-нибудь друг, и тогда, воспользовавшись случаем, они оживленно разговаривают, но, как правило, разговор заканчивается тем, что приятелю позарез нужно «выдернуть» проволоку к концу месяца из Челябинской металлобазы или еще что-нибудь. Вообще машины нужны всем, а они вот стоят на территории автобазы. Об этом сейчас размышлял Николай Иванович, но его мысли прервал Алексей Петрович Петушков, начальник эксплуатации. Насколько он был трудолюбивым, настолько и неуживчивым человеком. Николай Иванович еще кое-как терпел своего зама, вероятно, за большую работоспособность, а вот водители... Когда Алексея Петровича перевели из треста на эту автобазу, то он начал с разносов. Там, где он появлялся, у людей надолго пропадало настроение. Но коллектив не захотел мириться с этим. Рабочие «песочили» его на каждом собрании, и человек менялся на глазах.

— Садись, Алексей Петрович!

— Что садиться, Василевский не хочет ехать за кислородом для Вторчермета.

— Замотался парень. Из одного рейса в другой. Надо бы его подменить кем-нибудь.

— Не в этом дело. Охота завтра открывается, а у нас ведь все водители охотники.

Николай Иванович встал, прошелся по кабинету, в задумчивости проговорил:

— Действительно проблема, — и неуверенно добавил: — Может, Беляева посадим? Парень он хоть молодой, но добросовестный и главное не охотник.

— Пойду с ним поговорю. Он на яме машину ремонтирует, — Алексей Петрович быстро скрылся за дверью, но не прошло и пяти минут, как вернулся обратно. — Все в норме! — не успев открыть дверь, воскликнул он. — Отличный парень! Даже слова не сказал. Раз, говорит, надо, значит, надо.

Но радость начальника эксплуатации была преждевременной, так как вскоре на пороге появился Григорий Беляев и, потупясь, заявил:

— На чужой машине я в рейс не поеду. На своей — пожалуйста, а на чужой — нет.

— Это что такое, как так не поедешь? Кислород позарез нужен!

— На своей — пожалуйста! — упрямо повторил Григорий.

— На какой своей?! — внезапно вспылил директор. — Да на своей ты сейчас из гаража не выедешь!

Григорий нерешительно переступил с ноги на ногу, все так же глядя на заляпанные грязью сапоги.

— Наверно, Василевский машину не дает? — спросил начальник эксплуатации.

— Да нет, Василевский ничего не говорит, а вот ребята не велят на чужую машину садиться.

Директор с начальником эксплуатации удивленно переглянулись.

— Ты можешь что-нибудь объяснить толком?

Но объяснять Григорию ничего не пришлось. Дверь отворилась, и на пороге появился шофер Василий Иннокентьевич Чернов, председатель местного комитета. Он, видимо, слышал последние слова директора, поэтому сразу же заговорил:

— Я сейчас все объясню.

Он прошел к столу директора и сел напротив. Это был мужчина с солидным стажем шоферской работы, успевший побывать в заключении. В молодости сшиб маши-

ной подростка, внезапно выскочившего на дорогу. При расследовании оказалось, что ехал с недопустимо большой скоростью. Когда его расконвоировали и снова дали машину, сутками не покидал кабины. Возил хлысты в тайге. За добросовестный труд освободился на два года раньше срока. Вообще был известен как справедливый, прямой человек, с которым не страшно ехать в любой рейс и который никогда не оставит товарища в беде. Шоферы таких людей ценят по-особому. Не случайно вот уже пять лет подряд он возглавлял местком.

Директор откинулся на кресле, с недоумением посмотрев на профсоюзного вожака, спросил:

— Давай, что там у тебя, только коротко.

— Могу в двух словах. Завтра открытие охоты, водители просят, чтобы им выделили вездеход ЗИЛ-157.

Николай Иванович аж подпрыгнул.

— Какую машину! Чермет без кислорода завтра встанет!..

— Ну и пусть встает. Мы уже две недели стоим, и ничего, — спокойно сказал Василий Иннокентьевич и повернулся к начальнику эксплуатации. — Пусть и они постоят отдохнут. У них ведь тоже охотники имеются, вот и съездят на охоту. К тому же суббота и воскресенье — законные выходные.

— Вы даете себе отчет в том, что говорите? Ведь если они из-за кислорода остановят резку металла, то могут сорвать выполнение месячного плана. У меня вот предписание, чтобы машины повышенной проходимости обеспечивали кислородом литейно-механический завод и Вторчермет. И бесперебойно. — Николай Иванович ладонью прихлопнул бумажку на столе, добавил: — Эх, Василий Иннокентьевич, не о том ты думаешь. Прежде всего о производстве думать надо, а потом уже о личных развлечениях.

— О производстве думать надо, — спокойно парировал Василий Иннокентьевич, — а моя забота еще и думать о людях, которые трудятся на этом производстве.

— Ты людьми не прикрывайся. Прежде всего нужно к делу подходить по совести.

— По совести, говорите? — все так же спокойно и уверенно продолжал Василий Иннокентьевич. — А моя совесть и заключается в том, чтобы прислушиваться к запросам трудящихся. Ведь что получается, Николай Иванович, сегодня штурмует месячный план Чермет —

нет кислорода, завтра остановилась стройка — нет кирпича, там встал литейно-механический — нет пружинной проволоки, не работает маслозавод — нет нержавеющих труб. Там посевная, там уборка урожая, то село осталось без угля, другое без дров, и все давай и давай. И ведь заметим, кто головотяпов из беды вытаскивает? Водители и, между прочим, никогда не жалуются на трудности. А вот они один раз в году попросили машину, и мы откажем, ссылаясь на очередное головотяпство, как после этого разговаривать с людьми будем? С какой совестью в глаза глядеть? — Он поднялся и, виновато улыбаясь, добавил: — Видите, хотел в двух словах, а получилась вон какая длинная речь. Ну я пошел оформлять машину документально, чтоб все было чин чинарем!

Когда за Черновым захлопнулась дверь, директор потарабанил пальцами по столу, посмотрел на начальника эксплуатации. Тот сидел с кислой физиономией, виновато хлопал длинными, как у девчонки, ресницами.

— Ну и как тебе это нравится? — спросил директор и раскатисто рассмеялся. — Здорово, а? Один двоих на лопатки положил.

— Он прав. Только я вот не знаю, что Чермету сказать.

— Я им скажу так, что они и жаловаться на нас забудут. — И Николай Иванович взялся за телефон.

— Григорий Иванович, вам машина в Петропавловск за кислородом нужна?

— А как же! — раздалось на том конце провода.

— Сколько баллонов вы будете грузить?

— Как всегда, с десяток насобираем.

— На машину положено грузить тридцать. Как быть?

— Я вас не понимаю. Мы ведь всегда оплачиваем, как за полностью груженную.

— А вы знаете, как это называется?

— Нет.

— Откройте Уголовный кодекс, и вы там найдете соответствующую статью. — Николай Иванович положил трубку и обратился к начальнику эксплуатации: — Алексей Петрович, ведь это ваша прямая обязанность — следить за правильным оформлением документов и за нормальной погрузкой автомобилей.

— Ссылаются на то, что у них нет больше баллонов.

— Баллонов у них на трех машинах не увезти. Толь-

ко все с просроченными испытательными сроками. Заняться ремонтом у них руки не доходят. А так, видите ли, он платит! Из своего кармана не стал бы платить за порожнюю машину, а из государственного — пожалуйста! Больше машины для десяти баллонов не давать. Хватит дурака валять. У нас есть и другие грузы, не менее важные.

— Хорошо, Николай Иванович! Я сам думал, что подобное головотяпство мешает работать не только нам, но и тем предприятиям, которым мы не можем доставить своевременно грузы. Я все учту.

— Раньше надо было, — пробурчал директор. — Нечего ждать, когда шоферы носом ткнут.

Наступал субботний рассвет. И хотя сегодняшний день был выходным, а с неба все так же валилась промозглая мокрятина, оживление в этом маленьком городке царило невообразимое. Мужчины шлепали в охотничьих сапогах по лужам. Многие — с рюкзаками за плечами, с зачехленными ружьями, в распахнутых дождевиках, перепоясанные патронташами. Другие прямо во дворах наспех досмаливали лодки, и дым, придавленный осенним небом, расстилался по улицам. Взад и вперед сновали вездеходы, рубчатыми колесами месили грязь. В кузова, застланные соломой, грузили лодки, переполненные рюкзаки, палатки. В общем, сборы шли полным ходом, и ничто не могло остановить заядлых охотников: ни осенняя сырая погода, ни ворчание жен. Да что там жены и погода! Повались с неба камни — и те не остановили бы охотничьи страсти. Их можно понять. Нет в этом городке ни театра, ни парка отдыха, ни спортивного сооружения, где бы можно было провести время. Единственное развлечение — охота, и ее открытия ждут с нетерпением.

Гриша Беляев тоже не отстал от коллектива. Юрий Василевский дал ему старую «тулку» и два десятка патронов. Сам он недавно приобрел новое пятизарядное автоматическое ружье, мечту любого охотника.

На ЗИЛ-157 их собралось двадцать человек. В центре кузова одна к одной, как тарелки у хозяйки, стояли пять небольших деревянных лодок. Охотники уселись вдоль бортов. Из города двинулись перед обедом. Хотели выехать раньше, но пока объехали каждого охотника, пока грузили лодки, время ушло. Теперь Юрий Василевский нажимал на газ, стараясь быстрее приехать к озеру и занять удобное для охоты место. Направлялись на озеро

Журавль. Оно славилось изобилием дичи, и, хотя было далеко, поехали именно туда, рассчитывая на то, что там будет мало охотников.

Но предположение не оправдалось. На берегу озера было уже много транспорта и палаток. Дымили костры, и было похоже, что озеро собираются осаждать какие-то неорганизованные вояки.

Василевский остановил машину у небольшой полузаброшенной пристани. На бугре выгрузили палатки, рюкзаки, ружья, и, пока владельцы лодок снимали их на воду, остальные спешно ставили палатки. До открытия охоты оставалось полтора часа, нужно было пообедать и занять места. За столом хозяином положения был Коля Стародуб.

...Дичь, видимо, почувствовав опасность, начала беспокоиться. Стаи гусей поднялись с озера и с гоготанием полетели в поле. Все так и ахнули. Никогда еще не видели такого количества гусей. Завозились и утки. Небольшие стайки чирков со свистом носились над озером. Все пришло в движение.

Без пяти минут пять у кого-то не выдержали нервы. Грохнул выстрел и гулко раскатился по озеру. За ним второй, третий...

Юрий Василевский занял хорошее место. Перед ним расстилался длинный узкий плес, и утки, видя полосу воды, шли на посадку, как самолеты на аэродром. Внезапно над головой мелькнула крупная тень, инстинктивно он вскинул ружье и тут же опустил. Над ним пролетали два лебедя. Огромные белоснежные птицы, одновременно взмахивая крыльями, величаво и торжественно шли на посадку. Они в своем спокойном величии были невозмутимы, и Юрий залюбовался ими. Вытянув красные лапы, красиво изогнув длинные шеи, сели напротив Юрия.

Он поставил ружье на дно лодки, взялся за ствол и тут же отдернул руку. Положив ружье, Юрий распечатал новый пропарафиненный пакет с патронами и, встав, стал махать фуражкой, чтоб отпугнуть лебедей. Но те плавали и не обращали на него внимания, лишь изредка поворачивали головы на длинных шеях и с любопытством смотрели на него.

Чертыхнувшись, Юрий снова взялся за ружье, и тут обнаружил, что стрелять не в кого. По другую сторону камышей встал какой-то охотник и стрелял в тех уток,

которые должны были пролетать над Юрием. Правда, охотник этот здорово «мазал», но перепуганные выстрелами утки резко взмывали вверх или шарахались в стороны. Убедившись, что охоту ему испортили, Юрий взял шест и поплыл через камыш к горе-охотнику. Им оказался Стародуб. Он сидел в раскладной дюралевой лодке, весь припорошенный белой трухой. Белым налетом покрылся и окружающий его камыш.

— Что это с тобой? — удивился Юрий.

— Что? Ничего, стреляю!

— Вижу, что стреляешь, но ты больше на мельника похож, чем на охотника.

— А-а-а, — махнул рукой Коля. — Послушаешь дурака и сам дураком станешь!

— Что так?

— Да сосед научил патроны вместо пыжей отрубями запрессовывать. Чтоб кучнее било. Уже все глаза мукой залепило. Сижу и матерюсь потихоньку.

Юрий подогнал лодку борт о борт.

— А что мажешь крепко?

— Черт его знает, мельтешат перед глазами, не знаешь, в какую стрелять. А может, дробь слишком кучно ложится.

— А может, рука того?.. Ну, я поплыл, пока лёт. Счастливо пострелять!

— Угу! — откликнулся Коля.

Юрий отплыл на прежнее место. Лебеди все так же плавали, и теперь Юрий их не пугал, а, наоборот, объезжал подальше, приговаривая:

— Сидите, вас тут никто не тронет. А будете летать, чего доброго кто-нибудь угрохает!

После этого он заплыл в камыш, замаскировался и, прислушавшись, улыбнулся. Изредка со стороны Стародуба продолжали раздаваться выстрелы.

Григорий в болотных сапогах продрался через заросли прибрежного камыша, влез на ондатровую кучу у берегового плеса. Когда загремели выстрелы, он весь напружинился, сжимавшие ружье руки стали неприятно липкими — первый раз на самостоятельной охоте, с настоящим ружьем, которое стреляет. Долго он так стоял, крутил головой, не успевая вскинуть ружье, прицелиться и выстрелить. Но когда все-таки, закрыв глаза, пальнул в налетевший табунок, то почувствовал такой удар в плечо, что чуть было не свалился с кучи. Утки, целы и

невредимы, унеслись дальше. Упершись покрепче ногами, он выстрелил снова — и опять мимо. Утки летели низко над камышом и, казалось, с невероятной скоростью. В таких обстоятельствах даже опытный охотник и то бы промахнулся. Григорий расстрелял уже половину патронов, а не подстрелил ни одной.

Он оглянулся и замер от неожиданности. Прямо на него с берега летел большой селезень. Видимо, возвращался с поля и не подозревал, что творится на озере. Григорий вскинул ружье, и в это время селезень заметил его. Он учащенно замахал крыльями, стараясь взмыть вверх, и остановился на месте. Грохнул выстрел, и селезень камнем рухнул вниз. Григорий обрадовался, кинулся к нему и осторожно взял в руки. И тут ему стало жалко птицу. Он быстро вылез на берег, бросил ружье и стал откачивать селезня. Так в детстве он иногда спасал сбитых из рогатки воробьев. Селезень не ожил, и Григорий, чуть не плача, понес его к машине.

Дождь перестал. Рваные лохматые тучи низко ползли над землей. Стало теплее. С озера доносилась стрельба. Набегавший ветерок клонил метелки камыша, и он волновался, как поле спелой ржи.

Григорий сидел довольно долго; заметил табунок гусей, проводил их взглядом. Напротив что-то вывалилось из камыша и, барахтаясь в воде, стало приближаться к нему. Догадался, что плывет человек. Он, можно сказать, и не плыл, а лишь барахтался. Григорий, не долго раздумывая, стянул сапоги и кинулся в воду. Холодная вода обожгла тело, но Григорий плыл, стараясь как можно быстрее помочь пловцу, который уже начал скрываться под водой. Григорий узнал Стародуба и закричал, стараясь подбодрить его:

— Коля, держись!!! Сейчас помогу!

А когда подплыл к нему, то тот уже буквально пускал пузыри. Григорий подхватил его под руку, вытащил на поверхность, а сам с головой ушел под воду, достал ногами дно и, оттолкнувшись, снова вынырнул. К ондатровой куче они притащились в полном изнеможении, и оба упали на нее, тяжело дыша и отплевываясь.

— Как же ты это вывалился? — немного отдышавшись, сипло спросил Григорий.

Стародуб махнул рукой. Он приподнялся на руках, вытащил ноги из воды, и Григорий увидел, что тот в одном сапоге. Коля был жалок: мокрые волосы, беспоря-

дочно спутанные, прилипли ко лбу; за ухом висели обрывки водорослей, посиневшие губы дрожали.

У палатки они разделись, на голое тело натянули чьи-то полушубки, и Григорий разжег костер.

Вечером, когда Василевский спрыгнул на берег, поддернул лодку и пошел к костру, на треноге уже висел котелок с закипающей водой. Фадеев щипал уток, Чурсин их тут же палил над пламенем. У включенных фар копошилось еще несколько человек; они потрошили дич Коля сидел у костра, укутавшись в полушубок. Вид у него был унылый, рядом на колышках висела его телогрейка.

— Сушимся? — спросил Юрий.

— Уже высушился, телогрейка вот скоро высохнет.

— Как же это случилось?

— Лодка видел же какая — корыто.

— И лодка утонула?

— Лодка утопла, и ружье с патронами, и сапог потерял, — сокрушенно ответил Коля.

Когда дичь положили в котел, все расположились вокруг костра. Григорий, поглядывающий на убитых уток, выбрав паузу, сказал:

— Ну и варвары, сколько душ загубили!

Все виновато примолкли и растерянно взглянули на Григория. Первым опомнился Василий Чернов.

— Жалко, да? — спросил он и усмехнулся.

— Жалко не то слово, хотя и жалко, конечно.

— А ты поплачь, — сказал Владимир Фадеев, — оно и полегчает. Моя жена, бывало, каждую утку слезами смачивала. — Он лежал на брезенте и палкой помешивал в костре горящие головешки. На его молодом скуластом лице играли блики пламени. — Молод ты еще, Гришка, потому у тебя и соображения такие.

— Небось мясо-то любит трескать, — заметил кто-то.

— Мясо есть — одно, а убивать — другое, — упрямо пробурчал Григорий.

— Во чистоплюй! — откликнулся Чурсин. — Подстрели, положи в тарелку, он скушает и облизнется. А добывает пусть кто-нибудь.

Разговор на эту тему мог бы затянуться, если бы не вмешался Коля. Он так же, как и Григорий, успел высушить одежду у костра и натянуть на себя. Пробормотал свою уже всем надоевшую фразу:

— Лодка утопла, и ружье утопло. Как же стрелять завтра?

— Скажи Григорию спасибо, что хоть сам не утонул! — быстро откликнулся Фадеев.

— Гришке я давно спасибо сказал, а вот некоторым штатским не скажу.

— На что намекаешь? — насторожился Василевский.

— На то, что пол-озера проплыл, и никто не помог.

— Ты же молча плыл. Почему на помощь не звал?!

— Не хотелось вам охоту портить.

— Ну тогда и помалкивай!

— Я и молчу. Только вот утром самая охота, а я без ружья остался.

— Хватит ныть! Поужинаем, что-нибудь сообразим, — Фадеев сказал таким тоном, что все поняли — он уже что-то придумал.

— Тесть со мной на охоту собирался. Ружье и патроны приготовил, ко мне принес, а сам захворал.

Задремавший было у костра Стародуб вскинулся.

— Съездить надо!

— Куда ехать-то, если уже хлебнули! Раньше думать надо было! — возразил хозяин машины Юрий Василевский.

Но Колю не так-то просто урезонить.

— Вон Гришка не пил, за руль сядет. Гриша, съездишь, а?

Григорий стоял у костра, по-мальчишески долговязый и угловатый.

— Мне-то что, конечно, съезжу.

— Володь, съезди, а?.. Ведь утром самая охота, а я без ружья, — просил Коля Фадеева.

— Да уж придется, — откликнулся Владимир.

Когда отъехали на приличное расстояние, Фадеев заметил:

— Хорошо машину ведешь, как ас.

— Так ведь все лето за рулем!

— Другие всю жизнь за рулем, а ездить не умеют. Водить машину талант нужен, а он не каждому дается. А насчет уток ты зря сморозил. Вот, к примеру, освоили казахстанскую целину. Съехался туда народ, но не все же охотники. Охотники, как правило, не ездят, каждый у своего любимого озера или леса сидит, и оторвать его оттуда, что младенца от материнской груди. Так вот, освоили целину, хорошие урожаи собирать стали, а тут

напасть непредвиденная. Казары развелось тьма-тьмущая. Как сядет на поле табун голов в четыреста, так после его комбайну делать нечего. Хуже саранчи. Не столько съедят, сколько крыльями побьют, вышелушат колосья — одна солома остается. Вот что значит не охотиться.

За разговорами незаметно подъехали к городу. Владимир жил в новом пятиэтажном доме на втором этаже. Квартира со всеми удобствами, о которой можно только мечтать.

— Ты смотри там, не задерживайся, а то парни потеряют нас! — заметил Григорий.

— Не, я быстро. Ружье с патронами возьму и сразу назад.

Владимир у двери снял грязные сапоги, открыл замок и вошел в прихожую. Ружье стояло за вешалкой. Не зажигая света, он вытащил ружье; оно было без чехла и уже в собранном виде, взял сумку с патронами и направился было к выходу, но заглянул в столовую. На столе увидел записку. Жена сбивчиво писала, что полюбила, просила простить за то, что оставляет его.

...У него хватило сил захлопнуть дверь. В темном подъезде он опустился на корточки, присел в уголке, опираясь на ружье. Потом с трудом поднялся и пошел к машине.

Глава третья

Время двигалось к обеду. Григорий Беляев закручивал гайки стремянок рессоры. Эту рессору он разбил в первом зимнем рейсе. Трудная это работа — прокладывать зимнюю дорогу. Припорошенная легким снежком, дорога скрывает ухабы. Первый снежок, как правило, скользок, так что ни резко повернуть, ни тормознуть. За рейс вымотался так, что руки в предплечьях ныли, да и машине досталось сполна.

Старые водители в такие рейсы не спешат. Все оттягивают, ждут, пока обкатают дороги другие, находят причины, а работа с машиной всегда найдется. Григорий торопился, рассчитывал к вечеру отремонтировать и в ночь выехать в рейс. Основное он уже закончил. Оставалась самая малость: проверить, подтянуть, отрегулировать. Гаражная жизнь его мало привлекала, и, когда возникала

необходимость ремонтировать машину, он выкладывался так, что даже опытные водители удивлялись.

Вот и сейчас, затягивая гайки стремянок, Григорий обливался потом и злился. Злился на то, что эти проклятые гайки сколько ни тяни, они все тянутся и тянутся. Однако Григорий по опыту знал, что если недостаточно сильно затянуть, то на первой же большой выбоине срежет центральный болт и рессорные листы поползут в разные стороны. В пути это самая неприятная поломка. Поэтому Григорий тянул изо всей силы. В привычный гаражный шум врезался приятный звук: «Тук, тук. Тук, тук». Так могли стучать по бетону женские каблучки. Григорий отложил ключ, вытер пот со лба. Это была Оксана — молодая девушка-диспетчер, приехавшая в Сибирь с Полтавщины по комсомольской путевке. Всегда она приветливо улыбалась Григорию и, если был неправильно оформлен путевой лист, исправляла сама, тогда как другим возвращала, требуя правильного оформления. Зная, что Григорию по душе дальние рейсы, она по возможности уступала его просьбам. С другими общалась через окошечко, а его приглашала в диспетчерскую и терпеливо втолковывала, как правильно рассчитывать по километражу горючее и всякие другие мелочи в бумажной волоките. В автобазе было много хороших парней, и многим она нравилась, а с земляком Остапом Дорошенко у них были какие-то, как считал Григорий, особые отношения. Перед тем, как отправиться в последний рейс, он, как всегда, получил из рук Оксаны путевку, не глядя, расписался, дал подписать механику и поехал. В Кургане, в связи с гололедом, инспекция на каждом перекрестке. Остановили и Григория. Молодой лейтенант милиции, посмотрев путевку, улыбнулся и сказал:

— Так, так, Гриша! Хорошая у вас диспетчер... Молодая, красивая.

— А вы почем знаете? — удивился Григорий.

— Как почем?.. По путевке!

Григорий заглянул через плечо лейтенанта. На путевом листе с угла на угол красным карандашом крупным красивым почерком было написано: «Осторожно, Гриша, гололед!» И вроде бы ничего особенного в этой надписи не было, однако на обратном пути он ехал и все поглядывал на путевой лист, словно и не документ это был, а любовное послание, в котором говорилось: «Я вас люблю!»

И сейчас Григорий подумал, что Оксана идет к нему, и уже приготовился вылезти из ямы, но она остановилась у другого автомобиля. Там работал Сашка Тимофеев. В жены он взял вдову погибшего в автомобильной катастрофе водителя. Сейчас он, когда стоял на ремонте, приезжал на работу на «Москвиче» погибшего товарища, которого все любили и уважали. Это было кощунством, которое коллектив автобазы не мог простить.

Сейчас Тимофеев также был в яме и, услышав стук приближающихся каблучков, выглянул из-под машины.

— А, Оксана! — расплылось в подхалимской улыбке полное лицо. — А я так жду помощника! Прыгай ко мне, мы вмиг отремонтируем эту развалину! — и потянулся к ней.

— Убери грязные руки! — зло ответила Оксана и, заметив, что Григорий смотрит на нее из-под машины, смутилась и, сразу изменив тон, обратилась к нему: — Вот ты где прячешься, а я ищу тебя по всему гаражу.

— А что случилось? — спросил Григорий с видом человека, которого отрывают от дела.

— Директор автобазы вызывает.

Григорий легко выпрыгнул из ямы, снял комбинезон, поправил волосы. Оксана молча наблюдала за ним. Григорий за это лето заметно возмужал, раздался в плечах. Опаленная зноем кожа приняла темный оттенок, а волосы выгорели и стали почти русыми. Прежними остались лишь живые озорные глаза с легкой задоринкой да доверчивая, почти детская улыбка.

— Зачем вызывает, не в курсе? — спросил Григорий, обернувшись к Оксане.

— На очередную профилактику! — ответил из-под машины Тимофеев и расплылся в улыбке.

Григорий догадывался, зачем вызывал его директор. Вчера, вернувшись из рейса, он узнал, что автобаза готовит тридцать машин в длительную командировку — в Северный Казахстан. Водителей отбирают опытных, дисциплинированных. С каждым беседуют, направляют только желающих. Григорий сразу же пошел к директору с просьбой, чтобы его включили в эту группу. Директор долго не соглашался: ссылался на большие трудности предстоящей командировки, на малый водительский опыт, на изношенный автомобиль. Но Григорий так настаивал, что Николай Иванович все-таки согласился поставить его кандидатуру на обсуждение.

В кабинете директора был и главный инженер, и председатель месткома. Среди них был самый старый водитель автобазы, ветеран Василий Григорьевич Пилюгин, который в тридцатые годы объезжал М-1-М и пользовался на всю округу популярностью ничуть не меньшей, чем сейчас летчики.

Все, видимо, ждали прихода Беляева, так как Николай Иванович, показав ему на свободный стул, начал:

— Ну вот, теперь все в сборе. Учитывая вашу просьбу, Григорий, и отличную работу, мы решили послать вас в командировку. Работа предстоит трудная, даже очень трудная. По зимнику нужно будет доставлять солому из Омской и Томской областей в Северный Казахстан. Это примерно 600-800 километров в один конец. Вы представляете, что такое зимник?

— Более-менее, — ответил Григорий.

— Эта дорога будет проходить через замерзшие болота, по рекам, по тайге и сопкам. К тому же солома — большегабаритный груз, возить который нужно особое мастерство. Так что вы должны хорошо подумать, прежде чем согласиться.

— Я уже подумал! — уверенно ответил Григорий.

— Ну что ж, тем лучше, мы решили дать вам автомобиль Пилюгина, а свой передайте ему.

Все это оказалось для Григория неожиданностью. Он сначала смутился, а потом невнятно пробормотал:

— Спасибо... за доверие... но... — и, растерявшись, замолчал.

— Что «но»? — насторожился директор.

— Пилюгин собирается на пенсию, ему тяжело будет па старой машине. Я бы и на своей поработал.

Директор удивленно поднял брови, хотел что-то сказать, но Пилюгин опередил его.

— Ты, Гриша, обо мне не беспокойся. Я за свой век-то много их, новых, изъездил. Но теперь все, отлетал. Теперь вы в седлах, а лихим наездникам и кони нужны лихие! — Он хитро сощурился и спросил: — Сколько часов ты можешь за рулем сидеть?

Григорий пожал плечами.

— Сколько потребуется. На уборке урожая, например, неделями. Три-четыре часа на сон, ну, пообедать там, заправить машину, а остальное все за рулем.

— Вот-вот, я тоже так же работал, а сейчас все. Проеду сорок километров, выхожу из машины и полчаса на

травке сижу — отдыхаю. А новый автомобиль должен работать с полной отдачей сил. На нем и рейсы дальние, и командировки ответственные. А это только вам, молодым, по плечу. Так что бери без разговоров, пока не передумали.

Глава четвертая

Колонна из пяти машин двигалась на восток. Первым ехал Чернов и как бы тащил за собой небольшую колонну. И хотя директор был против того, чтобы председатель месткома уезжал в командировку, Василий Иннокентьевич настоял на своем, сказал, что должен быть там, где решаются ответственные дела. Сейчас он возглавлял отряд, который должен доставлять солому в село Амангельды. Остальные, разбившись также на группы по пять машин, должны были обслуживать близлежащие села района. Пятерка Чернова первой получила разнарядку на погрузку соломы и, не заезжая в село, сразу же взяла курс на Омск.

За Черновым ехал Григорий Беляев.

Валерию Чурсину, прежде чем вырваться в эту командировку, предстояло проявить дипломатические способности перед женой. Лариса боялась оставаться в доме на ночь одна. Случилось это после того, как хулиганы залезли в машину Валерия, стоявшую у дома. Жена, услышав возню, вышла к машине... те набросились на нее... И если бы не выбежавший Валерий... Понимая ее состояние, Чурсин по возможности старался избегать дальних рейсов, а если все-таки груз оказывался срочным и необходимо было уезжать, то Лариса ночевала у родителей или приглашала к себе подругу. Чурсин тосковал по настоящей работе, но считал, что болезнь жены — это явление временное, и скрепя сердце мирился.

В последнее время Лариса заикаться почти перестала и оставалась на ночь одна, хотя просила, чтобы он, перед тем как ехал в рейс, заряжал ружье, висевшее над кроватью. Однажды Валерий вернулся из рейса ночью, обнаружил в кровати заряженную двустволку. Чурсин не на шутку напугался. Сонная Лариса могла сдвинуть предохранитель и случайно нажать на курок. Говорить ей Валерий ничего не стал, а запыжевал два патрона без пороха и перед тем, как ехать в рейс, закладывал их в стволы. И вот теперь, уезжая в длительную команди-

ровку, Чурсин с беспокойством думал о предстоящем разговоре. Конечно, разговор о столь длительной отлучке он мог бы начать раньше, чтобы подготовить Ларису заблаговременно, но не был уверен, что его возьмут на такое ответственное дело. Сегодня вопрос решился — он едет и был рад, что наконец-то займется настоящей работой.

Вечером Валерий у журнального столика читал газету, Лариса стелила постель. Оттягивать разговор было некуда, так как утром уже нужно быть в сборе, и Валерий рискнул начать. Он отложил газету в сторону и, как будто только что вспомнил об этом, с наигранной радостью сообщил:

— Ты знаешь, Лариса, меня ведь в командировку отправляют.

— Куда? — не оборачиваясь, спросила жена.

— В Казахстан.

— Надолго?

— На всю зиму.

Лариса быстро повернулась, всплеснула руками.

— На всю зиму?! — вскрикнула она и, словно обессилев, присела на край кровати. — А к-к-как же я ост-т-т-танусь?..

Валерий не ожидал, что разговор так сильно взволнует жену.

— Лариса, Лариса, ты чего это так всполошилась? — он слегка приобнял жену. — Ты забыла, что врач запретил тебе нервничать? Вспомни, как он тебя учил: «Никаких переживаний, никаких нагрузок на нервную систему, если такие случаются, то нужно молчать. Говорить только при крайней необходимости и то нараспев...» Помнишь ведь, да?

Лариса молча кивнула головой.

— Ну вот и хорошо, — успокоился Валерий, — и чего расстраиваться, можно подумать, что ты меня первый раз в командировку отправляешь. Нам ведь не привыкать разлучаться.

— Никуда не поедешь, — нараспев ответила Лариса.

Чурсин удивленно глянул на жену. Всегда ласковая, чуткая и послушная, готовая исполнить любое его желание, она сейчас была не похожа на себя; Валерий прошелся по комнате и равнодушно проговорил:

— Ну и ладно, не поеду, так не поеду! Только ты успокойся, пожалуйста, — он снова сел в кресло, взял

газету, сделал вид, что читает, хотя строчки двоились перед глазами. Он ясно представил, как утром придет на автобазу и скажет: «В командировку не поеду!» — «Почему?» — «Жена не отпускает!» «Вот смеху будет, — думал Чурсин, — хотя какой смех. И начальство, и водители знают, в каком состоянии жена. Главное — друзья будут настоящим делом заняты, а я здесь дрова, уголь да квас в сельпо возить!» Виду Валерий не подал и решил сделать новый заход, с фланга.

— Представляю, если бы все женщины взяли и не отпустили своих мужей в командировки, что было бы-ы-ы! — Он отложил газету и, загибая пальцы, начал перечислять: — Во-первых, весь торговый флот встал бы на якоря, рыболовецкие суда не смогли бы покинуть гавани, самолеты перестанут подниматься с аэродромов, а космические корабли улетать в космос. А если взять снабженцев, так вообще половина предприятий прекратит работу. Вот жизнь наступит, — словно рассуждая сам с собой, продолжал свое Чурсин. — В гостиницах свободные места, поезда идут пустые, хотя и поезда с места не сдвинутся. Машинистов-то тоже жены не отпустят.

— Болтаешь, тоже мне, — продолжая хмуриться, но уже без прежней настойчивости, заметила жена. — Эти люди ответственными делами занимаются, — не подумав, возразила Лариса, и Валерий сразу использовал ее опрометчивость.

— Ну да, а мы, по-твоему, на пикник собрались, большими ложками мед хлебать. Ты представить себе не можешь, какое лихо нависло над Казахстаном. А ты из-за каких-то личных соображений сыр-бор поднимаешь. Вообще нет у тебя сознательности, факт, а еще цеховой комсорг! — на последней фразе Валерий сделал особый нажим, знал, что его жена активный комсомольский вожак сборочного цеха литейно-механического завода, уважаемая и комсомольцами и начальством. И, вероятно, именно эти последние слова оказались решающими.

Лариса улыбнулась, поправила рукой косынку, из-под которой проглядывали шишки бигудей, и примирительно сказала:

— Ладно уж митинговать, ложись спать, агитатор.

Утром он проснулся чуть свет и сразу же почувствовал запах жареных беляшей. Это лакомство Лариса готовила всегда, когда провожала его в дорогу. Друзья, часто

ездившие с Валерием в дальние рейсы, знали об этом и, как только выезжали за город, останавливались и требовали: «Ну-ка давай свои беляши, пока не остыли!» Двинутся только после того, как расправятся с сочными, запашистыми, еще не утратившими тепло беляшами, а напоследок похвалят жену-мастерицу и накажут, чтоб в следующий раз пекла больше.

За Чурсиным двигался Остап Дорошенко, а замыкал колонну Владимир Фадеев. В своей квартире Владимир не появлялся с той охоты. Выбрав момент, он перевез вещи в общежитие. В общежитии почти не жил, а старался уехать в дальний рейс, и если таких не было, то ночевал у друзей. Эта командировка была ему как нельзя более кстати.

От Петропавловска до Омска ехали нормально. Сибирский тракт еще не успело занести снегом, и это расстояние прошли незаметно. От Омска держали строго на север. Дорога шла вдоль Иртыша и то выходила к реке, то вдруг ныряла в глубь тайги. И чем дальше колонна уходила на север, тем больше становилось снега. Иногда уже встречались заносы, но бульдозеры успели поработать, на обочинах громоздились горы снега. Холмы стали заметно больше. Дорога петляла между ними, то круто взмывала, то внезапно уходила вниз. Василий Чернов до предела сбавил скорость и вел машину с повышенной осторожностью: трасса была незнакомая. Григорий ехал сзади, скорость была невелика, и он любовался природой. Громадные пихты и ели с темно-коричневыми стволами на фоне ослепительно голубого снега казались сказочными. Их мохнатые ветви под тяжестью снега пригибались до земли, образуя под деревьями загадочные шатры. Когда дорога подходила к Иртышу, то на другой его стороне проглядывались крутые скалистые берега.

Григорий любовался природой и не заметил, как немного отстал. Дорога шла под уклон, и машина Чернова была уже на дне впадины. Но Беляев догонять не спешил. Он рассчитывал, что в конце спуска прибавит скорость и на подъеме настигнет Чернова. Такой маневр был вполне оправдан. Увеличение скорости на спуске позволяло преодолеть подъем, не переключаясь на низшие передачи. Он так и сделал. Новая машина чутко реагировала на газ, рулевое управление, тормоза. Управлять такой машиной было приятно.

Доехав примерно до половины спуска, Григорий на-

жал на газ. Не сбавляя скорости, машина с ходу преодолела не слишком длинный, но крутой подъем, и Григорий вдруг увидел противоположный берег Иртыша и пропасть перед собой. Это произошло так неожиданно, что он на миг растерялся и инстинктивно нажал на тормоза. Колеса пошли юзом, и машина, потеряв управление, разворачиваясь боком, заскользила к краю пропасти. Сначала ему показалось, что дорога на этом обрыве кончается, и внутри все похолодело. «Держись, Гришка!» — в отчаянье крикнул он себе и тут заметил, что дорога круто сворачивает влево за отвесную скалу. Бросив тормоза, он невероятным усилием выровнял автомобиль и направил его на угол скалы, за который уходила дорога. Услышал, как борт кузова скрежетнул по граниту, и все старался плотнее прижаться к утесу, выиграть запас дороги, если машину снова понесет к краю пропасти. А поворот все круче и круче. Задние колеса начало заносить. Машина разворачивалась поперек дороги, но, к счастью, поворот закончился, и Григорий кое-как выровнял автомобиль, остановился. Навстречу ему уже бежал Чернов. Он что-то кричал и размахивал руками, но Григорий ничего не слышал. В ушах у него звенело, руки и ноги стали словно ватные, из-под шапки стекал холодный пот.

Чернов с резвостью мальчишки пронесся мимо, и тут Григорий вспомнил о товарищах, едущих сзади. Он выскочил из кабины и побежал за Черновым. Навстречу им, из-под нависшей над дорогой каменной громады, выскочила машина Валерия. Она так же шла боком, стремясь колесами захватиться за дорогу и подальше отползти от обрыва. Следом появились машины Остапа и Владимира. Они шли плотно друг за другом с большим заносом. Растеряйся кто-нибудь из них, нажми на тормоза — и беды не миновать, но, к счастью, этого не произошло. Все были достаточно опытными. Машины одна за другой пристроились к беляевской. Чурсин мешком вывалился из кабины и сел посреди дороги. Он скинул шапку, бросил ее рядом. Остап, навалившись на крыло, чиркал спички, пытаясь прикурить, но они ломались у него в руках. Фадеев кружил около своей машины. Чернов подошел к Валерию, поднял и нахлобучил ему на голову шапку.

— Вставай, простынешь!

Чернов чиркнул бензиновой зажигалкой и дал прикурить Остапу, тот жадно затянулся, выпустил клуб дыма и наконец вымолвил:

— Ну и поворо-о-от!

— Что, знака не видели, что ли?

— Знак-то видели, так ведь на каждом повороте знаки стоят. Кто ж знал, что он такой коварный?! — хрипло возразил Григорий.

— Не поворот, а черт-те что, — откликнулся Фадеев.

Молча пошли назад, на самую крутизну поворота. Встали на краю обрыва, с опаской заглядывая вниз. Там, на десятиметровой глубине, лежал скованный льдом Иртыш. Вода билась в грудь каменного утеса и долго не поддавалась морозам. Пространство вокруг было загромождено ледяными торосами, а в углу, в тихой гавани, лед был чист и прозрачен. Остап взял увесистый булыжник, швырнул вниз. Камень звонко ухнул, и сразу же тысячи трещин веером метнулись по прозрачному льду.

— Да, видимо, не один шофер тут водичку пил! — сказал Валерий.

— Я бы не сказал, — возразил Чернов. — Дорога эта глухая, ездят по ней местные шоферы, а они уж знают этот поворот.

— Свои-то, конечно, знают, а вот из командированных, таких, как мы, наверняка кого-нибудь туда утораздит! — Григорий поднял белый меловой камень, отошел к выступу и на высоте человеческого роста на полированном ветром утесе написал:

«Осторожно! Тещин язык!»

Белая надпись на темно-коричневом граните издалека бросалась в глаза. Затем он обошел поворот и с другой стороны сделал такую же надпись.

К вечеру они добрались до райцентра. Поужинали в столовой, потом заправили машины и решили без промедления ехать дальше. Выехав за околицу, они уперлись в непроходимые снега; только узкая полоска вспоротого наста уходила в степь. Перед ней стояла палка с дощечкой, на которой было написано: «За соломой».

Судя по твердости снега под колесами и по тому, как припорошило дорогу, можно было догадаться, что ее проложили неделю назад, но еще ни один автомобиль не прошел по ней. Чернову эти дороги были знакомы. Почти каждую зиму, когда снегом заваливает основные трассы, делают подобные объезды. Ездить по ним одно мучение, но ничего не поделаешь, надо — так надо. Он уже давно привык к этому и принимал как должное. Колонну перестроил так, что более опытные были первыми,

а Григорий последним. На штурм дороги колонна вышла со включенными фарами.

Не проехали и километра, как машина Чернова провалилась в скрытую под снегом яму. Взялись за лопаты, расчистили снег, двойной тягой вытащили машину и стали лопатами прорывать объезд. Перекидали гору снега, прежде чем тронулись снова. Дальше ехали с большой осторожностью. В подозрительных местах Чернов выходил из машины, лопатой мерил толщину покрова, щупал, нет ли ям. Иногда его машина буксовала. Тогда все шоферы выходили на помощь, толкали машину или цепляли тросы и вытаскивали автомобиль назад, чтобы с разгона преодолеть очередное препятствие.

За ночь проехали километров семьдесят, а когда рассветало, то заметили вдоль дороги штабеля прессованной в тюки соломы. Вскоре увидели и бригаду, которая копошилась у огромной скирды, налаживая агрегат для прессования. Снег на поле был разворочен, и там, где раньше стояли скирды, теперь черными пятнами лежали прессованные тюки.

Трактор С-100, утробно урча, по-хозяйски возился в снегу, расчищая площадку и подъезды к соломе. Невдалеке стоял вагончик на тракторных санях. Бригада встретила шоферов радостными возгласами.

— Ну вот, наконец-то дождались! — подошел степенный мужчина в ладно скроенном добротном полушубке. Был он чисто выбрит, слегка раскраснелся от мороза; от него несло какой-то степной свежестью. — Тимофей Тимофеевич Тимофеев, — представился он, протягивая руку Чернову и, видя, как заулыбались водители, пояснил: — Вот, пожалуйста, всегда так, как представляюсь, все смеются.

Подошли и другие ребята. Все молодые, такого же возраста, как и Григорий.

Водителей пригласили в вагончик. Здесь было тепло и уютно. Раскаленная докрасна «буржуйка» гудела пламенем. До потолка в поленницу были уложены большие сосновые чурки. Кругом чистота и порядок. Широкие нары прикрыты верблюжьими одеялами. В центре длинный стол из свежеоструганных досок. В правом углу подвешен керосиновый фонарь «летучая мышь». На печке — пузатый алюминиевый чайник. Тимофей Тимофеевич подхватил чайник, поставил его на стол.

— Угощайтесь! — Он достал пакет с сахаром и хлеб. — Наверное, не отдыхали, всю ночь ехали?

— Не до сна было! Дорога-то ого-го!.. Спешили к рассвету приехать, — ответил Чернов.

— Ну и правильно! Сейчас отдыхайте, а мы нагрузим машины. Ребята, давайте за работу! — распорядился Тимофеев, но парни стояли, переминаясь с ноги на ногу. Один из них несмело спросил:

— Ключи нужны от машин, чтобы подгонять под солому.

Водители оживились, доставая из кармана ключи зажигания.

Когда парни веселой гурьбой вывалились из вагончика, Тимофеев спросил:

— Как там дела, в Казахстане-то? Правда аль только пугают, что скот от голода дохнет?

— Не были мы еще там, не знаем, — откликнулся Чернов, по-хозяйски разливая круто заваренный чай в эмалированные кружки.

Тимофей Тимофеевич кашлянул, засуетился и, выходя из вагончика, обернулся:

— А что же, машин-то все нет?

— Будут! Свердловцы, тюменцы, челябинцы, да и мы, курганцы, откликнулись на призыв. Так что за машинами дело не станет.

— Да уж быстрее бы, — как эхо откликнулся Тимофеев и вышел, наказав: — Вы тут располагайтесь как дома, отдыхайте!

Уютное тепло вагончика да горячий чай быстро сморили водителей, и они захрапели, приткнувшись, кто как, но не прошло и двух часов — проснулись как по команде. Все пять машин, нагруженные соломой выше кабин, стояли у вагончика и были похожи на вьючных животных. Возы во многих местах перехлестнуты капроновой веревкой толщиной с большой палец.

Григорий потрогал веревки. Они были натянуты как струны.

— Ого, притянули! — удивился он.

— Старались! — подошел к ним Тимофеев. — Дорога-то длинная, да и не ахти какая ровная. Но ничего. Ребята крепили на совесть, не должны развалиться!

В это время подошли еще пять машин, а вдалеке, по белой равнине, двигалась большая колонна. Иногда ка-

кая-нибудь из них лобовым стеклом принимала солнечный свет и пускала ослепительный луч.

— Ну вот, а вы переживали! — воскликнул Остап, показывая на приближающиеся машины. — Сейчас вам жарко станет.

— Ничего, вон за тем леском еще две такие бригады, как наша. Отправим туда на погрузку. А вообще-то здесь, на полях, много бригад, так что за нас не беспокойтесь. Управимся! Побыстрей возвращайтесь!

Водители, попрощавшись, поблагодарив за чай, тронулись в обратный путь. Сейчас управлять машиной было намного сложнее: негабаритный груз раскачивал ее из стороны в сторону. Даже при незначительном крене на ухабе машину валило так, что, казалось, она вот-вот перевернется. Встречные колонны, заметив груженые машины, старались заехать в тупички, сделанные специально для разъездов. Когда все же сходились лоб в лоб, то порожние машины пятились до разъезда, уступая дорогу.

В сумерках, с включенными фарами колонна вошла в районный центр. Здесь поужинали, заправили машины.

В село Амангельды прибыли рано утром на третьи сутки и сразу же проехали на ферму. Остановились у крайнего скотного двора, посигналили. Никто не выходил.

— Что за черт! — выругался Фадеев, подойдя к машине Григория. — Я думал, нас ждут не дождутся, а тут ни души! Еще, чего доброго, самим разгружать придется, — недовольно ворчал он.

— Пойду посмотрю, — сказал Григорий, выходя из кабины, — не может быть, чтоб на всей ферме ни одного человека не было.

Он подошел к крайнему коровнику и потянул на себя заиндевевшую дверь, остановился, всматриваясь в темноту. Сначала он ничего не мог различить, кроме небольших окошек, затянутых толстым слоем льда. Но вскоре глаза привыкли, он увидел, что стены фермы были сделаны из камышовых щитов, обмазанных глиной. Буренки выдирали камышовые дудки и жевали их, роняя слюну.

Григорий подскочил к ближнему автомобилю, стал развязывать веревки. Исхудавшие коровы быстро окружили машины, тянулись к соломе. Григорий стоял на верху воза, пытался распечатать тюк, но стальная проволока

не поддавалась. Ее нужно было кусать плоскогубцами. Повозившись, но так и не распечатав, Григорий скинул его целиком. Коровы жадно набросились, и вскоре от тюка осталась одна проволока. За работу взялись все шоферы. Солому кидали как можно дальше от машин, чтобы досталось всем коровам. Тюки кое-где развалились, и коровы не столько съедали, сколько втаптывали корм в снег.

— Братва, кончай работать!.. Вон помощники идут!.. — крикнул Григорий и показал на приближающихся людей.

— Ну, Гришка, держись!.. Сейчас тебе всыплют по первое число, — откликнулся Фадеев. Он слез с машины, взял хворостинку и попытался отогнать коров. Но буренки не обращали на него никакого внимания.

— Это откуда же вы взялись?.. Спасители наши... — говорили женщины. Одна неуклюже обхватила шею Владимира, прижала к себе. Спрыгнув с машины, Григорий стал пробираться через стадо, с опаской поглядывая на острые большие рога. Но не успел он выбраться из этой толчеи, как его мигом окружили женщины.

— Бабы, гля, мальчонка!

— Наверное, с отцом приехал? Кто твой отец?

— Ни с каким ни с отцом. Шофер я!.. Вот и машина моя! — Григорий для убедительности показал на автомобиль. Он поднялся на подножку и оглянулся. И тут, сам того не ожидая, крикнул, стараясь придать голосу властность:

— Ну, чего встали, рты раззявили... Машины не видели, что ли! Разгружать надо!

И хотя он походил сейчас на молоденького петушка, который впервые попытался попробовать голос, женщины сразу же засуетились и без промедления начали выполнять этот приказ.

Вскоре хозяйки навели порядок. Коров определили на место. Оставшиеся тюки сложили штабелями у стен фермы, а втоптанную в снег солому аккуратно сгребли.

К этому времени приехал председатель колхоза. Это был еще молодой казах с короткой шеей и полным широким лицом. Его узкие глаза-щелочки довольно поблескивали. Он со всеми обменялся рукопожатием и каждому, вглядываясь в посеревшее небритое лицо, говорил лишь одну фразу: «Вай, вай!»

Нетрудно было догадаться, что это «Вай, вай» означало высшую степень восхищения. Но что именно его удив-

ляло? Видимо, эти простые русские парни, едва державшиеся от усталости на ногах, доставившие солому в такой короткий срок. Бектай Белотбеков — так он представился — тут же по-хозяйски распорядился всем двигаться за ним. Когда небольшая колонна остановилась у стандартного дома, из каких состояла вся улица, председатель сказал, что в этом доме живет он и что такое событие для колхоза непременно нуждается в бешбармаке, о котором он побеспокоился, как только увидел машины.

В доме хлопотали две женщины.

Пока раздевались, смывали с рук и лиц трехдневную грязь, приготовления были закончены и шоферов пригласили к столу. Низкий круглый стол — на ярком персидском ковре, а вокруг лежали подушки. Вслед за председателем Чернов ловко взял с блюда большой дымящийся кусок мяса и впился в него крепкими зубами. Парни последовали его примеру, а когда было съедено по приличному куску сочного мяса, хозяин вытер полотенцем руки и шутливо сказал:

— Мой думает, самое время арак откушать! Вы не против?

Нет, парни были не против.

Затем на столе появился попыхивающий самовар. Хозяин облокотился на подушку и полулежа прихлебывал крепко заваренный зеленый чай. Григорий, стараясь подражать председателю, тоже лег на бок, но не успел дотянуться до чашки с чаем, как голова его безвольно ткнулась в подушку и он мгновенно уснул.

Проснулся Григорий, когда в окна заглядывали сумерки. Шоферы спали в комнате рядом. В доме стояла тишина, и только в кухне шепотом разговаривали женщины. Григорий сразу вспомнил о машинах. Ведь часа три они стоят с заглушенными моторами, и в них может замерзнуть вода.

— Братва, машины-то заморозили! — крикнул он.

Водители мгновенно вскочили, и в комнату заглянула жена хозяина, приветливо улыбаясь, она заговорила по-русски:

— Проснулись? Сейчас я самоварчик поставлю и мясо разогрею. Это займет пять минут.

Отстранив хозяйку, в комнату вошел Бектай Белотбеков. Он добродушно улыбнулся.

— Моя ваш машины разогревал!

— Слава богу, — проговорил Чернов. — Ну, Гришка,

вечно ты паникуешь! — и, обращаясь к Белотбекову, улыбнулся: — Спасибо, агай! Надо было все-таки разбудить кого-нибудь из нас. У вас и без этого дел по горло.

— Самый большой дело с плеч горой упал! Такие джигиты прибыли, в беде не оставят.

— Нет, конечно! — заверил Фадеев.

Вскоре снова подали мясо, а затем чай. После ужина, поблагодарив гостеприимных хозяев, водители стали собираться. Когда вышли на улицу, Белотбеков указал им на дом неподалеку.

— Вот здесь ваша жить будет. Кочегарка близко, горячий вода рядом. Сегодня без простыней ночевать будете, а уж в другой раз сделаем в полном ажуре.

— Спасибо, агай! Зря вы беспокоитесь, — сказал Чернов, подходя к своей машине. — Некогда нам отсыпаться. Не для этого сюда приехали.

— Соломы-то этой на сколько хватит? — спросил Чурсин.

— Мой думает, дня на три-четыре.

— Вот видишь, агай, а мы один только рейс за трое суток делаем. Так что не до сна теперь нам. Вздремнули малость, и будет...

Глава пятая

Погода стояла благоприятная. Изредка повалит снег, припорошит дороги, его быстро прикатают, а в основном — морозная безветренная благодать. Но водители понимали, что так бесконечно длиться не будет. Со дня на день может завьюжить, занести дороги, и тогда доставка корма прекратится, поэтому трудились без отдыха. От напряженной работы, постоянного недосыпания шоферы похудели, воспаленные глаза ввалились. Чернов и Чурсин уже больше месяца не брились, у них кучерявились бородки.

Подъезжая к таежному поселку Ингулец, Беляев почувствовал, что засыпает на ходу. Он открыл боковое стекло, морозный воздух обжигающе дунул; убедившись, что холод освежил и прогнал сонливость, Григорий закрыл окно, но, как только в кабине потеплело, снова почувствовал, что глаза непроизвольно закрываются. С ним это и раньше было, особенно в первые дни этой командировки: сказывалась неопытность, неразумная трата

сил, и если бы не Чернов, то Григорию пришлось бы очень туго. Вообще Василий Иннокентьевич был очень сильный и выносливый человек. Он мастерски водил не только свою машину, но и всю колонну. В опасных местах крался с большой осторожностью, а при хорошей видимости на ровной дороге развивал такую скорость, что за ним едва успевали остальные. Чувствовал он и то, когда водители начинали засыпать на ходу. Тогда останавливался, доставал из-за спинки сиденья паяльную лампу, алюминиевую измятую кружку и заваривал крепкий чай. Кипятил вроде как для себя, но предлагал глотнуть всем.

Григорий подумал: «И куда старина прет, на пожар, что ли? — и, заметив, как расступилась тайга справа и под огромными кедрами то тут, то там стали появляться домишки, догадался: — Ингулец начался. В столовую торопится, чтобы не закрылась. После ужина, наверное, поспать разрешит».

Григорий приободрился, нажал на газ, подтянулся к машине Фадеева, взглянул в зеркало заднего вида. Чурсин и Дорошенко ехали впритирку. Дорога шла уже по улице райцентра. Вечерело, изредка мелькали прохожие с поднятыми воротниками. Внезапно машина Фадеева свернула вправо и врезалась в палисадник. Еще не понимая, в чем дело, Григорий резко затормозил и увидел копошащегося на дороге мальчишку. Выходило так, что машина не успеет остановиться и наедет на этого пацана. Григорий инстинктивно бросил тормоза и крутанул руль влево. Машина зарылась в рыхлый снег по самый радиатор и резко остановилась в метре от телеграфного столба. Григорий выскочил на дорогу. Пацан, сверкая сталью коньков, улепетывал со всех ног. Фадеев кулаком грозил ему вслед.

Григорий подошел к машине Фадеева. Та, взломав хрупкий штакетник палисадника, врезалась правым крылом в огромный кедр, росший рядом с бревенчатым домиком. От удара буфер изогнулся до колеса, крыло превратилось в гармошку. Фара была разбита, а подфарник повис на электропроводке.

— Как он на дороге-то оказался? — спросил Григорий.

— Пацанье безмозглое! — продолжал ругаться Фадеев. — Прицепились крючками за машину Чернова и едут, не думают, что сзади машины.

Подошли Чурсин с Дорошенко и, проваливаясь по колено в снегу, осмотрели место аварии.

— Ты будто первый год за рулем, — заговорил Чурсин, — видишь, пацаны прицепились — отстань, соблюдай дистанцию безопасности!

— Умный какой! — зло откликнулся Фадеев и полез под капот проверять радиатор, и оттуда, как из пустой бочки, раздался его простуженный бас. — Тебе бы, Валера, не шофером, а инженером по технике безопасности работать, тогда бы наша база без единой аварии трудилась!

У Чурсина затряслась рыжая борода. Он заглянул под капот, крикнул Фадееву:

— Пацана чуть не задавил, и еще огрызаешься!

Фадеев сел на крыло, поправил съехавшую набок шапку.

— Ты если не видел, как дело было, так не каркай! Они ведь кинулись за машиной Чернова, как мальки за приманкой, а какая-то растяпа золу из печки высыпала на дорогу, один из них и наскочил на нее. Он и растянулся прямо перед моей машиной. Вот тебе и дистанция! — Фадеев плюнул на снег. — Гришка сзади ехал и то вон как в снег забуровил, а мне вообще надо богу молиться, что отделался легким испугом.

— Ладно, чего уж тут, — вмешался Остап. — Гришка, цепляй трос, сначала твою машину вытащим на дорогу.

На узенькой тропинке, ведущей к домику, в палисаднике которого стоял фадеевский автомобиль, появился худенький старичок в изношенном тулупчике и в огромных валенках. Он внимательно посмотрел на парней, потом на машину и с радостью человека, который давно не видел приятного общества, неожиданно звонко воскликнул:

— А-а-а, у меня гости!

— Да, деда, решили заскочить на кружку чая, — откликнулся Фадеев. Предчувствуя скандал, он надвинул шапку на глаза и, поморщившись, вполголоса добавил рядом стоящим друзьям: — Чего стоите, цепляйте трос, уматывать надо.

Но хозяин, то ли услышал последние слова, то ли угадал намерения Фадеева, проявил завидную резвость и мигом очутился рядом с водителями.

— Гостям мы всегда рады, — скороговоркой выпалил он, — только ворота у меня не тут, а вон там! — Старик

скрюченным пальцем показал на сугроб, под которым скрывались ворота. — А вы через палисадник скачете. Кто же теперь забор будет ремонтировать, а? — И он, склонив голову набок и прищурив один глаз, словно прицеливаясь, не мигая уставился на Фадеева.

Владимиру стало не по себе, но он был не из тех, кого можно смутить подобным приемом. Он указал на поврежденное крыло.

— Ты, дедок, туда глянь и скажи, кто мне будет машину ремонтировать? — И, не дожидаясь ответа, перешел в решительную атаку: — Да кто же такую деревину сажает в палисадник. Он ведь для цветочков предназначен, для черемухи, сирени, а ты вон какую хабазину развел! Мало тебе деревьев в лесу?

Дед равнодушно выслушал Фадеева, достал из кармана сложенную блокнотиком газету, оторвал листок, сыпанул на него из плоской жестяной банки крупно нарезанной махорки. Водители с любопытством наблюдали, как он ловко скрутил толстенную самокрутку и шарил по карманам. Остап громыхнул коробком, протянул зажженную спичку. Дед затянулся, пыхнул дымом и живо спросил:

— Значит, зачем сажал, говоришь?

— Факт! — подтвердил Владимир.

— Садил-то я его, когда мне семь лет было, всю жизнь жалел, что какое-то красивое дерево не посадил. Все спилить собирался, да как-то рука не поднималась. Но это только до сегодняшнего дня так думал, а теперь по-другому рассуждать стану.

— Это почему же именно с сегодняшнего?

— Э-э, мил человек, если б не это дерево, так ты бы к моей старухе прямо на печь въехал.

Шоферы и окружившие их зеваки дружно захохотали. Фадеев недовольно взглянул на парней.

— Друга на лопатки положили, а они — ха-ха! Товарищи, тоже мне! — Он сунул руку в карман, вытянул деньги и протянул деду. — Держи!

Тот быстро спрятал руки за спину и отступил от Фадеева.

— Это за что?

— За острый язык.

— За это денег не берем.

— Тогда за сломанный штакетник.

— За это тем более. Руки-ноги пока целы, сам налажу. А ты деньгами не швыряйся, они в дороге сгодятся.

Фадеев промычал что-то, сунул деньги обратно и распорядился:

— Цепляйте трос: выезжать на дорогу надо да выправлять.

— Володь, положено ведь до прибытия автоинспекции аварийную машину с места не трогать, — робко подал голос Григорий.

Фадеев посмотрел на него.

— Ты думаешь, инспекция ремонтировать будет? Черта лысого! Приедут, всадят тебе да мне по дыре в талон и будь здоров! Так что давайте поживее уматывать.

Машину Григория вытащили без труда, а с фадеевской пришлось повозиться: изогнутый буфер заклинил колесо, и оно волочилось юзом. На ровном месте поврежденный буфер зацепили тросом, кое-как поправили крыло, теперь пострадавший автомобиль мог двигаться.

Приятная погода подняла у водителей настроение. Один только Фадеев был угрюм, смотрел на свой искалеченный автомобиль.

— Не нравится? — весело спросил Чурсин и подмигнул парням. — Это расплата за попытку въехать на чужую печь.

Григорий с Остапом засмеялись, а Чернов улыбнулся, потеребил бороду. Фадеев с деланным равнодушием сказал Валерию:

— Шел бы лучше сфотографировался, — и указал на здание через дорогу с яркой вывеской «Фотография».

— Зачем? — удивился Чурсин.

— Чтоб фотокарточки были.

— Зачем они мне с такой образиной?

— Нам дашь. Прицепим к задним бортам, чтоб пацаны за машины не цеплялись.

Чернов поперхнулся дымом папиросы, рассмеялся:

— Смотрю я на вас, ловко языками орудуете.

— Чему удивился! — откликнулся Фадеев. — Вот уже месяц людей только из автомобильного окна видим. Если друг с другом еще не поболтать, то к концу командировки вообще разговаривать разучимся.

— А я, братцы, чтобы разговаривать не разучиться, еду и рассуждаю вслух. Например, увижу прохожего, который спешит со всех ног, и говорю: «Боишься футбольный матч прозевать», и начинаю представлять: вот он приходит домой, включает телевизор, пьет чай с печеньем и смотрит телевизор, потом моется в ванной и

заваливается спать. — Чурсин пошарил в бороде. — Проклятая борода, вечно в ней соломенная труха путается. Так вот рассуждаю. — А есть люди, которым ничего не нужно, кроме как поесть да поспать. Раньше таких называли обывателями, а как сейчас назвать — ума не приложу.

— Чего уж тут и прикладывать, — откликнулся Чернов. — Раньше были обыватели, а теперь — одеватели. Им неважно, что творится вокруг. Важно, где какие шмотки продаются, сколько стоят джинсы и импортный гарнитур. Но завидовать им тоже нечего. На все это они тратят больше сил и энергии, чем мы на то, чтобы спасти скот. Нечего болтовней заниматься, поехали!

Водители разошлись по машинам, и колонна тронулась в путь.

Возвращались глубокой ночью. Глаза закрывались сами собой, машина уходила с дороги. Григорий инстинктивно выравнивал автомобиль, но через некоторое время снова засыпал. Заметив, что машина Беляева без конца виляет, Василий Иннокентьевич остановил колонну и подошел к Григорию.

— Кемаришь?

— Есть немного.

— Берите топоры и вырубайте елочки: доярки просили на новогодний праздник, а я пока чаек вскипячу.

Григорий вышел из кабины, потянулся, распрямляя занемевшую спину, умылся снегом. Подошли остальные водители. Пока нарубили, принесли и закрепили на возу елочки, Чернов вскипятил чай в своей виды видавшей кружке. Пили по очереди, передавая кружку по кругу.

— В баньку бы — помыться да эту проклятую бороду сбрить, — мечтательно проговорил Валерий Чурсин.

— А мне бы сейчас мягкую кроватку с чистыми простынями, я б, наверное, трое суток не просыпался, — продолжил Фадеев.

— А может, тебе еще и молодуху, чтоб был полный комплект! — съязвил Остап.

— Скоро отоспимся! Дунет вот не сегодня завтра пурга, — обнадежил их Чернов.

— А если не дунет? — спросил Григорий.

— Еще не было таких зим, чтобы не дуло. А сейчас нам не до сна. Надо запасти больше кормов, чтоб в бездорожье со спокойной совестью отдыхать.

На этом и разошлись по машинам. После крепкого

чая и «лесной прогулки» сон как рукой сняло. Григорий повеселел и начал насвистывать песенки. Узкая, для одной машины, дорога петляла по тайге. Сугробы по сторонам были так велики, что тюки, выступающие за борта, цеплялись за них; двигаться приходилось будто в каком-то корыте. Машина Чернова на бесчисленных поворотах скрывалась из поля зрения, но Григорий не очень-то переживал. Он вел машину на предельной скорости, какую можно было держать на такой дороге, и надеялся, что Чернов далеко не оторвется. И вдруг он заметил в лучах фар женщину. Она шла посередине дороги. Бросилось в глаза легкое цветастое платье, распущенные по спине волосы.

Григорий удивился: «На улице морозина, а она раздетая. Наверное, муж трепку задал — в чем была, в том и убежала. Сейчас проситься будет. Вот еще хлопоты», — и переключил свет фар с дальнего на ближний. Но она шла так же посередине дороги и не оборачивалась. Григорий сбросил газ, снова переключил свет, но женщина не обращала внимания, а расстояние стремительно сокращалось.

«Сумасшедшая какая-то», — подумал Григорий и нажал на тормоза. Но было уже поздно: колеса пошли юзом по накатанной до блеска колее. Машину понесло, и ни отвернуть, ни объехать. Григорий в отчаянии нажал на сигнал, и в это время из-за капота мелькнула газовая косынка или растрепавшиеся волосы. Григорий понял: случилось непоправимое. Он выскочил из кабины и, встав на четвереньки, заглянул под машину.

Фадеев, подъехав вплотную, крикнул, высунувшись в окно:

— Ты что так резко тормозишь!.. Я в тебя чуть не вляпался!

— Женщину задавил! — откликнулся Григорий.

Фадеев тоже встал на колени. Свет от его автомобиля хорошо освещал пространство под машиной Григория, но никакой женщины не было видно.

— А где же она? — удивленно спросил Фадеев.

— Не знаю, — откликнулся Григорий. Он, не доверяя глазам, обшаривал все руками.

Подошли Остап и Валерий.

— Вы что там потеряли? — спросил Чурсин.

— Григорий говорит, женщину задавил, — ответил Фадеев.

Вчетвером обшарили все вокруг машины, лазили вдоль дороги, но ничего не нашли.

Когда вернулись к машине Григория, Фадеев внимательно осмотрел облицовку, но признаков удара не обнаружил.

— Спишь на ходу, идиот, и баб во сне видишь!! — накинулся он на Григория.

— Да не спал я!

— Босиком, говоришь?

— В платье... И волосы распущены...

— Да-а-а... За-да-ча! — протянул Фадеев и покосился на темный загадочный лес, вплотную подступавший к дороге. — Поехали быстрее!

Григорий вскочил в кабину и газанул так, словно убегал от нечистой силы. Не успел разогнать машину, как за первым же поворотом увидел автомобиль Чернова; тот поджидал их. Когда Григорий рассказал ему о случившемся, он с тревогой спросил:

— А удар-то почувствовал?

— Нет, удара не было. Только какое-то облачко метнулось из-за капота.

— Галлюцинации, — заключил Чернов, — это бывает от переутомления. У меня у самого иногда черти на капоте пляшут. Давайте-ка все спать.

— Спать? — удивился Фадеев. — Здесь? Нет, надо отъехать подальше.

— До сна ли теперь! — поддакнул Григорий.

Чернов, видимо, понял состояние друзей и сразу же согласился — колонна тронулась дальше.

На рассвете у поворота «Тещин язык» Чернов остановил колонну.

— Как самочувствие? — спросил он у подошедших парней.

— Гришка переполошил этой бабой, а так вроде бы ничего, — отозвался Фадеев.

— Давайте еще чайку попьем и будем поторапливаться. Приедем на место, по-человечески отоспимся.

Все согласились.

На место приехали под вечер. Разгрузив машины на ферме, подогнали их к кочегарке, слили воду. Стоял легкий мороз. Тянул сиверко. Григорий чувствовал себя скверно: ноги дрожали, подгибались от слабости. Неудержимо хотелось свалиться где-нибудь и спать, но Чернов приказал всем поужинать.

Увидев водителей, в столовой засуетились. Подали горячие щи. Официантка, пышнотелая молодуха, мило щебетала и, несмотря на объем, легко порхала, на ходу упрекая шоферов, что они редко появляются в столовой. Особое внимание она уделяла Фадееву.

Григорию есть совсем н хотелось. Он несколько раз хлебнул щей, отодвинул тарелку, стал ковырять гуляш, выбирая мясо. Уходя из столовой, Григорий заметил, что из-за шторы, отделяющей кухню от зала, на него смотрит девушка. Кто она — разглядеть не успел.

— Ну вот, теперь можно поспать, — прикурив папиросу, сказал Чернов. — Вся ночь в нашем распоряжении.

В доме, куда их поселили, было тепло и уютно. Это была целая квартира с прихожей, кухней и большой просторной комнатой, в которой стояло пять кроватей, заправленных как в гостинице. В этой квартире они ночевали только один раз. Все остальное время — в кабинах; забыли, когда нормально спали.

Проснулись поздно — было уже светло. Чернов посмотрел на часы

— Четырнадцать часов спали.

Отдохнувшие, пошли заводить машины. За ночь масло в двигателях загустело так, что стартер не мог провернуть коленчатый вал. Пришлось кипятком прогревать систему охлаждения, паяльными лампами разогревать масло в картерах двигателей. К столовой подъехали на заиндевелых машинах с толстым слоем льда на стеклах. Моторы оставили работающими, чтобы прогревались кабины и оттаяли стекла.

За кассой стояла девушка. Григорий видел ее: вспоминал и этот остренький носик, и широкие скулы, и эти обжигающие глаза, в которых прыгали бесенята. Но где? Такую красивую девушку он видел первый раз.

Между тем очередь приближалась. Девушка, не глядя на посетителя, взяла стакан с подноса Фадеева и отлила молоко.

Фадеев ухмыльнулся:

— Хорошая работенка. Возьмите в помощники!

— Вы-то что будете делать? — осведомилась девушка.

— Как что, вы молоко отливать, я — котлеты откусывать!

В зале дружно рассмеялись. Девушка смутилась. Щеки вспыхнули румянцем, и со словами «да ну вас» она

убежала на кухню. И тут Григорий узнал ее. Это была мотоциклистка, попавшая в аварию.

Девушка снова вышла в зал. Взгляды их встретились, и то ли показалось Григорию, то ли на самом деле она кивнула ему, и едва заметная улыбка тронула чуть припухшие губы. Григорий смотрел на нее в каком-то оцепенении и не мог отвести взгляд.

— Все, пропал наш Гришка! — улыбнулся Фадеев. — Сразила его смуглянка.

Все повернулись в сторону Светланы. Она смутилась и поспешно ушла на кухню.

— Ничего, — сказал Остап Дорошенко, глядя ей вслед. — В такую и влюбиться не грех. Только смотри, чтобы за рулем опять не померещилась такая вот ведьмочка.

Он хотел продолжить, но в это время к столу подошла та, что обслуживала их вчера. Она надушилась, накрашенные губы и ресницы говорили о том, что долго вертелась перед зеркалом, прежде чем идти на работу.

— Глянь, Валера, — Фадеев наклонился к Чурсину, — какие девушки в этой деревне, а мы соломой увлеклись и ни черта не видим, кроме этих щей.

— А что, не нравятся щи? — вскинула брови официантка.

— Нравятся!.. Но, кроме щей, чего-то не хватает.

— Это добавят вам доярки. Те, кому вы елочки привезли.

— Ах вон оно в чем дело!.. А я-то думал, с чего бы это нам такое внимание! — хохотнул Фадеев. — Елочки на машине видели. Думали вам привезли?

— Ничего мы не думали. Мы выполняли приказ председателя.

— Какой приказ? — удивились водители.

— Чтобы вас кормить без очереди и как на убой. Имейте это в виду. Следующий раз садитесь вон за тот крайний столик. — Девушка старалась быть строгой, но глаза ее смеялись.

— Ну что ж, братва, тогда мы елочки доставили не по назначению. Придется исправить свою ошибку, — сказал Фадеев.

— Как же вы ее исправите?

— Да как, новых привезем!

— Правда? — обрадовалась она.

— Запросто! И не только елочку, но и живого Деда

Мороза преподнесем, — он показал на Чурсина. — Чем не Дед Мороз? Бороду известкой побелим, и готово!

Не хотелось уезжать в белую морозную даль от такой приветливой веселой хозяйки. Но что делать: работа есть работа. Чернов решительно поднялся, за ним нехотя, гремя стульями, встали водители.

У порога Фадеев остановился, поднял руку.

— До встречи!

— Счастливого пути! — весело откликнулась девушка. — И не забудьте про елочку.

— Будь спокойна. Елочки вам обеспечены.

Глава шестая

Солому с юга Тюменской, Томской и Омской областей уже вывезли. Бригады уходили все севернее и севернее. Увеличивалось расстояние, ухудшались дороги, но это было еще терпимо. Не хватало бригад на прессовке соломы, не было и достаточного количества агрегатов.

Глубокой ночью водители с трудом разыскали свою бригаду. После каждого рейса она меняла место, оставляя после себя поля, вдоль и поперек изрезанные дорогами. Чернов обладал каким-то особым чутьем и всегда, почти не плутая, выводил колонну в нужный район. Сегодня поблуждали, но немного.

Выйдя из машин, какие-то минуты стояли молча, пораженные тишиной и красотой зимней ночи. В небе стояла яркая луна, снег переливался голубоватыми оттенками. Заиндевевший трактор искрился, словно был облеплен драгоценными камнями. Поле было притихшее и сказочно-красивое.

В вагончике зажгли «летучую мышь». Парни из бригады Тимофеева спали крепким сном, никто и не откликнулся на приветствия. В остывшей печурке тлели прогоревшие угли. Чернов по-хозяйски помешал их, подкинул новых дров.

— Парни измучились, пусть отдыхают. Нагрузим сами. — И, приняв молчание водителей за согласие, Чернов распорядился: — Пошли, не будем терять времени.

До рассвета они грузили машины. Труд был непривычным. Наблюдая, как парни играючи обращаются с тюками, Григорий считал, что это дело нехитрое. Взял крючок, слегка размахнувшись, воткнул его в тюк и легко закинул на машину. Стоявший на возу перехватывал и, ка-

залось, небрежно швырял по сторонам, но они ложились так ровно, словно были выстроены по натянутой нитке: шоферам же пришлось подгонять тюки один к другому, чтобы воз был хоть мало-мальски ровным. Видя, что Григорий устал и не может закинуть тюк наверх, Чернов оттолкнул его плечом:

— Перекури, Гриша, мы сами догрузим.— И, чтобы не задеть самолюбие парня, добавил: — Проверь масло в двигателях и воду в радиаторах.

Когда затягивали веревки на пятой машине, показался Тимофеев. Он щурился от яркого света, на впалых прокопченных щеках, словно изморозь, выступила седая щетина. Бригадир долго смотрел на машины, протирал глаза. К нему подошел Чернов, протянул руку.

— Доброе утро!

— Приветствую вас!.. Что это за фокусы такие? — Тимофеев кивнул в сторону груженых машин.

— Приехали — вы спите! Решили сами нагрузить.

Тимофеев тихо заговорил:

— Василий Иннокентьевич, уважают тебя ребята, подчиняются без лишних разговоров, а ты этим злоупотребляешь.

— Почему это злоупотребляю? Они сами решили нагрузить. Вам ведь отдохнуть надо, — слукавил Чернов и отвел глаза в сторону. — Ты-то вон как парнишек загонял.

— Мы ничего. Нас заменят скоро. Обещают на целую неделю отдых устроить. Да не облезем, если и свалимся: отлежимся — и опять вперед. А вот если у тебя кто-нибудь из водителей за рулем задремлет, то может большая беда случиться. Ты-то должен об этом лучше меня знать.

— Ничего, мы народ закаленный. Да к тому же прошлую ночь спали по-настоящему. Так что я знаю, что делаю.

— Ну смотри, только мне кажется, что такая услуга может плохо кончиться. Вам ведь не двадцать километров ехать. Перед такой дорогой отдых нужен, — и, немного подумав, добавил: — Похожа чем-то наша работа на Ладогу. Там так же работали. Разница только в том, что спасаем не город, а скот, да на голову бомбы не валятся. Но машины бьются. Из свердловской пятерки только трое осталось. Да и другие из пятерок в четверки пре-

вратились. А ведь еще вся зима впереди. Хватит ли нас?

— Должно хватить!

— Если с умом будем работать, а если с такой самодеятельностью, то долго не протянем, — он показал на груженые машины — Чтоб это было в последний раз.

— Хорошо, больше не будем!

— Зови ребят чай пить! Он уже, наверное, закипел.

В вагончике стало тесно. Шоферы знали уже всех ребят. Здоровались, шутили. Парни прокоптились так, что светились только глаза да зубы.

Бригада уже позавтракала и собиралась на мороз. Тимофеев давал последние распоряжения.

— Вы хоть бы вешки ставили, чтобы нам не блудить, когда вас ищем, — попросил Фадеев.

— Учтем, —быстро откликнулся Тимофеев. — Но только что ставить, если под рукой одна солома.

— Можно пучок соломы связать проволокой или сосновую веточку в снег воткнуть.

— Ладно, будем ставить перед развилкой с той стороны, куда нужно поворачивать.

— Ну вот и добро.

Позавтракали консервами, молча пили чай, прислушиваясь, как, сухо пощелкивая, гудит пламя в зарумянившейся «буржуйке».

— Как с топливом дело обстоит? — спросил Чернов: раньше не хватало бензовозов, и солярку приходилось доставлять в бочках, которые они брали в райцентре. Обратно ехали груженые, и пустые бочки оставались на полях.

— С соляркой дела наладили, — успокоил Тимофеев. — Из Омска бензовозов подкинули, а вот с дровами дело туго. Приходится самим заготавливать.

— А как настроение у ребят?

— Ребята держатся — крепкие, — ответил Тимофеев. — Один, правда, запаниковал, сел на попутную, уехал, да через три дня вернулся. Говорит, привык к вам и та спокойная жизнь его уже не устраивает. Видно, крепко совесть мучила. Сейчас за троих работает.

У зарода шла полным ходом работа. Парни кидали солому в ненасытную утробу прессовочного агрегата, подсоединенного к трансмиссии трактора. Когда попадались плотные, слежавшиеся пласты соломы, тракторный двигатель переходил на надсадный утробный гуд. А совсем рядом ходила необыкновенно ярко-красная лисица.

— Хо, у вас тут воротники ходят! — удивился Фадеев.

— Да, приспособилась мышей добывать, — ответил Тимофеев. — Сначала по одонкам ходила, а теперь осмелела. Прямо из-под вил мышей выхватывает. Мы ее не пугаем. Интересный зверь.

А лисица действительно была чудесной. Необыкновенно яркой окраски мех ее переливался в солнечных лучах. Она сидела рядом с прессовальным агрегатом и крутила головой, внимательно следя за взмахом вил. Как только из соломы показывалась мышь, лисица стремглав бросалась на нее и так же быстро отскакивала назад, уже с добычей в зубах. Насытившись, она отбежала подальше и начала играть с живой мышью. То она подкидывала ее высоко вверх, а то прыгала сама, красиво изгибаясь в воздухе. Но вот мышь воспользовалась моментом и нырнула в снег. Лисица растерянно оглянулась вокруг, сунула нос в снег и стала энергично работать лапами. Вскоре зарылась так, что торчал только пушистый хвост.

Фадеев сдвинул шапку на затылок и, пригнувшись, начал осторожно подкрадываться. Все внимательно следили за ним, хотя и знали, что затея эта пустая. Как бы лисица ни увлеклась, она не позволит, чтобы ее схватили голыми руками. И действительно, не прошел Фадеев и десяти метров, как лисица вылезла из снега, склонив голову набок, с любопытством посмотрела на него и, звонко тявкнув, отбежала на безопасное расстояние. Все рассмеялись, а Фадеев, сконфуженный, вернулся назад.

Тронулись в обратный путь. Мороз усиливался; над голубой тайгой все выше поднималось багряное солнце, с обеих сторон его вырастали пурпурные столбы — предвестники больших морозов. В кабинах было нежарко; отопители работали на полную мощность, но не могли достаточно обогреть и только обдували узкие клинообразные прогалины на лобовых стеклах. Обзор уменьшился, масло в рулевой колонке загустело, и управлять автомобилем стало трудно. Педаль продавливалась с большим усилием, а когда возвращалась, то машина еще некоторое время продолжала тормозить, так как загустевшая жидкость плохо перемещалась по трубкам. Все это требовало дополнительного напряжения — вести машины приходилось с повышенной осторожностью.

Перед выездом из тайги остановились срубить елочки. От мороза ветки стали хрупкими, как стекляшки, шо-

феры бережно несли лесных красавиц к машинам и закрепляли наверху. Когда Григорий привязал последнюю елочку и спустился на землю, Фадеев, взглянув на него, приказал быстро растирать щеку и ухо. Григорий начал слегка массировать рукавицей занемевшую щеку, но Фадеев, схватив пригоршню снега, подскочил к нему и стал энергично растирать.

— Вот так надо! — приговаривал Владимир. Григорий вырывался, скулил от боли, но Фадеев не отставал. — Если не хочешь на Новый год пугалом быть, то терпи.

Мороз стоял всю ночь и следующее утро. К полудню стало теплее, а во второй половине дня повалил снег. Чернов забеспокоился, часто поглядывая на небо, которое было затянуто ровной пеленой. Снег все валил и валил. Хотя большой опасности вроде бы не предвиделось, однако Чернов увеличивал скорость до предела, выжимая из двигателя всю мощность.

В Петропавловске быстро пообедали. Чернов подгонял водителей; приказал всем залить бензобаки под завязку. Беспокойство Чернова передалось парням, и они делали все быстро и расчетливо, как во время гонок. Григорию такая спешка была по душе: если ехать такими темпами, то можно засветло добраться до места, а значит, встретить Светлану.

Не отъехали они от Петропавловска и сорока километров, как случилось то, чего так боялся Чернов: дунул ветер. Сначала он зашевелил свежий рыхлый снежок, горизонты сузились, все потемнело, а спустя полчаса временами не было видно капота автомобиля. Все свистело и гудело. Большегабаритный груз парусил. Порывами ветра бросало машину из стороны в сторону, вырывало баранку из рук. Григорий, закусив нижнюю губу, изо всей силы старался удержать автомобиль как можно ближе к правой обочине, чтобы внезапный порыв ветра не натолкнул на встречный автомобиль, который изредка выныривал из снежной круговерти, обозначив себя расплывчатыми пятнами фар.

Иногда снежные заряды были такой плотности, что не видно было дороги. В такие моменты Григорий, опасаясь наехать на стоящий автомобиль, переключал передачу, сбавлял и без того ничтожную скорость. Вскоре на дороге появились первые заносы; правда, снег был рыхлый, как пух, и легко разлетался под натиском груженой ма-

шины. Однако с каждым часом сугробы росли, снег уплотнялся, создавая заметное препятствие.

С трудом доехали до развилки на Амангельды. Отсюда начиналась узкая дорога, проложенная прямо по полю. Ее почти всю загладило снегом, и машины сразу же увязли по самые кузова. Водители сошлись у машины Чернова.

— Что будем делать? — спросил Остап Дорошенко.

— Елочку ставить и встречать Новый год, — невесело пошутил Чернов.

Фадеев прошел вперед и быстро вернулся обратно.

— Да, потрудиться придется, — сказал он. — Дорога вся завалена — не видно просветов.

После короткого совещания решили пробиваться, пока есть горючее. Да другого выхода и не было. Все взялись за лопаты и стали остервенело раскидывать снег. Чернов утюжил машиной. Он сдавал машину назад, затем продвигался вперед. Укатав снег, Чернов разгонял автомобиль и врезался метров на десять. Остальные выгребали из-под колес снег, толкали машину плечами. Когда пробивались метров на сто, то бежали к своим автомобилям и по готовым следам подгоняли их к головной.

Для всех это был привычный труд. Не было еще ни одной зимы без вьюги, и каждый раз она заставала водителей в пути. Поэтому такая работа была необычной только для Григория. Это была его первая шоферская зима, и он, притихший и напуганный погодой, учился у друзей, выполнял их команды. Вначале, как только увязли машины, он подумал, что теперь их сможет вытащить только трактор, но, видя, как уверенно взялись за работу друзья и что машины, хоть и медленно, но продвигаются вперед, — он стал надеяться, что можно прорваться своими силами. Однако как он ни старался, а нехватка опыта сказывалась. Необходимо было трогать машину так, чтобы колеса не пробуксовывали и не вырывали яму под собой. Для этого нужно было раскачать автомобиль, прикатать под колесами снег, а потом с разгона двигаться вперед. У Григория это плохо получалось, поэтому часто за руль его машины садился Валерий Чурсин или Владимир Фадеев.

Быстро темнело. Снег залеплял фары. Одежда превратилась в панцирь. А парни все-таки продолжали пробиваться вперед, метр за метром отвоевывая расстояние у пурги.

Когда до Амангельды осталось километров пять, у Чернова кончилось горючее. На исходе оно было и в других машинах. Фадеев предложил отлить бензин в автомобиль Чернова, но тот возразил:

— Во-первых, мы уже и так дохлые, во-вторых, не знаем состояния дороги. Сожжем остатки бензина и сами не сможем идти. Поэтому предлагаю, пока есть бензин, вздремнуть, а потом со свежими силами идти пешком.

Это было разумно. Все водители согласились, так как уже едва держались на ногах. Но Фадеев был против.

— Идти пешком? Да я непривычен ходить пешком!

— Привыкай! — ответил Чурсин. — А я бы сейчас завалился в сугроб и дрых часов десять беспробудно.

— А потом ногами вперед?

— Там хоть как, лишь бы выспаться! — ответил Валерий, со злостью отдирая сосульки от бороды.

— Так не годится, — вмешался Чернов. — Ногами вперед всегда успеем. Сейчас нужно подумать о том, чтобы благополучно добраться до места и встретить Новый год. — Он стоял в лохматой дохе у распахнутой дверцы кабины, заросший так, что сверкали только белки глаз да зубы.

Но Фадеев не сдавался:

— Новый год, а мы без елочек припремся! Хоро-о-ош праздник будет.

Он, видимо, думал об этом всю дорогу и только теперь решил высказать свою тревогу.

— До елочек ли теперь?!

— Мы же обещали! — настаивал Фадеев.

Это был веский аргумент. Возразить было нечего, и все водители молчали. Знали неписаный закон: если пообещал, то непременно сделай. К тому же никому не хотелось оставаться в трепачах перед девчатами.

Фадеев по-своему понял молчание друзей.

— Вы как хотите, а я машину не брошу. Буду один пробиваться. Сдохну, но елочки довезу, — и обращаясь к Чернову: — Где там кружка твоя? Чаю попьем, и опять за работу. Сольем весь бензин в две машины, а остальные оставим. Гриша, ну скажи хоть ты что-нибудь!

— Что говорить, ехать надо. Недалеко ведь осталось. Маленько передохнем и поедем, а, Василий Иннокентьевич?

Чернов молча полез в машину, загремел своей кружкой-выручалкой и паяльной лампой.

Фадеев отцепил из-под кузова ведро, пошел к своей машине сливать бензин.

Прошло какое-то время, и из снежной мути проглянул огонек.

— Кого это нелегкая несет?! — удивился Чернов.

Все с надеждой смотрели на приближающийся свет.

— Похоже, что трактор, — высказал предположение Остап.

И действительно, впереди автомобиля выросло черное пятно с одной фарой и замерло. Это был бульдозер.

Из трактора вышел молодой, крепко сложенный парень, и, прикрываясь от ветра грубой рукавицей, прокричал:

— Загораем?!

— Приходится! — откликнулся Чернов.

Все оживились, обступили бульдозериста.

— Тебя прямо бог послал, — сказал Валерий.

— Не бог, а Белотбеков. Говорит, езжай, прошвырнись, где-то парни должны на подходе быть. Вот я и приехал.

Водители засуетились. Фадеев залил бензин в машину Чернова. За это время трактор столкнул большой сугроб и пошел обратно, расчищая дорогу. За ним вереницей потянулись автомобили.

На крыльцо столовой, у которой остановились, выскочила та, что провожала их в этот рейс.

— Ой, девочки, елочки привезли!

Девчата высыпали на крыльцо, в белых халатах они были похожи друг на друга... и все чему-то смеялись.

«Пустосмехи, — подумал Григорий. — Только бы хихи да ха-ха!» Он искал Светлану; та стояла тихая и робкая и не принимала участия в общем веселье.

Парень подошел к ней.

— А тебе что, елочка не нужна?

— Нет, я ведь здесь на практике, живу на квартире. Думаю на новогодний праздник домой уехать. — Она говорила свободно, как со старым знакомым, и только пристально всматривалась в лицо Григория.

— Что это у тебя с лицом?

— А, пустяки, морозом немного прихватило... Пойду сниму елочки. А ты зря не берешь... Хозяевам бы унесла, у кого на квартире.

Он непослушными ногами доковылял до машины, стал карабкаться наверх. С большим трудом взобрался на воз, полежал на соломе, переводя дыхание, начал отвязывать и спускать вниз колючие деревца. Елочек хватило на всех, даже две остались лишними, и Григорий почти силой сунул одну из них Светлане.

— Возьми, самой не нужно — отдашь кому-нибудь.

— Спасибо! — ответила Светлана. — Я постараюсь увезти ее домой. Вот мама обрадуется, — тут она помрачнела и уже совсем грустно добавила: — Только как увезти-то? Погода такая, что и самой не выбраться.

Их разговор прервала вынырнувшая из пурги легковая машина ГАЗ-69. Она вся была залеплена снегом. Свет фар едва пробивал плотную пелену бури, и казалось чудом, что такой маленький автомобиль так юрко передвигается по глубокому снегу. Из машины вышел Белотбеков. На широкоскулом, мокром от снега лице председателя играла довольная улыбка.

— Слава аллаху! — воскликнул он, подходя к водителям. — Моя беспокоился за джигитов, а видно, напрасно.

— Не напрасно, — ответил Чернов, — как раз вовремя вы нам прислали подмогу. За это спасибо от всех нас.

— Не за что!.. Моя не спит спокойно, если кто мне помогай делает дома, нет!.. А сейчас давай на ферма. Моя распорядился, чтобы раз-два разгружай делали, а потом на бешбармак.

— Спасибо, агай, — душевно тронутый заботой председателя, ответил Чернов, — но нам бы в баньке помыться.

— Банька? — переспросил председатель.

— Да, русскую бы баню, чтобы кости трещали и березовый веник покрепче. Но навряд ли у вас найдется такое, — безнадежно махнул рукой Чернов.

— Что ты говорил... Как не найдется, все найдется, — обиженно заговорил Белотбеков. — Сейчас моя разговаривать будет, — и он пошел в столовую, где только что скрылись хохотушки с елочками.

— Полный порядок! — возвратившись, объявил он. — Третья хата с края, там русский женщина живет. У нее хороший баня. Девочки сейчас ее натопят. Моя команду дал.

— Ну, не знаю, как и благодарить вас.

— Что ты говорил? Зачем благодарил? Моя должен вас благодарить. После бани ко мне на бешбармак.

— Нет, агай, за бешбармак спасибо, но поздно уже, да и устали парни. Буря нас здорово вымотала. Отоспаться прежде всего надо.

Пока разгружали машины, Григорий дремал, положив голову на баранку. Сон хоть и был кратковременный, однако когда поставили машины у кочегарки и зашли домой за чистым бельем, Беляев чувствовал себя сносно и до третьей хаты, на которую указывал председатель, шагал бодро.

Баня действительно оказалась хорошей. Широкая полка из толстых сосновых досок могла вместить сразу троих. Вдоль стены стояла низкая лавочка, у дверей — большая деревянная бочка, до краев наполненная водой, в которой плавали льдинки. Вторая бочка, чуть поменьше, была пристроена к печке, и вода в ней почти кипела. В тазике мокли три березовых веника.

Григорий сразу же влез на полку. Сухой горячий воздух обжигал обмороженное ухо и щеку, но Григорий не сдавался. Чернов сразу взялся за веник, стряхнул, зачерпнул ковш воды и плеснул на раскаленные докрасна камни. Все сразу присели, а Григорий скатился с полки, будто его ветром сдуло. Чернов же невозмутимо натянул голицы и спокойно полез наверх. Там он долго кряхтел, устраиваясь удобнее, затем все сильнее и сильнее стал хлестать себя веником, издавая при этом такие звуки, что водители удивленно переглядывались. Никто из них не решался подняться, так как температура была невыносимой.

— Зажарится наш старик, — хрипло проговорил Фадеев.

— Ничего с ним не будет, — откликнулся Чурсин. — Он варежки надел.

Все засмеялись и стали несмело подниматься. Чурсин первым сел на лавочку и, склонившись над зеркалом, стал остригать бороду.

Вскоре температура стала падать, и Чернов пригласил Григория.

— Айда пожарь свои кощи-мощи.

Наверху дышать было нечем, но Григорий терпел. Видя, что парень «акклиматизировался», Чернов начал слегка похлопывать его веником. Григорий ежился и охал: от каждого удара у него перехватывало дыхание.

Василий Иннокентьевич дал ему второй веник, и вскоре Григорий начал хлестать изо всей силы. Чернов довольно ухмылялся в бороду, подбадривая его:

— Молодец, Гриша, жарь сильнее, говорят, жар костей не ломит.

С этими словами он зачерпнул воды и плеснул на каменку. Снова клуб пара метнулся к потолку, и дышать снова стало невмоготу, но Григорий продолжал париться. Чернов же сполз с полки и посеменил к выходу. Парни видели в окно, как он с разбега бросился в сугроб и долго барахтался там. Затем снова заскочил на полку, поддав жару, и начал неистово хлестать себя, приговаривая при этом перехваченным жаром голосом:

— Ты, Гриша, на снег айда... Ой, блаженство!

Но вот жара стала спадать. Григорий безвольно развалился на лавочке, рядом Чернов подравнивал бороду. Чурсин, Фадеев и Дорошенко неспешно парились, нежились, а заодно и чесали языки.

Вскоре каменка уже не фыркала, выбрасывая клубы пара под потолок, а лишь слабо булькала; шоферы начали одеваться. Гурьбой вывалились из бани, двинулись напрямую через сугроб, который успело намести за время, пока они мылись.

— Новый год всухомятку встречать придется, — ворчал Фадеев.

— До Нового года еще далеко! — возразил Остап Дорошенко.

— Как далеко? Завтра уже тридцать первое. — Фадеев отогнул рукав, посмотрел на часы и удивленно ахнул:

— Братцы, не завтра, а сегодня тридцать первое, время-то уже первый час ночи! Меньше чем через сутки праздник будет.

Чтобы попасть на улицу, им нужно было пройти двор хозяйки. В доме во всех комнатах горел яркий свет, и шоферы решили, что спать не ложатся из-за них. Чернов хотел было зайти и поблагодарить хозяйку, как из дома вышла девушка, обслуживавшая их в столовой.

— С легким паром! — протянула она весело.

— Вы все еще здесь?

— А где же мне быть? Должна же я накормить. Входите, ужин готов!

Шоферы растерянно замялись, не зная, как поступить. Неудобно было среди ночи входить в чужой дом, к незнакомым людям, но блондинка не отставала.

— Да заходите же смелее, господи, и что за красные девицы такие! Не бойтесь, у нас не кусаются!

В квартире Григория встретила Светлана. Заметив его удивление, девушка пояснила:

— Это моя хозяйка, Мария Александровна.

У стола, ломившегося от обилия блюд, стояла седая женщина и виновато улыбалась.

— Прошу за стол, дорогие гости!

Водители переглядывались, не понимая, в чем дело, а блондинка уже подталкивала то одного, то другого.

Мария Александровна была худа, запавшие глаза окаймлены черными кругами, она казалась старухой.

— Баня у вас чудесная, — сказал Фадеев. — Большая, просторная, светлая. Будто на всю деревню выстроена.

— Муженек строил на всю семью, долго жить собирался, а оно вон как вышло. Земля ему пухом... — откликнулась хозяйка и концом платка вытерла повлажневшие глаза.

Все сразу примолкли, понимая, что случилась трагедия и воспоминания больно ранят хозяйку. Наступило неловкое затишье, и Мария Александровна, спохватившись, быстро заговорила:

— Кушайте, кушайте... Председатель не велел вас отпускать, пока хорошо не поужинаете.

— Что ж он колхозное добро разбазаривает! — осуждающе покачал головой Чурсин.

— Кто его знает, свое или колхозное. Для вас ведь ни своего, ни колхозного не жаль. За такую работу надо орденами награждать.

— Вы наговорите... — смутился Фадеев.

— Все село об этом говорит. Заходите в любой дом и везде будете самыми дорогими гостями. Это ведь надо подумать, какую помощь оказываете.

— Работа у нас такая, — степенно откликнулся Чернов. — Если б не мы, то другие помогли. В нашем государстве в беде никого не оставят. Так что мы здесь ни при чем.

Но вот водители стали собираться. Одеваясь, благодарили хозяйку. Та, огорченная быстрым уходом гостей, все суетилась, стараясь угодить им.

Вера — так звали блондинку — и Светлана вышли их проводить. За ворота вывалили шумной ватагой и пошли вдоль улицы через сугробы. Вера все резвилась. Подхва-

тила варежкой рыхлый снег и кинула в Фадеева. Тот побежал за ней, догнал и повалил в сугроб. Незаметно приотстали и Григорий со Светланой. Григорий шел молча. Светлана тоже молчала, наконец она не выдержала.

— Гриша, почему ты такой молчун? Тогда молчал и теперь тоже.

— Знаю, что говорить надо, но не умею. Наверно, потому, что работа такая. Скоро вообще разговаривать разучусь!

— О работе и расскажи. Она у вас интересная. Везде бываете, много видите. Города всякие.

— Города больше нравятся те, где есть объездные дороги или хотя бы указатели направления, чтобы не блуждать. Ну еще по состоянию дорог. С этого и начинается впечатление о городе, хорош он или плох. — Григорий явно бравировал, но вдруг смутился, сменил тему разговора: — Света, а что с мужем Марии Александровны?

— Его трактором задавило. Вообще у этой женщины судьба очень тяжелая. За прошлую зиму всю семью похоронила. Мужа, сына и дочь. Думали, не выдержит она, с ума сойдет. Сейчас вот председатель меня к ней на квартиру определил. Говорит, комсомолка ты, поручение тебе трудное, надо человека спасти, на жизненные рельсы поставить. Я, конечно, стараюсь. Сейчас она даже улыбаться иногда стала.

Пораженный услышанным, Григорий молчал. Как жизнь бывает беспощадной к одному и щедрой к другому. Подошли к дому, в котором жили шоферы. Светлана не уходила, и Григорий предложил проводить ее, но она, словно чего-то напугавшись, замахала руками:

— Нет, нет, не надо... Не провожай. Я сама дойду. До свиданья, спокойной ночи, — торопливо сказала она и побежала обратно. Снежная кутерьма сразу же скрыла ее из виду.

Глава седьмая

Проснулся Григорий от какого-то шума. Посреди комнаты в обледенелом полушубке стоял Коля Стародуб. Рядом отдирал корку льда от шапки начальник эксплуатации Алексей Петрович Петушков.

— Откуда вы свалились? — удивлялся Чернов.

— Как откуда, на Новый год к вам приехали.

— Носит вас нелегкая в такую погоду, — высунул из-под одеяла лохматую голову Фадеев.

— На каком транспорте добрались? — спросил Чурсин. — Сейчас впору только на танке ездить...

— У нас и есть танк — ЗИЛ-157, что нам погода.

— Оно и видно, вон доспехи-то куржаком покрылись. Я сейчас чай поставлю, — оживленно говорил Чернов.

— Дай оттаять маленько. Чаем нас не отпоишь.

Чернов взялся сам раздевать Стародуба. Полушубок снимали осторожно. Корка льда на нем потрескивала, и если применить силу, то полушубок мог лопнуть. Когда Коля наконец вылез из этого скафандра, Чернов отнес полушубок к порогу, и тот стоял там, поблескивая льдом, как доспехи средневекового рыцаря.

Затем так же раздевали начальника эксплуатации.

Чурсин стягивал валенки, удивлялся:

— Плавали вы где, что ли?

— Угу, всю ночь по снегу! А оно знаешь как: в теплой кабине снег тает, выйдешь на улицу — на мокрое липнет. А за ночь-то сколько раз из кабины вылезешь?

— Так вы всю ночь ехали?

— Почти что, но так и не доехали. Перед самым въездом в деревню завалились в какую-то яму, на брюхе «труман» завис. Пришлось свои вездеходы включать.

— Ноги-то у тебя как? — спросил Чернов.

— Ништяк!.. Только пальцы ничего не чувствуют.

— Валера, разотри ему ноги водкой! — посоветовал Чернов.

Несмотря на протесты Николая, Чурсин все-таки натер ноги и закутал их в одеяло.

За это время Фадеев на скорую руку приготовил завтрак: разогрел консервы, вскипятил чай и потчевал гостей.

За завтраком Алексей Петрович рассказывал о новостях.

— Хочу вас обрадовать. Министерство автомобильного транспорта обратилось с просьбой к населению, чтобы каждый житель села или деревни оказывал посильную помощь водителям, занятым на перевозке кормов. Изданы приказы, обязывающие всех руководителей колхозов и совхозов, по территории которых проходит зимник, организовать в период бездорожья непрерывное дежурство тракторов. В каждом райцентре обеспечить круглосуточную работу столовых.

— Дело говоришь! — одобрил Чернов.

— Кроме этого, — продолжал Петушков, — во всех гостиницах имеется предписание, обязывающее устраивать на ночлег водителей.

— А это еще зачем? — насторожился Фадеев.

— Спать в кабинах категорически запрещается. Этот приказ я привез и должен под расписку ознакомить вас.

— Замолол, замолол, — заерзал Фадеев на стуле. — Что же, мы только и будем оформляться в гостиницы да по утрам машины заводить. Солому-то некогда возить будет!

— Я тут, братцы, ни при чем — приказ есть приказ! И приказ правильный. Несколько водителей угорело, отравилось выхлопными газами.

— В других-то колхозах, совхозах как дела обстоят с кормами? — спросил Чернов.

— Неплохо!.. Но вот на днях пятерка из Тюмени на погрузке стояла, нагрузили как положено: машины у скирды оставили, да еще с работающими двигателями. Сами зашли в вагончик чай пить, пока чаевничали, сгорели машины, трактор и прессовальный агрегат.

— Идиоты!.. Под суд таких растяп отдавать надо! — вспылил Чернов. Борода его задвигалась вверх-вниз — признак крайнего негодования.

— Не за что их под суд. Следствие установило, что загорание произошло от автомобильного выхлопа. А искрогасителей не хватает, так что водители не виноваты. Но теперь строжайший приказ пришел, тоже под расписку, без искрогасителей в рейс не выезжать. Теперь, если что, то, конечно, под суд. — Петушков поглядывал на примолкших водителей. «Вот и выложил самое неприятное. Ладно все сложилось, никто вроде не протестует против искрогасителей, хотя и восторга не выказывают», — и он, ободренный своей удачей, заключил: — Искрогасители мы вам доставили. Завтра Николай установит на машины. И чтобы терять не вздумали! С этим сейчас шутки плохи!

Он полез во внутренний карман пиджака, извлек оттуда пакет и развернул. Там оказались деньги. Алексей Петрович аккуратно разгладил ведомость и протянул ручку Чернову.

— Давайте по старшинству.

Фадеев заглянул в ведомость, сделал кислую физиономию.

— Не густо!

— Пока столько. Сами понимаете. Казахстан сейчас не в состоянии выплачивать. Это только аванс. Автобаза на себя взяла эти расходы. А спасем скот, сами понимаете, тогда и получка будет, — оправдывался начальник эксплуатации.

— На харч хватит, а на горючее, — Стародуб щелкнул пальцами, — сами соображайте!

— Как же сообразишь? На ферму идти работать, что ли? Так тут своих людей хватает! — не без ехидства заметил Чурсин.

— А вы Гришку жените. И праздник отметите, и погуляете. Как позапрошлый год Генку Шамичева женили. Вон Василий Иннокентьевич знает, за свата был!

Григорий не заметил, как оказался у столовой, прошел было мимо, но скоро вернулся, нерешительно шагнул через порог. На видном месте стояла елочка, и почти все женщины хлопотали около нее. Светлана стояла на стуле и подвешивала игрушки.

Из кухни вышла Вера и, увидев у двери смущенного Григория, звонко крикнула:

— Света, к тебе пришли!

Светлана повернулась, и большой стеклянный шар выскользнул у нее из рук, но не разбился, а, ударившись об пол, подпрыгнул так, что его успела поймать подоспевшая Вера.

— Эх ты, уж и разбить-то не смогла, — с веселым укором сказала она и, встав на цыпочки, потянулась к верхней веточке, чтобы прикрепить шар, но он, звонко щелкнув, разлетелся на кусочки, осыпав сверкающими осколками Веру. Все засмеялись, стали убирать острые обломки.

— Вот так язык. Как у колдуньи! — говорила буфетчица, у которой на голове возвышалась копна, из которой, по мнению Григория, можно спрессовать целый тюк.

Светлана подошла к Григорию.

— Ты ко мне?

— Да нет, так зашел, — как можно равнодушнее ответил Григорий, — иду мимо, вижу, вы елочку наряжаете, ну и заглянул. Может, помочь чего?

— Проходи, посидим. Ну как елочка?

— Красивая!

— Почему вы на завтрак не пришли?

— Начальство к нам приехало, так мы чаю попили.
— А на обед придете?
— Не знаю, наверно, придем.
— А чем будете вечером заниматься?
— Праздник ведь!
Так они сидели и разговаривали, однако Григорий заметил, что Светлана с каким-то страхом поглядывает на дверь, словно ожидая кого-то. И действительно, вскоре в дверь ввалился парень лет двадцати — двадцати трех. Светлана побледнела, встала и скрылась на кухне. Парень стоял у порога и, набычившись, смотрел на Григория. Козырек его шапки был оторван и прикрывал глаза. На правой щеке выделялись три шрама, похожие на римскую цифру «одиннадцать». Плечи у парня были как-то сдвинуты вперед.
Осмотрев Григория с ног до головы, гость повел в сторону отвисшей губой, подошел к стойке буфета и небрежно швырнул измятый рубль. Буфетчица налила ему вина, он одним махом выпил и пошел к выходу, все так же набычившись, ни на кого не глядя.
И сразу же из-за шторы несмело стали выходить девушки. Они пугливо озирались, а потом снова окружили елочку и защебетали все враз, каким-то непонятным образом успевая говорить и слушать одновременно.
Вышла и Светлана.
— Что это вы так переполошились? — улыбаясь, спросил Григорий.
— Да ну его, бандюгу этого. Проходу никому не дает. Уже два раза в тюрьме сидел и все не кается.
— Ему же обидно, такие девочки — и не обращают внимания, — пошутил Григорий.
— Говорят, обращали раньше, но он подолгу не дружит. Теперь вот ко мне пристает, грозит...
— Прямо так и говорит? Ух ты, страх-то какой! — На Григория напало озорство, и он продолжал шутить, хотя чувствовал, что Светлане сейчас не до шуток. Она положила теплую ладонь на руку Григория и с болью сказала:
— Не шути, Гриша, это серьезно. Его в деревне все боятся, остерегайся его!
Тревога Светланы передалась Григорию. Он стал серьезен, спросил:
— Кем он работает?
— На машине воду возит!

— Вот как, коллега, значит!

— Больше-то ему ничего доверить нельзя. И на этой работе с ним замучились.

— Ну ладно, Света, я учту. Ты сильно-то не переживай. Такие обычно храбрые, когда их боятся. — Григорий поднялся. — Я пошел!

— На обед приходите.

Буря не прекращалась, бушевала с полным накалом. В трех шагах ничего не было видно. Поперек улицы на уровне заборов намело сутробы, и Григорий иногда проваливался по пояс. В квартиру он вернулся с ног до головы в снегу.

У Стародуба оказалась оставленная кем-то в квартире гитара с полуоблезшими наклейками, и он лениво перебирал струны. Фадеев, сидя на койке, слушал музыку и, казалось, дремал. Чернов и начальник эксплуатации играли в пешки, а Чурсин был за болельщика.

— Тебя где нелегкая носит? — спросил Фадеев Григория.

— Да так, прогулялся маленько. В столовой был, на обед нас приглашают.

— Они работают сегодня, что ли? — удивился Чернов.

— Вроде не работают, но для нас приготовили, говорили, утром ждали на завтрак.

— В такую погоду и носа не высунешь, — сказал Чурсин. — Остапа ты там не видел?

— Нет, а куда он пошел?

— За харчами в лавку двинул. Давно уже, и все нет, — откликнулся Стародуб.

Он снова взялся за гитару, потренькал немного, словно пробуя настройку, и вдруг заиграл. Григорий не подозревал, что из этой деревяшки можно извлечь такие чистые, приятные звуки. Николай склонился над инструментом, густые черные волосы упали на лоб и закрыли лицо, он обо всем забыл, играя для себя. Его огрубевшие, с въевшимся мазутом пальцы легко и уверенно скользили по грифу, а правая рука перебирала струны, едва касаясь их. Все это казалось проще простого, но музыка, рождающаяся внутри гитары, завораживала. Он окончил играть, кивком головы откинул со лба волосы.

— Николай, спел бы чего, у тебя это здорово получается, — попросил Чернов.

Стародуб откашлялся, тронул струны и неожиданно твердым голосом начал:

Если сразу не поймешь —
Плох он или хорош,
Парня в горы бери с собой,
Не бросай одного его...

Николай и не пел вовсе, а просто твердо выговаривал слова, которые сопровождала гитара. И лицо у него стало суровым, а взгляд твердым и требовательным.

Лица ребят тоже стали суровыми, резко обозначились обточенные ветрами скулы, казалось, что парни расправили плечи.

Наконец возвратился Остап.

— Долго же ты ходил. В очереди стоял, что ли? — спросил Фадеев, поднимаясь с кровати.

— Народу действительно полный магазин. Люди к празднику готовятся, но как только я вошел — все по сторонам. Прямой коридор к продавцу образовался.

— А чего ж долго тогда?

— Встретил одну знакомую. Любовь свою старую. Гриш, помнишь свадьбу? Ну когда мы с тобой встретились?

— Помню! Сюда-то она как попала?

— С мужем приехала к его родственникам.

— О чем же вы с ней гутарили?

— Да так, о том о сем.

Глава восьмая

Наступал последний вечер старого, уходящего года. Через несколько часов под вой непрекращающейся бури наступит Новый год. И хотя эти парни, оторванные от родных мест, не слишком заботились о том, где его встретить, однако сейчас они притихли: взгрустнулось по родине, по домашнему уюту.

К Марии Александровне они пришли на полчаса позже назначенного времени, чтобы девушки успели все приготовить. Однако те, стараясь не ударить в грязь лицом, все приготовили раньше, так что горячие блюда начали остывать и ребята получили «нагоняй». Марию Александровну было не узнать. Девушки аккуратно уложили ей волосы, слегка подкрасили губы, которые, вероятно, никогда прежде не знали губной помады, и это смущало Марию Александровну. Среди молодежи она чувствовала себя неудобно, поэтому вскоре, как поздравили друг друга с наступающим Новым годом, она неза-

метно ушла, шепнув Светлане, что пойдет встречать праздник в кругу своих ровесников.

После ее ухода молодежь почувствовала себя свободнее. Девушки под аккомпанемент Коли Стародуба спели озорную песенку, подшучивали над Григорием.

— Плохо вы, девчата, шоферов знаете. А Гришку — тем более, — вступил в разговор Чурсин. — Это же не человек — железо!

— Да ладно тебе! — отмахнулся Григорий.

— Чего ладно!.. Чего ладно! Вот Николай живой свидетель, скажет, как ты его из ледяной воды вытащил!

— Было дело! — поддакнул Коля.

— А как работает, — продолжал Чурсин. — Мы от усталости с ног валимся, а он хоть бы хны. И что характерно: ведет машину, спит на ходу и еще умудряется женщин во сне видеть!..

Вскоре включили радиолу. Григорий танцевать не умел, он смотрел на Фадеева с Верой. Чурсин танцевал с Ириной. Светлана смущенно поглядывала на Григория.

— Скажи, Света, что с тобой происходит?.. Когда мы познакомились, ты была не такой.

— Какой я была? — настороженно напряглась Светлана.

— Дерзкая какая-то, озорная.

— Да я и сейчас такая же. — Светлана едва заметно улыбнулась. — Только вот как увижу тебя, так сразу язык отнимается. Саму себя перестаю узнавать. Давай потанцуем!

— Да я не умею! — сконфузился Григорий.

— Я тебя научу, идем! — И Светлана, осмелев, потянула его за руку.

В это время дверь распахнулась и в комнату клубом ввалилась толпа парней навеселе.

— Принес их черт. Весь праздник испортят, — тихо сказала Вера и вышла из-за стола.

Светлана и Ирина быстро шмыгнули в комнату, плотно прикрыв за собой двустворчатые двери, а Катя шагнула навстречу парням.

— Чего приперлись?

— Как чего? Праздник праздновать! Вы забыли нас пригласить, и вот мы исправляем вашу ошибку! — Парень грубо оттолкнул Катю и вышел на середину ком-

каты. — А, шоферишки, ну чего припухли! Разве так гостей встречают?

— Почему же, проходите, — спокойно ответил Фадеев.

— Ну вот, то-то, айда, пацаны, нас угощают!

Это был тот самый парень, которого Григорий видел в столовой. Сейчас он был еще разухабистее. Его маленькие круглые глазки смотрели вызывающе.

А парень этим временем продолжал командовать:

— Садись, пацаны, смелее! Эй ты, интеллигент, — обратился он к Чурсину, — подвинься, чего расселся на двух стульях!

Валерий как-то странно улыбнулся, но пересел на стул, где только что сидела Светлана, и оказался рядом с Григорием.

— А ты убери свою бандуру, видишь, она мешает!

Стародуб взял гитару на колени.

— Шкалик, садись!

Шкаликом он называл тщедушного, неказистого паренька, одетого по моде и посиневшего от холода. Короткая куртка из болоньи была не по сезону, но, как говорится, хоть дрожи, а форс держи. Этот паренек сел рядом с Николаем, и, таким образом, окружение водителей завершилось. Они вчетвером оказались у стены, напротив каждого из них сел новоприбывший, с торцов стола сели еще по одному парню. Предводитель компании, его называли Атаманом, сел напротив Григория и развязно спросил:

— Чего уставился?

— Нравишься ты мне, — спокойно ответил Григорий.

Атаман отлепил от губы окурок и щелчком послал его в Григория. Уверенный в безнаказанности, хулиган открыл щербатый рот и деланно расхохотался. Григорий уже ничего не замечал, бросился к Атаману, в руке у которого оказалась опасная бритва. Он размахнулся наотмашь, но Григорий отпрянул назад. Лезвие бритвы чиркнуло кончиком по шее. Хулиган не ожидал, что промахнется, по инерции склонился над столом, подставив физиономию под правый кулак Фадеева. Владимир, почти не размахиваясь, сильно ударил Атамана в челюсть. Тот грохнулся на пол вместе со стулом. Завязалась драка.

В конце концов спальня была очищена от хулиганов. В комнате остался один Атаман. Он пятился к двери от наступающего Чурсина.

— Ладно, сегодня ваша взяла, но мы еще встретимся! — открывая спиной дверь, угрожал он.

Пока парни мылись и всячески залатывали прорехи, девушки смели в угол битую посуду.

Больше всех пострадал Григорий. Обмороженное ухо распухло, правый глаз заплыл.

У Фадеева вздулась нижняя губа.

— Черт возьми, сколько же времени? Новый год бы не прозевать! — с тревогой спросил Чурсин.

Фадеев взглянул на часы, воскликнул:

— Без трех минут! Давайте живо за стол!

Атаман этим временем притащился домой. Мать, увидев разбитое, окровавленное лицо сына, горько заплакала.

— Идиот ты самый распоследний, — сквозь слезы сказала она. — Такой праздник, а ты на кого похож! Посмотрел бы на ребят прикомандированных. Вчера зашел один в магазин, все расступились, пропустили без очереди. Старики встречают их на улице — шапки снимают, кланяются. А как ты идешь — собаки и те в подворотни шарахаются.

— Ладно, хватит болтать! — грубо прервал он. — Подумаешь — прикомандированные! Такие же парни, и кулаки у них как свинцовые.

— Когда только ты за ум возьмешься. Только посмотри, на кого я похожа стала... На старуху, а мне ведь еще и сорока нет.

Судьба этой женщины была не из легких. В Славике она души не чаяла. С малых лет все самое лучшее, самое вкусное отдавала ему. Твердой отцовской руки в доме не было, а мать, тихая, безвольная женщина, распустила сына. Славик быстро уверился в том, что ему позволено все. Он мог безо всякого повода ударить ровесника, оскорбить старшего или обидеть учителя. Его друзья принимали это чуть ли не за геройство, что льстило самолюбию Славика, и он на глазах превращался из шалуна в хулигана.

Когда Вячеслав попал на скамью подсудимых, мать постарела лет на десять. После года колонии он за ум не взялся и скоро снова угодил в нее, уже на три года. Мать надолго попала в больницу. И вот теперь — опять материнские слезы, бессонные ночи и одна-единственная ис-

корка надежды, что он женится, появятся семейные интересы, заботы... Вскоре и эта мечта угасла.

На этот раз Атаман крепко задумался о своей жизни. Никогда раньше с ним этого не случалось. Даже когда судили, воспринимал все как само собой разумеющееся. Думал Вячеслав и о Светлане, которая вскружила ему буйную голову.

При воспоминании о ней он глухо застонал. Ее Славик по-своему любил; он даже испугался, что если парни узнают о его чувствах — засмеют и отвернутся. Но когда Борька Солоухин, симпатичный парень, стал откровенно ухаживать за ней, Атаман сказал, чтобы тот больше не подходил к Светлане. Того как ветром сдуло. И, странное дело, никто из друзей не упрекнул Славика. Ребята приняли это как должное. Теперь можно было надеяться, что она волей-неволей будет дружить с ним. Все вроде хорошо складывалось, так нет, принесла нелегкая этих командированных. При мысли, что сейчас Григорий, может быть, обнимает Светлану, у Славика потемнело перед глазами.

«Нет, надо что-то срочно делать. Костьми лягу, а своего добьюсь! — сквозь стиснутые зубы процедил он. — Нужно убрать с дороги этого желторотого шоферишку, — рассуждал Атаман. — А как это сделать?.. Сжечь машину! Но... если машина сгорит ни с того ни с сего, то подозрения упадут на меня. Н-да-а... Он восвояси, а я за решетку!.. Вот если бы машина загорелась в рейсе, тогда другое дело».

Будучи водителем, Атаман знал, хотя и не в совершенстве, устройство ГАЗа.

Он вытащил из шкафа большую связку автомобильных ключей...

Глава девятая

Видно, судьба была Остапу Дорошенко встретить здесь свою старую любовь.

...Их рота выгрузилась на станции Мамлютка, а затем — маршем в глубь казахстанских степей. Взвод, в котором служил Остап, расположили близ села на берегу Ишима. Возили зерно от комбайнов на совхозный ток. В тот день прошел дождь, комбайны не работали, и все машины направили на вывозку зерна. Поздним вечером Остап возвращался с элеватора. Снова стал накрапывать дождь. На краю райцентра «голосовала» молодая жен-

щина с ребенком. Оказалось, что она из Ишимного: привозила ребенка в больницу, а сейчас возвращалась домой. Женщина пригласила Остапа в дом поужинать. Здесь он и увидел впервые Ольгу: попутчица была ее старшей сестрой.

Теперь, каким бы уставшим ни был, Остап всегда стремился вернуться в село. А она мигом выскакивала на его автомобильный сигнал. Когда Оля приглашала его в дом, и мать, и отец, старшая сестра да и ее муж были рады Остапу, встречали как родного.

Уборка урожая заканчивалась. Ударили первые заморозки. Времени свободного стало больше, но старшины требовали дисциплины, упрекали солдат, что они разболтались без командирского надзора. Встречаться с Олей было трудно.

В одну из морозных ночей взвод внезапно подняли по тревоге. Не хотелось уезжать, не попрощавшись с Олей. Но она все-таки встретила Остапа на улице.

— Вы уезжаете насовсем?

— Да, Оленька!

Она подала ему конверт.

— Тут письмо и мой адрес. Я давно написала, все ждала случая передать... Пиши! — Она быстро чмокнула его в щеку.

Оля писала ласковые, сердечные письма. Все было хорошо. Оба с нетерпением ждали весны. Перед демобилизацией Остап попал на крупные учения. Снова вагоны, тревоги, марш-броски и атаки. В минуты коротких передышек писал где придется коротенькие письма. Учения продолжались до середины лета. Вернувшись в свою часть, Остап нашел на тумбочке целую стопу Олиных писем. Сдал машину, получил документы и в тот же день помчался к невесте.

У дома Ольги он увидел легковые машины, украшенные к свадьбе. На вопрос Остапа мальчишки хором ответили:

— Ольга замуж выходит.

...И вот встреча с Ольгой. Разговаривали в сторожке.

— Свекор сторожем работает, но он сейчас дома. Я пока за него магазин охраняю, — толковала Ольга и затаив дыхание ждала, что ответит Остап.

Сторожка была такова, что в ней вдвоем было тесно. Небольшая печурка, у противоположной стены грубо сколоченная лавка.

Оля усадила Остапа на лавку, а сама подкинула в печурку уголь. Остановилась, всхлипнула.

— Ну чего ты плачешь?..

— Я всю жизнь, наверное, буду плакать... Такая, видно, уж моя судьба. — Она сунула мокрое лицо в распахнутый полушубок. — Сейчас я плачу от счастья, что встретила тебя. — Она внезапно обхватила его за шею и торопливо стала целовать губы, глаза, лоб, приговаривая: — Мой родной... Мой любимый...

За стеной сторожки гудел ветер.

— Что же теперь будем делать? — спросил Остап.

— Не знаю, — выдохнула она, — все зависит от тебя. Как ты скажешь, так и будет... Я готова на все! — Она с затаенным дыханием ждала, что он скажет. Он молчал, словно прислушиваясь к свисту ветра в трубе. Ольга заговорила опять: — Ты знаешь, я сейчас думаю, что есть еще счастье на земле. Ведь надо же в такую бурю, в такой глухомани встретить давно потерянного любимого человека. Так может повезти только один раз в жизни. Это, видно, наша судьба, и нам от нее никуда не уйти. Мы теперь будем вместе бороться за счастье.

— Не совсем так. Наше счастье принесет горе твоему мужу, а это уже несчастье. Ведь он тебя любит?

Она приподнялась на локте, пристально посмотрела.

— Любит ли он меня? Даже не знаю. Относится хорошо, никогда не обижает, только сердится иногда, что я бываю с ним холодна.

— Ты с ним неласкова?

— Какие тут ласки, думаю только о тебе и ничего не могу с собой поделать.

— Зачем же тогда выходила за него?

С минуту Оля сидела молча, вероятно собираясь с мыслями, а потом, чуть всхлипнув, заговорила:

— Ждала тебя как что-то несбыточное. Считала сутки, в сутках часы, а тебя все нет. Был у моей подружки день рождения, ей восемнадцать исполнилось. Собрались на именины. Много было народу: парни, девушки и коечьи родители. Каким-то образом и Анатолий там оказался. Я его и раньше видела, их бригада в нашем селе монтировала доильные аппараты. Выпили шампанского, потом вина немного. Анатолий все был в кругу девчонок, хотя и старше всех нас лет на восемь. Он остроумно шутил и все время приглашал меня на танец. Играли во дворе, дурачились, парни ловили девчонок. Анатолий за

мной погнался, поймал меня и начал целовать. Я опьянела вся, какая-то слабость по всему телу. Вот и доцеловалась.

Глава десятая

Ни свет ни заря в комнату шоферов ввалился Белотбеков. Его широкоскулое лицо было мокрым от снега, с подбородка стекала вода. Он ахнул заснеженной шапкой по стулу.

— Засужу! — в негодовании крикнул председатель. Он потоптался у порога, сел к столу, подперев круглое лицо ладонью. — Засужу! — с прежней решительностью, но уже более спокойно сказал он.

— Простите, агай, — любезно спросил Чернов, — кого и за что вы собираетесь судить?

— Как кого?! — аж привскочил председатель. — Жулика, бандита, которая вам вечер портил, саботаж устраивал!

— Ну, какой же это саботаж, — рассмеялся Чернов, — просто парни не поделили девчат и выясняли отношения немного в грубоватой форме!

— Вай-вай-вай, — удивился председатель и прищелкнул языком. — Плохой человек защищать хочешь? По нем давно тюрьма плачет, а моя все жалел. Моя сейчас звонить милиция будет, чтобы его забирал.

Чернов усмехнулся в бороду, пожал плечами.

— Дело, конечно, ваше, агай, но ведь в такую погоду и собака из конуры не вылазит. Пока утихомирится — все синяки заживут, ребята помирятся, а потом вы же в дураках останетесь. — Чернов прикурил папиросу, пустил дым так, что он запутался в бороде, и бригадир лукаво улыбнулся. — Будь моя воля, так я бы под суд отдавал не парней, а этих прохвосток, из-за которых весь сыр-бор разгорелся. Ведь что получается: только мы приезжаем куда-нибудь в командировку, местные парни сразу на дыбы. Вот и получаются стычки. Без этого редкая командировка обходится. А после парни друзьями становятся. Так что не вижу причин для беспокойства.

Фадеев поставил чайник на стол и тоже старался успокоить председателя:

— Не переживайте, все утрясется, вот посмотрите.

Белотбеков недоуменно переводил взгляд с Чернова на Фадеева и обратно. Потом он взглянул на Григория, на его заплывший глаз.

— Вай-вай-вай! Как можно так прощал делал. Еще мал-мал — и секир башка был.

Ребята рассмеялись.

— «Труман» бы в село притащить, а то стоит в степи, горемычный, — высказал свое беспокойство Стародуб.

— Мой думает, не сегодня завтра погода за ум возьмется, тогда и работать будем, а сегодня отдыхай делайте, — высказал прогноз Белотбеков.

Действительно, к вечеру стало стихать, а ночью небо вызвездило и ударил такой мороз, что щитовой домик в ночной, непривычной для уха тишине потрескивал и пощелкивал. Изморозь «пробралась» в северные углы, побелила шляпки гвоздей на дверях.

На улице обилие снега. Дома стали намного ниже, а то и вовсе из сугробов торчали лишь крыши с дымящимися трубами. Дым прямыми столбами уходил в голубое безоблачное небо. Ярко-красный диск солнца висел над горизонтом, а рядом — два пурпурных столба. За околицей копошились в снегу тракторы. К машине Стародуба прокладывал дорогу ДТ-54. Он то надсадно гудел, то отступал назад и снова шел на штурм, выворачивая ножом бульдозера глыбы смерзшегося снега.

Чернов прикинул на глаз расстояние от трактора до машины, заключил:

— Пока пробьют дорогу, успеем позавтракать.

В столовой Григорий все отворачивался от Светланы, стараясь не показывать «шрамы». Катя и Вера были чем-то сильно смущены, видимо, вчерашнюю потасовку они принимали на свой счет и чувствовали себя виноватыми.

Когда Григорий со Стародубом подошли к машине, тракторист, увидев водителей, приоткрыл дверцу и настороженно высунулся из кабины. Это был тот самый Борис, который так кстати пришел им на помощь в последнем рейсе и которому досталось от Григория. Он насторожился, но, видя, что водители добродушно улыбаются, повеселел. Николай достал пачку «Примы». Поздоровались за руки. Борис внимательно смотрел на Григория.

— Эх, как отделали! — просипел он. — Я думал, мне всех больше досталось!.. Хотя досталось-то всем хорошо, — он добродушно хохотнул. — Вот что можно с дури-то сотворить.

Николай рассмеялся.

— А все Атаман наш. Пойдем, говорит, пуганем шо-

феришек, чтоб к нашим девкам не липли. Вот и пугануди своим боком, как мешком.

Они еще немного поболтали, выкурили по сигарете и принялись за работу.

Двор кочегарки забит снегом. Только в центре, за стеной здания, где стояли машины, его было поменьше. Борис не мешкая стал очищать территорию и выезд, а водители завели и прогрели моторы.

Открыв капоты, регулировали двигатели, проверяли системы зажигания и питания. Стародуб с искрогасителем и инструментом нырнул под машину Григория и немного погодя загудел оттуда:

— Гришка, воронья твоя голова, ты что ж так за техникой смотришь!.. Бензин-то у тебя течет!..

Григорий заглянул под машину. Аккумуляторное гнездо было затянуто розоватым куржаком. Прозрачные капли срывались и падали в снег. Григорий снял сиденье, поднял спинку. Все пространство под сиденьем и инструментом было залито бензином. Внимательно осмотрев, он обнаружил, что бензин поступает из прорезиненного шланга, соединяющего заправочную горловину с бензобаком.

Николай, заглядывая через плечо Григория, спросил:

— Ну, чего там? Бак потек?.. Наверно, ослабло крепление — и протерся?..

— Да нет, кажись, из шланга, — неуверенно ответил Григорий и отошел в сторону. — Посмотри сам.

Николай осмотрел, ощупал своими чувствительными пальцами поврежденное место, заключил:

— Чепуха, шланг лопнул. У меня в летучке запасной есть. Я уж думал, что-нибудь серьезное, из-за чего мог рейс сорваться.

Он снял шланг и, удивленно вскинув брови, долго разглядывал его.

— Глянь-ко, Гриш, тут, кажись, ножом поработали, — озабоченно произнес он, передал поврежденную деталь Григорию, а сам стал вынимать мокрый от бензина инструмент, спеша добраться до аккумуляторной батареи.

— Кому это надо? — озабоченно проговорил Григорий, с каждой минутой все больше убеждаясь в том, что шланг не лопнул от мороза, не перетерся, а был действительно разрезан острым предметом.

— Кому-то, видно, надо, чтобы машина твоя из рейса не вернулась. — Николай повернулся к Григорию. — Ну-ка, позови сюда шоферов.

Когда водители собрались, Стародуб рассказал о случившемся. Чернов побледнел.

— За такие дела действительно под суд надо!

— Если б знать кто, то я бы с ним без суда разобрался, — процедил Чурсин.

— Местная шпана никак не успокоится, — откликнулся Фадеев. — Нужно проверить все машины и больше без присмотра не оставлять.

Глава одиннадцатая

На трассе кипела работа. Мощные тракторы с волнорезами, машины-снегометы и бульдозеры были брошены на штурм снега. В тех местах, где его слой достигал нескольких метров, делали временные объезды. Тракторы ворочали глыбы снега, пробивали коридоры, и по ним уже двигались машины. Это затрудняло работу дорожников, но время не ждало. Надо было спешить за кормом. Встречались колонны машин, груженных соломой. Их застигла пурга вдали от Казахстана, и сейчас они спешили на разгрузку.

Под утро вышли на Сибирский тракт. Эта древняя трасса была широкой, с обеих сторон ее шла лесополоса, и буря как ни свирепствовала, а наглухо завалить дорогу не смогла. Если где и встречались заносы, то их дорожники уже успели расчистить, и двигаться по такой трассе было легко.

Внезапно машина Григория резко затормозила. Остап, ехавший за ним, тоже остановился, вышел из кабины. Впереди стояла длинная вереница машин.

— В чем дело?

— Не знаю!.. Пробка, наверно!.. Пошли узнаем, разомнемся маленько, — предложил Григорий.

В голове колонны стоял мощный вездеход «Урал» с прицепом-роспуском, груженный бревнами в обхват толщиной. Маленький щупленький водитель бледнее снега метался то к шоферам, то к милиционерам, которые мерили рулеткой.

— Я еду, а он идет поверху... Я только поравнялся — снег под ним обвалился, он прямо под машину... Задним колесом проехал.

Тут и без его объяснений ясно. Человек шел по высокой снежной бровке, которая в этом месте была почти на уровне крыши кабины. Шел бесшабашно, по самому краю и упал вместе со снегом на дорогу. Несчастный случай... Особенно тяжело переживал Беляев. Чернов оттеснил его в толпу и, подталкивая, повел к машине. Григорий оглядывался, спотыкался на ровном месте, его било словно в лихорадке.

— Ты не волнуйся, — неловко успокаивал его Чернов, — со временем привыкнешь. На наших дорогах еще не такое увидеть можно! — Он прикурил папиросу, протянул Григорию.

Григорий механически взял папиросу, с силой втянул дым и сразу же закашлялся, все пытался что-то сказать и не мог.

Чернов добродушно бубнил:

— Кто ж так курить начинает? Надо ж сначала помалу!

Григорий вытер выступившие слезы.

— Как вы его курите, табачище этот?

— Привыкли! — откликнулся Остап. Он тоже в подавленном состоянии плелся сзади.

Под погрузку прибыли на третьи сутки. Приехало сразу несколько сот машин, поэтому водителям пришлось грузить самим.

Григорий подогнал свой «газик» к тюкам, вышел из кабины, и сразу какая-то сила швырнула его на снег. Он поднялся, но земля плыла куда-то, ему пришлось схватиться за кузов, чтобы не упасть снова.

«Нужно нагрузить последнюю машину. За рулем отдохну, — рассуждал Григорий. — Черт знает что... Не поел толком, а теперь вот — пожалуйста!.. Что парни подумают? Скажут, взяли в командировку такую обузу. Нянькаются со мной, как с ребенком!.. Ну ничего, это сейчас пройдет, нужно взять себя в руки».

К нему подошел Чернов.

— Ну как? — подмигнул он. — Штормит?

— Есть маленько, — глухо выдавил Григорий и постарался улыбнуться.

— Ну вот, а ты бегал за начальником, напрашивался в эту командировку. Теперь, поди, не рад?

— С чего вы взяли, Василий Иннокентьевич?

— Вижу, собственной шкурой чувствую... Но знаю еще и другое — это только цветочки, ягодки впереди бу-

дут. Ты присядь, передохнем малость... Я покурю пока. Парни тоже перекур устроили.

Беляев сел на краешек подножки, оставив место для Чернова, тот грузно опустился рядом.

— Ты вот что, Гриша, бросай к черту эту работу, иди на завод токарем или слесарем. Восемь часов отработал — и гуляй смело... На танцы бы ходил, жил по-человечески.

Григорий искоса поглядел на Чернова, на его заросшее жесткими волосами лицо, на набрякшие мешки под глазами, подумал: «Тридцать пять лет, а уже на старика похож. Не от хорошей жизни, наверно», — а вслух спросил:

— Сами-то вы, Василий Иннокентьевич, чего слесарем не работаете?

— Я-то? — удивился Чернов и посмотрел на Григория, словно впервые увидел его. — Пытался бросить, да не могу. Это уже неизлечимо. А может, это в крови у каждого? — рассуждал как бы сам с собой Чернов. — Ведь возьми, например, моряка настоящего. Не может он без моря, так же и летчик без неба. Пока летает или плавает, чувствует себя человеком. Так и я. Для меня дороги — все, и от этого уже никуда не уйдешь. — Чернов закурил, глубоко затянулся и снова заговорил: — Вот возьми нашу семью, никто раньше девяноста лет не умирал — долгожители, а у меня уже спина болит, и желудок, и сердце иной раз перебои дает. Но я что думаю: лучше сорок лет прожить, но так, чтобы все ходуном под тобой ходило, а существовать хоть и сто лет — неинтересно это! Скучно.

— Ну вот, а мне советуете бросить эту работу. Зачем же мне жизнь-то неинтересная?

Чернов снова посмотрел на Григория с недоумением.

— Ох, Гришка, хлебнешь с мое, хватишься, да поздно будет. Врастешь в эту баранку, как дуб в землю, и ничем уже себя не вытащишь.

— По-моему, я уже и так врос!

— Еще нет, но врастаешь крепко. Это я вижу! — Чернов поднялся, посмотрел на Григория с уважением. — Ты, Гриша, поспал бы малость. Мы без тебя нагрузим.

— Чего это я отдыхать буду, когда вы работаете? — с вызовом спросил Григорий.

Чернов спохватился, знал по себе — такая забота обижает, поэтому с напускной грубостью сказал:

— Ну, коль чувствуешь себя нормально — давай за работу!.. Сидеть долго нельзя, раскиснем, и в два раза тяжелее будет. Засветло с этих полей выехать надо, чтоб в темноте не блуждать.

Беляев поверх основного воза погрузил лишних три тюка, предварительно связав их проволокой.

Сумерки сгущались. Включили свет. Причудливые тени замельтешили перед глазами, Чернов, как всегда, ехал первым. Внезапно на дорогу что-то свалилось. Сначала он подумал, что это ком снега, но «ком» внезапно ожил — это был заяц. Он мчался впереди машины в свете фар, забавно подкидывая зад и оскальзываясь на укатанной дороге. Чернов повеселел, прибавил скорость. Косой тоже не мешкал, летел во весь дух. Он еще не понимал, что попал в западню: по бокам были отвесные снежные стены, а позади, гремя и урча, двигалось какое-то чудище. Вот заяц стал уставать и сбавил бег. Чернов тоже притормозил, рассчитывая, что косой все-таки сообразит перемахнуть снежный барьер, но заяц внезапно остановился посередине дороги, сел и, навострив уши, оглянулся. Это случилось так неожиданно, что Чернову пришлось резко затормозить. Колеса пошли юзом, а косой скрылся под машиной.

— Задавил, наверное, вот глупая тварь! — бормотал Чернов, открывая дверцу. И в это время почувствовал сильный удар. Чернов выскочил из кабины и бросился к заднему борту. Впритирку к кузову стоял автомобиль Григория. Перед его машины был окутан облаком пара или дыма, из-за которого ничего невозможно было рассмотреть.

— Глуши мотор! — крикнул Чернов Григорию, а сам бросился к машине и отъехал на безопасное расстояние.

Наконец, Чернов открыл покореженный капот и осмотрел повреждения. Большой опасности не было. От удара облицовка автомобиля деформировалась и вместе с радиатором подалась к двигателю. Лопасть вентилятора врезалась в сердцевину радиатора, повредила несколько трубок.

Водители склонились над двигателем и при свете подкапотной лампочки рассматривали повреждения. Перепуганный Григорий топтался возле кабины, от досады он чуть не плакал. Фадеев заметил состояние Григория, подошел, хлопнул его по плечу.

— Не переживай!.. Теперь мы с тобой оба битые, —

Он похлопал по измятой боковине и не без иронии сказал: — Ишь сморщилась, вражина!

— Правильно, Гриша, делаешь, — поддержал шутку Чурсин. — Так и дальше действуй, бей своих, чтоб чужие боялись!

— Ладно вам, — пробурчал Чернов, — не до смеха сейчас! — Он со злостью пнул валявшегося на дороге зайца.

Парни принялись за работу. Они оттянули радиатор от вентилятора, кое-как поправили капот, боковинки, и Чернов, как хирург, с ножницами и плоскогубцами начал колдовать над радиатором. Он выстригал поврежденные трубки, сплющивал и загибал концы, чтобы предотвратить течь. Григорий смотрел, как Чернов работает, учился, подавал инструменты. Фадеев и Дорошенко разожгли паяльную лампу и натаяли из снега ведро воды, чтобы заправить радиатор. Чурсин при свете фар свежевал заячью тушку.

Чернов заметил это.

— Охота тебе с ним возиться?

— Сварганим и стрескаем за милую душу, — откликнулся Валерий.

— Некогда ерундой заниматься, — пробурчал Чернов. — И так столько времени потеряли!

Но Валерий не обращал внимания на ворчание Чернова, продолжал старательно заниматься своим делом.

Работа подходила к концу. Григорий опасался, что трубки не герметичны и будут пропускать воду. Чернов только усмехнулся в бороду.

— У меня не потечет, я слово знаю!

Он принес металлическую банку, насыпал из нее какой-то желтый порошок в ведро с водой.

— Зачем это, Василий Иннокентьевич?

— Это, Гриша, горчица. Она обладает чудесным свойством, затягивает худые места, устраняет подтекание. Намотай это на ус. В жизни такое шаманство может здорово пригодиться.

После аварии ехали до первой расчищенной площадки. Григорий уснул сразу же, словно провалился в какую-то бездну. Сказались и нервное потрясение, и большая физическая нагрузка в этом рейсе.

Его разбудил Чурсин.

— Хватит дрыхнуть, и так четыре часа спишь!

— Неужели четыре? — Григорий тер спросонья глаза и не мог сообразить, где находится.

— Глуши мотор, пойдем зайчатины отведаем.

Было тихо. Молодой месяц зацепился за остроконечную верхушку сосны и висел, как уличный фонарь. Небо искрилось звездным серебром, и слышно было, как потрескивают в костре сосновые веточки да вполголоса переговариваются парни.

Умылись снегом. Валерий ловко доставал из ведра куски мяса и раскладывал на газете, а Чернов кипятил в кружке чай.

— Когда же вы его сварить успели?

— Валерка кашеварил! — откликнулся Фадеев.

— Так ты не спал совсем?

— Чего это не спал?.. Больно нужно.

— А как же сварил?

— Очень просто. Набил полное ведро снега, посолил, сверху положил мясо, а снизу подставил паяльную лампу. Снег растаял, мясо начало вариться. Пока мы спали— заяц готов. Все очень просто.

Ели с большим аппетитом. В отсветах костра мелькали заросшие жесткой щетиной лица да озорно сверкали глаза.

— Ночька-то хороша-а-а... Нет, братцы, что ни говори, а интересная наша профессия, — заговорил Фадеев. — За один только вот такой ужин в диком лесу у черта на куличиках я бы хоть что отдал, а если бы пришлось жить сначала, то я без колебаний выбрал бы эту жизнь.

— Чего это на тебя лирика напала? — усмехнулся Чернов. — Во сне что-то хорошее увидел?

Чурсин высыпал в кипяток чаю и, помешивая сосновой веточкой, пропел осевшим от мороза голосом:

— Романтика!.. Сколько славных дорог впереди! Ты Сибирь моя, ты Галактика, по тревоге меня подними!

— Романтика — это да!.. В нашем деле ее хоть лопатой греби, — оживился Фадеев. — Сроду не забуду, как в позапрошлом году в Тобольск ездили. Четыре машины у нас было, один ГАЗ-63 — вездеход. Туда доехали благополучно, а на обратном пути дождь зарядил, дороги раскисли, так что ехать невозможно. Остановились мы в лесу. Рядом озеро, недалеко поле картофельное, село рядом. Съездили мы туда на вездеходе, продуктов набрали и живем как на курорте. Грибы в лесу собира-

ем — груздянку варим, картошку печем, а то утром к озерку подъедем, когда деревенские рыбаки сети снимают, у них полведра рыбы возьмем — уху варим! Не жизнь, а малина! Живи себе да радуйся, но ведь натура все тянет куда-то. Прожили мы так дня четыре, отоспались за год и даже поправляться начали, но скука на нас напала неимоверная! Посовещались мы и вперед прорываться. Выехали чуть свет, а к вечеру уже в каком-то болоте по самые уши сидели. Невдалеке лесок стоял, так мы из шоферов в бригаду лесозаготовителей переквалифицировались. Лес пилили и под колеса таскали. Трое суток эта работа у нас отняла, на четвертый день выехали. Сколько сил положили да в грязи вывозились, что на чертей похожи стали, вот так-то!

Фадеев отхлебнул из кружки чай, внимательно посмотрел на друзей, сидящих вокруг костра, спросил:

— Кто мне объяснит, почему это так происходит, все тянет куда-то, не сидится в тепле?

— Это, Володя, потому, что дурная голова ногам покоя не дает, — ухмыльнулся Чернов.

— А сам?

— Так ведь и у меня не умнее! Ну ладно, поехали, а то и так времени много потратили.

Григорий подошел к машине, сказал проходившему мимо Чурсину:

— Из-за этого зайца машину изуродовал!

— Это не из-за зайца, Гриша, а от усталости! Да ты не переживай, после командировки отремонтируешь, будет как новая!

В колхоз вернулись в одиннадцать часов ночи. Белотбеков быстро организовал людей для разгрузки машин. Беляев, прежде чем ехать на ферму, заскочил к Светлане, сбросил три тюка соломы, предназначенной хозяйкиной Зорьке. Светлана увязалась за Григорием. Поставив машины на разгрузку, водители уснули прямо в кабинах. Не спал лишь Беляев. Светлана поглядывала на него озорными глазами и чему-то улыбалась.

— Расскажи, Гриша, как съездили, — попросила она.

— Нормально, правда, туда ехали — буксовали часто, а на обратном пути задремал маленько и в кузов Чернова стукнулся, машину вон помял.

— А сам не ушибся? — со страхом спросила Светлана.

— Нет, скорость-то маленькая была!

— А вообще вы, наверно, быстро ездите?

— Всяко бывает. Где позволяет дорога, быстро едем, а где нет — тогда уж никуда не денешься.

— Гришь, а вот ты едешь быстро, ну как тогда за мной гнался, я ведь страху натерпелась, думала, и куда он так гонит, шею ведь сломать можно. На мотоцикле не могла оторваться...

— За меня боялась, а сама шмякнулась. Я ведь на четырех колесах, а ты на двух. О себе больше думать надо было! — назидательно возразил Григорий.

— Ну вот я и думаю, едешь ты, например, быстро, и вдруг переднее колесо оторвется, что тогда? — с девичьей наивностью высказала она тревожащую ее мысль. — Ну вот возьмет и оторвется!

— Зайду — получу новое! — сквозь смех ответил Григорий.

— Чего получишь, колесо? Да ну тебя! Я серьезно спрашиваю, а ты смеешься! — обиделась Светлана.

— Да я так смеюсь, анекдот вспомнил.

— Какой?

— Сбрасывают десантников с самолета, один солдат и спрашивает старшину: «А что, если парашют не раскроется?» — «Зайдешь — получишь новый», — ответил старшина. Так же и я тебе отвечаю. Вообще-то не отрывались пока колеса. Оторвется — видно будет!

Колхозники разгрузили машины и потихоньку разошлись, но водители не знали об этом — спали крепким сном. Лишь Григорий со Светланой разговаривали. Беляев через силу боролся со сном. Не хотелось уснуть около девушки.

«Что подумает она обо мне?» — рассуждал про себя Беляев.

А Светлана или не замечала того, что Григорий чертовски устал, или не хотела ничего замечать, обрадованная, что остались вдвоем, и продолжала болтать.

— Вы что-то долго в этом рейсе были. Вера все окна проглядела. Любит она Володю Фадеева. И сейчас наверняка не спит, все о нем беспокоится, не знает, что вы приехали, а то бы уж прибежала.

И сама Светлана бегала к окну чаще Веры, но бегала так, чтобы никто не заметил, а значит, и Григорию об этом знать не положено.

— Скажи, а Володя женат?

— Был женат, а сейчас размолвка у них какая-то, —

не вдаваясь в подробности, сквозь навалившуюся дремоту, ответил Григорий.

— А жаль, Вера влюблена в него.

Это последнее, что услышал Беляев. Он уронил голову на баранку.

Увидев, что Григорий уснул, девушка опустила его на сиденье. Тот что-то сонно пробормотал, сладко почмокал губами, но не проснулся. Светлана заботливо укрыла Григория полой своего пальто, склонилась и коснулась губами щеки. Откинувшись на спинку, сидела с закрытыми глазами, счастливо улыбалась чему-то.

Вот у впереди стоящей машины ярко вспыхнули фары, другие откликнулись на это сигналом, все зашевелились, пришли в движение. Кто-то проскрипел валенками рядом с кабиной, потарабанил пальцами по дверце, крикнув:

— Кончай ночевать!

Светлана с трудом растолкала Григория. Он вышел из машины, стал энергично тереть лицо снегом. Затем снова втиснулся в кабину, принес бодрящий аромат морозного воздуха.

— Я, кажется, заснул? — виновато улыбаясь, спросил он.

— Немного, самую малость!.. А что, вы уже едете?

— Конечно, надо спешить, пока погода стоит.

Передняя машина тронулась, медленно поползла со скотного двора, яркими лучами ощупывая глыбы снега. Григорий тоже включил свет, тронулся.

— Гриша, вы долго будете в этом рейсе?

— Не знаю, Света, наверно, быстро вернемся. Дороги уже накатаны. Вот только погода бы не задержала да машины не подвели.

— И опять солому Зорьке привезешь?

— Конечно!

— Вот здорово! — обрадовалась Светлана. — Я спать не буду, тебя подожду, чтобы хозяйку не будить! Только ты осторожней езди. Быстро не гоняй!.. Ладно?

— Ладно, не буду, — весело откликнулся Григорий, останавливая машину у дома Марии Александровны. — Ну пока, Света!.. Спокойной ночи.

— Счастливого пути! — Светлана хотела поцеловать его в щеку, но Григорий повернулся к ней, взгляды их встретились, и девушка, смутившись, быстро выскочила из кабины.

Глава двенадцатая

Остаток ночи колонна двигалась без остановок. Все водители чувствовали себя неплохо, лишь Беляев без конца клевал носом. Чтобы не уснуть, он то высовывал из окна голову на морозный воздух, то вылезал из кабины и управлял автомобилем стоя на подножке, — стоило ему только сесть в кабину и отогреться, как сон наваливался с новой силой.

На рассвете Чернов остановил колонну, хотел предложить водителям чаю, но, увидев измученного, полусонного Григория, изменил решение.

«Эта вертихвостка не дала ему спать, — подумал Чернов, — как бы новой беды не случилось». Подошедшим водителям он сказал:

— Спать хочется до невозможности. Я думаю, надо немного вздремнуть!

Парни в недоумении пожали плечами.

— Спали ведь на разгрузке, — недовольно пробурчал Фадеев.

— На разгрузке ко мне что-то сон не шел, а теперь глаза закрываются, — настаивал Чернов.

Водители разошлись по машинам, чтобы взять самый сладкий предрассветный сон.

Беляев уснул мгновенно, а Чернов еще некоторое время ворочался, соображая, как быть дальше. Он предчувствовал, что и в следующем рейсе эта молодая особа увяжется за Григорием и не даст ему поспать, когда они будут на разгрузке. Надо было что-то предпринимать.

Опасения Чернова оказались не напрасными. Когда они снова прибыли на разгрузку, то их уже ожидали Света, Вера и какая-то симпатичная незнакомка. Воровато оглядываясь, она юркнула в кабину Остапа, и Чернов сообразил, что это, вероятно, и есть та Оля, которую Дорошенко называл своей первой любовью. Да, парни попали в плен.

После разгрузки отправились на квартиру. Валерий уснул сразу же, а Чернов все ворочался. Неспокойные мысли одолевали его. Он решил утром поговорить с девушками и объяснить, что они не только мешают бесперебойной работе, но и создают опасность для их друзей: невыспавшийся водитель за рулем так же опасен, как пьяный.

Он вспомнил свою молодость. Как и Григорий, встре-

тился со своей Леной в командировке. Казалось, любили друг друга до гробовой доски. Поженились, появился сын, были счастливы. Но вот с ним случилась беда, и через месяц его любимая жена написала, что встретила достойного мужчину. Просила извинить, ссылаясь на то, что ничего не может поделать с собой. «Я молода, и мне хочется жить». Сколько он тогда перенес! Если бы это случилось раньше, он, вероятно, поверил бы, что она полюбила, и смирился. Но это произошло, когда он оказался в беде. И вот — у нее «любви не получилось», она через полгода разошлась с «достойным» мужчиной. Потом новое замужество и опять неудачное, а дальше пошло-поехало.

К тому времени, когда Чернов освободился из заключения, Лена была одна, и ему пришлось выдержать ее истеричные «атаки». Она уверяла, что по-настоящему любит только его, просила сойтись, хотя бы для сохранения семьи: подрастающему сыну нужен отец. Он не смог простить такого предательства и порвал с нею всякие отношения.

Сейчас Василий Иннокентьевич боялся за Григория. «Такая скороспелая любовь до добра еще никогда никого не доводила, — рассуждал Чернов. — Григорию предстоит служба в армии. Будет ли она ждать его? Навряд ли!.. Стараются брать от жизни то, что она дает сегодня, не заботясь о том, что будет завтра». С такими тяжелыми мыслями Чернов уснул, не приняв определенного решения.

Проснулся Чернов на рассвете. Ребята спали. Когда они пришли, он не слышал и теперь размышлял, будить или дать поспать еще?

Григорий спал, разметав руки, и чему-то улыбался.

«Спит и во сне ее видит, — подумал Чернов. — Нет, надо его срочно спасать. Пропадет парень! Некстати и то, что Григорий должен остаться сегодня в селе — ремонтировать машину».

За завтраком Чернов был угрюм, мрачно поглядывал на Светлану, обслуживающую их стол.

«Вишь, сама-то на кого похожа стала, — рассуждал он про себя, — лицо сонное, веки припухшие. Сейчас завтрак закончит и без задних ног дрыхнуть будет, а Григорию-то баранку крутить двое суток. Да-а-а... Дела-а-а!»

Он сгорбился еще сильнее, стал шамкать совсем как-то по-стариковски. Остановил Светлану:

— Вот что, красавица, Гришка нравится тебе?

Краска смущения залила ее лицо, она не смогла ответить, лишь в подтверждение кивнула.

— То-то... Как не нравиться!.. Красивый, молодой, скромный!.. Но ты не верь ему. Скромным-то он только прикидывается. На самом деле, знаешь, кто это?

— Кто? — удивленно выдохнула Светлана.

— Бабник, вот кто!

Шоферы с открытыми ртами уставились на Чернова. Ошарашенная Светлана некоторое время стояла неподвижно, а потом неловко улыбнулась и с сомнением ответила:

— Скажете тоже... Да ну вас! — и бегом кинулась на кухню.

Некоторое время парни сидели молча, удивленно переглядываясь. Первым опомнился Фадеев.

— Ты что, старина, того? — спросил он и покрутил пальцем у виска.

Чернов сделал вид, что не расслышал, и лишь склонился над тарелкой.

— Ну ты дае-о-о-шь! — протянул Остап.

— Пусть не лезет! — отмахнулся Чернов.

— Вот это шуточки!.. Да ведь она тебе, старый хрен, в дочери годится, а ты такое отмочил! — негодовал Чурсин.

— Чокнулся дед, заработался, — озабоченно проговорил Фадеев, — надо его срочно врачу показывать!

— Ничего я не чокнулся, дело говорю!.. Мы что, приехали сюда шуры-муры разводить? — Он зло посмотрел на парней. — Не позволю!..

— Смотри-ка, благородная девица нашлась! Юбку надень, а бороду мы тебе мигом выдергаем! — разозлился Фадеев.

— Ты мою бороду не тронь! — Чернов даже пристукнул кулаком по столу.

Вероятно, эта выходка Чернова переросла бы в скандал, если бы из кухни не вышла Вера. Сейчас она была особенно хороша. Парни замолчали, виновато опустили глаза.

— Чего приуныли, братцы-молодцы! — игриво обратилась она к парням. — Наверно, предводитель нагоняй вам дал? Вы его не слушайте! Раньше-то он вас да ребятишек бородищей своей пугал, а теперь уже и до нас добрался!

— Никого я не пугал, —отмахнулся Чернов.

— Как это, а Светлану? У нее, бедняжки, от страха-то аж ноги не двигаются!

Вера рассмеялась, заулыбались и парни.

— Ржете как жеребцы, вам абы повод был, — бормотал Чернов в бороду. — Напугаешь вас, как же!.. Вот это молодежь пошла!.. Да-а-а, дела!

После завтрака парни, еще посмеиваясь и похохатывая, веселой гурьбой вышли из столовой. Григорий, проводив ребят, поспешил к машине. До вечера копался он в моторе — менял клапан.

В доме Марии Александровны было холодно. Светлана принесла дров на растопку, угля, и они вдвоем стали возиться у печки.

Григорий вызвался помочь — напоить корову и дать ей соломы. Но тут ждал его «сюрприз»: животное с такой свирепостью накинулось на гостя, что парень еле выскочил из сарая.

— Ой, я ведь забыла сказать, что она бодучая... Она тебя не поранила? — с тревогой спрашивала Светлана.

— Нет... — Григорий отдышался уже до такой степени, что мог говорить. — Нет... Света... Не беспокойся... все обошлось... Фу, дьявол... — Он с трудом оглянулся на дверь. — Ну и сильная же скотина!

— Чего же ты не кричал?

— Некогда было, — Григорий улыбнулся и махнул рукой. — Ну и ну...

Светлана открыла дверь, позвала:

— Зоря, Зоря, Зоря!

Корова, услышав знакомый девичий голос, протяжно и жалобно промычала.

— Эх ты, Зоря! Чтоб тя приподняло да шлепнуло! — обругала ее Светлана так, как когда-то говорила бабушка, и Григорий, вспомнив это, добродушно рассмеялся.

Короткий зимний день догорал. Солнце висело над кромкой горизонта. Иглистая изморозь осыпала ограду, крыши домов, телеграфные столбы и провода. Под ногами со звоном хрустело, словно кто щедро посыпал битым стеклом. Григорий задержался на крыльце, любуясь зимним вечером, думая о том, как хорошо жить на свете.

Светлана по-хозяйски возилась у плиты, готовя ужин. Григория она прогнала от плиты, заставила умыться и

усадила в комнате перед телевизором. Григорий рассеянно смотрел на экран.

«Хорошо вот так сидеть, отдыхать, никуда не спешить. Знать, что на кухне возится любимая жена, скоро будет вкусный ужин, а потом мягкая постель. Утром плотный завтрак, восьмичасовой рабочий день — и опять дома. Благодать да и только! Живут же люди, позавидовать можно! — Но тут же он представил, что так будет каждый день... — Каждый день!.. Одно и то же! Так ведь всю жизнь можно просидеть под боком у жены, у телевизора, проваляться в постели, а жизнь будет идти мимо! Под старость и вспомнить не о чем! Пока молодой, нужно все испытать и сделать как можно больше. Чтобы под старость можно было смело сказать: «Я жизнь прожил не впустую!»

Вскоре пришли Вера и Катя. Вера много болтала, но настроение компании поднять не смогла. И Григорий и Света были удручены болезнью Марии Александровны. После ужина подруги ушли домой. Григорий тоже стал собираться...

— Ты уходишь?.. А как же я?.. — спросила Света с таким неподдельным страхом, что Григорию стало не по себе.

— Знаешь, Света, неудобно как-то. Что люди скажут? — оправдывался он. — Будут про тебя всякие сплетни ходить.

— Ну и пусть ходят!.. Что же я должна делать, когда Мария Александровна в больнице? Бросить дом без присмотра?

И Григорий остался. В комнатах погас свет, дом погрузился в стылый мрак зимней ночи. Невдомек было Григорию и Светлане, что под их домом бродит человек, обуреваемый злобой, беспощадным огнем ревности. Это Атаман. Он уже порядком продрог, но так и не дождался, когда выйдет Григорий. В доме погас свет, а значит, этот прикомандированный остался там на ночь — у Атамана даже потемнело в глазах. Он сунул руку в карман, нащупал спичечный коробок: «Интересно будет посмотреть на его прыть, когда он вылетит из горящего дома. Только вот как поджечь, чтобы пыхнуло все враз? Бензинчику бы! — тут же он вспомнил, что у него дома стоит канистра с бензином, и Славик, широко размахивая руками, заспешил домой. — Так ведь и она может сгореть? Нет, нужно придумать что-то другое».

Глава тринадцатая

Белотбеков засиделся в конторе допоздна — дела: на машинном дворе ремонтировали технику, готовили ее к весенне-полевым работам, не подвезли запасные части, не хватало людей; после нового года пустили кормоприготовительный цех — это производство так же требовало обслуживающего персонала и ремонтных рабочих. Но главное — корм для скота.

В шести километрах от села было озеро, заросшее камышом. Здесь и добывали его. Камыш занесло снегом так, что торчали только метелки; никакую технику невозможно было применить. Рыли в снегу траншеи до самого льда, серпом подрезали камыш с основания и за верхушки вытаскивали его из снега.

Добытый камыш возили к кормоприготовительному цеху. Силосный комбайн мелко измельчал его, крошево варили в котлах, добавляя комбикорм. Но основным кормом была солома, которую привозили командированные шоферы.

В первом квартале колхоз получал две новые машины. Одна уже пришла. Белотбеков мечтал направить ее для доставки соломы. Кого же посадить на эту машину? Для такой работы требовался выносливый, крепкий парень. Белотбеков посоветовался с Черновым, и тот, не задумываясь, ответил:

— Сади этого, как его, Атамана своего!

Белотбеков принял это за шутку: разве можно доверить новый автомобиль этому шаромыге?! Он дальше своего села и дорог-то не знает, да и по селу нередко ездит под хмельком, но Чернов настаивал:

— Парень он отчаянный, энергичный, вот и пусть лишнюю энергию использует для блага. Не знает дорог — не беда!.. Будет ведь ездить с нами.

Достойных кандидатур для таких ответственных рейсов у Белотбекова не было. В основном водители были пожилые, семейные, их и в Омск-то послать удается с большим трудом. А здесь требуется постоянный напряженный труд, на который способен только доброволец. Был, правда, один добросовестный парень. Сам напрашивался на такое дело, но он был занят в дальних рейсах: то ездил за запчастями, то за кислородом. Был и за водителя, и за снабженца. Так что председатель вынужден был посадить за руль нового автомобиля Атамана. Решившись на это,

он велел техничке вызвать Вячеслава Капустина для беседы.

Вскоре на пороге появился Атаман. Он был в распахнутом полушубке, из-под которого виднелся голубой свитер. Козырек шапки прикрывал ему глаза. Председатель посмотрел на Атамана, улыбнулся. Тот, увидев улыбку председателя, осмелел.

— Звал, что ли, начальник? — развязно спросил Атаман.

— Звал, садись, — стараясь не обращать внимания на его разболтанность, пригласил председатель. — Машина новый пришел, хочу тебе давать, потому тебя сюда вызвал!

Атамана аж в жар бросило.

«Мне новую машину? Вот те раз!.. Уж не случилось ли чего с председателем?» — и он с недоверием покосился на Белотбекова.

— Машина новый, солома надо, с прикомандированными вместе будешь!

«Вот в чем дело, — догадался Атаман. — Солому возить надо, работать как буйволу, ну молоде-е-ец, придумал!» — а вслух сказал:

— Да ладно уж, я как-нибудь на своей водовозке поработаю.

— Не хочешь новый машина? — удивился председатель.

— Машину-то новую неплохо бы, да ведь на ней пахать надо, а я что ж, враг своему здоровью, что ли? — Атаман поднялся. — Зря беспокоился, начальник!.. Поищи другого! О'кэй! — Он вышел, бесцеремонно грохнув дверью.

Председателю стало не по себе.

«Какой плохой человек в колхозе держим! Чужие парни за наш скот душой болеют, живота не жалеют, а свой шалтай-болтай делают, о здоровье беспокоятся», — горько подумал председатель и тяжело вздохнул.

Но тут дверь внезапно распахнулась, в ее проеме снова появился Атаман.

— Слушай, начальник, передумал я, — еще с порога начал он. — Совсем из головы вылетело, что у нас с кормами туго. Ставь меня на машину, буду вместе с прикомандированными солому возить!

Белотбеков немало удивился такой перемене решения своего колхозника, подумал:

«Темнит, хочет в своих целях машина использовать. Ничего, хороший ребята, не дадут пакость сделать!»

Председатель был не далек от истины: Атаман подумал, что упускает счастливую возможность оказаться вместе с шоферами и рассчитаться с Григорием.

Глава четырнадцатая

Вечерело. Шесть машин двигались на север. Чернов впереди, за ним — Атаман, потом Фадеев, Григорий, Остап и Валерий.

Чернов вел колонну на небольшой скорости: новый автомобиль Атамана требовал обкатки. Когда подъезжали к повороту «Тещин язык», Чернов до минимума сбавил скорость и следил в зеркало за машиной Капустина. Он строго-настрого наказывал Вячеславу, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не обгонял его. И сейчас новичок послушно двигался сзади, не пытался выходить на обгон.

Снежные бури стерли надпись, сделанную Григорием, зато через каждые двадцать метров стояли знаки, ограничивающие скорость, а перед самым поворотом — трафарет с яркой надписью: «Опасный поворот» — и с такой же стрелой, указывающей на гранитный выступ, куда ныряла дорога.

«Наконец-то дорожники сообразили поставить указатели», — подумал Чернов и увидел памятник, стоявший на краю обрыва. Это была пирамида с красной звездочкой наверху. На ней — венок из хвойных веток и автомобильная баранка.

Чернов провел колонну по повороту и остановился. Все вышли из машин.

С фотографии смотрел молодой скуластый парень, внизу надпись: «Здесь погиб водитель Свердловской автобазы, комсомолец Соколов Юрий Дмитриевич». И далее — даты жизни.

Парни сняли шапки, стояли молча, отдавая последний долг.

— Один день не дожил до двадцати двух лет, — тяжело вздохнул Чурсин.

Капустин нервно комкал шапку и с опаской поглядывал вниз.

Дали прощальный сигнал и тронулись в путь.

Такие памятники они встречали и раньше. Разбивались, угорали и замерзали водители. Друзья погибших ста-

вили вот такие пирамиды. Они стояли с неделю, а потом их убирали работники ГАИ, ссылаясь на то, что памятники на месте гибели можно ставить только по специальному решению.

Не доехали до Омска, как в три часа ночи их остановила инспекция. Лейтенант милиции в белом дубленом полушубке, перепоясанный крест-накрест ремнями, попросил у всех права и показал на расчищенную от снега площадку, где стояло уже четыре машины, груженные соломой.

— Ставьте машины и ложитесь отдыхать. Как выспитесь, так получите права.

Это было что-то новое, и Чернов несмело заявил:

— Что вы, товарищ лейтенант, еще два часа ехать можно. Мы всегда в пять спать ложимся. Утренний сон самый крепкий.

— Я вам приказываю спать! — тоном, не допускающим возражений, сердито повторил лейтенант.

— Спать, спать, — недовольно пробурчал Чурсин. — Корм позарез нужен.

— Это не мое дело!.. Для меня важно, чтобы вы целы остались!

Чернов хотел возразить еще что-то, но передумал.

Проснулись на рассвете. Вокруг стояло десятка два автомобилей с работающими двигателями. Вероятно, водители тоже вынуждены были спать по приказанию настойчивого инспектора. Чернов забрал у лейтенанта права и роздал водителям.

— Выспались на двое суток, — ворчал он, — теперь можно смело дальше двигаться.

...В село приехали под вечер. Водители остановились у столовой, а Капустин подъехал к дому, вышел из кабины и потянулся распрямляясь. Из ограды вышла соседская дочь Люба. В прошлом году она закончила десятилетку, а сейчас работала дояркой. Проходя мимо, она приветливо улыбнулась Капустину и звонко крикнула:

— Здравствуй, Славик, как съездилось?

Для Атамана это было неожиданностью, а Люба, все так же улыбаясь, прошла мимо.

— Чего это она? — вслух пробормотал Капустин. — То за квартал обегала, а теперь вот: «Здравствуй, Славик!»...

Мать тоже встретила, радостно улыбаясь. На стол поставила лапшу из курицы и свежие пироги.

— Чего это ты так расщедрилась? — спросил, довольно потирая руки.

— Ты теперь вон как работаешь!.. Нужно хорошо кормить, чтоб не ослаб!

— Не ослабну, не беспокойся! Парни всю зиму вкалывают, и ни один еще не ослаб. — И он рассказал о поездке.

После вкусного ужина Капустин начал одеваться. Тепло и домашняя еда разморили его, клонило в сон. Мать, видя, что сын собирается, спросила:

— Ты уже уезжаешь?.. Поспал бы маленько.

Сын усмехнулся:

— Отоспал свое!.. Кто же будет ждать, пока я высплюсь?

В новом рейсе случилось непредвиденное. Как только прибыли под погрузку, подул северный ветерок. Вначале он беспокоил водителей тем, что обжигал лица да продувал одежду, но, пока парни подгоняли машины к тюкам, ветер усилился, потянул поземку. Чернов заторопился в обратный путь. Все понимали, что промедление может кончиться худо. Поземка в степи страшнее снежной бури; она зализывает дороги жестким сыпучим снегом. Без лишних разговоров парни вместо того, чтобы вздремнуть в теплом вагончике, присоединились к грузчикам. Как они ни спешили — поземка кое-где успела замести дорогу, и порой приходилось браться за лопаты. Чем ближе колонна подходила к тайге, тем чаще встречались переносы. Атаман, видя, как яростно работают парни, не очень-то утруждал себя. Когда приходилось подталкивать головную машину, он подпирал ее только для видимости, а за лопату почти не брался, отсиживался в теплой кабине.

Под защиту таежного леса вырвались к двенадцати ночи. Устали крепко, но ложиться не стали: на исходе было горючее, а до таежного поселка Ингулец, где была заправочная станция, оставалось еще километров пятьдесят.

Силы подкрепили, как всегда, круто заваренным чаем, и без промедления тронулись в путь, рассчитывая в поселке поесть, заправить машины и отдохнуть. Набрав скорость, Капустин почувствовал вибрацию. Он с тревогой прислушался к странному поведению машины; вскоре вибрация усилилась. И Капустин вынужден был остановиться.

— В чем дело? — спросил подошедший Григорий.

— Не знаю, трясется вся машина как в лихорадке, а от чего — понятия не имею, — растерянно развел руками Капустин.

Григорий полез под машину, крикнул оттуда:

— Подвесной подшипник карданного вала ослаб!.. Давай ключи, затяну.

Подтянуть болты не составляло труда, и через минуту Григорий уже вылез из-под автомобиля.

— Давай поднажми, — сказал Фадеев Капустину, — а то Чернов беспокоиться будет, что нас нет!

Капустин тронулся, а Григорий подошел к своей машине и по привычке потрогал веревки, проверяя их затяжку. В спешке ребята недостаточно туго затянули веревки, а от тряски они ослабли. Григорий привычным движением достал из-под кузова лопату и сделал скрутку. Это отняло немного времени, но машина Капустина скрылась из виду.

Обнаружив, что колонна отстала, Чернов не остановился, а лишь сбавил скорость. Колонна просто растянулась, считал он, и сзади идущие машины не видны за поворотом. Вскоре действительно показались огни фар, и Чернов снова увеличил скорость. Только в поселке Григорий понял, что ехал не за Капустиным, а за Черновым.

— Куда это Атаман задевался?

Подошли остальные водители, но никто ничего вразумительного сказать не мог. Новичок как сквозь землю провалился. После короткого совещания решили, что горе-шофер свернул на какую-то дорогу, которых в тайге множество. Скоро он поймет свою оплошность и вернется — нужно только подождать. Водители потолкались у головной машины, помянули Капустина шоферскими словами и разошлись по теплым кабинам.

Капустин тем временем, ничего не подозревая, давил на газ, стараясь догнать головную машину. Проехал пятнадцать километров, двадцать, а догнать все не мог. Дорога стала сужаться, и вот уже на ней ни разъехаться со встречной, ни развернуться. Тут только Капустин догадался, что заблудился. Он вышел из кабины, прислушался, не идет ли машина, но кругом было тихо. Вячеславу стало не по себе. Он вскочил в кабину, полчаса он мчался, словно за ним кто-то гнался, а когда опомнился и взглянул на указатель топлива — стрелка дрожала на нуле.

«Что же делать? — в панике думал он. — Нужно немедленно разворачиваться и ехать обратно».

Но дорога была так узка, что на ней невозможно было развернуться, и Капустин продолжал ехать все дальше и дальше. Вскоре тайга расступилась, и он выехал на огромную поляну. Дорога подвела к противоположному концу поляны и уперлась в кучу снега. Здесь рубили лес. Снег был плотно прикатан, а в центре — куча золы и следы от вагончика. Ни одной живой души. Вероятно, бригада вырубила положенные кубометры и переехала в другое место. Капустин решил ехать обратно. Но километра через три мотор дал несколько перебоев и заглох. Капустин в растерянности прислушивался к наступившей тишине. Так сидел он довольно долго, лелея слабую надежду на то, что кто-нибудь все-таки поедет по этой дороге.

Для бывалого человека тайга не страшна. Здесь всюду можно найти дрова для костра, а у огня не страшен никакой мороз. Но Капустин был степной житель и, оказавшись ночью в тайге, перепугался. За каждым деревом ему казался притаившийся медведь-шатун, а на каждой верхушке сосны — рысь, и он продолжал сидеть, чувствуя, как мороз проникает в кабину.

* * *

Григорий проснулся от холода, зажигание было включено, шумел отопитель кабины, нагнетая холодный воздух, а мотор не работал. Григорий нажал на стартер, пытаясь завести двигатель, но из этого ничего не получилось: кончился бензин. Ежась, он вылез из кабины. Свет уличных фонарей ярко освещал машины. Их было пять, одной не хватало, и Григорий посмотрел на часы. Было четыре ночи, спали три часа, и за это время Капустин не приехал. Беляев подошел к машине Чернова, постучал по дверце.

— Кончай ночевать!

Чернов высунул бороду.

— Атамана все еще нет?

— Нет и, наверное, не будет. Надо ехать искать.

— С чего ты взял?

— Бензин!.. У меня уже кончился.

Чернов взглянул на щиток приборов и сразу же заглушил двигатель.

— Черт, у меня тоже на нуле!.. Неужели мы так долго спали?

— Больше трех часов!
— Ух ты!.. А кажется, только глаза сомкнул!.. Ну-ка, буди остальных!

Водители собрались у машины Чернова. В это время показались огни автомобильных фар. Парни смотрели на приближающиеся машины, надеясь, что вместе с ними будет Капустин, но это была курганская четверка.

Чернов распорядился:

— Гриша, цепляй трос, потащу на заправку. Валера, оставайся здесь, может, он за это время появится.

Когда вернулись с заправочной станции, Чернов приказал всем оставаться здесь, взял с собой Григория искать Капустина.

В лесу действительно много «свертков», но все узкие и малонакатанные, так что сбиться с основной трассы практически было невозможно, но, несмотря на это, Чернов останавливал машину у каждой такой развилки и дотошно разглядывал следы.

Машина Атамана появилась внезапно. Она стояла без света и уже успела покрыться игольчатой изморозью; стекла кабины изнутри подернуты льдом. Чернов резко затормозил. Оба выскочили из машины. Капустин, скорчившись, лежал на сиденье без признаков жизни. Шоферы начали трясти его, тереть щеки и руки. Вскоре Капустин промычал что-то невнятное и слабо пошевелил рукой. Когда Вячеслав пришел в себя, его перевели в теплую кабину. Чернов продолжал возиться с пострадавшим, а Григорий начал кипятить чай.

Чернов вышел из кабины в одном пиджаке, взялся за лопату. Работы предстояло много: нужно было расчистить от снега площадку для разворота автомобиля и натопить воды, чтобы заправить систему охлаждения. Григорий с Черновым принялись за работу, а Капустин тем временем, обжигаясь, пил круто заваренный чай.

Глава пятнадцатая

Ранние зимние сумерки наползали на степь. С озера, урча мотором, появился трактор. Он тащил за собой вагончик с людьми, работавшими на заготовке камыша. В основном это были женщины. Рабочий день закончился, и они могли теперь расслабить натруженные руки.

— Ой, девочки-и, что я вам скажу, — говорила худенькая Таиська, жена деревенского плотника. «Девочки», ко-

торым за сорок, навострили уши. — Квартирантка-то Марии Александровны с прикомандированным шофером живет!

От такой новости «девочки» так и ахнули, однако дородная крупная женщина по прозвищу Пугачиха усомнилась:

— Откуда это тебе известно?

— Своими глазами видела, как он утром от нее вышел. Я бы так, может, и внимания не обратила, а он шасть из калитки. Идет и по сторонам зыркает. Тут-то я и смекнула, что к чему.

— Надо же.

Трое мужчин сидели около дверей, смолили «Приму», прислушиваясь к женским разговорам. Но вот один из них не выдержал:

— И охота вам, бабы, языками лязгать? Хорошая девочка — так вы ее сплетнями загадите.

Трактор остановился у столовой. Женщины, выходя из вагончика, обратили внимание на интеллигентную женщину в шубе.

— Бабы, глядите, это не наша какая-то, — тихо проговорила Пугачиха.

— Никак мать квартирантки. Наверное, и до нее слух дошел. Ой-ей, что будет-то-о-о!..

Женщины не ошиблись. Это действительно была мать Светланы. Она приехала навестить дочку, так как в последних письмах Светлана писала, что хозяйку парализовало и ее отвезли в больницу. К тому же теперь, кроме работы в столовой, нужно заботиться о домашнем хозяйстве. И еще о чем-то Светлана не дописывала.

Вера, заговорщицки подмигнув, выпалила:

— Едут! — схватила Светлану и прижала к себе.

Вера в последнее время стала какая-то другая. Ни с того ни с сего начинала веселиться и вдруг становилась грустной, вздыхала, мечтательно глядя куда-то.

Светлана украдкой подошла к окну. Поземка лохматыми языками лизала степь. В вечерних сумерках по заснеженному полю, покачиваясь, двигались груженные соломой машины. Девушка инстинктивно пересчитала их, повеселела. Ее раздумья прервал голос из зала:

— Света, Света! Беги скорее сюда!

Светлана, недоумевая, вышла в зал и увидела мать.

— Ой, мамочка! — вырвалось у Светланы, и она кинулась матери на шею.

Та обняла дочь, поцеловала в щеки, потом отстранила на вытянутые руки, стала рассматривать:

— Какая большущая стала! Тебя прямо не узнать...

Мать с любовью смотрела на повзрослевшую дочь, гордилась ее красотой, и в то же время ворочался червячок страха. Давно ли ребенком была, не успела оглянуться — невеста. Парни, наверно, ухаживают. Надо к свадьбе готовиться. На глаза матери навернулись слезы. Светлана истолковала эти слезы по-своему и постаралась успокоить мать.

— Ну чего ты, мам? У меня все нормально. Садись, я тебя сейчас ужином накормлю.

— Сама готовишь-то?

— Нет, мамочка, у нас шеф-повар есть, а я только помогаю ему.

— Нравится работа?

— Ой, конечно!.. Особенно когда вкусный обед и люди хвалят!

В столовую вошли шоферы. Светлана растерялась, не зная, идти ли обслуживать их или остаться около матери.

Мать догадалась о ее нерешительности, слегка подтолкнула:

— Иди, иди работай, а я посижу посмотрю на тебя.

Шоферы садились за свой столик, и Вера уже спешила к ним с подносом, на котором дымились тарелки с наваристыми щами. Вдвоем они быстро подали все необходимое, и Светлана подошла к матери.

— Это шоферы командированные. Они солому возят из Тюмени, а мы их обслуживаем.

— Хорошие ребята, наверное?

— Мы их редко видим, они все в рейсах и в рейсах, — говорила Светлана, а сама украдкой поглядывала на Григория.

Мать заметила ее взгляд и с тревогой спросила:

— Тебе нравится этот парень?

— Ну что ты, мама! — Светлана смущенно опустила глаза. — Просто он помогает ухаживать за Зорькой. Солому иногда привозит. Я ведь тебе уже писала об этом!

— Ну, ну... — Мать понимающе кивнула. — Только ты смотри, а то это народ-то ненадежный. Сегодня здесь, а завтра там. Ищи потом ветра в поле, — и, не давая Светлане возразить, опять подтолкнула. — Иди, иди работай!

Капустин брел по улице. После такого рейса у него гудело в голове, качалась земля под ногами, однако отдыхать он не собирался. Он шел в магазин. Знакомые узнавали парня, здоровались. У магазина встретил Бориса, тот протянул руку.

— Мой почтенный привет!

— Здорово! — хмуро откликнулся Атаман.

— Я слышал, ты в рейсы ходишь?

— Хожу!

— Ну и как?

— Нормально!

— Черт возьми, жалко, что я не шофер, а то бы тоже с вами. Тут сидишь, скукота.

Борис начал привязываться с расспросами. Атаману совсем не хотелось распространяться о том, как заблудился в трех соснах и почти на сутки задержал рейс. Он холодно попрощался с Борисом и пошел в магазин, оставив того в недоумении.

В магазине десятка полтора женщин. Капустин остановился у входа, размышляя, как бы «пикирнуть» без очереди. Раньше это у него здорово получалось.

Женщины заметили Капустина у входа, и по очереди пробежал легкий шепоток. Потом одна молодуха повернулась к нему, приветливо улыбнувшись, предложила:

— Вячеслав Андреевич, проходите без очереди, нам ведь не к спеху, правда, бабы?

— Конечно, чего уж там!

Капустин в недоумении уставился на женщин. Кого это они Вячеславом Андреевичем называют? Вячеслав несмело подошел к прилавку; продавец любезно обслужила его, и он направился к выходу, все еще не веря, что женщины так просто пропустили его к прилавку. Уже закрывая дверь, услышал все тот же молодой голос:

— В такую даль ездит! По двое суток из-за руля не вылазит!.. Подумать страшно!

«Двадцать пять лет, а я впервые услышал свое отчество!»

Дома мать осторожно заметила:

— Тебе ведь в рейс завтра.

Глава шестнадцатая

Конец февраля выдался суровый. Бесконечные вьюги напрочь заглаживали дорогу, заваливали снегом скотные

дворы и поселки. Рейсы из двухдневных превратились в недельные. За январь и начало февраля, когда стояла хорошая погода, парни смогли запасти достаточно корма. Сейчас этот запас расходовался, но все надеялись, что ближе к весне погода «утихомирится». Все-таки, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай, поэтому они продолжали работать, не жалея ни себя, ни машин.

Капустин втянулся в работу; у него не болела спина, перестали неметь ноги от длительного сидения за рулем. На ладонях появились жесткие мозоли от баранки. Однако теперь в рейсах ему приходилось труднее других. Он не понимал, что движет этими парнями. Капустин ездил в дальние рейсы, смертельно уставал, но бросить новый автомобиль и сесть снова на водовозку не позволяла гордость. Видя, с каким почтением стали относиться к нему колхозники, он чувствовал себя уже совсем по-иному и делал вид, что нимало не устает и ездит за кормами, как человек, понимающий всю ответственность сложившейся обстановки.

Радовало Капустина, что соседская дочь, Люба, при встречах стала приветливо здороваться; часто под каким-нибудь предлогом она заходила к ним в дом. Как-то он вернулся из рейса поздно вечером, ужинал, и в это время зашла Люба. Она, вероятно, возвращалась из клуба, была нарядно одета. Его поразила красота вчерашней школьницы, угловатой девчонки.

Вера Сухарева работала второй год в столовой села Амангельды. Родителей у нее не было. В сорок третьем на одной из разрушенных улиц Ленинграда ее подобрали бойцы — девчата заградительного отряда стратостатов. Ни имени ее, ни фамилии так и не узнали, отогрев этот худенький писклявый комочек, назвали Верой. Ночами они клали ребенка между собой, кормили жеваным хлебом.

После снятия блокады Веру эвакуировали с детскими яслями в Алма-Ату. Там она и росла, перешла в садик, а потом в детский дом. В детском доме получила специальность кулинара и выпорхнула в самостоятельную жизнь.

Нравилось ей во Владимире спокойное мужество, ровный характер да приветливая откровенная улыбка.

Сейчас Вера выглядывала в окно, дожидаясь возвращения машин. Этот рейс опять затянулся; из-за непогоды шоферы часто задерживались, и каждый раз она вот так ждала, беспокоилась. Вера знала, что у нее появится ребенок. Каждый раз, ожидая Владимира из рейса, она думала, что скажет ему о ребенке, но так и не набралась смелости.

Машины появились, как всегда, неожиданно. Светлана побледнела. Неосознанный страх ворохнулся у Веры под сердцем, она выронила нож, которым чистила лук. Светлана бросилась к выходу. За ней поспешила и Вера. Первым у крыльца остановился Чернов, второй подходила машина Беляева, Светлана увидела за рулем Капустина, растерянно остановилась, срывающимся голосом крикнула:

— Где Гриша?!

— Здесь я! — отозвалось из глубины кабины. Григорий вышел из машины, и Светлана кинулась ему на шею.

— Ой, Гриша, как я напугалась! — Она заметила перебинтованные руки и с тревогой спросила: — Что это с руками?

— Да так, пустяки, — сконфуженно ответил Григорий.

Капустин молча наблюдал за этой встречей, многое он бы отдал за то, чтобы Светлана встречала вот так его, а не Григория.

Водители в эту ночь остались ночевать в деревне. Фадеев, Остап и Григорий быстро куда-то исчезли. В квартире были Чернов и Чурсин, когда вошел председатель.

— Ну чего шаем угощал не делаем?

Чурсин встал, включил электрочайник, поставил стаканы на стол.

— На ферме отел начался, корма много надо, молодняк спасай делать, — толковал председатель.

— Начнется весенняя распутица, раскиснет зимник, вот где беда начнется. Все наши усилия, весь труд может пустым оказаться! Нам сейчас никак передышек нельзя делать. Завтра чуть свет в рейс уходим, Капустина с нами отпускай.

— А если он машину разбивай делает?

— Не разобьет, хотя от этого никто не застрахован. Мы сейчас не о машинах думать должны, а о том, чтобы скот кормить.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появил-

ся Капустин. Увидел Белотбекова, и лицо его помрачнело.

— А, председатель, извините, что помешал!

— Славик, ты куда?!. Вернись сейчас же! — крикнул Чернов.

Капустин вернулся и, держась за ручку двери, словно приготовившись в любую минуту выскочить из комнаты, проговорил:

— Чего вам?!

— Проходи, садись, — Чернов подвинул ногой стул. — Чего напугался? Съедят тебя тут, что ли?

Капустин присел.

— Можно, я у вас ночевать останусь?

Чурсин с председателем удивленно переглянулись, а Чернов, словно ожидая этого вопроса, немедля откликнулся:

— Конечно, можно! Места всем хватит! Только не пойму я, чего ты дома не ночуешь? Мать испереживалась, наверно, места себе не находит, а ты еще и на ночь ее одну оставишь!

— Не могу я смотреть на нее. Опять возгудать начнет, ворчать.

— Зря твоя так про мать думал! — вмешался Белотбеков. — Она хороший женщина. Ходи домой, Вячеслав, мать обижал не делай!

— Мы счас в гости к тебе пойдем.

Чернов с кряхтением поднялся, медвежьей походкой подошел к вешалке, стал надевать шубу, Чурсин тоже оделся.

— А где же остальные-то? Гришка где? — спросил Капустин.

— Черт их знает!.. Молодежь, их и усталость не держит. Любовь где-то крутят!

На улице все так же шел снег. Крупные снежинки, паря в воздухе, медленно оседали на землю. Тишина и благодатный покой стояли кругом. Хорошо в такую погоду бродить по улицам, вдыхать воздух, в котором уже чувствуется звучание весны.

— Весна скоро! — подняв голову, мечтательно проговорил Чернов. — Какой она нынче будет?.. Хорошо бы дружная, чтоб быстренько все растаяло и зеленая травка из-под снега поперла!

— Ничего, мой думает, все хорошо будет, — отозвал-

ся председатель и показал на машину. — Садитесь, моя вас подкинет!

Когда подъехали к дому Капустина, Чернов спросил председателя:

— Вы с нами не хотите зайти?

Их встретила худенькая женщина с нервным лицом. Во взгляде ее сквозила настороженность. Чернов подумал, что женщина напугалась его вида, и постарался добродушно улыбнуться.

— Добрый вечер, хозяюшка! Не ждали гостей в столь поздний час?

— Гостям мы всегда рады! — поглядывая на бородатого великана, откликнулась хозяйка.

Из-за спины Чернова вынырнул Вячеслав.

— Мамаш, ты вот что, сообразила бы чего, это же друзья мои!

Мать и без того уже догадалась, что это командированные водители, и торопливо стала хлопотать у стола, украдкой смахивая слезы.

— Вы, мамаша, не беспокойтесь, мы не голодны, рано утром в рейс уходим! — предостерег ее Чернов.

Мать удивилась, что ее сын обращается к бородатому шоферу на «вы», да еще и называет по имени-отчеству, чего с ним никогда не случалось.

Она стала замечать, что, приезжая из рейса, он хоть и валился от усталости с ног, но никогда не грубил, оставался доволен тем, чем кормила его, хвалил приготовленный обед. Да и колхозники стали относиться к нему иначе. «Твой-то никак за ум взялся!» — с уважением напоминали они при встречах. Мать надеялась, что сын действительно за ум взялся. Тихо сидела в сторонке, поглядывала на водителей. «Какая должна быть сила у этих парней, которые работают среди постоянных опасностей. Даже после трудного рейса разговаривают и улыбаются, будто ничего не произошло».

Глава семнадцатая

Товарищи уехали. По утрам Григорий ходил в медпункт на перевязку. Потом читал и с нетерпением ждал вечера, когда они со Светланой оставались вдвоем. Вместе они топили печку, кормили и поили Зорьку.

Погода стояла хорошая, и парни постоянно находились в рейсах, а он маялся от безделья. Натаскал угля и

воды в баню, рассчитывая затопить ее, когда приедут друзья.

— О-о-о, да тут хозяин дома! — На пороге показался Стародуб и, полуобернувшись, пригласил: — Входите смелее!

В комнату вошли Оксана с Ниной, женой Фадеева.

Оксана, увидев забинтованные руки Григория, забеспокоилась:

— Ой, Гриша, что это у тебя с руками?

— Пустяки, уже почти зажили!

— Пустяки, все вам пустяки! Дай посмотрю! Что случилось-то?

— Ожег!

— Сильно болят?

— Нет, уже в рейс можно ехать, — успокаивал ее Григорий.

— А ты нас не ждал?

— Нет, конечно!

— Деньги я вам привезла и путевые листы, а Нина в гости приехала.

— Эх, жаль, парней нету, я им такие запчасти привез!.. — толковал Стародуб.

— Ребята должны скоро подъехать, я им баню наладил. В рейс завтра не поедут — ремонтом заниматься будут.

— Ну, Гришка, и голова у тебя! Прямо Дом Советов. Как машины-то ходят? — беспокоился Стародуб. — Ремонту много требуется?

— Есть работенка! У Чурсина шпильки полуоси срезало, болты поставили, а они отходят. Как где остановимся, он с ключом — подтягивает.

— Ну это мы вмиг наладим! Что еще-то?

— Фадеев правое крыло о дерево снес. Мы малость подправили, а фары нету, так и ездит с одной.

— Фара старенькая у меня, кажись, завалялась где-то!

— У Чернова трактор оба крюка с мясом выдрал, сейчас буфер на честном слове держится. Цеплять для буксировки не за что, там сварка нужна.

— В колхозе что, сварки нету?

— Есть, да все некогда. Завтра вот и заварит.

— А у тебя что?

— У меня вроде все цело, только Чернову в кузов вляпался, облицовку помял и радиатор. Половину внут-

реннего ряда заглушили, горчицы засыпали, ходит пока, а летом, наверно, мотор перегреваться будет.

— Это мы уладим! У меня новенький радиатор есть!

— Ну?.. Так ты мне его отдашь?

— Конечно, отдам, для друга разве жалко чего?

К Григорию пододвинулась Фадеева, спросила:

— Гриша, у Володи тут есть женщина?

Григорий посмотрел на нее: «За мальчишку меня принимает», — и, сделав равнодушный вид, ответил:

— Некогда нам такими делами заниматься.

Оксана нахмурила лобик, свела тонкие брови к переносице, получилось очень забавное выражение, и Григорий заулыбался.

— Ты чему улыбаешься? — растерянно спросила Оксана, обезоруженная веселой, почти детской улыбкой Григория.

— Ты сейчас на главного инженера похожа или на начальника автобазы. Тебе это здорово идет!

Вошел Стародуб с гитарой.

— Чего это мы про машины толкуем, больше других разговоров нет, что ли?

— Оксана говорит, что мне резину раньше срока не дадут.

— Нашла о чем беспокоиться. Тут машины заранее обречены, а она про резину.

— Откуда это тебе известно? — испуганно спросила Оксана.

— Слышал разговор среди начальства.

— Машины же новые были?

— А условия эксплуатации-то немыслимые. Надо понимать!

Стародуб склонился над гитарой, тронул струны, запел сильным приятным голосом:

Красивая профессия — шоферы,
Другой такой на свете не ищи:
Какие открываются просторы,
Какие открываются пути!

— Парни приехали! — крикнул Григорий.

Увидев жену, Фадеев растерянно остановился. Так и стояли друг перед другом: он — заросший жесткой щетиной с ввалившимися, покрасневшими от бессонницы глазами; она — бледная, покорная, нервно комкала пухо-

вую шаль. Вошедшие парни растерянно топтались у порога.

Чернов повернул Чурсина и подтолкнул к двери.

— Пошли на улицу, тут нам делать нечего.

Григорий тоже поспешно накинул полушубок.

Фадеев с женой остались вдвоем. Он устало опустился на стул.

— Зачем приехала? Между нами все кончено.

Она робко подошла, хотела пригладить взъерошенные волосы.

— Не прикасайся ко мне! — Фадеев брезгливо отвернулся.

— Володя, у нас ведь сын растет, подумай о его будущем.

— Об этом должна была думать ты прежде.

— Прости, Володя...

— Ни к чему все это! Никаких прощений...

Водители топтались у машин, курили, пуская дым в морозный воздух.

Оксана подошла к Григорию.

— Гриша, кто эта девушка, которая в столовой нас обслуживала?

— Студентка из училища, на практике она здесь, — просто сказал Григорий. — Хорошая девушка, мы с ней дружим.

— Ты ее любишь? — тихо спросила Оксана.

Григорий покраснел до ушей, помолчал, не зная, что ответить, а потом невнятно пробормотал:

— Не знаю, вообще-то она хорошая девушка...

...На крыльце показалась Фадеева. Она пошла по улице, никого не замечая и спотыкаясь на ровной дороге.

Чернов крякнул, сбил шапку на затылок.

— Эх ты, мать честная, зря, видно, бабенка приехала. Увезти ее обратно в райцентр надо. — Он посмотрел на Стародуба. Тот растерянно топтался у своей машины, и глаза его поблескивали.

— Давай ключи, я на твоем «трумане» увезу! — шагнул к нему Остап. — А ты мою машину на разгрузку угонишь.

Глава восемнадцатая

Приближалась весна. День заметно увеличился; сугробы осели, на солнцепеке появились первые сосульки.

Пять порожних машин в предвечерних сумерках остановились у столовой поселка Ингулец. Чернов оглядел парней.

— Ничего, недолго осталось воевать. Выгонят скот в поле, тогда отоспимся.

* * *

Весна пришла на землю. Караваны диких гусей, журавлей с радостным кличем величаво проплывали в голубом небе. Поля, залитые талой водой, дымились маревом. На лугах сквозь остатки рыхлого снега проткнулись первые иглы молодой травки. Через день-два стада можно будет выгонять на луга.

Командировка подошла к концу. Последнее время водители работали только по ночам, когда подмораживало, но вот уже вторые сутки нельзя выехать в рейс даже ночью. Председатель колхоза обещал завтра с утра выделить трактор, чтобы буксировать машины до железнодорожной станции. Там их погрузят на платформы и отправят домой по железной дороге. А сегодня Белотбеков пригласил шоферов, как он выразился, на маленький сабантуй.

...Чернов теребил прошлогоднюю дудку полыни, глядел в степь, вдыхая весенний воздух, и прислушивался к песне, усиленной мощными репродукторами сельского клуба.

Парни зашевелились. Чернов достал папиросу, чиркнул зажигалкой.

Подошедший Фадеев смущенно сказал бригадиру:

— Думаю забрать Веру с собой. Найдем где жить...

— У меня квартира хорошая, живите у меня, — отозвался Чернов.

— Поедет ли она сейчас? — засомневался Чурсин.

— Обязательно поедет, — твердо сказал Фадеев. — Надо поговорить с ней. Валера, может, у тебя это лучше получится? Женатый человек, авторитет все-таки!

— Ладно, поговорю, — согласился Чурсин.

Они посидели молча, курили, слушали, как с небесной синевы лился переливчатый крик журавлей.

Вечером собрались у председателя. Все было так же, как в первый раз: низкий стол и подушки вокруг него, только водители были отдохнувшие, веселые, в чистых свитерах и рубахах. Бектай Белотбеков также нарядно одет.

Хозяин приветливо улыбался, всем душевно жал руки.

Председатель торжественно сказал:

— Нынешний зима был тяжелый, но зимовка прошел хорошо. Это потому, что хороший джигит помогал. Спасибо за ваш большой работа!

Слушай, Гриша, — подсел председатель к Беляеву, — оставайся наша деревня. Светлана хороший девушка, свадьба справлял будем, машина новая давал, дом Мария Александровна жить будете, пока новый делал.

Чернов прислушался к разговору, погрозил председателю:

— Агитацией занимаетесь?.. Нехорошо-о!

— Почему нехорошо? Моя всем предлагал оставаться. Летом дома строил, девушек хороший много, машины получал, вам давал. Работай у нас, живи!

Разговор продолжили у дома, где жили шоферы.

— Спасибо за предложение, агай. Мы уже давно поняли, что вы хороший человек, но нельзя нам у вас оставаться. Никак нельзя! — повторил Чернов. — Нам уже новая командировка наметилась. Начальник эксплуатации приезжал, говорил, что предстоит строить город Целиноморск.

— Город строить?.. Вай, вай! — удивился председатель. — Зачем город, деревня надо!

— Город тоже надо. На Ишиме плотину построим, гидроэлектростанцию. В центре Казахстана море разольется, а море — это вода, засуха не страшна будет!

— Ух ты! — восхищенно выдохнул Капустин. — Вот здорово! Как бы мне с вами, а?

— Запросто, — откликнулся Чурсин, — садись да поехали. Устроишься к нам на автобазу, получишь машину — и с нами в командировку.

— Не отпустят, — махнул рукой Капустин, но вдруг воодушевился, глаза засверкали. — Во, председатель, парни какими делами ворочают, а ты — дом строить, невест предлагаешь! На шиша им вся эта тина, а? Эх, отпустил бы ты меня с ними!

Белотбеков удивленно хлопал короткими ресницами, растерянно смотрел то на Чурсина, то на Атамана.

— Вай, вай, моя думал вас оставлял, а вы мой колхозник забирал!

Разбрызгивая лужи, подкатил трактор. Водители обменялись дружеским рукопожатием с трактористом Борисом, закурили перед дорогой. Машины стояли тут же,

оставалось прицепить к трактору и трогаться, но парни не спешили.

Капустин не отходил от Чернова.

— Василий Иннокентьевич, вы за меня слово замолвите, мол, так и так, чтоб меня приняли без разговоров.

— Не переживай. Все будет чин чинарем!

Белотбеков растерянно развел руками.

— Моя совсем из виду выпустил. Вам колхоз премия выписал: по два барана на каждого.

— По два барана? — присвистнул от удивления Остап. — Куда же мы их девать будем? После такой зимовки на них кожа да кости. На шашлык не годятся!

— Зачем после зимовки, пусть летом жир гулял, приплод делал в колхозном стадо, а осенью забирал.

— Это другое дело, — согласился Остап.

— Вам не нагорит за такую самодеятельность? — спросил Чернов.

— Правление колхоза решал, постановлял единогласно, значит — закон. Осенью гости ждем, приезжал получать премия!

— Приедем, если черти куда-нибудь дальше не унесут! — откликнулся Чурсин, прицепляя к трактору трос.

Незаметно собралась толпа жителей села. Многих водители уже знали по имени-отчеству. Каждый старался что-то дать шоферам на дорогу: вареную курицу, десяток яиц.

Пришли Вера с Фадеевым. Она и раньше была полненькая, а сейчас легкое демисезонное пальто не застегивалось, было нараспашку. Ее провожала Светлана. Фадеев нес небольшой чемоданчик, и ребята, увидев их, радостно заулыбались, Чернов бережно усадил Веру в кабину и махнул рукой Борису, чтобы тот трогался.

Григорий смотрел на уплывающую толпу, на Светлану, машущую голубой косынкой. Не забыть ему этой зимы, работы, друзей.

●

ПОЭЗИЯ

Алим **КЕШОКОВ**

ТВОЕ БОГАТСТВО И НАСЛЕДСТВО

* * *

Тише, ветер, дети спят...
Спят их книжки, спят игрушки.
Успокойтесь, дождь и град!
Ночь на свете, дети спят,
Головы уткнув в подушки.

Им еще так мало лет.
Ветер, погоди немножко,
Не надуй невзгод и бед.
Дети спят, и к ним в окошко
Пусть струится лунный свет.

Тише, ветер, погоди,
Дети спят, уже не рано.
Ты их, спящих, не буди.
Лучше пелене тумана
К ним дорогу прегради.

Много и у них забот.
Утром встанут непоседы.
Их — и малых — дело ждет.
Ты задвижками ворот

Не скрипи, чтоб им не ведать
Зла сейчас и наперед.

Лучше прошурши едва,
Чтоб роса в траве осталась,
Чтоб расправилась листва.
Подари им эту малость,
Чтоб им утром показалось:
Перед ними даль нова.

Мглою утренней просторы
Ты не вздумай застилать!
Если ж ты из тех, которым
Силу некуда девать,
Улетай скорей за гору,
Потому что в эту пору
Малым детям надо спать.

* * *

Вдаль бегут ручьи родной реки,
От других отличные едва ли.
Но отличны эти ручейки,
Ибо вдаль уносят лепестки,
Что с цветов родной земли опали.

Всюду звезды, всюду облака;
Небо здесь, и небо там, но все же
Лишь в твоем родном краю река
Звезды отразит наверняка,
Что ни на какие не похожи.

И не только высь да облака,
Или сердцу милая река.
Здесь твое богатство и наследство.
Ибо только здесь наверняка
Ты услышишь речь, что столь сладка.
Здесь послышится издалека
Песня, что запала в душу с детства.

* * *

Два глаза на лице похожи.
Им видится одно и то же.

Гнев, радость — все заключено
В обоих равно в них, но все же
Им зреть друг друга не дано.

Иным двоим из нас бок о бок
Дано замкнуть единый круг.
Что видим, видим равно оба,
И лишь друг друга нам до гроба
Узреть, бывает, недосуг.

А в мире не по нашей воле
Дни догорают, жизнь идет.
И за скирдой в недальнем поле
Еще один сокрылся год.

Мы видим: сходят травы луга,
Ползут снега, течет вода.
Мы путь назначенного круга
Проходим равно, но беда, —
Как два зрачка, и мы друг друга
Не видим тоже иногда.

* * *

Молодости к нам не возвратиться.
Молодость была иль не была?
Может, ей случилось заблудиться
Или на войне сгореть дотла?
Молодость вспорхнула, словно птица,
Раньше, чем свое гнездо свила.

Все нам было хорошо и любо.
Шли мы в чащу глубже с каждым днем,
И не оставляли там зарубок,
Верили: и так назад придем.

Но летели молодые лета,
И тускнели вешние рассветы.
Молодость на свой особый лад
Оставляет в наших душах меты,
Но не с тем, чтоб приходить назад.

Ныне дальше в лес — тропа туманней.
На пути под гору — гуще мгла.

Но все чаще, слаще и обманней
Шепчет молодость: «Я не прошла!»

И не верится, что век наш прожит,
Мы глядим назад — зарубок нет.
Воротилась молодость, быть может,
Да, быть может, не отыщет след.

* * *

Все в мире чувствует

Пифагор

Всему на свете чувствовать дано.
За долгий иль недолгий век едва ли
То, что сотворено иль рождено,
Избегнет боли, радости, печали.

Иные чувство выразить спешат, —
И раздается песнь иль воздыханье,
Другие, что бы ни было, молчат, —
Но громче вопля может быть молчанье.

Луга весною песен не поют,
Ликует в немоте трава густая,
Но вот ее под корень подсекут,
И цвет засохшей крови, увядая,
Луга на склонах молча обретут.

Становятся в огне металлом руды,
И тот металл, безмолвен до поры,
Звучаньем не напомнит нам покуда,
Что был он частью вековой горы.

И пусть неоткровенен камень с нами, —
Не мертв ни туф, ни мрамор, ни гранит.
И, в доме став стенами, этот камень
И нашу тайну и свою хранит.

* * *

Я слова робею произнесть
Даже благодарно и любовно.

Ляжет пусть их тайна или весть
На страницу писчую безмолвно.

Звук меня порой ввергает в страх:
Я боюсь, что он исчезнет где-то,
Словно песня дятлов, что в лесах
То ль поют, то ль плачут без ответа.

И хоть в сердце слово я ношу,
Звук его услышать — эту милость
Я у слушающих не прошу,
И о том, что в сердце накопилось,
Как сумею, молча напишу.

Слово прозвучит, и так случится,
Слушающий не постигнет суть.
Ну а то, что ляжет на страницу,
Может, до прочтенья долежится,
Может быть, кому-то пригодится,
И его оценит кто-нибудь.

ДОБРО И ЗЛО

Во всех сосуществуют два начала:
В душе у нас есть и добро и зло.
Старайся, чтоб добро не усыхало,
Старайся, чтобы зло не набухало
И властвовать тобою не могло.

* * *

Президиумов многих завсегдатай,
Анфас и в профиль Данте он под стать.
Он всех готов судить и обличать.
Одна беда: он пишет маловато.
Я пробовал однажды прочитать
Комедию, что создал он когда-то...
Ее «Божественной» нельзя назвать.

Перевел с кабардинского
Наум ГРЕБНЕВ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Поэт Камил Маржик — один из ярких представителей младшего поколения чехословацкой литературы, к которому принадлежат уже хорошо знакомые советскому читателю М. Рафай, В. Гонс, Е. Бернадинова, Я. Колларова, П. Францоуз, В. Шикула — целый ряд талантливых художников слова. К. Маржик родился в 1946 году в Новой Вчелнице, закончив педагогический институт, он работал учителем, затем около десяти лет заведовал отделением литературы Министерства культуры ЧССР. В 1974 году вышла в свет первая книга его стихотворений «Ale...» («Но...»), по второму сборнику К. Маржика «Veliký koncert» («Великий концерт») на чехословацком телевидении был создан музыкально-поэтический фильм. Ныне в творческом активе поэта пять книг, он также пишет радиопьесы, получившие большую популярность в Чехословакии, занимается стихотворными переводами из русской, болгарской и сербохорватской поэзии. В центре внимания К. Маржика — образ современника, строителя нового общества, утверждающего на земле социалистические идеалы, в произведениях поэта отчетливо выделяется лирико-публицистическая интонация. Творческий труд К. Маржик сочетает с общественной деятельностью, он избран председателем координационной комиссии чехословацких переводчиков.

Камил МАРЖИК

ПРИВЕТСТВИЕ

Тебя я приветствую,
                        утро,
хранящее отсвет отваги,
морозцем бегущий по коже
до первого шага в рассвет.

Тебя я приветствую,
                        слово, —

ты в руки даешься,
как плуг,
весной обновляющий землю.

Тебя я,
мечтанье,
приветствую, —
ты в душу вселяешь решительность
и одержимость.

Тебя я приветствую,
труд
человеческий,
жаркий как печь!

* * *

Под облаком благоухающей сосны
гора как будто причитает:
«Человеку —
человек,
песне —
песня...»

Но на пороге горизонта
вырастает вестник,
в руках его —
надежда,
а на губах —
вопрос
старинный
о небесной манне...

Однако именно между вопросом
и ответом —
словно скворец запрятал голову
под темное крыло —
погасли в Хиросиме все огни.

СТРОЙКА

Каждый день мы строим мир
со словесной новизной,

мир — собранье тайн, ошибок
и удачи трудовой.
И зависит ежедневно
лишь от наших общих рук
дело — образ нашей веры
иль безверья мрачный круг...
Словно дикой птицы стаи,
в небеса петарды звезд
с наслажденьем запускаем
на орбиты вперехлест,
думая категорично,
что они должны быть в небе.
День-деньской —
бетон и щебень.
День за днем
запанибрата
с первым встречным,
мы азартно
сносим ветхие лачуги,
строим мощные плотины
и жилищные массивы —
центры
истребленья
скуки —
с думой о душевном друге...

Розой —
не чертополохом —
тянется к добру эпоха.
Небо нынче примеряет
ожерелье космопланов —
воплощенье наших планов,
в сущности своей —
гуманных.
Взоры звезд горят надежно,
им не верить — невозможно.

ПРИЗЫВ ХЛЕБА

Посередине дома
печь,
в печи как песня —

хлеб.
Поем
исполненную аромата
песню.

* * *

Хлеб,
говорим,
когда съедаем мясо.
Хлеб —
это радостью горящие глаза
у наших,
сытых каждый день,
детей.
Хлеб
полнится всем,
что́ мы есть,
хлеб —
это мы,
вкушающие хлеб.
Мы постоянно веруем тому,
что только в нем —
оплот, защита наша,
хотя давно и хорошо известно:
один честнейший труд —
хранитель нивы.
Хлеб —
зримый символ продолженья жизни,
горения души,
доверчивой уверенности, без
которой сил не хватит даже кликнуть пса,
обязанного
сторожить жилище.

* * *

Хлеб
раздает один народ другому,
но где-то все же голодают люди.
Хлеб
губит словом
некий сочинитель,

случается,
от сытости чрезмерной.
— Хлеб,
хлеба! —
восклицает представитель
продажной прессы
оттого,
что заплатил
ему золотосум,
на хлеб
взвинтивший цену.
На все лады сладкоречивы
те, у кого есть хлеб,
и одинаково
голодные молчат.

* * *

Хлеб —
это мы под звездами иллюзий:
годятся ль в братья инопланетяне?
Таинственным рецепт закваски
на торжествах,
где пироги в свечах,
пребудет
до трескучего сгоранья
фантазии любвеобильной.

Но тем не менее
у нас
найдется тысяча причин для подлинных сомнений
в самих себе,
в таких же, как и мы,
порой наивно убежденных,
что время жизни —
как на гонках трасса —
и убаюкивает
безмятежно нас.

* * *

Хлеб
отрубевый,

хлеб
безмолвный,
краюха хлеба —
платой пастушонку, —
это великая любовь людская,
это высокая мечта о возрожденьи,
это борьба,
которой нет конца.
Хлеб, корочка вселенной,
перед ней
ты словно бы предчувствуешь «свой шанс».
Но неприемлем
хлеб,
сереющий
подачкой
миробойца
под сенью термоядерного зла.
Хлеб —
вроде матушки детишек-капризуль,
сказительницы славной,
любви к порядку и достатку,
нас окликающей из-за угла любого,
куда ни посмотри.
Хлеб,
двигатель мечты
на белом свете.

* * *

Хлеб,
праздничная скатерть,
пред которой
противься — не противься,
а старательно
омоешь руки.
Хлеб —
как пророк средь обездоленных под солнцем.
Хлеб —
наша песня вольная без слов.

О хлеб,
всегда
достойный песнопенья!

СЫН АСКЛЕПИДА*

Профессору Яромиру Хлумскому

Пока нам на здоровье грех
пожаловаться, —
в этом смысле,
полны амбиции,
минут мы не считаем.
С годами,
правда,
все трудней решаться
на многие поступки,
что доселе
казались нам
лишь времени вопросом,
хотя
мы держим неотложные дела
в упряжке,
как надежных лошадей —
средь них и коренник,
и пристяжные, —
и до сих пор отмериваем дни.

Но внезапно
как будто жизнь сама
тихонько постучалась
в окошко нашего сознания
и слабо
шепнула,
что,
мол,
нету больше сил, —
мы тяжело и учащенно
задышали,
массируя ладонью грудь
с той, левой стороны,
где сердце.
И в этот миг
все боги олимпийские

---

* В греческой мифологии Асклепидами — потомками бога врачевания Асклепия — называли себя знаменитые врачи острова Кос, где находилось святилище Асклепия.

оказываются почему-то
в каком-то запредельном крае,
а мы,
утратив враз невозмутимость,
тревожно ищем помощи.
Потом,
нелепо рассыпаясь в извиненьях,
потомка древнегреческого бога врачеванья
Асклепия
словами,
как зерном
безмерным,
осыпаем,
пытаясь нашу боль сравнить
с чем-то предметно-ощутимым.

Когда ж не получается такое
(как мы,
конечно,
скорбно понимаем),
то, голову теряя,
начинаем
мы заговаривать недуг —
любой ценою,
не скупясь, —
ведь речь идет об ужасах мученья.

Подчас не знаем, что и происходит —
не то чтоб не болит
или болит,
но существует все-таки причина
сильнейшего сердцебиенья,
дыханья,
сорванного напрочь,
потери звучности у связок горловых
и ослабленья мускулов
у бывших
чемпионами
борцов...

Подчас не понимаем,
где щемит,
но:
«Доктор,
где-то здесь,

вот тут...
Да... да,
смотрите!»
...ну а затем испуганно мы тычем
перстом повсюду в тело
с блаженною надеждой,
что наконец теперь
«Америку откроем».
Боль вековечна,
как охотничий азарт
иль страсть к охране
собственного дома.

А он,
Асклепия потомок, —
перед нами
к тому,
чтоб знать о нас все-все и видеть,
как в рентгеновских лучах,
микроскопическую ранку,
порою скрытую на дне
безводном —
каплей будущего моря.

Он знать обязан все!
И бесконечно мы признательны ему
в момент осмотра
и,
отданы ему на милость,
вдруг обнаруживаем у себя
способность к фантастическим посулам.
Он,
понимая наше состоянье,
сидит напротив,
славно улыбаясь.

Он — здесь,
он — рядом,
он всеведущ,
а мы в который раз
садимся,
и ложимся,
и встаем,
не дышим-дышим

и готовы кровь
из вен своих выцеживать по знаку,
по мановению его руки.
Такая вера,
преданность слепая
чуть-чуть нас принижает,
но от нее избавиться нельзя.

А врач,
как радиолокатор,
опять и вновь беседует с мирами,
далекими
внутри недужных нас,
и с наступленьем
тишины зловещей,
когда с ним заговаривает смерть,
понуро голову склоняет,
озадачен,
чтоб завтра спозаранок
НЛО
улавливать с удвоенным упорством,
и незнакомым языкам внимать,
и отвечать оперативно
тем,
кто желает мира,
иль сзывать
войска на бой
с напастью злобных сил,
несущих разрушенье жизни.

Он, врач,
как человек
за радость
им спасенных жизней
по праву должен получить еще одну
иль, может,
день один,
но — бесконечный,
чтоб смог бы в тишине спокойной оглядеться
и услыхать
витающее в воздухе:
«Спасибо!»

ЛЮБОВЬ

Любовь —
она звенит,
безумствует
и ропщет,
с любовью
дружат
одиночества черты.
Любовь —
мелодией
пронизанная площадь,
любовь —
ведь это я
и это ты.
Любовью
мы
на самом деле
охвачены,
как жизнью,
все.
Не будь ее,
и мы б сидели
бездушно
взаперти
везде —
по воле
звукооператоров,
желающих
сердца
настроить
на мутную волну...
Но радость
любви —
во вспышках бытия:
то тьма,
то свет, —
и любят двое.
Ты
и
я.

Авторизованный перевод с чешского
Сергея БОБКОВА

Александр ИЛЬИН

НЕСОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не очень типичная история

Рис. Г. КОМАРОВА

В учреждении, где последние годы служил Сухарев, у него было свободное расписание (иными словами — ненормированный рабочий день). По вечерам он засиживался в конторе допоздна, чаще всего — допоздна, правда, иной раз уходил и пораньше, если позволяли дела или случался какой-нибудь уважительный повод. Зато утро всегда было в его распоряжении, и он любил эти утренние часы, когда все расходились из дому — жена на работу, дети в школу, а Сухарев оставался один и, если был не в форме, читал захватившую его книгу, как правило же — размышлял над очередным проектом, набрасывал на бумаге эскизы, делал расчеты — словом, творил.

Он был уже автором нескольких изобретений, начальство им гордилось, закрывая глаза на рваный ритм его рабочего дня, на вечные опоздания, особенно, когда горели сроки, грозило лишение премии и весь наличный состав их группы, словно проснувшись от спячки, чертил, считал, подчищал помарки, добровольно лишая себя удовольствия долгих сладостных перекуров и обычной, не поддающейся описанию трепотни на самые вольные темы. Вместе со всеми и Сухарев пускался галопом, включаясь в решающий финишный рывок, и усердие его не знало меры. До тех, однако, пор, пока в голову ему не втемяшивалась новая шальная идея или начальство, видя, что и вечерние бдения не спасают, не посягало на его утренние особые привилегии.

На работу Сухарев ездил в метро, затем шел от станции минут двадцать — двадцать пять до места службы — в зависимости от того, какой темп ходьбы диктовали ему сегодняшние размышления. Было бы натяжкой сказать, что одни изобретательские думы занимали в эти минуты Сухарева. Хотя случалось и такое, но чаще его одолевали мысли совсем неожиданные, клочковатые, невесть почему приходящие в голову. То вдруг буквально с порога родного дома в мозгу начинали крутиться, словно белка в колесе, обрывки какой-нибудь незатейливой песенки, которой Сухарев не то что никогда не певал, но, казалось ему, даже и не слыхивал. А песенка непонятным образом застревала в голове, чтобы однажды ни с того ни с сего начать свое назойливое коловращение: «Вы слыхали, как поют дрозды?..» Сколько ни пытался Сухарев изгнать надоедливых дроздов, разъясняя себе раздражительным тоном, что их пение никогда не слыхал и вряд ли когда услышит, впрочем, как и сам автор текста, какие иные уловки ни применял, строчка крутилась и крутилась, заставляя приноравливать шаг к ее ритму.

То — опять же вдруг — вспоминался давний-предавний разговор с приятелем или неприятелем, разговор мимолетный, пустой, никчемный, в котором теперь, спустя неделю, а то и месяц, обнаруживался какой-то скрытый смысл, нет, даже не смысл, а нечто неопределенное, внушающее неясную тревогу, дурацкое подозрение: «Зачем он это сказал? К чему бы это?» Тут ноги Сухарева сами собой делали укорот шагам, и он не шел — плелся на работу. Доведись начальнику отдела увидеть его в такой

момент, не миновать бы Сухареву упрека: «Похоже, Владимир Палыч, голубчик, вы на работу идете, как на высокую гору лезете. Одышка, что ли, замучила? Рановато. Забыли про физзарядку... Нехорошо!» Ну что мог бы Сухарев ему ответить? Он сам не знал. Не будешь же руководству давать глупейший совет: дождитесь, когда в меня вселятся очередные строчки из бодрой песенки, например: «А он мне нравится, нравится, нравится...» или: «Ап! И тигры у ног моих сели. Ап!» и так далее.

Вообще-то Сухарев любил эти утренние поездки и шел на работу не без удовольствия. Разве что иногда, если до счастливого решения, казалось, остается чуть-чуть, одна ступенька, одно усилие, ему не хотелось отрываться от расчетов, растрачивать в дороге сосредоточенность, опасаясь и вовсе потерять в суете только что осенившую его долгожданную догадку. А такое случалось: то, что утром, в часы уединения, казалось находкой, затем, в заботах дня, тускнело и расплывалось, и назавтра приходилось все начинать сначала, но это было совсем непросто — вернуть себе вчерашний подъем, вчерашний свободный полет мыслей. День на день не приходится.

В метро ни о чем серьезном Сухарев думать не умел. Как не умел, по примеру многих, читать газеты, книги или дремать с открытыми глазами, добирая в эти короткие минуты упущенные часы ночного сна. Бывало, и он засиживался до глубокой ночи — с другом ли детства, свалившимся как снег на голову по случаю семейных или иных торжеств, но чтобы потом спать в дороге — это никогда. Наверное, он, если верить расхожим сужденьям о биоритмах, был по натуре жаворонок и как раз в это время переживал свой пик активности. А в метро, всегда до отказа забитом народом, активность ой как нужна! Стоишь у вагонной двери, вежливо пропуская толпу выходящих, которые почему-то, за редким исключением, не торопятся покидать вагон, и тут же металлом приправленный голос из всех динамиков предупреждает: «Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция...» Тут уж не зевай!

В вагоне Сухарев первым делом искал поудобнее место: чтобы его чересчур не толкали и он никому без нужды не мешал, потом незаметно присматривался к своим попутчикам. За годы поездок он научился по ним определять весьма точно время: в ранние часы едут одного рода пассажиры, в основном те, кто работает на заво-

дах, чуть позже — сотрудники учреждений, еще позднее — студенты и понаехавший в город периферийный люд. В этом наблюдении не было ничего заслуживающего внимания, и Сухарев лишь безразлично констатировал общеизвестный факт. Открытием для него стало другое: сопоставляя как-то утренние свои впечатления, он обнаружил, что временные потоки метрополитеновских пассажиров отличаются, кроме того, и числом красивых женских лиц. Поначалу он посчитал это за случайность, но по привычке осмысливать увиденное, суммировать впечатления, отсеивая частности и подсознательно отбирая существенное, обнаружил, что так оно и есть. Примерно в десять утра, плюс-минус пять-семь минут, число хорошеньких женщин среди пассажиров достигало максимума, и ехать в это время было особенно приятно, и день, весь день, как заметил Сухарев, складывался для него удачнее. Для себя он назвал этот феномен «часом красивых женщин» и стремился войти в метро именно в тот счастливый момент.

Сегодня же, как ни старался, поймать этот момент не удалось. Увлекся еще с вечера книжкой, хотелось дознаться, чем кончится интересный эпизод, а, как назло, автор, подобно голкиперу выигрывающей команды, ловко тянул время, все оттягивая и оттягивая конец, и Сухарев, взглянув на часы, понял, что не успевает. Он швырнул книгу, досадуя на автора, наспех побрился и с недобрым предчувствием вышел из дома.

Словно в насмешку над мрачным его состоянием, в мозгу включилась какая-то кнопка, и голос, глухо потрескивая, как в стареньком электрофоне, приятно запел: «Буду я точно генералом, буду я точно генералом, буду я точно генералом, если капрала, если капрала, если капрала переживу». Сухарев в такт песне чеканил шаг по обледеневшему тротуару и с опаской оглядывался по сторонам: не смеются ли окружающие, наблюдая его солдафонскую походку, никак не соответствующую ни его удрученному виду, ни погодным условиям.

Из выходных дверей станции метро вывалилась толпа пожилых колхозниц — так, во всяком случае, решил Сухарев, хмуро взглянув на женщин, поправлявших на холоде толстые вязаные платки. Вослед им из метро вышла полная краснощекая девушка, вид которой тоже не прибавил Сухареву энтузиазма. Его опасения, похоже, оправдывались. В вагоне он и смотреть ни на кого не стал, за-

бился в угол и так истуканом, в сумеречном настроении, проехал несколько остановок.

Он не сразу заметил, что поезд давно уже замер у станционной платформы, что двери вагона по-прежнему открыты, а пассажиры поглядывают на часы и нервно переговариваются между собой, поругивая, пока без особой злости, порядки на транспорте.

— Как передали метро МПС, — сказал за спиной Сухарева чей-то красивый баритон, — сразу все побоку...

— Бывало, в метро входишь как в театр, — согласился с баритоном приятный женский голос. — Как в храм.

— А троллейбусы тоже теперь у МПС? — с едкой иронией спросил кто-то прокуренным баском.

— При чем здесь троллейбусы? — возмутился баритон.

— А при том, что ходить стали в час по чайной ложке, — охотно пояснил басок. — Зима, а двери не закрываются...

— А возьмите автобусы, — поддержал его недовольный фальцет. — То несутся один за другим, а в час «пик» их не дождешься.

— Остановок не объявляют, — пожаловалась какая-то женщина, нажимая на «о». — Кто знает, тому ничего, а станьте на наше место...

— Увольте! — отрезал баритон. — Из-за таких вот, как вы, нам никакой жизни не стало. Дали бы людям хоть на работу доехать спокойно, потом бы по магазинам шастали.

— Вам хорошо говорить, — обиделась женщина. — А попробуй у нас чего-нибудь купить.

— Им непременно подай это «чего-нибудь» из заморского! Сельпо их уже не устраивает.

— Всем, гражданин, хочется красивого.

— Ну-ну! Я, пожалуй, пойду, — сообщил баритон. — Даже не объявляют, что происходит. Никакого внимания к пассажиру.

Ряды пассажиров начали потихоньку редеть, скоро в вагоне остались лишь самые терпеливые. Сухарев тоже решил держаться до победного конца — он не любил суетиться. Если бы что-то серьезное, уж, конечно бы, объявили, а раз молчат, значит, просто какая-то мелкая заминка, только выскочишь из вагона, а поезд тронется, и тю-тю!..

Время, однако, бежало, поезд стоял, и даже самые вы-

держанные пассажиры стали проявлять беспокойство, поминутно выглядывая из дверей в надежде открыть причину столь длительной задержки. Сухарев посмотрел на часы: и при его льготном режиме слишком большое опоздание грозило обернуться скандалом. С каждой минутой становилось все более ясно, что на линии случилось нечто серьезное. Сухарев заволновался, что бывало с ним крайне редко. Тут же, будто по чьей-то неслышимой команде, включилась в нем та же мелодия и глуховатый внутренний голос помимо его воли опять запел: «Буду я точно генералом, буду я точно генералом, буду я точно генералом, если капрала, если капрала, если капрала переживу...» Это было совсем некстати, и Сухарев с ужасом огляделся по сторонам: не слышит ли кто его вокальных упражнений? В подобной ситуации это могло быть расценено как хулиганство.

К счастью, никто не обращал на него внимания. Тем не менее Сухарев чувствовал себя не в своей тарелке и был готов наравне с другими начать возмущаться порядками в метро. Но тут громкий голос из репродукторов в потолке вагона приказным тоном потребовал: «Всех пассажиров просим освободить вагоны. По техническим причинам поезд дальше не пойдет. Пользуйтесь кольцевой линией».

Сухарев с облегчением покинул вагон, хотя кольцевая линия его никак не устраивала. Придется по эскалатору подниматься наверх, ловить такси, чтобы успеть на работу, пока его опоздание еще не приобрело характер дерзкого вызова долготерпению руководства. Рисковать тут явно ни к чему. Утренние поблажки завоеваны были многолетним трудом, порушить их — и надолго, пожалуй, навсегда — можно в одночасье.

Обычно поездки не требовали от Сухарева никаких умственных затрат. Он, как и все старожилы, со снисходительной улыбкой выслушивал раздраженные сетования приезжих: как вы тут живете? Можно заблудиться в вашем метро. Целый подземный город... Для Сухарева его линия метрополитена была что собственная квартира: не надо гадать, где какой поворот, где вход, где выход. Он машинально входил в вестибюль метростанции, доставал заранее приготовленный пятак или разменивал более крупную монету, спускался по эскалатору, не включая сознание, занимал привычно позицию перед вторым от головы поезда вагоном, ехал, думая о своем или наблю-

дая пассажиров, через семнадцать минут выходил на станции назначения, даже не слушая объявлений, втискивался с толпой на эскалатор, затем механически поворачивал направо, добираясь до цели кратчайшим путем, — словом, делал все с минимальным напряжением, почти автоматически.

Теперь же, застряв по воле случая на промежуточной станции, Сухарев на миг даже растерялся, тупо глазея на щиты с указанием непривычного для него маршрута. И конечно, ошибся — свернул в тоннель перехода на кольцевую линию, а когда понял свой промах, вернуться назад сквозь густую толпу пассажиров было нельзя, и он покорно побрел вместе со всеми. На кольцевой станции выход в город оказался в противоположном конце; Сухарев, разозлившись, решил сесть в вагон и ехать по кольцу — будь что будет. «Ничего себе храм!» — тихо ругнулся Сухарев, вспомнив вагонный разговор.

Раздражение подсказало ему и следующий поступок: вопреки обыкновению ездить стоя, что при сидячей работе имело профилактический смысл, Сухарев машинально сел на свободное место и начал лихорадочно обдумывать, где ему лучше сойти, чтобы скорее добраться до работы. Было ясно, что без такси не обойтись. Хорошо, только вчера была получка, и жена, видимо, потеряв бдительность, выдала ему десятку — обычно его ежедневный бюджет составлял полтора-два рубля, а привычки заначивать Сухарев не имел. Ему, в общем, хватало и той скромной суммы, которая как-то сама собой установилась за годы семейной жизни. Хватало и на обед, и на чай с бутербродом по вечерам, когда он засиживался за работой, и даже на мелкие сборы — два-три раза в месяц, — то на цветы по случаю дня рождения кого-то из сослуживцев, то на коллективно приобретаемый торт для безобидных чайных пирушек по торжественным дням. Что касается мероприятий более решительных, вроде бутылки шампанского «за успех» или иных подобных соображений, Сухарев от них раз и навсегда отмежевался. «Понимаешь ли, — сказал он Васе Коробкину, основному закоперщику «тихих игр», — прошу насчет меня больше не беспокоиться». — «Все, — весело подытожил Вася, — вычеркиваю тебя из списка». Но приставаний не прекратил, и один раз ему все же удалось затащить Сухарева в ближайший пивбар, по дороге к станции метро: «Ну ты что, Владим Палыч, совсем себя заматовал? Ли-

шил всех невинных удовольствий... Пивка — по кружечке, по одной, по маленькой — какой тут грех? Великие люди, и те не чурались...» — «Ну, раз великие люди!..»

Возле пивного бара — низкой пристройки к большому дому — стояли чем-то похожие друг на друга разновозрастные мужчины, усердно ку лли, громко разговаривали, приправляя чуть не каждое слово крутым матерком. Вид их — раскрасневшихся, опухших — тоже не внушал доверия. Сухарев придержал Васю за рукав: «Ты, понимаешь ли, иди, если хочешь. Я — пас». — «Ты чего? — вскинулся Коробкин. — Оробел?» — «Публика...» — «Ах, ты об этих... Не дрейфь! Есть весьма интеллигентные люди, в театры ходят... Пойдем, сам увидишь». Вася широким жестом открыл тяжелую дверь пристройки, пропуская Сухарева вперед, легонько подтолкнул его в спину.

В узком тамбуре сразу дохнуло на Сухарева спертым запахом пива, кислой капусты, вяленой рыбы, дешевых сосисок, и он поскорей проскочил в глубь зала, где у длинных высоких столов кейфовали за кружками люди, шуршали газеты, стучали вилки, шел негромкий густой разговор. Вася с порога выхватил взглядом свободное местечко в дальнем углу, подвел туда Сухарева: «Береги место! Двугривенные имеются? Ну давай рубль, я разменяю. Сейчас организую тебе такой стол, лучше, чем в ресторане». Пока Вася организовывал стол, Сухарев, беспомощно прикрывая глаза за толстыми стеклами очков, крепился изо всех сил: его тошнило.

«Крепко перебрал? — посочувствовал ему стоявший напротив парень вида вполне интеллигентного. — На, отведи душу — у меня запасная кружка. Да вы не бойтесь, чистая, я всегда впрок беру. Чтоб лишний раз к автоматам не бегать...» Сухарев очумело схватил придвинутую соседом кружку, сделал несколько судорожных глотков. Пиво было холодное, мягко вливалось в желудок, наполняя его приятной тяжестью. «Полегчало? — поинтересовался парень. — Пей, пей...» — «Спасибо, — выдавил Сухарев потускневшим голосом. — Я вообще-то совсем, понимаешь ли, не пью. Товарищ вот затащил, пойдем, говорит, по кружечке...» Парень, видимо, не поверил: «Оправдываться будешь на профсоюзном собрании». — «Я, правда, совсем не пью... Первый раз, понимаешь ли, а тут такая атмосфера».

«Ай да Владим Палыч, — похвалил его Вася, ставя

на стол четыре граненые кружки с пивом, тарелки с сосисками и горкой розовых крабов, похожих на вареную, диковинной породы саранчу. — Уже и познакомился, и пивком угостился, и разговор завел... А на работе все полагают: молчун, неконтактный мужик, сухарь — в полном соответствии с фамилией. Ты думаешь, Владим Палыч, я для чего сюда хожу? Пивом накачаться? Нет, дорогой Владим Палыч, — для разговора, для общения. Тут ты все новости узнаешь, все мнения... Ты куда, Владим Палыч? Туалет там, у выхода, дверь направо».

Сухарев резвой трусцой бросился к выходу, прижимая к боку свой старенький «дипломат»; в туалете его вычистило до дрожи во всем теле, до зелени в глазах. Вырвавшись на чистый воздух, он постоял минуту, безумно озираясь вокруг и поджидая Васю. Коробкин, однако, не появлялся, должно быть, считал, что Владим Палыч, справив нужду, еще вернется...

От неприятного этого воспоминания Сухарева передернуло; слава богу, такое случилось с ним в первый и последний раз. Он поднял взгляд от пола: не заметил ли кто его обезьяньих гримас? Кажется, никому в вагоне до него не было дела; одни читали, другие переговаривались между собой, третьи о чем-то задумались. Вдруг стоявшая поодаль женщина обернулась и пристально посмотрела на Сухарева так, будто он ей кого-то напоминал, может быть, старого знакомого, с которым она не виделась несколько лет. Сухарев, в свою очередь, тоже внимательно посмотрел на женщину — возможно, и он когда-нибудь ее встречал. Нет, вроде не похоже, чтобы они были когда-то знакомы с нею. Впрочем, кто знает: женщина намного моложе его, могла быть в те годы нескладным подростком, гадким утенышем, обратившись теперь, спустя время, в яркую брюнетку с резко очерченными полукружьями черных бровей, с несколько длинноватым, но симпатичным носом, с мягкой таинственной улыбкой, спрятанной в тонких, со вкусом подкрашенных губах. Увы, как ни напрягал Сухарев память, она ничего не могла ему подсказать, и он прекратил эти попытки, тем более что женщина тут же отвернулась, кажется, тоже утратив к нему интерес.

Вскоре, однако, Сухарев снова почувствовал на себе ее взгляд и, осторожно, краем глаза наблюдая за незнакомкой, обнаружил, что та действительно смотрит на него. Причем вовсе не так, как минуту назад, когда, показа-

лось Сухареву, подозревала в нем прежнего, ныне забытого знакомца. Это внезапное открытие, еще не вполне осознанное, ожгло Сухарева огнем, в висках застучал серебряный колокольчик, кровь прилила к лицу...

Чем он привлек ее внимание? Сухарев трезво оценивал свои внешние данные и давно уже схоронил надежду, что кого-то еще способен заинтересовать. По утрам, перед зеркалом в ванной, соскребая электробритвой густую щетину, он невольно подмечал, что морщинки на лбу прорезаются все резче, нос как будто становится еще массивнее, тяжелее, а очки придают лицу выражение зрелой мудрости и одновременно растерянности, как у человека, чьи лучшие годы уже позади, а предсказания великих дел, на которые не скупились родные в детстве, так и остаются пустыми словами. Несколько изобретений, которые украшали его служебную характеристику при очередной аттестации, ничего не сказали бы человеку постороннему, тем более его не отягченным высшим образованием родственникам, по старинке считавшим, что настоящий изобретатель должен быть всем известен, как, например, создатель радио Попов, механик-самоучка Иван Кулибин иль паровозных дел мастера отец и сын Черепановы.

И все же Сухарев мельком, почти украдкой взглянул на свое отражение в окне вагона: мало ли что он сам о себе думает, как себя сам ценит, если тем не менее молодая женщина выделила его среди других ее попутчиков. Однако же заоконный образ и на сей раз не оправдал его радужных ожиданий: за Сухаревым, тоже исподтишка, подглядывал сквозь выпуклые, почти квадратные стекла больших очков в роговой оправе его двойник — пожилой, хмурого типа гражданин в мешковатом пальто, с выпирающими из-под мягкой заячьей шапки ушами, с резкой неровной складкой наискось лба... Малоприятный, если не сказать больше, субъект, давно, кажется, позабывший, что означает известное выражение «следить за своею внешностью». Хотя по инерции иной раз еще и косящий глазом на хорошеньких женщин, но — уж это-то Сухарев знал наверняка — с одной лишь этнографической целью, как турист, впервые попавший за границу, на первых порах подмечает каждую, пусть ничем не примечательную подробность чужого быта, заранее готовясь чем-нибудь да удивить по возвращении своих домочадцев, видевших зарубеж только по телевизору. Да и возраст, в который не по своей охоте вступил теперь Суха-

рев, располагает к созерцанию, внушая обманчивую уверенность, что с годами только и научаешься по-настоящему понимать и оценивать красоту, открывая ее то в каком-нибудь простеньком перелеске, прежде не останавливавшем внимания, то в женском лице или фигуре, какие еще совсем недавно растворялись невзрачно во множестве других лиц и фигур.

«У нас принято уступать места женщинам и людям старшего возраста», — прервал его размышления голос из скрытого в потолке вагона динамика, но в первый момент Сухарев не отнес предупреждение на свой счет. Лишь потом, с запозданием, до него дошло, что, против своих обычных правил, он сидит, а на его место могут найтись другие, более достойные претенденты. Сухарев сконфуженно огляделся; женщина выразительно посмотрела на него, и в глазах ее недвусмысленно читалось: каким же невежей надо быть, чтобы даже после такого напоминания не уступить место слабому полу?

— Садитесь, пожалуйста, — бросил ей Сухарев и пулей вылетел в уже смыкающиеся двери; они смачно чавкнули за его спиной. Пожилая женщина в метрополитеновской форме погрозила пальцем:

— Солидный мужчина, а хулиганите как школьник!

— Больше не буду, — пообещал Сухарев.

— А то я милицию позову.

— Я, понимаете ли, первый раз.

— Все вы говорите, что первый...

— Примите мои извинения.

— Ладно уж, идите.

«Хоть в чем-то да повезло, — утешал себя Сухарев, поднимаясь по эскалатору наверх. — Не хватало мне только мелкого хулиганства...»

На работе Сухарева ждали. Танечка Эпикурова, кукольно красивая молодая женщина, симпатия всей проектной группы, привыкшая к поклонению и ежедневным комплиментам, машинально поправила волосы и выразительно посмотрела на Сухарева — должно быть, предположил он, ждет и от него какой-нибудь банальности вроде: «А вы, Танечка, все хорошеете». Или: «Черные глаза вам к лицу...»

Вася Коробкин усердно лохматил волосы, с недоверием изучая начатый им чертеж. Вася был человек настроения, работал вспышками — тщательно, час за часом, вычерчивать готовое было ему невтерпеж. Появление Суха-

рева обрадовало его как повод хоть на минутку прервать утомительную повинность.

— А, Владим Палыч, — тоном начальника отдела сказал он, завидев опоздавшего, — тебя Дим Андреич давненько спрашивал. «Пусть, — говорит, — как появится, сразу ко мне».

— Что для него Дмитрий Андреевич? — проскрипела из своего угла Аделаида, пожилая, вечно всем недовольная женщина; она недолюбливала Сухарева, за то главным образом, что ему позволялось опаздывать на работу, не сдавать вовремя чертежи и вообще вести себя как бог на душу положит. Сама она была образцом поведения на службе: по ней можно было сверять часы, она помнила, где что лежит, когда надо сдавать любой чертеж, — словом, вполне заменяла ЭВМ, о которой давно поговаривали в отделе, но так и не удосуживались завести. Единственный изъян был у Аделаиды — она не то что пороха, но и ничего иного выдумать не могла и потому ненавидела всех этих изобретателей, выдумщиков, дискутантов, которые в самый неподходящий момент, когда надо было чертить, оформлять и сдавать проект к свыше назначенному сроку, вдруг начинали спорить, бегать к начальству с идеями, предлагали поправки, из-за чего почти готовый, красиво выполненный чертеж приходилось иной раз выбрасывать в корзину. — Он сейчас с ним такую дискуссию заведет, что мы опять останемся без премий.

— Ты, Владим Палыч, — взмолился и Коробкин, — того, полегче на поворотах. Я свою тягомотину сегодня, кажется, все-таки добью. Если опять шальная мысль — черти все сам, на меня не рассчитывай.

— Понимаешь ли, — уже в дверях сказал Сухарев, — на ваше счастье, идей ноль, так что с премией все в порядке.

Ада Глебовна проводила коллегу подозрительным взглядом, ни капельки не поверив его словам: уже два дня как Сухарев впадал в раздумья, один раз даже, забывшись, закурил прямо у кульмана, а это был верный признак того, что шальная мысль если еще и не посетила ведущего инженера, то уж наверняка стучится в дверь.

— Дискутант! — громко сказала Аделаида, вложив в одно это слово все обуревавшие ее чувства.

— Что вы цепляетесь к человеку? — вяло упрекнул ее Вася Коробкин, которому вовсе не улыбалось из-за суха-

ревских новаций начинать все с нуля. — Не будь его, нас давно бы всех разогнали.

— Это почему? — дрогнувшим голосом спросила Ада Глебовна. — Мы, кажется, не опаздываем, как он, трудимся как волы, головы не поднимаем...

— Иногда, знаете, — нагло сказал Вася, — голову надо поднимать. А то дальше своего носа не увидишь.

— На что вы намекаете? — Голос Аделаиды возмущенно зазвенел. Нос у Аделаиды Глебовны был заметно крупноват, что и служило для нее предметом вечных душевных терзаний. — Давайте не будем переходить на личности.

— Я никого не имею в виду, — пролепетал Вася, осознав свою непростительную оплошность. — Я имею в виду, что Владим Палыч — Моцарт, творец, а мы с вами только и умеем, что гладко выполнить простенький чертеж.

— Ваша самокритика делает вам честь, но зачем валить всех в одну кучу? Вовремя сделанный чертеж лучше запоздалой идеи. Нашли тоже гения и возятся с ним как с вундеркиндом! Ему, между прочим, не так уж и далеко до пенсии, а он все еще только подает надежды...

— Зато ваши надежды, — пробурчал себе под нос Коробкин, отвернувшись к кульману, — давно подшиты в папочку и тесемкой перевязаны.

Аделаида, видимо, не расслышала, что он сказал, но переспрашивать не стала и еще усерднее заскрипела рейсфедером. Зная ее аккуратность, ей поручали перебеливать чертежи, и Ада Глебовна чрезвычайно этим дорожила. К удивлению своему, глянув на чертеж, она обнаружила на нем крохотную, с маковое зернышко, каплю туши и вмиг покраснела до корней волос. По счастью, в этот трагический момент никто не смотрел в ее сторону, и Аделаида острым лезвием безопасной бритвы «Нева» принялась счищать с ватмана злополучную кляксу.

Врач платной поликлиники, которого с давних пор посещала Ада Глебовна, не доверяя медикам из обычных лечебных учреждений, категорически запретил ей волноваться; она следовала запрету неукоснительно и делала это с охотой, ничуть не насилуя себя. И вот, пожалуйста, позабылась, ввязалась в спор, чуточку понервничала, и сразу — клякса. Если узнает Дмитрий Андреевич, будет форменное пятно. Пятно на ее репутации, которую она, не прозревая в себе иных особых достоинств, тре-

петно лелеяла, как берегла и холила в своей квартире покрытый импортным лаком пол, не позволяя ни мужу, ни детям, ни даже гостям шагу ступить без домашних тапочек на мягкой кожаной подошве. С таким мужем, как Сухарев, она бы и года не прожила: тот-то наверняка никаких тапочек не признает и курит где придется, и вообще никогда не знаешь, что за коленце он может выкинуть. Но муж — это ее личное дело, тут она вправе выбирать, а вот на работе никто с ее притязаниями не посчитается, да и сама не настолько глупа, чтобы нечто подобное предлагать своему руководству. Не будешь же в самом деле настаивать: избавьте вы нас, дорогие товарищи, от человека, которого осеняют в неподходящий момент всякие неурочные мысли!

Тревога Аделаиды была небеспочвенна, хотя и основывалась лишь на догадке, на одной вроде бы интуиции, на ей самой непонятном предчувствии, впрочем, менее всего чисто женском.

Если прежние их начальники, обнаружив в последний момент, что никак не укладываются в график, охотно хватались за очевидные доводы: сложность и новизна проекта, нехватка людей или — совсем уж нелепое оправдание — необходимость почти каждый день выделять шесть-семь сотрудников для работ на плодоовощебазе, то зав нынешний, Дмитрий Андреевич, эту порочную практику сразу и решительно поломал. В самом деле, неловкие ссылки давно всем приелись, как дежурные щи, и уже не находили понимания, вызывали даже обратную реакцию — наводили на мысль об отсутствии фантазии, а значит, и о неполном служебном соответствии.

Новый шеф, громко отринув старое, взял на вооружение тоже бог весть когда открытый, но сохранивший свое обаяние и в новое время прием — самокритичную, конечно в меру, неудовлетворенность достигнутым, стремление без конца совершенствовать проекты, чтобы внести в них самые-самые прогрессивные из последних достижений научно-технического прогресса. Попробуй-ка кто-нибудь что-нибудь возразить! Рискуешь навек прослыть ретроградом, человеком вчерашнего дня, не умеющим держать руку на пульсе, и, значит, запросто полететь со своего поста. И пока это действовало безотказно, как магическое заклинание, — при Дмитрии Андреевиче осечки с планом хоть и случались, но ему удавалось почти всегда свести их последствия к минимуму, стремящемуся

к нулю. Этим, по крайней мере в глазах Аделаиды, объяснялось и особое отношение шефа к ведущему инженеру Сухареву, у которого на всякий случай идей мешок.

Заприметила Ада Глебовна и другое: на кульмане Сухарева появлялась не раз за последние дни зеленая тетрадка — верный признак, что на Владимира Павловича вновь накатило вдохновение и от него в любую минуту всего можно ждать.

Тем временем Сухарев вязким шагом, с немалым трудом отрывая от пола зимние теплые ботинки — не успел даже переменить их на легкие туфли, как делал обычно, — плелся к начальству на ковер. Что именно на ковер, он не сомневался — так складывался сегодня день, что иного и быть не могло. Особой вины за собой Сухарев не чувствовал, вызовы к руководству тоже не были для него чем-то совершенно неожиданным, и все же какое-то ощущение виноватости не покидало его, больше того — росло с каждым шагом, с каждой минутой, так что когда секретарша молча позволила ему без малейшей заминки пройти в кабинет, он был уже готов к любому удару судьбы.

Дмитрий Андреевич не стал делать вид, что занят решением иных неотложных вопросов, а сразу, завидев Сухарева, жестом предложил ему сесть и раскрыл лежавшую на видном месте тонкую синюю папочку с надписью «Сухарев В. П.»:

— Вот, Владимир Палыч, прошу ознакомиться и дать ответ по существу.

— Рекламация? — спросил Сухарев, чтобы еще до знакомства с бумагами выведать отношение к ним со стороны непосредственного начальства.

— Живой человеческий документ, — бесстрастно сказал Дмитрий Андреевич, придвигая к нему синюю папочку. — Надо прореагировать.

В папке лежала исполненная старательным школьным почерком — буквы сидели в строчках, будто птицы на проводах, — анонимка, подписанная как некролог на средней руки деятеля местного масштаба, — «Группа товарищей». Неизвестный автор, как и положено в некрологе, бегло излагал жизненный путь В. П. Сухарева, этапы его работы в проектной организации, давал характеристики его деловых и моральных свойств. Стараясь быть объективным, он не обходил стороной несомненных задатков ведущего инженера, упомянул даже его изобретения и

некоторые рационализаторские идеи и лишь потом приступал к обличениям: «Все это, вместе взятое, тем более нетерпимо, что В. П. Сухарев, пользуясь во вред делу особым расположением руководства, постоянно опаздывает на работу, задерживает сдачу проектов, не считаясь со сроками, ведет себя как ему заблагорассудится, прикрываясь тем, что он якобы творческий человек и работает головой 24 часа в сутки. Что и привело к тому, что в течение года группу дважды чуть не лишили премии, а главное, с него берут образец и некоторые иные товарищи, рассуждая: раз Сухареву можно, то почему нам нельзя?» Заканчивалось письмо решительным требованием принять к Сухареву крутые меры и заверением, что в ответ на такую заботу коллектив ответит дальнейшим ростом производительности труда, досрочной сдачей очередного проекта и повышением активности и посещаемости занятий в системе экономической учебы.

— Что вы на это скажете? — спросил Дмитрий Андреевич, как только Сухарев дочитал документ до конца. — Как я, по-вашему, должен на это реагировать?

— Понимаете ли, — промямлил Сухарев, — я тут ничем не могу помочь. Насчет задатков — не мне судить, а недостатки отмечены верно. В описании биографии я тоже ошибок не обнаружил.

Дмитрий Андреевич, всем корпусом откинувшись назад, к мягкой спинке кресла, строго смотрел на Сухарева и нервно барабанил ребром ладони по краю стола. Он был значителен и красив той особенной красотой занимающего солидный пост человека, которая то ли заранее угадывается, как совершенная скульптура в глыбе мрамора, еще при выборе кандидата на должность, то ли вырабатывается потом, при длительном исполнении руководящих служебных обязанностей. Крупная фигура, резко очерченное лицо, несколько замедленные движения при других обстоятельствах, возможно, создавали бы впечатление медвежковатости, даже неуклюжести, но кто мог — не то что сказать, только подумать о Дмитрии Андреевиче что-нибудь такое в этом вот кабинете, рядом с массивным столом и внушительно современным селектором, с электронными часами, обращенными к посетителю и словно гипнотизирующими его требовательным напоминанием о быстротечности времени, скупо отпущенного волею высших обстоятельств на малозначительную беседу.

— Удивляюсь я вам, голубчик Владимир Палыч! —

капризным тоном сказал начальник, так и не дождавшись, пока инженер, подавленный тяжестью обвинений, издаст какой-нибудь жалобный стон или растерянно забормочет свои несуразные оправдания. — У вас что — железные нервы?

— Вряд ли, — усомнился Сухарев вполне чистосердечно.

— Что вы со мною делаете? — Дмитрий Андреевич рывком поднялся из-за стола, походил по кабинету, стараясь унять в себе закипевшее раздражение. — Вы не даете мне правильно отреагировать на поступивший документ.

Сухарев молчал.

— Я же не могу ни накричать на вас, ни даже повысить голос.

— Почему? — искренне удивился Сухарев.

— Вы же не умеете себя защищать! Если я скажу, что вы уволены, вы... Вы уйдете и даже дверью не хлопнете! И будете потеряны для нас. Владимир Палыч, голубчик, так же нельзя! У нас не так много толковых инженеров.

— Но мне действительно нечего сказать в свое оправдание.

— О, эта святая простота! Вот и сегодня, в самый неподходящий момент, вы опять опоздали — мне даже стыдно сказать, на сколько вы опоздали. И это отмечено комиссией по надзору за соблюдением распорядка дня. Неужели и в этот раз у вас не было никаких веских причин?

— Утром, как всегда, я задержался дома.

— Но почему, скажите же, почему?

— Я привык по утрам... Как бы это сказать — когда все уходят и остаешься дома один, хорошо думается. Мне лучше всего думается дома. Не знаю почему. Здесь я не могу сосредоточиться. Много людей, разговоры, телефонные звонки...

— Надо мной будут смеяться, если я напишу, что инженер Сухарев опаздывает на работу, так как привык размышлять в домашней обстановке. Кто знает, о чем вы там думаете?

— Иногда я не думаю, просто читаю книгу.

— Полезное занятие! Неужели же вы не понимаете, что это вообще ни в какие ворота? Что это ни для вас, ни для меня не может служить сколько-нибудь серьезным оправданием...

— Я понимаю. Но мне это помогает отвлечься, сбить мозг с трафаретной мысли. Вы понимаете, бывает, идея уже исчерпала себя, а из головы не вылезает... Я беру книгу, иногда это помогает. Дает возможность найти другой подход, другой путь к решению.

Дмитрий Андреевич, едва сдерживаясь, рассматривал подчиненного, как врач надоедливого больного с неизвестным ему, но явно опасным недугом.

— Если бы я не знал вас много лет, — наконец сказал он, совершенно отчаявшись, — я бы решил, что вы надо мной просто издеваетесь... Давайте начнем все сначала. Может быть, что-то случилось, когда вы спешили на работу? Например, сломался автобус, сошел с рельсов трамвай... Вы же были студентом, вспомните, как фантазировали в те годы.

— Я езжу в метро, — поправил начальника Сухарев, не принимая спасительной подсказки. — Я был добросовестным студентом.

— Но и метро, случается, тоже выходит из строя... Голубчик Владимир Палыч, для нас с вами это последний шанс.

— Откуда вы знаете? — удивился Сухарев, вспомнив наконец свои дорожные приключения. — Сегодня в метро в самом деле что-то случилось.

— Ну я же говорил! Всегда можно найти объективную причину. Что же случилось сегодня в метро?

— Понимаете ли, наш поезд почему-то задержали на станции. И не объявили почему.

Дмитрий Андреевич сделал пометку в блокноте.

— Это уже лучше! Припомните, что было дальше. Нужны какие-то подробности, детали.

— Мои попутчики стали ругать МПС. Говорят, после того, как метро передали МПС, оно стало работать хуже. Раньше в метро входили как в театр...

— Владимир Палыч, прошу вас не распыляться. Что же в конце концов произошло?

— Я не знаю. Сказали: по техническим причинам поезд дальше не пойдет. Пользуйтесь кольцевой линией.

— Авария! — убежденно сказал Дмитрий Андреевич. — Раз технические причины, значит, авария. Потому-то они и не говорят.

— Я хотел подняться наверх, — продолжал Сухарев, стараясь не сбиться с мысли. — Поймать такси и скорей на работу. Но в суматохе свернул не туда и оказался на

кольцевой станции. Понимаете ли, я привык ездить по радиальной и машинально свернул не туда.

— Дальше, дальше.

— Сел в вагон и поехал.

— Машинально или у вас был какой-то расчет?

— Не в этом дело. Я, понимаете ли, не имею привычки сидеть, всегда стою где-нибудь в сторонке, чтобы никому не мешать. А тут почему-то сел и вдруг замечаю, что на меня смотрит женщина. Я подумал...

— Нельзя ли поближе к делу? Я не имел в виду такие подробности.

— Я подумал, — упрямо продолжал Сухарев, — может, мы с ней когда-то были знакомы? Стал вспоминать, но ничего не припомнил. Потом мне показалось, что она смотрит на меня...

— Это вы уже говорили.

— Что она смотрит на меня как-то не так. Вы понимаете?

— С трудом.

— Я привык, что никто не обращает на меня никакого внимания. Я уже не в том возрасте, когда привлекают внимание хорошеньких женщин. Мои внешние данные не позволяют на это рассчитывать.

Дмитрий Андреевич гневно отбросил карандаш:

— Всему, однако же, есть предел! Я вижу, вы надо мной смеетесь. Какое мне дело до ваших отношений с женщинами?! Говорите же, что было дальше. Только по существу, по существу!

— Потом по вагону объявили: у нас принято уступать места женщинам и людям старшего возраста. Догадываетесь? И я наконец-то понял, почему она смотрит на меня... Я чуть не сгорел со стыда... Буквально в последнюю минуту выскочил из вагона, меня чуть не зажало в дверях, а тут как на грех — дежурная по станции. — Он поднял глаза на начальство, ища сочувствия. Дмитрий Андреевич страдальчески улыбался, слушая эту невообразимую болтовню. Будь Сухарев студентом — куда ни шло, но ведь солидный же человек, ведущий инженер и вдруг — такие фантазии...

— Я же просил вас — по существу.

— Сам, понимаете ли, не знаю, что здесь существенно, что — нет. Первый раз в такой ситуации... Поднялся наверх, схватил такси, а таксист, как назло, не знал к нам дороги, к тому же и улицы под завязку забиты

транспортом. На всех перекрестках, такое дело, мы обязательно попадаем под красный светофор... Когда я пришел на работу, Вася Коробкин сказал: тебя вызывает Дмитрий Андреевич. Я зашел к вам, вы ознакомили меня с этой бумагой...

— Можете не продолжать. — Дмитрий Андреевич беспомощно катал по столу остро отточенный карандаш. — Да, дорогой Владимир Палыч, тем, кто работает с вами, надо бесплатно давать молоко. Два литра в день. За вредность. Теперь мне ясно, почему появилась на свет эта, как вы говорите, бумага. Вы не догадываетесь, кто мог ее написать?

Сухарев еще раз пробежал глазами ровные, как у отличницы по чистописанию, строчки обличительного документа:

— Я почерка не различаю. Зрение, понимаете ли, никуда. Вот если бы к этому письму был приложен хотя бы маленький чертежик. Эскиз какой-нибудь детали. Я бы узнал руку.

— Полный тупик, — безнадежно развел руками Дмитрий Андреевич. — Или вы гений, или... простите, не знаю, как вас и назвать. Во всяком случае, могу вас заверить: у вашего руководства очень трудный хлеб. Черный хлеб, если хотите.

— А что я могу поделать? — сказал Сухарев. — Это, наверное, от природы. В генах заложено.

— Собранности вам не хватает, Владимир Палыч, — взял наконец строгий тон начальник отдела. — Самодисциплины. Понимания, что вы не вольный художник, а работаете в трудовом коллективе, где есть распорядок дня, вообще — порядок. Давайте договоримся так: или вы приносите справку, что опоздали на работу из-за аварии в метро, или получите строгий выговор. С предупреждением о невозможности использовать вас в занимаемой должности, если подобное будет повторяться.

— Где же я возьму такую справку? Может быть, лучше сразу — выговор? С предупреждением.

— Ах как вам хочется пострадать! Чтобы потом кое-кто заговорил: вот, мол, какой бездушный чиновник-бюрократ Дмитрий Андреич Веревкин! На весь отдел у него один светлый ум, художник проектного дела, так он ему за малейшее опоздание выговор влепил... А? С предупреждением. Нет, дорогой Владимир Палыч, поезжайте куда хотите и добывайте справку хоть из-под земли.

И завтра же — мне на стол. Будем считать, что мы обо всем договорились.

Сухарев очумело побрел из кабинета, однако в дверях вдруг затоптался, как лошадь перед барьером, и рассеянно посмотрел назад, на еще не остывшего после разговора Дмитрия Андреевича.

— А что, если нам, — несмело начал Сухарев, — применить новую блок-схему? Я уже набросал... Вместо УТП-6, которые поглощают гору энергии, а рождают мышь, поставить плазменные синтезаторы. Это даст возможность отсечь сразу три лишних звена, а выход конечной продукции повысить втрое. И качество тоже. Надо только по-новому все скомпоновать. Дайте, пожалуйста, листок бумаги... Не понимаю, зачем нам закладывать в проекте вчерашний день?

— Это захватывающе интересно, — с ехидцей сказал Дмитрий Андреевич, будто очнувшись от сна. — До сдачи проекта осталось 20 дней, а вы предлагаете начать все опять с нулевой отметки... Дозвольте спросить: где вы были раньше? Нет уж, голубчик, давайте так. Давайте не будем распыляться. Давайте сначала решим вот этот насущный вопрос. — Он потряс тоненькой синей папкой. — А уж потом перейдем к остальному.

Дмитрий Андреевич меньше всего был склонен вдаваться сейчас в технические подробности, и, да простит читатель, мы тоже не станем о них говорить. Какая для нас с вами разница — УТП или другие устройства будут стоять в блок-схеме; лучше попробуем войти в положение начальника отдела, для которого всего важнее график, сроки сдачи проекта, план.

Окончание на стр. 193

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

«Ввести в постоянную эксплуатацию Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль на всем ее протяжении, приступить к широкомасштабному хозяйственному освоению зоны этой магистрали... Развернуть строительство железной дороги Беркакит — Томмот — Якутск».

Из «Основных направлений экономического и социального развития СССР»

ШАГИ ВДОЛЬ ОСИ

— ДЕЛЬТА — двести сорок пять, ток — четыре и семь! — ловя среднее положение заметавшейся по шкале стрелки, будто выкрикнул Слава Боровиков и щелкнул переключателем.— Дальше!

— Стоп, стоп,— ровным голосом произнес Саша Алексеенко и продолжал тонким пальцем карандаша сажать в клетки полевого дневника цифры.

— Что случилось?

— Сейчас...

Что могло случиться? Все в порядке. Вот только сопротивление... Сколько же это будет?.. Ага, где-то под две тысячи ом. А было? Так... Три двести. Ого, вниз сиганули...

— Перебейтесь! — махнул он Сергею Одинокову и Станиславу Тарновскому, которые стояли с электродами, похожими на шпаги, и катушками с проводом в трех метрах по обе стороны от «аэшки», укрепленной на треноге. «Аэшка» — это электроразведочный автокомпенсатор АЭ-72, старый надежный прибор геофизиков, с которым они уже не один десяток лет работают и в горах, и в пустыне, и в тундре, и в тайге.

— Сопротивление резко упало,— начал объяснять мне Саша.— Что это означает? Изменился состав грунта? Так-то оно так, но не будем торопиться. Попробуем еще раз в том же месте.

Сергей со злостью вогнал электрод в мох, Станислав свой воткнул осторожно, ощупывая острием каждый камешек, корешок. Слава опять склонился над прибором.

— Те же дела!

— Вот теперь — дальше! — крикнул парням Саша.

После того как снял показания, повернулся ко мне:

— Сопротивление падает — на новом месте оно уже тысяча ом. Значит, напали на талик.

— И что теперь?

— Нужно определить его границы. Строителям он может здорово навредить...

Ребята с электродами все дальше тянут провод. Уже не видно за деревьями их одинаковых зеленых каскеток. Мы остались втроем на бугре. Жарко. Лениво зудит комар. В паутине запуталась, дергается букашка. «Включайся!», «Скачок!», «Дальше!» — Слава теребит себя за кадык, как бы не сор-

вать голос. Саша молча записывает, изредка покашливая в кулак,— на следующей точке его очередь становиться за прибор.

Я подымаю голову и вдруг вижу вешку в просвете между пихтами — она привязана к колышку, сверху расщеплена на конце, в нее воткнута палочка.

— Что это?

— Съемщики оставили. Здесь пройдет ось трассы.

Саша сказал это спокойно и устало, а я вспомнил, как несколько дней назад пролетал над этими местами на самолете. Под крылом в просветах между облаками проносилась Якутия — поросшие редколесьем гряды, обширные мари, каменистые сопки реки. Я не отрываясь смотрел в иллюминатор и все пытался представить себе эту самую ось будущей трассы — 800-километровой Амуро-Якутской магистрали, которая свяжет в одну нитку якутские поселки Беркакит и Томмот со столицей республики. Не получалось. Слишком много было света и простора вокруг и слишком далеко от мхов и скал, через которые проляжет трасса. Тогда я решил действовать по-другому: спустился с облаков на землю и стал искать начало дороги. Так я попал в бригаду монтеров пути отряда «Комсомолец Якутии», которым вот уже девять лет руководит Алексей Иванченко. Почему именно к ним? Отряд одиннадцать лет на БАМе — первый его десант из пятнадцати человек высадился в тайге на месте будущей станции Могот в 1974 году. Опыт накоплен немалый. Поэтому отряду решили доверить прокладку рельсов новой дороги. На бытовке строителей надпись: «Вперед на Якутск!» — парни из «Комсомольца Якутии» пока забивают костыли в шпалы на станции Нерюнгри-Грузовая, но мысли и разговоры об АЯМе. Ведь уже состоялось рождение новой магистрали — на семнадцатом километре Малого БАМа уложено первое «серебряное звено».

Я попросил Алексея Иванченко провести меня к этому месту.

У Алексея приветливое, добродушное лицо, но в голубых глазах нет-нет да и вспыхнет хитринка. По краям полных губ к подбородку стекают рыжеватые усы. Парень шагает по насыпи размашисто, уверенно вминает гравий подошвами сапог — я едва поспеваю за ним.

— Как это было, спрашиваешь? Мороз, ветер, оленей пригнали, ну и, конечно, красная ленточка, митинг, фанфары, шампанское — сам знаешь, как это бывает, когда распечатывают новую дорогу. Не знаешь? Ну а я на БАМе насмотрелся... Все, пришли. Что за столб? Якуты такое сооружение называют «сэргэ». Обычно к таким столбам привязывают лошадей. Да вроде символа — с сэргэ начинается освоение земли.

Я прочитал на белом столбе, врытом в насыпь рядом с рельсами: «11.04.1985 г. Серебряное звено АЯМа линии Беркакит — Томмот — Якутск». Начало дороги. На указателе километров с одной стороны — ноль, с другой — единица. На рельсах следы «серебряной» краски. Ветка, нырнув под путеукладчик, подходит к краю насыпи и обрывается. Что дальше? Зеленеют холмы. Облака плывут на север. Искрится вода в реке. В котловане погромыхивают машины, слышатся скрежет, чавканье, сипенье. Дальше нет дороги. Но так ведь не бывает, думаю я. Если прошел хоть один человек, то второй за ним уже идет по тропе. Так-то так, да все равно второму достается с лихвой, и он, сбивая ноги, открывает для себя и

тех, кто за ним, дорогу — пусть уже пройденную до него и даже если двигается по ней след в след.

— Чем мы занимаемся? — большим и указательным пальцами пригладил усы Алексей.— Строим аэропорт в Чульмане — раз, на БАМе доделки-недоделки устраняем — два, лесорубим — три... Долго считать можно. А дорога вот она — ноль-один. Строителю дороги что нужно? Хоть по метру в сутки, но двигаться вперед. Тогда он на коне. Мы же пока только коновязь оборудовали. Так что с нами каши не сваришь. К изыскателям тебе надо — они сейчас на трассе в поте лица шуруют...

Начальник Якутской экспедиции Мосгипротранса повздыхал-повздыхал и развел руками:

— Строители нам на пятки наступают, поэтому приходится техпроект и рабочую документацию выдавать одновременно, с пылу, с жару. Сам понимаешь, времени ни минуты. Ты вот что... Да, сейчас машина на Угольный пойдет, там у нас комплексная партия стоит — на месте разберешься, что к чему.

Угольный — бывший поселок шахтеров — расположен километрах в сорока от Беркакита. В замшелых избах, хлипких и заброшенных с виду, разместились трассировщики, буровики, геофизики, операторы, лаборанты. До глубокой ночи теплился в пыльных окнах свет. К кому пристать? С кем отправиться в маршрут? Казалось, везде интересно, у всех трудная и очень важная работа. Правда, так получилось, что выбор определился сам собой еще по дороге в Угольный. Начальник геофизиков Иван Васильевич Звонарев ездил в Беркакит встречать отпускника Славу Боровикова. Он вернулся из Ялты свежий, ровно загоревший, выбритый до блеска, с неизменным чемоданом, сверкающим на углах никелированными нашлепками, который, как признавался мне Слава, из года в год кочует с ним по экспедициям и стал для него «роднее родного». Геофизики оказались ребятами словоохотливыми. Мы тряслись в кузове на тюках с палатками, спальниками, марлевыми пологами, ватниками, и через полчаса я уже знал, что почти вся магистраль проходит по скальному и мерзлому грунту и без вертикального электрического зондирования строителям на трассе делать нечего; что работы невпроворот, как никогда, пришлось — небывалый случай! — начать сезон в марте, под каждую точку, чтоб был контакт, бурили скважину; летят все графики — буровики постоянно натыкаются на «незапланированный» лед, геофизики бросают все и оконтуривают его, прислали новый прибор — радиолокатор, который неплохо «отбивает» подземные льды, но еще не отработана методика; что вообще геофизика самая главная наука, без которой человек и шагу не ступит по земле...

Мог ли я после такой «обработки» не сесть в вездеход к буровикам и не отправиться с изыскателями на съемку поперечных профилей? На следующий день, окончательно определившись, я выехал вместе с группой Саши Алексеенко на трассу. Конечно, трасса — насыпь, мосты, тоннели, рельсы — чисто условное понятие, она существовала лишь в воображении проектантов и строителей. Но для геофизиков ее невидимая ось была вполне конкретной, строго определенным на карте местом работы...

На первом же поперечнике мы споткнулись — напали на талик. Саша мял зубами изодранную мокрую «беломорину» и записывал показания — работа подвигалась медленно. Запутался в кустах провод. Пока отцепили, пока настроились, пока...

— Глубина проникновения заряда зависит от длины разносов, соотношение — один к трем,— принялся объяснять Слава.— Бывает, на километр провод тянем-потянем. И учитывай: без тротуаров и эскалаторов. Прешь с

электродом напрямик через болота, ноги о корни ломаешь, в песках вязнешь, карабкаешься на стенки. А потом что? Бывает и так. В Крыму однажды прибор «заклинило»: сколько ни бились, он все по нолям показывает. Что случилось? Пошел оператор по проводу. А навстречу ему мужик прогуливается, посвистывает, наш провод на локоть знай наматывает. Кто-то оставил, говорит, а мне в хозяйстве пригодится...

Мы спустились вниз к вездеходу. Водитель Ильфар Калимунин, скуластый ловкий парень, откинул верхний люк и скрылся в кабине. Мотор тут же взревел, Ильфар рванул рычаги, и мы запетляли между деревьями. Гремели траки, из-под гусениц летели обрывки мха, грязь. Она попадала на куртки, штаны, тут же высыхала. Все молчали — все равно из-за грохота ничего не слышно, даже если у самого уха соседа голосовые связки рвать. У Саши вокруг глаз сбежались морщинки. Кончики губ едва заметно дергаются — кажется, парень пытается улыбнуться. О чем он думал? Дороги нет, трасса вычерчена на бумаге, а вездеход стелется по оси ровнехонько, никуда не сворачивая. С самого начала Саша на БАМе, вроде должен привыкнуть к этому и привык, конечно, но иногда вдруг возникает вопрос: сколько же нужно намотать километров по тропкам, гатям, лежневкам, поймам, чтобы проложить одну главную дорогу?

Каждый полевой сезон отчетливо, по неделям, даже дням, врезался в память. В семьдесят четвертом году мерзли в палатках на разъезде Бестужева, в семьдесят девятом спасались от пожара на озере Огорон, в восемьдесят первом, уже на трассе АЯМа, дожди замучили, не давали носа из палатки высунуть, в восемьдесят четвертом работали так, что якутскому небу было жарко, дни и ночи смешались, через болота, курумники, развалы неслись к Алдану. Этот год тоже не слабо начали — талик на талике, льды чуть ли не на каждой выемке...

Дорогу преградил ручей. Вроде неширокий. Глубина? Возле берега осокой зарос, вода черная: не поймешь — то ли по щиколотки, то ли с головкой.

— Бери правее! — привстал Саша.

Ильфар притормозил. Расслышал, нет?

— Правее! Вправо!

Вездеход рванул прямо. Тупой нос уперся в противоположный берег.

— Назад!

Куда там! Сели. Ни назад, ни вперед. Гусеницы поскребли, поскребли дно и остановились. Вода заплескалась в окна кабины, смывая с них грязь. Невозмутимое лицо Ильфара вынырнуло над люком.

— Думал, проскочим...

Саша с Сергеем быстро спилили пихту, росшую неподалеку от берега. Обрубили ветки, верхушки. Ильфар уже протягивал тросы. Минута-другая — и бревно притянули сзади к тракам. Саша пнул его сапогом, загоняя подальше под гусеницы.

— Давай!

Ильфар метнулся к кабине. Вездеход задрожал, вскипела вода за бортами — машина заползла на бревно, приподнялась и попятилась на берег.

— Выгребли!

Мы прыгнули в кузов. Вездеход, взяв правее, перескочил через ручей и понесся по долине. Саша всматривался в правый склон, покрытый каменистой россыпью — курумом. Вдруг он увидел вешку. Повернулся к Славе. Тот кивнул головой — она! Саша наклонился над люком. Вездеход развернулся и пополз вверх. Туда, где проходила ось трассы.

В. СУПРУНЕНКО

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ!

В 1404 ГОДУ в Московском Кремле, недалеко от Благовещенского собора, установили первые башенные часы, изобретенные Лазарем Сербиным. Сие событие сочли достойным внести в анналы истории, и летописец неторопливо сделал запись: «Сей часник наречется часомерье, на всякий час ударяет молотом в колокол, размеряя часы ночные и дневные...» Горожане и посадские люди разглядывали диковину и гадали: что это — дорогая игрушка или украшение?

Жили в те времена неспешно. Серьезные дела откладывали на завтра, полагая, что утро вечера мудренее... Эпоха часов только зарождалась!

Сегодня часы стали для нас столь же привычны, как и необходимы. Без часов как без рук! По ним мы планируем свои будни и праздники. Нравится нам или нет, но сегодняшний ритм жизни диктует нам свои законы, главный из которых — время не ждет! Минута перестала быть абстрактной единицей. Статистика сообщает, что одна минута в масштабе страны равна целому рабочему дню 200 тысяч рабочих, а один процент рабочего времени, потраченный впустую, наносит государству убыток более чем в 6,5 миллиарда рублей.

Сегодня часы стали для нас необходимым спутником нашей жизни. Они стали символом современности, как ракета, атомный реактор, лазер.

Если говорить о научно-технической революции, которая также стала

символом и временем прогресса, то часовая промышленность оказалась наиболее «консервативной» отраслью народного хозяйства, дольше других «сопротивлявшейся» ее проникновению в свою сферу. До 50-х годов нашего столетия она оставалась верна традиционному часовому механизму, в основе которого был принцип свободного анкерного хода, на протяжении двух столетий считавшегося непревзойденным в точности отсчета времени. И вот во все сферы промышленности ворвалась электроника. Началась новая эра и в часовом производстве.

...Говоря о первенцах первых пятилеток, мы называем и 1-й Государственный часовой завод. Его создание позволило начать выпуск отечественных часов, что экономило в те трудные для страны времена 16 миллионов рублей золотом ежегодно — столько прежде тратилось на закупку часов за границей. Владимир Осипович Прусс, пионер советской часовой промышленности, в одной из своих статей писал: «Принимая во внимание сильно возросшую потребность в часах в нашей стране, в связи с развитием индустрии и повышением общего культурного уровня населения, нам нужно будет еще больше вывезти за границу золота. Мы такой роскоши себе позволить не можем и останемся без часов, что затормозит ход нашего развития в индустрии и отразится на всем образе нашей жизни».

20 декабря 1927 года Совет Труда и Обороны принял постановление «Об организации в СССР производства часов». В 1930 году завод выпустил первые 50 карманных часов (!), изготовленных из деталей отечественного производства. А в следующем году — уже 70 тысяч таких часов. Сегодня 1-й Государственный завод имени С. М. Кирова выпускает 4 миллиона часов в год!

— Но и это не предел,— уточнил в беседе с нами директор завода Александр Сергеевич Самсонов.— В 1990 году в наших цехах будет изготовлено 5 миллионов часов. Несомненно, возрастет и их качество. Мы выпускаем механические и кварцевые часы. Но покупают сегодня кварцевые с большой осторожностью. Это объясняется многими причинами, главные из которых — привычка к механическим часам (сколько десятилетий их носят!) и плохой пока что сервис — ремонт кварцевых часов, необходимость в замене источников питания. Но, поверьте мне как специалисту, кварцевые часы по своему классу несравненно выше механических, и с каждым годом это будет ощущаться все сильнее.

Мы спросили Александра Сергеевича:

— В последние десять-двадцать лет авторитет советских часов значительно вырос во всем мире. С чем это связано?

— Долгое время мы не могли соперничать с западными фирмами из-за низкого уровня внешнего оформления. Но после того, как получили алмазный инструмент для обработки корпусов, положение изменилось. До 1965 года мы экспортировали нашу продукцию только в несколько стран. А сегодня мы экспортируем наши часы в 70 стран мира! О качестве часов говорят почетные дипломы, полученные на традиционных ярмарках, а также предложения о совместном сотрудничестве, полученные от таких прославленных часовых фирм, как швейцарские «Омега», «Лонжин», и других.

— Сегодня мы все чаще говорим об автоматизации производства. Но все же в нашем представлении изготовление часов неразрывно связано с аккуратностью женских рук. Возможно ли применение роботов?

— Подобное представление о нашем производстве, мягко выражаясь, устарело. Почти все наиболее тонкие операции выполняются на заводе автоматизированными линиями. Например, тончайшая деталь часового механизма — анкерная вилка изготовляется только автоматами. А 15 лет назад мы об этом не могли и мечтать. Таких примеров можно привести очень много.

Начальник дизайн-бюро Игорь Репкин.

Контрольный мастер ОТК Александра Лурье.

Процесс изготовления кварцевых часов, которые пришли на смену механическим, можно полностью автоматизировать. К 1988 году мы планируем сократить уровень ручного труда до 12 процентов, а предприятие сделать высокоавтоматизированным. Для того чтобы убедиться в справедливости моих слов, рекомендую пройти по заводу и посмотреть, как делают часы...

Наташа Филатова, секретарь комсомольской организации завода, и ее заместитель Таня Ершова стали нашими экскурсоводами.

— Начнем с начала,— сказала Наташа и, улыбнувшись невольному каламбуру, пояснила: — Начнем с отдела перспективного проектирования и внешнего оформления часов — с нашего дизайн-бюро.

...Дизайн-бюро оказалось именно таким, каким мы его и представляли. Небольшая комната. Словно перегородки встали в ней плоскости кульманов, образуя сектора, в каждом из которых — дизайнер. Столы, подоконники, шкафы завалены чертежами, рисунками, эскизами, рекламными проспектами и каталогами. Мы пробрались к небольшому столу, где сидел молодой человек в строгом сером костюме. Познакомились... Игорь Репкин, начальник дизайн-бюро, на заводе работает давно. Закончил художественно-графический факультет пединститута, и руководство завода предложило ему попробовать свои силы в отделе внешнего оформления. И вот...

Отлично трудится Юрий Алеев...

— Теперь я и не представляю себе другой профессии... О лучшем я не мог и мечтать.

Игорь рассказал о работе отдела. Оказалось, для того, чтобы создать новую модель часов, дизайнеру необходимо очень многое.

— Сейчас я не могу даже уточнить, сколько вечеров мы просиживаем в библиотеках, штудируя зарубежные и советские каталоги, выискивая общую линию сегодняшнего дизайна как в часах, так и в одежде, обуви, интерьере, даже мебели. Сколько выставок мы посетили! Я не говорю уже о семинарах и лекциях по конкретной теме — дизайну часов, которые специально для нас проводят во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики. Для чего все это нужно? Для того, чтобы мы могли угадать, какой будет мода, скажем, через пять или шесть лет... Ведь мы моделируем часы, которые наш завод будет выпускать в следующей пятилетке. И для того, чтобы мы «попали в точку», надо знать, какой будет мода в то время. Мода — вот то главное, что влияет на нашу работу. А она

имеет свои закономерности, и если мы их не познаем, то часы наши не будут покупать. А отсюда вывод: тогда грош нам как дизайнерам цена.

— Скажите, Игорь, а какие часы будут модными, скажем, через пять лет?

— Если сегодня превалирует мода на плоские кварцевые часы, решенные в так называемом «интегральном», деловом стиле, а также стиль «ретро», то через пять лет, думаю, появятся часы более декоративные, в стиле «супердизайн». Решится проблема пластмассовых корпусов, а это значительно удешевит часы и разнообразит форму их корпусов.

Побывали мы и в заводском музее. Небольшой зал заполнен всевозможными моделями часов. Здесь и первые наручные «будильники», и часы, которые вместе с космонавтом Гречко побывали дважды в космосе. Небольшие и простенькие «Штурманские» — именно с такими часами Юрий Гагарин совершил облет планеты, и они точно отсчитали 108 минут новой, космической эры...

После того как Юрий Алексеевич побывал на заводе и поблагодарил коллектив за отличное качество «Штурманских», на циферблатах часов впервые появилась новая надпись — «Полет».

Кстати сказать, первые кварцевые часы тоже побывали в космосе. И космонавты сообщили, что и эти часы в условиях невесомости работают отлично. Лучшей рекламы и не придумаешь!

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ. У толстосумов на Западе сейчас стало модным коллекционировать автографы великих деятелей культуры прошлых времен. Денег на это не жалеют, и в частные собрания попадают письма французских полководцев, ноты Стравинского, рукописи Анатоля Франса. Определенную часть таких реликвий преступники крадут из музеев, библиотек и продают на черном рынке.

Ловкие фальсификаторы увидели в этом увлечении богачей золотую жилу.

Недавно в Париже состоялся закрытый суд над группой весьма необычных молодых фальсификаторов. Они «серийно» изготовляли письма Юлия Цезаря, автографы художников-импрессионистов на открытках, счета Жорж Санд от портных, дневниковые записи ученых начала XX века. Судьи долго не могли приступить к рассмотрению этого дела, ибо продавались «редкости» за баснословно низкую цену. За подпольную коммерцию судить их было бы смешно. Но как же сами фальсификаторы объясняли свою деятельность? Во-первых, сказали они, это было веселое «хобби», а во-вторых, хотелось наказать простаков за их стремление к очередному и нездоровому фетишизму. И вот именно из-за упорного отстаивания формулировки «наказать высшее общество» суд и был закрытым.

САМ ТЫ ВРУНИШКА! Пресловутый детектор лжи рекламируется американцами вот уже не один десяток лет. В последнее время аппарат стал предметом широкого экспорта.

Группа ученых из Иллинойского университета случайно установила, что имена специалистов, скрепляющих своими подписями рекламные слова о превосходных качествах детектора, фальсифицированы. Таких ученых в США не оказалось...

После этого университетские деятели провели второе объективное исследование. Они приобрели детектор последней марки и сумели привлечь к его проверке 50 закоренелых преступников — из местной тюрьмы и 50 добровольцев — абсолютно благопристойных граждан штата. Полицейские выделили пять опытных операторов и следователя.

...В одиннадцатый сборочный цех мы пришли, когда был обед. Но работа не прекращалась: действовали автоматические линии, занимающие всю правую сторону цеха.

— До четырех тысяч часов в день проходит по автоматическим линиям, а весь цех за день собирает 10 тысяч часов. В цехе работает семьсот человек, а линий только двадцать четыре,— сказала нам Вера Семеновна Смирнова, мастер 2-й бригады.— Представляете, насколько увеличится производительность труда к 1988 году, когда этих линий станет значительно больше. К тому времени значительно увеличится число наладчиков автоматических линий. Сейчас у нас работает немного мужчин, но, несмотря на то, что они у нас не так давно, числятся среди лучших. Это Юрий Алиев, Сергей Артамонов, Валерий Борисов и другие ребята.

...На миниатюрных конвейерах — часовые корпуса. Секундная остановка — и робот устанавливает необходимую деталь, корпуса продолжают движение. Снова остановка, новая деталь, смазка, и дальше ползут по конвейеру будущие часы...

А. МАКСИМОВ
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

При проверке фиксировались ритмы сердца, биотоки мозга, степень потливости и многие другие «факторы лжи». Вопросы задавались как профессиональным следователем, так и одним из профессоров университета. В результате, который зафиксировал нотариус, детектор лжи оправдал 12 преступников и осудил за бандитизм и мелкое воровство 18 невинных.

РАЗРЕЗАВ КОБРУ ПОПОЛАМ... Необычную операцию пришлось выполнить недавно таможенникам в аэропорту Женевы. У одного из пассажиров они вскрыли не только чемодан, но и его содержимое. При этом содержимое вскрывалось хирургическим ножом. Дело в том, что пассажир привез в Швейцарию в специальном чемодане несколько кобр из Таиланда. Таможенникам бросилось в глаза, что одна из змей имела странное утолщение тела. Операция показала, что в желудке у живой змеи находилась стеклянная колба, в которой после официального взвешивания было обнаружено более 100 граммов наркотиков.

Несмотря на документы, свидетельствующие о перевозке кобр в Швейцарию для целей науки, дело пришлось передать в суд.

НЕ ОБИЖАЙТЕ АВТОРОВ! В Англии с незапамятных времен сохранилось множество законов, которые до сих пор не отменены, хотя и выглядят ныне довольно курьезно. Например, нельзя поливать свой сад во время дождя, запрещено появляться в театре с кинжалом длиннее двух футов, считается наказуемым посещение публичных лекций с куском мыла в кармане...

Подобные смешные и абсурдные законодательные акты прошлых веков подчас пересматриваются. Но вот недавно в городе Ридинг главный судья оставил в силе закон 150-летней давности. Согласно старому указу посетитель городской библиотеки, задремавший над книгой, штрафуется на 10 фунтов стерлингов. Сон в таком случае считается нанесением личной обиды автору. Деньги, впрочем, идут не автору, а на благоустройство книгохранилища.

●

ПОСЛЕ поражения Московского вооруженного восстания в России наступил период мрачной реакции. Карательные экспедиции сменяли одна другую, шли массовые расстрелы, выносились тысячи каторжных приговоров.

Сторонники Мартова злорадствовали: «Ага! Не мы ли предупреждали от авантюры! Нет, хватит с нас большевистского максимализма!» А Плеханов назидательно изрек: «Не надо было браться за оружие».

БОЙ ПО ВСЕЙ ЛИНИИ

По-иному оценивали декабрьские события 1905 года большевики. Ленин утверждал, что, наоборот, надо было браться за оружие более решительно! Он не считал поражение Московского восстания поражением революции. Владимир Ильич заявлял: «Гражданская война кипит. Политическая забастовка, как таковая, начинает исчерпывать себя, отходит в прошлое, как изжитая форма движения». И выражал надежду, что рабочие не сойдут с пути подготовки следующего всероссийского выступления. «Силы для такого выступления есть: они растут быстрее, чем когда бы то ни было. Лишь небольшая часть их была втянута в поток декабрьских событий. Движение далеко не развернулось во всю свою ширину и во всю свою глубину».

Продолжалась неустанная, каждодневная работа Ленина по сплочению революционных сил, укреплению партийных рядов. Он вел среди рабочих пропаганду боевых лозунгов революционной социал-демократии, и не было большевика, который не хотел бы его видеть, слушать, говорить с ним, получать указания.

Ленин всегда призывал товарищей по партии говорить с рабочими просто и ясно, доступным массе языком, не применяя, как он выражался, «тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений». Никаких пышных фраз и восклицаний! Только факты и цифры, и только с фактами и цифрами в руках разъяснять вопросы социализма, сущность теперешней русской революции.

На протяжении всей революции большевики боролись против кадетов — партии, курс которой был рассчитан на соглашение с царизмом. Какие уж там призывы к вооруженной борьбе! Их требование — небольшие реформы для «успокоения народа». В то время, когда пролетариат высоко поднимал знамя революционной борьбы, отмечал Ленин, буржуазные апологеты размахивали знаменем «уступочек, сделок и торгашества». Он назвал кадетов «могильными червями революции».

Выступая против вооруженного восстания, кадеты делали ставку на Думу. Парламентская игра нужна была им для того, чтобы отвлечь внимание народа от революции. «Пролетариат борется,— замечал Ленин,— буржуазия крадется к власти». В этом состояла суть тактики кадетов! Они стремились использовать выступления масс в своих целях —

и в то же время боялись их революционной самодеятельности и более всего — гегемонии пролетариата в революции. Их вполне устраивал спокойный, «гужевой», по меткому определению Ленина, путь общественного развития. Он так расценивал «философию» кадетских теоретиков: «Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это — сам разум и сама планомерность». Словом, когда народные массы сами со всей решительностью «начинают творить историю, воплощая в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории»,— тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план»... «Когда непосредственное движение масс подавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой,— резко заявил Ленин,— когда выползают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела *за* народ, *от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных,— тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума».

Кадеты развернули широкую агитацию за участие в выборах в Государственную думу. Большевики заявляли, что Дума — жалкая подделка народного представительства, и призывали к активному бойкоту Думы, к отказу от участия в выборах. Большевики, Ленин ставили вопрос так: или конституционное строительство — или революция; или Дума — или восстание. Принять один путь — значит отказаться от другого пути. Кто за революцию, тот должен быть против Думы; кто за Думу, тот против революции.

«...Либо мы должны признать демократическую революцию оконченной, снять с очереди вопрос о восстании и стать на «конституционный» путь,— отмечал Ленин в статье «Русская революция и задачи пролетариата».— Либо мы признаем демократическую революцию продолжающейся, ставим на первый план задачу завершения ее, развиваем и применяем на деле лозунг восстания, провозглашаем гражданскую войну и клеймим беспощадно всякие конституционные иллюзии». Задача пролетарской партии, указывал Ленин, вести борьбу с такими иллюзиями и систематически разъяснять рабочим и крестьянам, что главной формой общественного движения остается по-прежнему революционная борьба широких народных масс.

Большевики разоблачали и позицию меньшевиков, предлагавших мобилизовать общественное мнение вокруг «российского парламента» — то есть Государственной думы, и в этом «парламенте» поддерживать кадетов!.. Впрочем, несколько позже, чуть сдав свои позиции, они начали проводить политику «полубойкота»: надо-де выставлять народных кандидатов, избирать уполномоченных и выборщиков, но не принимать участия в работе Думы. «Меньшевики в тоске,— писал по этому поводу Ленин.— В Думу не верят и в революцию не верят. Они зовут выбирать в Думу для бойкота Думы...» Ленин высмеивал меньшевистскую тактику *полубойкота*, утверждая: «Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выборов депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса... Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент».

...Как известно, кадетско-либеральная Дума, созванная в апреле 1906 года, бесславно окончила свое существование в июле того же года, не продержавшись и трех месяцев!

В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ — начале марта 1906 года, находясь в Финляндии, в Куоккала, Владимир Ильич работал над подготовкой тактической платформы большевиков — проектом резолюций к IV (Объединительному) съезду РСДРП. Вопрос об объединении и создании единой крепкой партии был для Ленина вопросом первейшей важности — он учитывал естественную тягу рабочей массы к централизованному, единому руководству. Именно в Петербурге со всей очевидностью обнаружилось, насколько помешало руководству ходом революции отсутствие единой партии.

«Слияние необходимо,— утверждал Ленин.— Слияние надо поддерживать». Вместе с тем он подчеркивал, что слияние нисколько не обязывает большевиков затушевывать тактические разногласия с меньшевиками. Объединение с ними возможно лишь на идейной и организационной основе революционного марксизма!

Предстояло довести точки зрения большевиков и меньшевиков до предельной ясности и при необходимости вести бой по всей линии — по важнейшим вопросам, которые должен будет рассматривать Объединительный съезд.

Накануне съезда Ленин говорил Луначарскому:

— Если в ЦК или в Центральном Органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Тем хуже, если их мелкобуржуазная сущность не позволит им идти вместе с нами. Пускай берут на себя одиум разрыва единства партии, доставшегося такой дорогой ценой. Уж, конечно, из этой «объединенной» партии они при этих условиях уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели.

— Ну а что, если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? — спросил Луначарский.— Пойдем ли мы на объединение?

Ленин ответил так:

— Зависит от обстоятельств. Во всяком случае, мы не позволим меньшевикам из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке[1].

Тактическая платформа большевиков была разработана и опубликована в газете «Партийные Известия». Все резолюции платформы, за исключением одной, были написаны Лениным.

Съезд открылся 10 апреля 1906 года в Стокгольме, в помещении Народного дома, предоставленного делегатам шведскими социал-демократами. В первый же день, вечером, большевики провели фракционное заседание, выбрали бюро фракции, наметили ораторов по важнейшим вопросам. Ленин тщательно знакомился с делегатами-большевиками, он с каждым новым, незнакомым ему товарищем успел поговорить, расспросить его, прощупать...

В состав президиума были избраны Плеханов, Дан и Ленин. Значительная часть заседаний съезда проходила под председательством Владимира Ильича.

Основными вопросами съезда, продолжавшегося две недели, были аграрная программа, оценка современного момента и классовых задач пролетариата, отношение к Государственной думе.

---

[1] ЛЕНИН. ГОДЫ ВЕЛИКОГО ПРОЛОГА. 1905—1907. М., Издательство политической литературы, 1984, с. 188—189.

Съезд оказался меньшевистским... 62 и 46. Таково было соотношение голосов. «Меньшевики имели прочное и обеспеченное преобладание,— писал позже Ленин,— позволявшее им заранее сговариваться и предрешать таким образом постановления...»

По первому вопросу — аграрная программа — основная полемика развернулась вокруг двух установок: муниципализация (меньшевики) или национализация (большевики)!

Еще за месяц до съезда в работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» Ленин четко сформулировал взгляды большевиков: единственно верное, революционное решение аграрной проблемы предполагает именно национализацию — передачу всех земель дворян и помещиков государству, а затем крестьянам в безвозмездное пользование, после того как трудящиеся захватят власть в свои руки.

Ленин называл аграрную реформу аграрной революцией и связывал ее с революцией политической. Он говорил: «Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции».

Плеханов яро отстаивал идею муниципализации — передачи помещичьей земли в распоряжение местных самоуправлений или земств (муниципалитетов), которые затем сдавали бы ее в аренду крестьянам. Он говорил, обращаясь к Ленину: «В новизне твоей старина мне слышится», намекая делегатам съезда на то, что ленинская идея национализации — это... народовольчество и эсеровщина...

В заключительном слове Ленин подверг суровой критике меньшевистскую платформу по аграрному вопросу. Однако, используя большинство голосов, меньшевики провели свою резолюцию, правда, внесли в нее разные поправки и поправочки... Программа получилась до такой степени пестрой, вспоминал один из делегатов-большевиков, что Ленин безнадежно махнул рукой...

Когда вполне определилась картина съезда, некоторые из большевиков поднимали вопрос о том, стоит ли вообще «продолжать эту канитель», не лучше ли разъехаться по домам. Ленин возражал. Не надо горячиться, говорил он, съезд следует довести до конца, иначе рабочие массы не поймут раскола, у них настолько сильна тяга к единой партии, что они осудят нас за срыв съезда. Меньшевики, доказывал Ленин, взяв руководство партией в свои руки, на деле докажут, что руководить они не могут, что фактически они боятся революции. Вот тогда в случае раскола массы пойдут за нами!

С еще большей остротой выявились расхождения сторон при обсуждении вопросов об оценке текущего момента и о Государственной думе. Меньшевики, отвергая союз с демократическими силами в борьбе против царского самодержавия, отдавали руководство революцией в руки буржуазии. Ленин после съезда отмечал: «На съезде резолюцию меньшевиков по вопросу о восстании так и звали: «резолюция *против* вооруженного восстания».

Что касается Думы, то меньшевики рассматривали ее как «общенациональный политический центр», способный-де разрешать вопросы революции... После упорной борьбы съезд утвердил меньшевистские резолюции и о вооруженном восстании, и о Государственной думе. Снова сработал перевес голосов!

Окончание на стр. 188

БОЛЕЕ 400 ЛЕТ НАЗАД Коперник, изложив свое учение о гелиоцентрической системе мира в сочинении «Об обращениях небесных сфер», перенес нашу планету из центра мироздания на рядовую орбиту Солнечной системы. И тогда люди спросили: «Если это так, то какая она, Земля?»

Четыре с лишним века спустя, 12 апреля 1961 года, советский космонавт Юрий Гагарин, вернувшись из космоса, произнес фразу, ставшую хрестоматийной: «Она голубая и такая маленькая...»

108 ПЕРВЫХ КОСМИЧЕСКИХ МИНУТ

Двадцать пять лет для истории ничтожно малый срок. Но за это время наука о космосе получила столько информации, сколько не получала за все время своего существования! Каждый новый полет — это новые открытия, новые гипотезы и утверждения, и вместе с тем появляются новые задачи, которые нам предстоит решить в будущем.

Что же произошло за это время в самой космонавтике? Что дали четверть века космических исследований человечеству?

Об этом и многом другом рассказал дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов нашему корреспонденту Алексею Кусургашеву.

КОРР: Виталий Иванович, Вы принадлежите к ветеранам-космонавтам. Также известно, что Вы принимали участие в создании первого управляемого космического корабля. Расскажите, пожалуйста, как все начиналось?

СЕВАСТЬЯНОВ: В августе 1958 года я, будучи студентом последнего курса МАИ, на преддипломную практику был направлен в КБ Сергея Павловича Королева. Я попал в отдел, который занимался проектированием космических аппаратов. Руководил отделом замечательный ученый Михаил Клавдиевич Тихонравов.

Через месяц наш отдел начал работу над созданием «Востока». А я, помимо работы над проектом, занимался своим дипломом «Двухместный крылатый аппарат для возвращения с орбиты спутника на Землю».

Работа над проектом «Востока» началась в октябре 1958 года. И уже через полтора годы мы запустили первый беспилотный корабль-спутник. На нем были отработаны системы ориентации, двигательной установки, выполнялось маневрирование на орбите. Единственное, чем он отличается от последующих космических кораблей,— его возвращение не было запланировано.

В августе 1960 года мы запустили второй корабль-спутник, но уже с теплообмазкой спускаемого аппарата, в котором находились собаки Белка и Стрелка. Затем запустили корабль с собаками Пчелкой и Мушкой. Четвертый корабль имел на борту Чернушку, пятый — Звездочку. Вот краткий перечень основных этапов нашей работы над «Востоком». И, конечно, восклицательным знаком всей эпопеи стал полет Гагарина...

КОРР: Как Вы попали в отряд космонавтов?

СЕВАСТЬЯНОВ: Попал я в отряд космонавтов не как будущий космонавт, а как преподаватель... Недавно мы снимали фильм «Космонавты рождаются на земле». Начинался фильм с нашей встречи у небольшого двухэтажного особняка, расположенного недалеко от Центрального аэровокзала. Собрались многие — Павел Попович, Алексей Леонов, Георгий Шонин, Борис Волынов и другие. Я смотрел на них — умудренных годами, поседевших, именитых генералов и полковников — и вспоминал тот мартовский день 1960 года, когда в этом особнячке, в небольшом классном помещении на втором этаже меня представил той же самой аудитории Михаил Клавдиевич Тихонравов: «Знакомьтесь, инженер Виталий Севастьянов. Он будет читать вам курс лекций по механике космического полета». Так я и познакомился с теми, кто впоследствии стал моими друзьями и коллегами по работе.

На протяжении пяти месяцев я встречался с ними на лекциях, вместе с ними играл в футбол. А в ноябре 1962 года я и Алексей Елисеев были направлены Королевым для прохождения медицинской комиссии. 31 декабря 1962 года мы вышли с заключением комиссии: «Годен для зачисления в отряд космонавтов».

Но попали мы не в отряд, а в созданную Королевым группу предварительной подготовки космонавтов. Здесь были Георгий Гречко, Олег Макаров, Владислав Волков, Валерий Кубасов, Николай Рукавишников. И только в январе 1967 года я и Рукавишников попали в отряд. Командиром отряда был Юрий Гагарин.

КОРР: Именно тогда Вы с ним и познакомились?

СЕВАСТЬЯНОВ: Нет, гораздо раньше, когда Юрий был моим слушателем.

В один из первых дней я обратил внимание на молодого голубоглазого летчика. Вокруг него все время толпились ребята. Лицо у него было простое и открытое. Казалось, что улыбка никогда не сходит с его губ. Он был мастером на шутки, розыгрыши, конкурируя по этой части с Павлом Поповичем. Это был Юрий Гагарин, рядом с ним всегда был молодой молчаливый капитан, который при особенно удачных шутках негромко смеялся. Это был Володя Комаров. Обоих сегодня уже нет, но они так и стоят у меня перед глазами.

Несмотря на внешний задор и шутливость, в Гагарине сочетались глубина чувств, живость ума и усердие. Учился он просто яростно. Это чувствовалось по тем вопросам, которые он задавал мне. Он хотел узнать тему глубже, не довольствуясь зачастую тем, что читал лектор. Он не только старательно учился теории, но и тренировался с полной отдачей. Физически он был подготовлен великолепно. Гагарин был прекрасным спортсменом — играл в футбол и хоккей, был капитаном баскетбольной команды, несмотря на небольшой рост...

После того как закончились занятия и началась непосредственная подготовка к полету, я принял в ней участие тоже. С Олегом Макаровым мы подготовили бортовой журнал для Гагарина. Разрабатывал бортовую документацию. После завершения полета я был на заседании Государственной комиссии, слушал его первые сообщения.

КОРР: Стоял ли перед Юрием Алексеевичем вопрос о повторном полете?

СЕВАСТЬЯНОВ: Конечно! Он очень хотел полететь второй раз. После шести «Востоков», двух «Восходов» к полету в космос готовились «Сою-

зы». Разработка этого проекта шла полным ходом уже с 1963 года. Владимир Комаров, имевший опыт летчика-испытателя, к тому времени летавший в космос в трехместном экипаже с Феоктистовым и Егоровым, был назначен на первый полет. Затем был назначен второй испытательный полет. А следующим должен был состояться полет двух «Союзов» со стыковкой. Командиром одного из них был назначен Гагарин.

КОРР: За двадцать пять лет изменились системы космических кораблей, перед космонавтами поставлены новые, более сложные задачи. С изменением космической техники и сама профессия космонавта претерпела, видимо, изменения и обрела новые черты?

СЕВАСТЬЯНОВ: Конечно. На профессию космонавта повлияли все те изменения, которые произошли в самой космонавтике. Ведь развитие космонавтики имеет свои периоды. Четверть века, которая отделяет нас от первого полета в космос, можно разделить на три основных этапа. Первый — покорение космоса. До этого космос представлялся для нас неизведанной стихией, которую нужно было покорить. И это сделал Гагарин. Те 108 минут, которые он находился на орбите, стали для человечества шагом на пути к будущему. Второй этап — исследование космоса. Мы научились летать, и пришла новая задача — исследовать космос. И мы начали активно заниматься этим по всем направлениям. Третий, сегодняшний этап — освоение космоса. Пройдя через покорение, приступив к исследованию, которое продолжается и сегодня, но не является главной сегодняшней задачей, мы пришли к необходимости освоения космоса. Первоочередная задача — создать постоянно действующие орбитальные станции, где космонавты с помощью космических средств смогли бы вести долговременную работу в интересах и с полезной отдачей для многих отраслей народного хозяйства. В связи с этим существенно изменилась и сама профессия космонавта. Если прежде космонавт был испытателем космического аппарата и исследователем собственного организма, который претерпевал физиологические изменения во время полета, то теперь он должен быть универсалом: обладать навыками работы на вычислительных машинах, уметь выполнять ремонтные работы на борту корабля; проводить научные исследования в различных

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

НАХОДКИ БЛИЗ ДРЕВНЕЙ ТРОИ. Легендарная Троя была когда-то перекрестком караванных путей и морским портом. Война за обладание этим городом, подробно описанная Гомером, была не случайной. Она велась за контроль над важнейшими проливами Средиземноморья.

Находки, сделанные на территории города, широко известны со времен Генриха Шлимана. И вот теперь турецкие археологи решили обследовать дно моря в этом районе. Они надеялись на удачу, и она последовала незамедлительно. Правда, близ самой Трои дно оказалось чистым, а вот чуть южнее, на подходе к городу, на глубине 50 метров нашли древний парусник.

Количество редких находок просто поражает. Тут и золото, и серебро, и слоновая кость, и цветное стекло, весьма ценившееся в древние времена, и основной металл той эпохи — бронза. Везли его в ви-

областях, начиная от наблюдения за планетами и кончая фотокартированием. В космосе приходится работать в разных направлениях — изучать залежи полезных ископаемых, глубины Мирового океана, ледниковое покрытие планеты. И поэтому сегодняшнему космонавту необходима специализация, чтобы вести творческий научный поиск. И если не будет специализации, не будет и творчества. Все время будет уходить на отработку методики научных работ.

КОРР: Виталий Иванович, можно ли назвать такие открытия, которые без космонавтики не смогли бы быть сегодня достоянием науки? Что дали двадцать пять лет космических исследований человечеству?

СЕВАСТЬЯНОВ: Я не буду перечислять те сенсационные открытия, которые стали следствием космических полетов и работы космонавтов на борту орбитальных станций. Скажу лишь, что уровень этих открытий столь велик, что они породили новые направления в науке. Это рентгеновская астрономия, гамма-астрономия, ультрафиолетовая астрономия, исследования магнитосферы Земли. Примеров можно привести множество.

Вся творческая и познавательная деятельность человека за всю историю его существования проходила на самой планете и в ее атмосфере. И вдруг космос! Совершенно новая область для исследований и экспериментов. Расширилась сфера деятельности человека. Однако расширение горизонта нашего познания одновременно и целенаправленно сконцентрировало внимание человечества на двух планетарных проблемах. Ограниченность природных ресурсов заставила нас задуматься о рациональном использовании природных богатств. Экологическое состояние планеты потребовало контроля природной среды с целью ее сохранения. Эти две проблемы стали для нас сегодня привычными. Но смогли ли бы задуматься мы над этим, если бы не вышли в космос? Вряд ли!

Через столетие, оглянувшись назад, люди, наверное, смогут сказать о космосе и о Земле значительно больше, чем мы сегодня. Но и в далеком будущем, работая на сверхмощных и комфортабельных орбитальных станциях, космонавты будут помнить о Юрии Гагарине, первым шагнувшем в Будущее.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

де слитков — на переработку. Возраст находок — 3400 лет. Этот последний рейс парусника почти совпадает со временем Троянской войны. Однако он был не военным, а торговым.

Археологи извлекли огромную коллекцию керамической посуды. Она и позволила точно датировать возраст корабля. По чашам, амфорам и сосудам для благовонных масел, которые тоже везли на продажу, ученые установили интересный факт. Глиняные изделия были изготовлены в трех разных районах Средиземноморья — в Микенах, на Кипре и в Египте. Подобное сочетание, относящееся ко II тысячелетию до н. э., встретилось впервые. Оно говорит о развитой морской торговле уже в тот далекий период.

Найденный корабль — самый древний из парусников, обследованных учеными. Куски древесины от его обшивки украсят музеи Турции, Греции, США.

...ШЛА операция. Сосредоточенно работал ведущий хирург. Анестезиологи наблюдали за течением наркоза и состоянием больного. Старшая хирургическая сестра четко подавала хирургам инструменты...

— Лазер к работе готов? — спросил хирург. Получив утвердительный ответ, он взял в руки веретенообразный предмет — лазерный скальпель.

Тихо зажужжала установка, невидимый луч как бы впился в ткань, разделяя ее и оставляя за собой стерильный и бескровный разрез.

Один этап операции сменялся другим, лазер то рассекал ткани, то «сваривал» их... По ходу операции ведущий хирург О. К. Скобелкин, заслуженный деятель науки РСФСР, руководитель Всесоюзного научного центра лазерной хирургии Минздрава СССР, доктор медицинских наук, профессор, давал необходимые пояснения... Операция подходила к концу.

ЛАЗЕР СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

— У нас все в порядке,— произнес Олег Ксенофонтович.— Анестезиологи, как у вас?

— Все в норме!

— Зашиваем.

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ, у себя в кабинете, Олег Ксенофонтович сказал:

— Вот так работает лазер. Это вы видели сами... А теперь расскажу, как зарождалась наша лазерная хирургия.

В шестидесятых годах мы с группой медиков работали над проблемой создания искусственного пищевода. Проблема была весьма актуальной, поскольку количество больных, страдающих опухолями пищевода и нуждающихся в хирургическом вмешательстве, а также больных с рубцовыми сужениями пищевода было значительным. Лечение таких больных — задача сложная, над решением ее хирурги работали уже на протяжении многих десятков лет... Весь мир знает работы С. С. Юдина, Б. В. Петровского, А. Н. Бакулева и многих других выдающихся хирургов. Операции подобного рода сопряжены с большими техническими трудностями, очень продолжительны, травматичны и требуют наложения большого количества швов.

Естественно, хотелось как-то усовершенствовать техническую часть таких операций. Были созданы специальные сшивающие аппараты. Но опыт работы с ними показал, что аппараты эти не всегда могут полностью удовлетворить хирургов. В начале семидесятых годов мы познакомились с советскими и зарубежными хирургами, которые начали применять лазер. В результате сотрудничества с академиком Н. Г. Басовым и профессором М. Ф. Стельмахом, занимающимся разработками лазерных систем, появились конструкции лазерных приборов и инструментов для операций на пищеводе, желудке, кишечнике. Жизнь показала, что методика, которую мы сейчас применяем уже широко, оказалась очень эффективной. Разработано несколько десятков инструментов и сшивающих аппаратов, получено около сорока авторских свидетельств и двенадцать зарубежных патентов. По нашей методике сделано около семисот операций, в том числе на желудке и кишечнике с использованием созданных нами инструментов,

сшивающих аппаратов, лазерных установок. Наши работы в области лазерной хирургии теперь известны далеко за пределами страны.

Следует сказать, что лазер — творение человеческого гения, в природе источников света, подобных ему, не существует. Лазер применяется сейчас во многих областях науки и техники, в том числе и в медицине, в частности в хирургии. Я имею в виду хирургию не только абдоминальную (брюшную), торакальную (грудную), но и хирургию офтальмологическую, отоляриногологию, гинекологию, нейрохирургию...

Чем же вызвано широкое применение лазеров в хирургии? Оно обусловлено тем, что лазер обладает рядом свойств, отличных от обычных инструментов — скальпеля и электроножа. Прежде всего лазерная головка не имеет прямого контакта с тканями, луч его работает на расстоянии.

Идет операция.

Разрез лучевым скальпелем бескровен и стерилен благодаря высокой температуре по всей линии разреза. Это свойство лазерного скальпеля особенно эффективно, когда рана инфицирована и воспалена, не говоря уже о гнойных и ожоговых ранах. В таких случаях лазер бывает порой просто незаменим.

Мне хотелось бы остановиться на следующей области применения лазера. Это исследование и лечение полых органов без применения традиционных скальпелей. Световод, переносящий лазерный луч, вводится при помощи гастроскопа, эндоскопа или другого аппарата для исследования внутрь полого органа. Неумолимая статистика говорит, что враг номер один для человека — инфаркт миокарда. Сейчас сконцентрированы огромные научные силы для лечения и профилактики этого грозного заболевания. Для спасения больных у нас и за рубежом проводятся сложные операции с применением искусственного кровообращения. Но лишь небольшое число людей можно подвергать такому оперативному вмешательству. Учитываются прежде всего возраст, многие сопутствующие заболевания... И весь ученый мир работает над тем, как лечить таких больных.

Еще в тридцатые годы один из индийских хирургов пытался создать новый способ лечения ишемической болезни сердца, применив для опытов сердце земноводных и рептилий, в частности, сердце змеи, которое на пятнадцать процентов снабжается кровью за счет коронарных артерий. Основная масса крови поступает из полости сердца во время систолы (сокращения). Именно в этот момент индийский хирург наносил в сердце механической иглой каналы в левом желудочке в расчете на то, что создадутся сосуды, благодаря которым кровь будет поступать в миокард и ликвидируются ишеминизированные зоны. Но оказалось, что в течение месяца эти каналы рубцуются и эффект от такой операции (хотя и неплохой) быстро исчезает.

С появлением лазера в нашей стране и в США сделана попытка образовать эти каналы лазерным лучом. Механика такова: дается сильный импульс, сердце пробивается в области пораженной части, образуются каналы, которые, как показали наши пятилетние наблюдения, не зарастают на всем протяжении, а образуют сообщение с полостью сердца; в момент систолы эти каналы выполняют роль кровеносных сосудов, снабжая мышцу сердца кровью.

После двухлетних экспериментов нами совместно с профессором Ю. Бредикисом, директором Каунасского научно-исследовательского института физиологии и патологии сердечно-сосудистых систем, были сделаны первые две операции... В настоящее время их сделано уже двадцать, получены хорошие результаты.

Сейчас мы работаем над проблемой ранней диагностики раковых заболеваний внутренних органов и лечения злокачественных опухолей. У нас в клинике разработан такой метод. В кровь вводится пигментное вещество, и когда оно распространится по крови, опухоль в организме человека захватывает это вещество. А если облучить ее лазерным лучом, то наблюдается распад опухоли. Но пока идут лишь эксперименты на животных.

Как считают многие специалисты, оперативная онкология в будущем сосредоточится в основном в руках лазерных хирургов. А значит, потребуется много специалистов, умеющих обращаться с лазерной техникой. Уже сейчас в нашем Центре проходят стажировку врачи из различных клиник СССР и ряда зарубежных стран.

Нам хотелось бы вывести лазер за пределы клиники — в амбулатории. И сейчас мы интенсивно работаем над проблемой амбулаторной хирургии — тогда пациенты с различными мелкими заболеваниями, минуя стационар,

Профессор О. К. Скобелкин.

Медсестра Тамара Шкаликова и врач Александр Сафронов.

будут получать квалифицированную помощь в амбулатории. Внедрение такого лечения даст большой экономический эффект.

Вместе с тем, разрабатывая новые возможности использования лазера,

ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ

С ЭФФЕКТОМ свечения предметов люди сталкивались с незапамятных времен. Кому не доводилось видеть светящиеся гнилушки в лесу или мигающих своими фонариками светлячков! Светятся даже некоторые виды природных минералов.

Но что это за процесс! Само слово люминесценция расшифровывается так: свечение некоторых веществ (люминофоров), возбужденное какими-либо источниками энергии —

А. Вербицкий (слева) и председатель Совета молодых ученых В. Ищенко.

мы остаемся верны и нашему традиционному скальпелю. Содружество старого доброго скальпеля с современным, лазерным, открывает новые возможности в лечении тех хирургических заболеваний, которые до недавнего времени считались неизлечимыми.

ДЕНЬ ПРОФЕССОРА Скобелкина заполнен до отказа. Консультации, консилиумы, операции, общение с молодыми коллегами и забота об их постоянном профессиональном росте — ничто не проходит мимо, не ускользает от внимания этого человека.

светом, радиоактивными и рентгеновскими излучениями, электрическим полем, химическими реакциями или механическими воздействиями.

В наше время человек сталкивается с люминофорами постоянно. Это и светящиеся экраны телевизоров, и люминесцентные лампы, и табло в автомашинах или часах, в других самых разнообразных приборах, таких, например, как осциллографы. Широко применяются люминофоры в рентгенотехнике, медицине, судостроении. Сфера применения их постоянно расширяется: применение их позволяет снизить энергозатраты на довольно значительную величину. Так, по сравнению с лампами накаливания люминесцентные лампы экономичнее в пять раз.

Излучением люминофоров, расширением сферы их в промышленности и в быту занимаются ученые Всесоюзного научно-исследовательского института люминофоров в городе Ставрополе.

Молодежь ВНИИЛа принимает активное участие практически во всех разработках института, помогает предприятиям в освоении различных видов продукции. Молодые ученые — соавторы каждой третьей заявки на изобретение и каждого пятого рационализаторского предложения. Всю работу молодых ученых и специалистов координирует Совет молодых ученых.

В институте созданы и успешно действуют два комплексных творческих молодежных коллектива, решающих важные народнохозяйственные задачи.

Одним коллективом руководит заведующий лабораторией Александр Вербицкий. Созданная его группой печь для производства люминофоров позволила снизить себестоимость продукции, повысить их качество и получить экономический эффект до миллиона рублей. Коллектив решает вопросы создания комплексных технологических линий. На повестке дня — вопросы внедрения элементов робототехники. Разработки молодых ученых способствуют перевооружению отрасли на основе требований научно-технического прогресса. Группа Вербицкого получила авторские свидетельства на две конструкции прокалочных печей и конструкцию сушилки, а также на два способа прокаливания изделий.

Комплексный творческий молодежный коллектив, который возглавляет младший научный сотрудник Елена Генкина, разработал несколько марок катодолюминофоров. В настоящее время планируется внедрение их в производство.

Совет молодых ученых руководит школой повышения профессионального мастерства

За работы в области лазерной хирургии Олег Ксенофонтович Скобелкин удостоен Государственной премии СССР.

Лазер — детище нашего, XX века. Описанная в известном фантастическом романе А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» установка (прообраз лазера!) обладала разрушительной силой. Сейчас лазер в руках советских хирургов спасает людей от тяжелых недугов. И пусть служба его всегда будет мирной!

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

О КОСМОСЕ С УЛЫБКОЙ

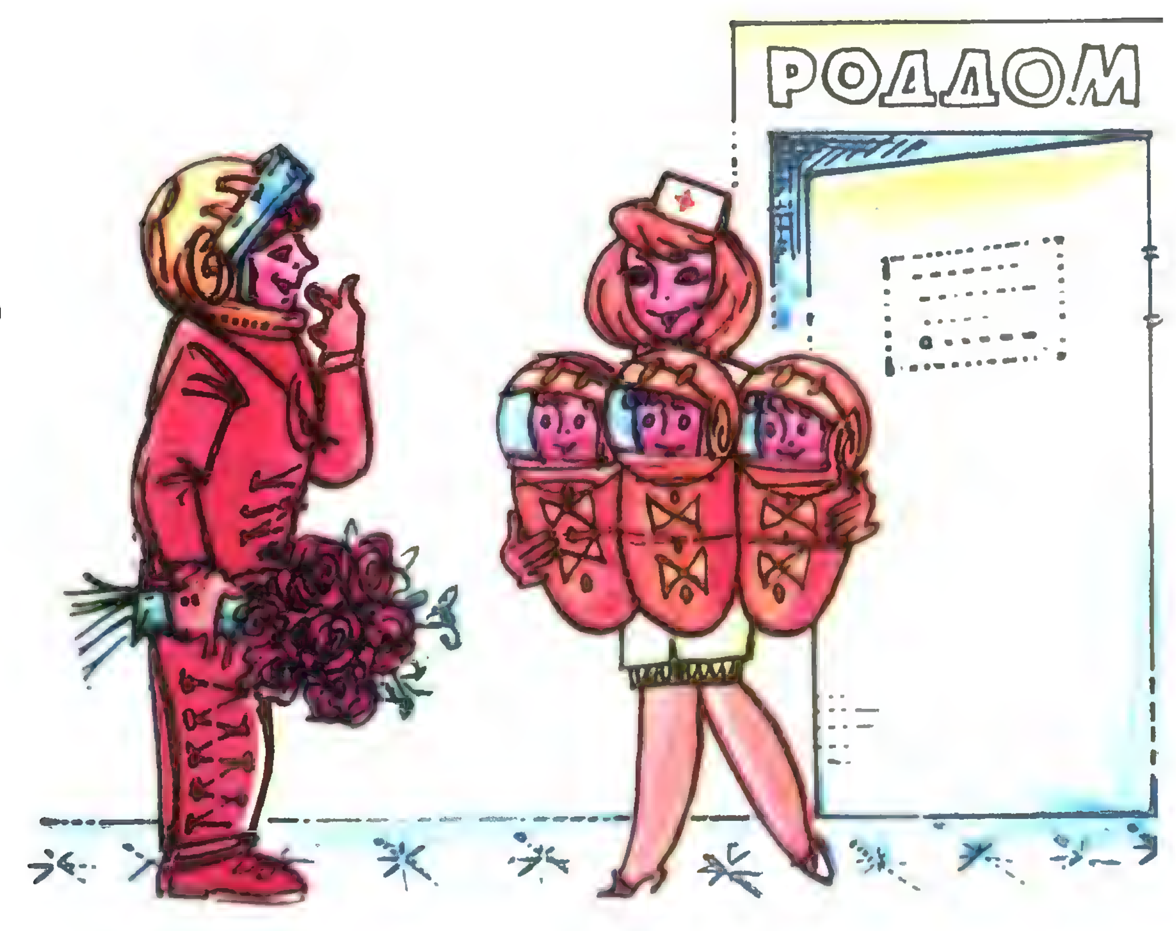
— Мазила!!! Опять в Лужниках пробили мимо ворот...

— Сегодня осваиваем состояние невесомости, а завтра будем привыкать к перегрузкам.

и научного уровня сотрудников. В ее работе принимают участие видные ученые института, специалисты патентоведения и научно-технической информации. Молодые ученые знакомятся с основными достижениями в области производства люминофоров, с перспективами дальнейшего развития отрасли.

Рисунки
Ю. МАКАРЕНКО

— Принимайте смену! Самочувствие экипажа отличное!

Разумные существа! С ними есть о чем потолковать...

Молодежь института активно участвует во всех всесоюзных конкурсах молодых ученых, в выставках научно-технического творчества молодежи. В 1984 году два экспоната института были награждены дипломами Ставропольского крайкома комсомола.

О. ЛОБАНОВА

БОЙ ПО ВСЕЙ ЛИНИИ

Окончание. Начало на стр. 172

Съезд принял ленинскую формулировку первого параграфа Устава партии, отбросив, таким образом, оппортунистическую формулировку Мартова. Впервые по настоянию большевиков было включено в Устав положение о демократическом централизме.

Съезд не привел и не мог привести к действительному объединению партии, он лишь несколько укрепил формальное единство.

Но Ленин непоколебимо верил в победу над меньшевиками, в неизбежное торжество революционного марксизма, революционной стратегии и тактики.

«В боевой момент сами события подскажут рабочим массам правильную тактику,— писал Ленин непосредственно после закрытия съезда.— Приложим все усилия к тому, чтобы наша оценка этой тактики содействовала осуществлению задач революционной социал-демократии, чтобы рабочая партия не уклонялась с пролетарски-выдержанного пути под влиянием погони за мишурным успехом,— чтобы социалистический пролетариат до конца довел свою великую роль передового бойца за победу!»

По возвращении из Стокгольма в Петербург Ленин продолжал колоссальную практическую деятельность. Были поистине поразительны его энергия и работоспособность! На все находилось время: руководить большевистской печатью, читать лекции, посещать конспиративные партийные кружки, выступать на собраниях студентов, интеллигенции... С особенным желанием он шел в рабочую аудиторию. В непосредственном общении с рабочими еще больше крепло убеждение Ленина в том, что пролетариат является ведущей силой революции, что творческие возможности рабочего класса неисчерпаемы.

Он выражал уверенность: «Если пролетариат всей России тесно сплотится, если он сумеет поднять за собой все действительно революционные, способные на борьбу, а не на сделки слои народа, если он хорошо подготовится к бою и верно выберет момент для окончательной битвы за свободу,— тогда победа останется за ним... Тогда это будет действительно великая революция,— полная победа народного восстания освободит буржуазную Россию от всех старых пут и, может быть, откроет эпоху социалистических революций на Западе».

Слова эти оказались пророческими!

С ОКТЯБРЯ 1917 года, когда рабочий класс взял политическую власть в свои руки, началось созидание нового мира. Ныне на путь социализма вышли многие страны не только Европы, но и Азии, Африки, Латинской Америки.

Надежды народов на мирную, свободную и счастливую жизнь претворяются в действительность. Движение человечества к социализму и коммунизму неодолимо!

Н. ВАСИЛЬЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

ОТЗВУЧАЛ школьный вальс, выпускники средней школы колхоза имени В. И. Ленина получили аттестаты зрелости. Впереди — вступление в самостоятельную жизнь. У каждого свои планы,

Пятеро девчат остались в колхозе.

свои мечты. Конечно, всем немного грустно расставаться со школой, с любимыми учителями...

Кто-то из выпускников собирался уехать на работу в город, кто-то — поступить в институты или техникумы, кое-кто пока не определил, куда идти. А вот пятеро девчат — Елена Котова, Ольга Пирогова, Елена Матвеенко, Дина Палаткина и Наташа Рожкова решили после школы сдать экзамен на гражданскую зрелость! Конечно, и они собирались после окончания школы уехать на учебу. Но... осуществление своих планов отложили пока что на год. А произошло это вот почему...

Молодой, недавно избранный председатель колхоза Михаил Березовский решил как-то поговорить с десятиклассниками по душам. Двадцать пять пар любопытных глаз уставились на него, когда он вошел в класс.

В тот день председатель откровенно говорил о многом: и о планах колхоза, и о том, каким ему видится будущее села Заветное. Были у председателя большие и яркие мечты, многое он хотел сделать для молодежи. Но ведь и молодежь, считал он, если хочет жить лучше и интереснее, тоже должна активно участвовать в осуществлении этой мечты. Ведь каждому ясно: чтобы наращивать производственные мощности, хозяйство должно иметь в достатке и специалистов сельского хозяйства. Ну а в настоящее время в колхозе не хватает операторов машинного доения. Хорошо было бы, говорил председатель, если бы сегодняшние выпускники проработали хотя бы год на ферме, попробовали свои силы и принесли пользу хозяйству.

Вначале ребята и девчата решили остаться в колхозе всем классом. Но дома они неожиданно для себя встретили сопротивление со стороны родителей, большинство из которых, кстати сказать, всю жизнь работали в колхозе...

В семнадцать лет трудно противостоять давлению мам и пап. Лишь пятеро девчат остались верны принятому решению... Так в кубанском колхозе имени В. И. Ленина появилось комсомольско-молодежное звено операторов машинного доения.

Нельзя сказать, что работа на ферме была для ребят делом абсолютно новым. В девятом классе они проходили здесь практику. Теперь же началась новая, самостоятельная жизнь с ее трудностями и радостями, со строго установленным распорядком.

Треволнений поначалу хватало. Надо было включиться в необходимый рабочий ритм, приспособиться к характеру коров, научиться правильно вести дойку... С каждым днем девчата приобретали навыки, делом и советом помогали им опытные доярки.

Быстро пролетит год. На ферму придут выпускники 1986 года. Так же в торжественной обстановке вместе с аттестатами зрелости получат они трудовые книжки и подарки. Но главное не в этом. Их вступление в самостоятельную жизнь, принятие самостоятельных решений — это прежде всего становление характера. И пусть многие из них станут в будущем врачами и экономистами, учителями и агрономами — все эти специальности нужны в сельском хозяйстве. От инициативы молодых будет зависеть и успешное выполнение Продовольственной программы, и развитие агропромышленного комплекса, и преобразование облика села. Многое, очень многое уже делается сейчас, еще больше предстоит сделать в ближайшие годы!

О. КОПТЕВА
Фото автора

ЭВМ, РИСУЮЩАЯ ПОДЗЕМНЫЕ КЛАДЫ. Археологи, пользуясь поисковыми приборами, заимствованными у геофизиков, открыли в Италии гробницы этрусков, в Турции — шахты древних римлян, в Иране — клады монет и бронзовой посуды III века до н. э. Чувствительные анализаторы способны обнаружить под землей даже осколки керамических изделий. Однако такие приборы нередко и ошибаются. Ведь они выдают исследователям весьма общие данные. На месте, где раздается сигнал обнаружения, начинают копать и находят... современную пивную банку или осколок снаряда минувшей войны.

Не так давно французские археологи получили прекрасный подарок от ученых Гренобля. Создан специализированный поисковый комплекс, который способен обнаружить что-либо под слоем почвы и на карте местности нарисовать контуры предмета или древнего захоронения, находящегося на глубине до двух метров. Для этого анализаторы магнетизма и электропроводимости снабжены мини-ЭВМ и рисующим устройством. Получив четко очерченный контур на бумажном листе с координатной сеткой и размером чуть больше квадратного метра, ученые могут принимать решения — копать или не копать в данном месте.

Прибор имеет игольчатые электроды, которые следует вдавливать в землю на глубину до 80 сантиметров. На один из них подается ток. Сигналы анализируются в компьютере и превращаются в рисунок. При практической проверке участок в полтора гектара был полностью обследован за пять дней.

ПИРАТ — КОНКУРЕНТ КОЛУМБА. В непрекращающийся спор о приоритете открытия Нового Света недавно внес свою лепту лондонский профессор географии Артур Дейвис. Почти пять лет работы в архивах привели его к выводу, что список конкурентов Колумба необходимо пополнить именем английского капитана Джона Ллойда. В 1477 году, то есть за 15 лет до официальной даты открытия Америки, экипаж его корабля достиг островов в Гудзоновом проливе. В сохранившихся документах коротко упоминается о высадке на какую-то сушу к западу от Гренландии, плавании на юг вдоль неизвестного безлюдного берега и о возвращении затем домой восточным курсом. Все это можно воспринимать как первое посещение англичанами Канады.

Резонанс открытия профессора английские газеты постарались заглушить. Объясняется это тем, что капитан Ллойд... был известным контрабандистом и пиратом. В XV веке из-за его действий у Англии были дипломатические осложнения с Норвегией. Поднимать на щит открытие пирата, объявленного королем вне закона, не захотелось и сейчас.

Первая страница обложки «Товарища»: Комсомолки 11-го цеха (слева направо) Валентина Зайнетдинова, Ольга Васильева и Светлана Бобкова. Фото А. ГЕОРГИЕВА.

Очерк «Время не ждет» читайте на стр. 166.

Четвертая страница обложки «Товарища»: Звеньевая операторов машинного доения Елена Котова. Фото О. КОПТЕВОЙ.

Репортаж «Становление характера» читайте на стр. 189.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Александр ИЛЬИН

НЕСОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не очень типичная история

Окончание. Начало на стр. 140

Положа руку на сердце, ответьте, сумели бы вы, позабыв обо всем, ринуться в неизвестность с неясными шансами на успех, но зато с вполне ощутимыми оргвыводами для вас в случае возможной неудачи? За техническую косность, конечно, могут и пожурить, а, впрочем, могут и не придать значения, срыв же плана, мы с вами знаем, чреват суровой головомойкой, вызовом на ковер — над каждым начальником есть более высокий, и он не обязан из-за нашей несвоевременной приверженности к новациям рисковать достигнутым положением: может так обернуться, что после всего этого ему больше нечем будет рисковать. Разве что удастся, коль есть необходимость, как-нибудь выкрутиться, пустить пыль в глаза, списать на дерзкую новинку допущенные огрехи... Но план, слава богу, выполнялся, все шло спокойно, и прибегать к услугам фантазера Сухарева, пожалуй что, не было нужды.

— Да, вот что, — как можно мягче сказал Веревкин, — об этой папочке, Владимир Палыч, прошу никому ни слова. Вас она, как нетрудно сообразить, вовсе не украшает, и для отдела тут мало приятного. У меня все.

— Что мне прикажете делать? С чего начать?

— Вот вы об этом и подумайте. У вас же светлая голова.

— Я все-таки занесу вам свою тетрадку.

Дмитрий Андреевич не смог скрыть раздражения:

— Опять сказка про белого бычка!.. Мы же договори-

лись. Давайте закроем один, вот этот малоприятный вопрос. Это, поверьте мне, в ваших же интересах. Я сейчас, дорогой Владимир Палыч, думаю только о вас.

— Спасибо, — без всякого выражения сказал Сухарев и мягко закрыл за собой дверь кабинета. И тут же, невесть почему, в голове его включилась та же диковинная кнопка и голос с приятной хрипотцой запел бесшабашную песенку неунывающего солдата: «Буду я точно генералом, буду я точно генералом, буду я точно генералом, если капрала, если капрала, если капрала переживу». Сухарев бодро промаршировал мимо ошарашенной секретарши, никак не ожидавшей такого исхода его разговора с начальником отдела: судя по настроению Дмитрия Андреевича, тот вызывал Сухарева отнюдь не для заздравной речи... «Впрочем, — подумала Нина Сергеевна, — может быть, Сухарев в самом деле гений, как о нем все говорят? Говорят, правда, в шутку, но о таких вещах никто ничего и не знает наверняка...»

В другом конце коридора дымил сигаретой Вася Коробкин — он явно поджидал Сухарева. Заметив его гвардейскую походку, Вася решил, что их худшие опасения оправдались: начальник таки опять клюнул на сухаревскую очередную фантазию, и все ими сделанное может в очередной же раз полететь вверх тормашками. Изобразив на лице неопределенную улыбку, с которой можно и поздравлять и соболезновать, Вася шагнул навстречу Сухареву.

— Ну что, Владим Палыч, мы на коне?

Сухарев посмотрел в его сторону отсутствующим взглядом, не понимая, о чем его спрашивают. «Все пропало! — панически задрожал Коробкин. — Очередной приступ гениальности...»

— Проектик, тово, опять будем перелопачивать? — попытался Коробкин шутить, но голос его завибрировал и осекся. — Что, Дим Андреич клюнул?

— Клюнул, клюнул, — мрачно ответил Сухарев, вкладывая в эти слова иной, чем Вася, смысл. — На всю катушку клюнул. — До Сухарева вдруг дошло, что сегодня Коробкин крутится возле него неспроста. Он, Коробкин, и передал ему приказание Дмитрия Андреевича, передал, как теперь показалось, не без злорадства; он и сейчас старается первым узнать, чем кончился, чем обернулся этот вызов. Выходит, Коробкин знает, о чем был у них с руководством разговор, что послужило тому причиной.

Значит, он ту бумагу сам и написал... Нет, нет, тут нельзя торопиться. Тем более шеф предупредил: никому ни слова.

— Как то есть на всю катушку? — поймав на лету его оговорку, не отступал Коробкин. — Что, неужели весь проект на клочки? Знать бы заранее, ни за что бы вам не сказал! Дернул же меня черт передать, что вас ждет Дим Андреич. Есть у него секретарша, ей делать нечего, пусть бы еще разок позвонила. А там, глядишь, шеф бы и передумал.

— Может, пивка, Василь Дмитрич? — вдруг предложил ему Сухарев, глянув из-под очков с явной, как почудилось Васе, насмешкой. — По кружечке, по одной, по маленькой, а?

У Коробкина сердце ушло в пятки.

— В разгар рабочего дня? Шутить изволите, Владим Палыч! А сроки, график? Вы гений, вам все простят, а мы — рядовые смертные, нас по головке не погладят...

— В обеденный перерыв, — серьезно ответил Сухарев, — только в обеденный перерыв. Чем толкаться в очереди в буфете... Уговорил?

— Ну уж нет, — обиженно сказал Вася, — я с вами один раз хлебнул пивка... Второй раз не тянет.

— Как хочешь.

Сухарев прошел в свой угол, к кульману, на котором пустынно белел чистый лист ватмана, долго глядел на него, будто всматривался в невидимые другим лабиринты линий. Сотрудники застыли у кульманов, исподтишка, вполглаза наблюдая за ним; если сейчас Сухарев возьмется за карандаш и начнет что-то быстро набрасывать на бумаге, пиши пропало: значит, он нечто такое придумал и, главное, получил на свою выдумку добро, и, значит, опять все полетит в тартарары — и сроки, и премии, и спокойная размеренная работа... Они, в общем-то, Сухарева ценили, понимая, что без него группа, может быть, потеряла бы тот блеск, отсвет которого падал и на них; они были готовы любить Владимира Павловича, изобретай он свои идеи вовремя или, если уж это не удалось, не настаивай сдуру на них, пока план не закрыт, отчет не сдан и не утвержден всеми, кому положено и от кого зависит дальнейшее коллективное благополучие.

Вдруг Сухарев отвернулся от ватмана и обвел всех затуманенным взором. Все, как по команде, заскрипели

карандашами и рейсфедерами, в которых успела застыть черная тушь.

Сухарев, видимо, в чем-то утвердившись, хлопнул ладонью по глади ватмана и, лавируя между столами, быстро вышел из комнаты.

Минут через пять он вернулся, торопливо оделся, схватил свой «дипломат» и, на ходу бросив Коробкину: «До завтра!», исчез. Это еще более усилило общее замешательство. Только Аделаида, в глазах которой долго не потухали холодные мстительные огоньки, привычно прокомментировала:

— Пошел наш дискутант... Скатертью дорога! Культурный человек, а проститься с коллегами, как все люди, не научился.

— Может, человека с работы уволили, — возразил Коробкин, который из принципа никогда не соглашался с Аделаидой, даже если держался того же мнения. Зная прекрасно, что Ада Глебовна замужем, что у нее две почти уже взрослые дочери, Вася упорно считал ее старой девой, боящейся и ненавидящей мужчин, подобно классической даме из анекдота, которая отказывалась по этой причине даже выходить на улицу.

— Так его и уволят! — одернула Васю Ада Глебовна, скрупулезно счищая с рейсфедера остатки туши. — А давно пора. Скорей любого из нас за дверь выставят, без выходного пособия. Он, видите ли, талант! А что этот гений такого сотворил? Натворить — это бывало, а порох тоже не Сухарев выдумал.

— Логично, Ада Глебовна, — поддержал ее до сих пор не вступавший в разговор Никитенко, крупный лысый мужчина с многозначительным выражением лица. За эту многозначительность его вот уже десять раз кряду выдвигали в профбюро и всегда посылали представлять коллектив на мероприятиях, будь то собрание актива или проводы в последний путь. — Кто-кто, а уж мы-то его прекрасно знаем. И заставим кое-кого прислушаться к общему мнению. Пора дать кой-кому по рукам. Имеем право.

Вася Коробкин презрительно хмыкнул, и даже Аделаида была не в восторге от этой реплики, хотя Никитенко ее и поддержал. Они вдоволь наслушались его умных речей на различных мероприятиях, так что в обыденный разговор с ним старались без крайней нужды не вступать.

— Донос на него, что ли, писать? — не скрывая сар-

казма, спросил Коробкин, сверля колючим взглядом обширную никитенковскую лысину. — Я не по этой части.

— Вас, Василий Дмитриевич, — наставительно произнес Никитенко, — как всегда, занесло. Вы живете в вакууме. А между тем в практику входят новые формы выражения мнения коллектива о каждом из составляющих его членов, и мы, что вполне понятно, не можем стоять в стороне. Я даже могу вам сказать...

— Пошли, Таня, в буфет, — громко перебил оратора Вася Коробкин, — через пять минут туда не пробьешься.

— Я могу вам сказать... — не сдавался Никитенко и тоже возвысил голос.

— Я знаю, что вы можете сказать, — бесцеремонно оборвал его Коробкин. — Который год знаю. Пошли, Танечка, а то в буфет не попадем! А вам маленький совет: подождите вы со своим сообщением до ближайшего собрания. Выберем президиум, дадим вам слово, выступайте в свое удовольствие...

Когда Коробкин и Таня ушли, Никитенко решил поискать поддержки у Ады Глебовны:

— Вы правильно говорили насчет культурного обращения. С таких, как Сухарев, берет пример молодежь, а это недопустимо.

— А вы, Антон Карпович, разве в буфет не пойдете? — холодно отозвалась на его горячее обращение Ада Глебовна. — Я, извините, бегу. Утром пока мужа накормишь, детей соберешь, для себя лишней минутки не остается. Перекусить некогда.

— Ну-ну, — пробурчал Никитенко, — подождем до собрания.

Между тем Сухарев в безысходном настроении шел к станции метро: надо было добывать непонятную справку, а где их выдают, к кому обращаться — он не имел никакого представления. Сама мысль, что ему придется кого-то просить, с кем-то объясняться, жгла его злей крапивы. Зачем, спросят его, вам такая справка? Ах, вы на работу опоздали, с вас требуют... А мы здесь при чем? Если каждый прогульщик будет с нас справки требовать... Чем вы, гражданин, можете доказать, что ехали в метро, где это записано? Надо было сразу думать, когда ехали. А то теперь любой может заявить... И потом, с чего вы взяли, что у нас утром была авария? Никаких аварий! Кстати, когда у вас начинается рабочий день?

В девять тридцать? Почему же в десять двадцать вы оказались в вагоне метро?

Двадцать раз он успел раскаяться в своем безнадежном намерении, двадцать раз столбом застывал на месте, пугая попутчиков, даже повернул было назад — пусть уж лучше накажут! — но все-таки превозмог себя и обреченно поплелся к станции.

В середине дня народу в метро оказалось больше, чем по утрам. Из дверей станции текла, ни на миг не прерываясь, толпа озабоченных чем-то людей, в другие двери столь же деловито вливалась толпа желающих уехать, и Сухареву невозможно было понять, чем вызвано это оживленное дневное передвижение горожан и гостей большого города. Он давно уже не бывал днями в городе — работа не требовала таких поездок, выходные же предпочитал проводить дома, да и, как Сухарев мог заметить, в воскресенье поток пассажиров был куда скуднее.

Выйдя на кольцевой станции, Сухарев подождал, когда поезд вберет в себя всех пассажиров, и стал искать на опустевшей платформе дежурившую тогда пожилую женщину. На это была у него единственная надежда: должна же она запомнить пассажира, которого на ее глазах чуть не прихлопнуло дверями. Можно, кроме того, напомнить, что она вгорячах ему сказала: «Солидный мужчина, а хулиганите как школьник!» Жаль, Сухарев не запомнил ее лица — у людей в форме и лица почему-то кажутся одинаковыми. Тетка как будто немолодая, но и тут до конца поручиться нельзя — он не успел ее толком разглядеть, мог сослепу и ошибиться.

Дежурная маячила у последнего вагона, в другом конце платформы, и, проводив поезд, быстро шмыгнула за колонну. Сухарев трусцой прибежал на то место, где она только что стояла, обошел все ближайшие колонны, однако нигде ее не обнаружил.

Пока он в растерянности озирался вокруг, подошел, глухо погромыхивая, следующий поезд, но дежурная вынырнула на этот раз где-то в середине длинной платформы, и Сухареву опять пришлось перейти на рысь.

— Подождите, пожалуйста! — закричал он, видя, что она вновь собирается исчезнуть.

— Что вы хотите, гражданин? — строго спросила дежурная, останавливаясь перед ним с большой неохотой.— Не знаете, где садиться? Какая вам нужна станция?

— Мне, — сказал Сухарев, еле переводя дыхание, — мне нужна не станция... понимаете ли, мне нужны вы.

Дежурная смерила его строгим взглядом:

— Я лично? Что вы этим хотите сказать?

— Одну минуточку, — попросил Сухарев. — В моем возрасте трудно угнаться за вами.

— Не надо за мной гоняться. Я вам не девочка, чтобы за мной гоняться. Говорите, что вас интересует. Подождите, я прослежу за посадкой.

— Только не исчезайте, — вяло сказал Сухарев, предчувствуя, что стоящая перед ним женщина вовсе не та, которую он искал. — Я вам все объясню. Вы должны меня помнить.

Дежурная снисходительно улыбнулась:

— Как я могу вас запомнить в такой толпе? У нас тысячи пассажиров, все одинаковые.

— Ну а если вы меня встретите завтра, неужели не вспомните, а?

— Не вспомню, — на всякий случай сказала дежурная: этот неуклюжий дядька в больших очках мог оказаться черт знает кем — сумасшедшим холостяком, которые любят привязываться к женщинам, или матерым жуликом, или кем-нибудь еще. Даже следователем — связываться с ним тоже радости мало. В кино, по телевизору интересно на их работу посмотреть, а тут, на подземной станции, лучше держаться подальше. Мало ли — ловят кого, стрелять не начнут, а страху натерпишься.

— Понимаете ли, — начал сначала Сухарев, — утром я ехал на работу, а поезд задержали, мне пришлось пересаживаться на кольцевую линию. Я вообще-то езжу по радиальной, а тут совершенно некстати оказался на кольцевой. Сел в вагон, еду, на меня смотрит молодая красивая женщина...

— Ну вы и враль! — не сдержалась дежурная, еще раз окинув взглядом нелепую фигуру случайного собеседника. — Наверно, уснул и приснилось: стоит возле вас красивая женщина и смотрит на вас.

Она проводила очередной поезд и незаметно дала знак милиционеру, выглянувшему из двери служебной комнаты. Тот не спеша, будто ничего не подозревая, направился к ним вдоль платформы.

— Вы говорили, — заметно осмелев, подсказала дежурная, — стоит красивая женщина и смотрит на вас...

— Ну да, она смотрит, а я не пойму почему. Внеш-

ность моя, вы правы, вряд ли может кого-нибудь заинтересовать. Среди знакомых своих я этой женщины тоже как будто бы не припомню... А тут как раз объявляют: уступите места женщинам и пассажирам старшего возраста. Ну, думаю, дурак — все варианты перебрал, а до самого простого не догадался! Вскочил как ошпаренный, из вагона долой... А двери уже закрываются, не знаю, как и проскочил. Ко мне ваша дежурная: «Солидный человек, а ведешь себя как школьник!»

Милиционер стал шагах в пяти, под прикрытием колонны, напряженно прислушиваясь к разговору.

Дежурная весело захохотала:

— Мне тетя Маша в обед рассказывала! Значит, этот чудак вы и есть?

— Я тот чудак и есть, — обрадованно согласился Сухарев.

— Простите, — поправилась дежурная, — простите меня за «чудака». Значит, сами-то выскочили, а в вагоне вещички свои позабывали... Поможем. Олег, подойди сюда, надо этому гражданину помочь. Позвонить в бюро находок. Если, конечно, из пассажиров кто вашему чемоданчику ноги не приделал. А так — найдем. Не сегодня, так завтра, не пропадут ваши вещи.

— Младший сержант Петраков, — козырнул милиционер, подойдя к ним вплотную. — Расскажите, в чем дело.

— Гражданин свои вещи оставил в вагоне, — пояснила дежурная, — просит помочь их найти.

— Опишите, как выглядел ваш чемодан.

— Да не чемодан! — рассердился Сухарев. — Никаких вещей я не забывал. Ехал, понимаете ли, на работу, поезд застрял по техническим причинам... Впрочем, я это уже говорил. Понимаете ли, я из-за вас опоздал на работу, мне нужна справка, что это случилось из-за аварии в метро.

— Не было у нас никаких аварий, — строго сказал милиционер. — На нашей станции никаких аварий не было.

— Я ж и не говорю, что на вашей станции. Я на работу езжу по радиальной, а вы — на кольцевой. Еду утром, а тут — задержка. Говорят — по техническим причинам. Я на работе рассказал, все уверены, что авария...

— Не было у нас никаких аварий. — Сержант Петраков начал сердиться. — Что вы заладили: авария, авария...

— Ну хорошо, — сдался Сухарев, — не было аварий. А поезд задержали. По техническим причинам. Я хотел выйти на той станции, взять такси, но по рассеянности оказался на кольцевой. Доехал до вашей станции, вижу, на меня смотрит женщина. Почему, думаю, она на меня уставилась? Вроде мы с ней совершенно не знакомы... Оказалось, она ждет, когда я место ей уступлю. Ну я и выскочил из вагона. Ко мне — дежурная: что вы хулиганите? Она меня должна помнить.

— Совсем запутали, — насупился Петраков. — Чего вы от нас хотите?

— Мне справка нужна. Для работы. Выдана в том, что я опоздал на работу из-за аварии... простите, из-за того, что поезд по техническим причинам задержали и мне пришлось пересаживаться...

— Ну, чудак! — обрадованно перебил его сержант. — К нашей станции у вас претензий нет? Нет. Правильно. Обращайтесь туда, где вас задержали.

— Совершенно с вами согласен, товарищ сержант. Но меня же там никто не знает. Понимаете? Как я докажу, что я там проезжал?

— Никак не докажете.

— Ну вот. Я и хочу, чтобы вы мне дали справку, что я на вашей станции выскочил из вагона... Понимаете?

— Не понимаю.

— С этой справкой я поеду на ту станцию, и мне дадут другую справку, что поезд задержали из-за... не знаю уж, как и назвать. Я потерял время.

Петраков от души рассмеялся.

— Вы, наверно, изобретатель?

— Да нет, — смутился Сухарев. — Есть немного... Но это не имеет отношения.

— Еще как имеет! Пройдемте со мной.

Сухарев уныло шагал вслед за сержантом, сознавая полную невозможность что-либо ему объяснить. Если бы он действительно потерял чемодан, или «дипломат», или хотя бы папку с бумагами, — словом, что-то вещественное, что можно найти и опознать... А так и в самом деле похож на чудака, на авантюриста, который хочет ввести в заблуждение людей, находящихся на службе и вовсе не обязанных понимать всяких рассеянных чудаков или — хуже того — проходимцев.

Пока Петраков куда-то звонил, Сухарев, мучительно напрягая волю, старался понять, что же в конце концов

с ним произошло, почему понадобилась эта никчемная справка, почему вообще появилась на свет синяя папочка с обличительным документом. Ну, добро бы он вслух мечтал о карьере, стремился занять чье-то — более высокое кресло. И тем самым кому-то мешал, был для кого-то соперником в борьбе за это самое кресло. Но у него и в мыслях не было ничего подобного, тем более что никаких свободных кресел, насколько он знал, в их отделе не имелось и в ближайшем будущем не предвиделось.

Кто все же мог написать? Коробкин? Танечка? Аделаида? Вася — вряд ли, он парень безалаберный, но способный, независтливый, да и писать не мастак — вечно просит кого-нибудь, чаще — Сухарева, подшлифовать, окультурить слог пояснительной записки к проектам и чертежам: «Владим Палыч, будь другом, наведи марафет! За мной не станет. Ты Васю Коробкина знаешь...» — «Знаю, знаю, — мрачно бурчал себе под нос Сухарев, ожидая сержанта, — всех вас знаю, а вы на меня — документ! В синей папочке. Премии, производительность труда, экономическая учеба... Понаписали! Группа товарищей. Хорошо, не добавили: память о нем навсегда сохранится в наших сердцах...»

Может быть, Аделаида? Женщина строгая, сухая, как бабочка из гербария... Теперь уж и гербариев-то никто не собирает — бабочки перевелись. Химия крылышки подрезала... Ада Глебовна не скрывала своей антипатии к Сухареву, больше того, и начальство поругивала: почему позволяют ему нарушать? У нее, дескать, тоже рабочий день не нормирован, но она же не нарушает! Талант, говорите? Галина Уланова уж на что знаменита, а почитайте, что пишут в газетах: за всю жизнь ни разу не опоздала на репетицию. За всю жизнь — ни разу. А Сухарев, кажется, ни разу вовремя не пришел. Что у него за талант такой — опаздывать?..

Нет, Аделаида тут ни при чем. Зачем ей писать анонимку, если она вслух говорит то, что думает?

Танечке тоже незачем зря бумагу марать. С нею не то что Дмитрий Андреевич — сам директор на «ты» и за руку. Ей ничего не стоило бы кому надо шепнуть. Без всякой писанины. Да ведь ей это совсем ни к чему. Чего она с Сухаревым не поделила? Ну комплиментов он ей не говорит — невелика для нее потеря. И так от всяких банальностей уши вянут. Впрочем, кто знает. Женщин

не сразу поймешь. Иная, глядишь, за болтуном так увяжется, на край света пойдет. Все кругом видят: тупарь тупарем, пустобрех, а она как слепая, на слух к нему тянется.

— Заснул, что ли? — совсем по-свойски окликнул Сухарева сержант. — Держи бумажку.

— Спасибо, не знаю, как вас и благодарить.

— Благодарить рано, — служебным тоном сказал Петраков, — там написано, к кому обратиться. Сначала позвоните, договоритесь, когда вас примут, потом подъедете.

— А сегодня нельзя? — Сухаревский энтузиазм мгновенно сменился отчаянием. — Меня же с работы до вечера отпустили. А завтра с утра опять на службу. И справку, сказали, на стол.

— Не знаю, не знаю, — нахмурился Петраков. — Что мог, я сделал. Позвоните, узнаете.

— Нет, уж лучше я сам подъеду.

— Как знаете.

В управлении Сухарев не без труда разыскал нужный ему кабинет, постучал, но никто на стук не ответил. Он набрался храбрости, открыл дверь — в кабинете было пусто.

— Вы кого ищете, гражданин? — остановился возле него мужчина в черной железнодорожной форме со звездочками в петлицах.

Сухарев протянул ему бумажку.

— Вера Петровна на совещании, — сообщил мужчина, возвращая записку Сухареву. — А вы по какому вопросу?

— Понимаете ли, — заторопился Сухарев, — еду сегодня утром на работу, а поезд задержали, я и опоздал. Мне нужна справка.

— На какой станции?

— В метро, на радиальной линии.

— Я спрашиваю, на какой станции задержали поезд.

Сухарев назвал.

— Понятно, — сказал мужчина. — Была задержка на двадцать минут по техническим причинам.

— Да, да, — закивал Сухарев. — Мне, понимаете ли, нужна об этом справка.

— Для какой цели?

— Я на работу опоздал. Нужно оправдание.

— Вставать надо пораньше, — повысил голос мужчи-

на, — тогда бы не опоздали. Какую я вам могу дать справку?

— Да мне любую! Дана тов. Сухареву в том...

— У нас пассажиров — сотни тысяч, никто не обращался, никто не опоздал. Кто в это время едет на работу?

— Я ехал.

— Порядка в вашей конторе нет, вот в чем дело. Вы что — с двенадцати начинаете работу?

— Я обычно задерживаюсь по вечерам. На работе. А утром мне разрешают приехать попозже. У меня, понимаете ли, ненормированный рабочий день.

— Ненормальный у вас рабочий день, — перебил мужчина. — Опаздывают по своей вине, а потом требуют справку.

— Я не требую, — уточнил Сухарев. — Я прошу.

— Какая разница? Есть же наземный транспорт.

— Я и хотел выйти из метро, поймать такси и скорей на работу. Машинально свернул не туда и оказался на кольцевой линии. Тем более по динамику передавали: пользуйтесь кольцевой линией. Все и пошли, и я с ними... Мне и нужно-то всего ничего — вот такая пустяшная справка. Что поезд задержали на двадцать минут по техническим причинам...

— А вы с этой справкой — в газету: смотрите, как, мол, работает наше метро!..

— Что вы, что вы? — совсем испугался Сухарев. — Я знать не знаю ни про какие газеты.

— Все так говорят. А потом бабах фельетоном — отмывайся как знаешь.

Мужчина придирчиво осмотрел Сухарева и, видимо, успокоившись, с досадой сказал:

— Связался я с вами! Пойдемте в канцелярию, там сочинят вам какую-нибудь справку.

Он быстро зашагал по коридору, Сухареву, чтобы успеть за ним, пришлось бежать трусцой. У кабинета с высокой двустворчатой дверью мужчина остановился:

— Давайте вашу бумажку. Подождите здесь. Вам вынесут вашу справку.

Минут через пять из тяжелых дверей выпорхнула молоденькая секретарша:

— Вы — Сухарев? Возьмите свои бумаги.

Сдерживая улыбку, она протянула ему небольшой конверт, крест-накрест заклеенный прозрачной пленкой.

— Спасибо.
— До свидания.
Назавтра Сухарев на работу явился пораньше, переобулся, натянул на пиджак темные нарукавники и пошел к начальнику отдела.
— У Дмитрия Андреевича совещание, — остановила его секретарша.
— С утра пораньше? — съязвил Сухарев, чрезвычайно довольный тем, что сумел-таки вывернуться из немыслимой ситуации со справкой. — Заседаем, воду льем, с утра до ночи.
— Представители заказчика, — сухо пояснила Нина Сергеевна. — Люди издалека приехали, а вы острите.
— Передайте Дмитрию Андреичу, — гордо сказал Сухарев, протягивая конверт. — Очень важные документы. Лично в руки. — Он минуту поколебался, потом достал из внутреннего кармана сложенную пополам зеленую школьную тетрадь, приложил ее к конверту: — И это тоже.
До обеда он успел сделать непривычно много. Никто ему не мешал, не приставал с разговорами. «Знают, — решил Сухарев. — Знают, что я в глупейшей ситуации. И про документ наверняка. Кто-то из них написал, может, другим намекнул, что у Дмитрия Андреича лежит на меня обличительная бумага... От группы товарищей... А, пусть! Справку я добыл, чего еще надо?»
Скверное приключение никак не выходило из головы, и Сухареву стоило труда заставить себя наконец позабыть на минуту о злополучной справке, переключить свои мысли на врученную шефу зеленую тетрадь — плод его утренних многодневных бдений. Он надеялся, что размышления о деле вернут ему, как случалось всегда, то приятное состояние духа, чувство внутренней удовлетворенности, какое сопутствовало обычно свободной умственной работе. Однако на сей раз вышло поиному, и он не только не успокоился, напротив, почувствовал еще большее беспокойство, вдруг осознав, что все его вымученные идеи не стоят выеденного яйца. То же назойливое предложение заменить громоздкие агрегаты прадедовских времен синтезаторами нового типа с электронной регулировкой технологии настолько тривиально, что где-нибудь наверняка уже внедрено. «Поздравляю, — съехидничает Дмитрий Андреевич, — вы, голубчик, наконец-то изобрели велосипед». И чтоб уж совсем

доконать неудачника, вызовет к себе недоумевающего профгрупорга: организуйте для нашего изобретателя познавательную экскурсию на соседний электромеханический завод. Пусть он посмотрит, как там работают изобретенные им аппараты... А с Сухарева потребует подробный отчет, что там видел, чему научился, и наставительно скажет: «Ну что, голубчик, открыли Америку? Надо почаще бывать на производстве, а то приросли к столу, покрываетесь ржавчиной, нехорошо...»

И зачем только вытащил на свет божий и сунул Нине Сергеевне свою зеленую тетрадь? Уж она-то не преминет растрезвонить его незадачу на весь институт. Кстати, расскажет и об идиотской справке из метрополитена — ясно, над ним просто зло посмеялись, выставили последним простаком... И поделом тебе, Сухарев, впредь ходи по земле! Вот обрадуется Аделаида, когда обнаружится грандиозный конфуз! Я, скажет, давно предупреждала. Человек, который опаздывает на работу, ставит под вопрос график сдачи проекта, ничего путного предложить не в состоянии. Пыль в глаза кой-кому пустить — это да, это вполне в его вкусе. Одно слово, дискутант...

Впрочем, ну ее, Аделаиду! Ей хоть так, хоть этак — все будет считать себя задетой, причину для вечного зудения найдет. И почему, собственно, надо все время оглядываться на таких Аделаид? Разве не стыдоба — зваться инженерами, а штамповать в новом проекте заведомое старье, обрекать еще не родившийся завод или цех на старческую одышку и скрип инвалидных костылей? Что из того, что соседи давно догадались внедрить очевидное, если у нас все идет, как и десять-пятнадцать лет назад? Он же, Сухарев, не намерен артачиться: вот, мол, какой я замечательный умник, такую диковину изобрел; нет, он честно признает: возможно, другие уже все это придумали, освоили, отладили, тогда и нам не след отставать. В том и беда наша, что часто мы знаем, как и что сделали те же американцы или японцы, а вот что на соседнем заводе творится — ни сном ни духом, будто там ничего толкового не может произойти.

Надо бы прежде с Коробкиным посоветоваться: ум у того критический, иронический ум. Поначалу наверняка пошумит, повозмущается: как же ты так, Владим Палыч, всех нас вокруг пальца обвел? Сказал твердо: нет, мол, никаких идей, никаких новаций, и тишком по начальству — нате-ка вам зеленую тетрадь... А что принес,

чем порадовал? В той же телеге меняешь одно колесо. Чего этим достигнешь? Нет уж, лучше закрой фонтан... А если оценит Коробкин, увидит серьезный смысл — может, и сам загорится, еще и ругаться будет: как же так получается, почему до сих пор это очевидное никому в голову не пришло? И я, скажет, тоже хорош — мог бы давно догадаться. Может, там, где он раньше работал, подобная технология давно в ходу... Впрочем, о прежней работе Вася Коробкин предпочитал не распространяться — возможно, та фирма не для разговоров с кем попало или не очень приятно ему свое старое вспоминать.

Да уж поздно теперь совет-то держать — ушел поезд. Тетрадка у шефа, в его руках. И все же попытка не пытка, может быть, у Нины Сергеевны удастся перехватить.

Сухарев робко вошел в приемную с тайной надеждой поправить свою непростительную оплошность, но, к сожалению, застал у дверей кабинета шефа группу ему незнакомых людей. В ожидании приема Дмитрием Андреевичем они чинно сидели на стульях у стены, а двое неторопливо листали зеленую сухаревскую тетрадку, вполголоса переговариваясь между собой. Владимир Павлович обрадовался тому, что его никто не заметил, и тихо ретировался к себе, стал за кульман и с еще большим рвением взялся за чертеж.

Вернувшись из буфета, Вася Коробкин таинственно посмотрел на Сухарева, покачал головой, будто хотел сказать: «Ну и ну!» Заметив, что Сухарев обратил на него внимание, Вася принял задумчивый вид и вплотную приник к чертежам, навешанным на кульман. В поведении Ады Глебовны, кажется, ничего не изменилось, она все так же усердно скрипела рейсфедером, перебеливая проектные листы. Присмиревший Сухарев не мог, очевидно, ее интересовать. Вот если бы он, как не раз случалось, был чем-то возбужден, выбегал то и дело курить или пытался затеять с кем-нибудь спор вокруг проекта... Значит, решила Аделаида, все обошлось. Не будет шараханья из одной крайности в другую, не будет ни перепалок, ни переделок, словом, беспорядка, под которым Ада Глебовна понимала любое незапланированное вмешательство в нормальное, размеренное течение дел. Она работала в институте с давних-предавних пор, пережила не менее десяти реорганизаций, сокращений и расширений, смысл которых остался для нее за семью

печатями, а последствия ощутимы без разъяснений: после каждой перестройки присылали новое начальство, то подбирало под свой вкус себе помощников, коллектив притирался к новым людям, а те — к коллективу... Всякий раз кто-то оказывался лишним, как правило, из тех, кого прежнее руководство особенно выделяло, считало незаменимыми. Аду Глебовну никто слишком не выделял, и она после всех реконструкций оказалась среди немногих непотопляемых кадровых работников, как панцирем, защищенных длиннейшим стажем и репутацией хранителей институтских традиций, золотого фонда, которым разрешалось даже и поворчать насчет новых фаворитов вроде того же Сухарева. Сухаревы приходят и уходят, Ада Глебовна остается и будет все так же перебеливать чертежи, пока не подступит срок уходить на заслуженный отдых. И то она еще подумает...

Расчетчица Танечка Эпикурова, та загадочно улыбалась; наверное, решил Сухарев, кто-то нашел-таки для нее необычный, приятно щекочущий самолюбие комплимент. Такие, как Танечка, люди нужны, просто необходимы в любом коллективе. Конечно, прямая польза от них невелика, однако же, не дай бог, если когда-нибудь их заменят собою проворные компьютеры — в скорости, может, и будет выигрыш, а вот атмосфера — ее с этими хитроумными ящиками не создашь. Само лишь присутствие рядом красивой женщины, каждый день — в новом наряде, распространяющей вокруг себя тонкий аромат нежных французских либо арабских духов, обаяние молодости, игры — как это много значит! Вон и в космос уже запускают все больше женщин; конечно, известное неудобство, стеснение для мужчин-космонавтов, но ведь и там, наверное, кстати женский пригляд. А если проще — такие, как Танечка, для того и нужны в коллективе, чтобы, глядя на них или просто ощущая их присутствие, даже самые черствые сухари-мужчины помнили и понимали: есть он, есть на земле нашей действительно прекрасный пол. Есть прекрасное в жизни. А то иному, глядишь, покажется, что вся и красота — в переплетениях линий на бесконечных чертежах, в оригинальном техническом решении, в изящной логике проекта...

Под этими иными Сухарев вправе был подразумевать прежде всего себя. Строгая, если не сказать суровая, школа Политехнического приучила его ценить лаконичный язык чертежей — то, чего нельзя выразить никаким

описанием, можно легко передать с помощью циркуля и карандаша. Правда, чтобы добиться этой легкости, надо перечертить едва ли не километры ватмана, и студенты в трудах и муках, не зная выходных, преодолевали, кляня все на свете, отмеренную учебным расписанием дистанцию. Сначала — подобно галерным гребцам-невольникам, понуждаемые приказом преподавателей, угрозой остаться без зачета, а значит, и без стипендии, потом потихоньку входили во вкус, обретали уверенность, а некоторые — Сухарев в их числе — и пристрастие к универсальному языку, не требующему перевода. Особо усердствовал в их дрессуре доцент «Лука» — Сергей Платонович Луканин, любивший повторять: «Чертеж — дело кропотливое». Студенты нарочно переиначили его любимую присказку: «Чертеж, черт возьми, дело кровопотливое». Остряки были правы — немало крови попортил он будущем инженерам, требуя всегда и во всем, чуть ли и не в любви, объясняться лишь с помощью чертежей. Будь жив доцент, он мог бы теперь гордиться Сухаревым — тот являл собою пример, до чего доводит человека крайность или излишество, пусть даже источник его — в самых благих намерениях.

Женился Сухарев внезапно: вчера, кажется, ни о чем таком и не помышлял, а сегодня вдруг обнаружил рядом с собой малознакомую женщину, которую долго не мог привыкнуть именовать женой, неуклюже шутил, называя Ирину Аркадьевну то супругой, то половиной, то суженой. Она доставляла ему поначалу немало хлопот, пытаясь перековать его на свой лад, требуя внимания, ласки, заботы, пока наконец не уверилась в тщетности своих усилий и не оставила Сухарева с его чертежами и расчетами в относительном покое. Зарплату он приносил исправно, премии не заначивал, не пил, к детям был одновременно и строг и доброжелателен. Со временем у каждого из них сформировалась своя, особенная, отдельная от другого жизнь, и пылкая в юности Ирина Аркадьевна смирилась с своею новой ролью: и так можно жить, у других-то бывает и хуже. Да и много ли места занимает в сегодняшней жизни семья, если все, чего душа желает, в достатке есть на работе — там и наговоришься вдосталь, и посплетничаешь, и наряды твои находится кому похвалить, и прическа не остается незамеченной, и трений-прений вагон и маленькая тележка... Так что единственное, о чем мечтаешь, придя домой, —

покой, тишина и чтобы никто не лез тебе в душу, никто тобой не командовал, не путался под ногами. Вот дети — они этого не понимают, они требуют участия, отнимают силы, до донышка вычерпнутые в течение рабочего дня, словом, мешают; не в том ли разгадка, что, несмотря на растущий достаток, отдельные квартиры, мало кому хватает решимости завести не одно-единственное неповторимое чадо, а двух-трех детей? Время от времени стукнет, как обухом, безысходная мысль об одинокой, неприютной, постылой старости, но ведь когда это еще и будет, и доживешь ли? — как знать. Выберешь полчаса посидеть у телевизора, раскроешь газету или журнал, слушаешь ли, занимаясь надоедливой кухней, радио, непременно напомнят: нагрузка на современного гомо сапиенса выше его человеческих сил, скорости сумасшедшие, информационные взрывы, стрессовые ситуации — удивляешься, что еще жив...

— Покурим, что ль, Владим Палыч? — окликнул вдруг Сухарева Коробкин, из-за спины коллеги разглядывая с опаской замысловатый его чертеж. — Работа не волк.

— Понимаешь ли, — начал было Сухарев, но, взглянув на Васю, передумал: — Пошли.

Вася курил сигареты «Друг», любил щедро угощать ими товарищей, вот и сейчас протянул Сухареву плотную пачку с дружелюбной собачьей мордой на лицевой стороне:

— Попробуй, Владим Палыч, моих.

Они дружно дымили, однако же разговор, ради которого был затеян Васей Коробкиным этот перекур, пока не клеился.

— Шеф больше не вызывал? — невинно спросил Коробкин и глубоко затянулся дымом, наверное, для того чтобы скрыть еще глубже и без того тщательно замаскированный намек.

— Не вызывал, — безучастно ответил Сухарев, — а что?

— Народ интересуется, — пояснил Вася, — чего вы с ним затеваете? Ты уж прости, Владим Палыч, боимся, как бы опять не пошло все кувырком. До сдачи нашей части проекта — неделя, не дай бог, кому-нибудь в голову взбредет... Заказчики, говорят, приехали, торопят: давай, давай.

— Дадим, — успокоил Сухарев, — раз требуют, дадим.

— В буфете, — сказал, помолчав, Коробкин, — в буфете сегодня болтали: шерше ля фам. Ищите, мол, женщину, а я и говорю: Владим Палыч и женщины — это же абсурд.

— При чем тут шерше ля фам? — возмутился Сухарев, неприятно задетый грубым намеком, чувствуя, что нервы его начинают сдавать. — С какой, понимаешь ли, стати шерше ля фам?

— Я так всем и говорю: с какой такой стати? А мне: есть, мол, бумага, сам Сухарев принес.

— Ничего я не приносил, никакой бумаги. С меня справку потребовали, я справку представил, а больше, клянусь, никаких бумаг.

— Так вот про справку-то все и говорят. Будто в ней черным по белому сказано, что Сухарев потому и опаздывает, что у него посторонняя связь...

— Постой, постой! — перебил Васю Сухарев. — Какая еще посторонняя связь? Кому взбрело в голову?

— За что купил, за то и продаю, — пояснил Коробкин. — Тебе лучше знать.

— Ну ты хорош! — разобиделся Сухарев и бросил в урну с водой недокуренную сигарету «Друг». — Завел дурной разговор, накидал намеков, а сам — в кусты. Кто хоть тебе сказал эту глупость?

— Мне лично Танечка сказала, а ей еще кто-то сказал, а тому, кто ей передал, еще кто-нибудь сказал. Спроси у Татьяны!

— Чего мне спрашивать? — открестился Сухарев. — Кому-то делать нечего, пускают сплетни, а я, по-твоему, должен масла в огонь подливать... Ладно, пошли работать.

— Пошли, — сказал Вася. — Мне-то что.

Назавтра уже в гардеробе, как только вошел с мороза Сухарев, все почему-то примолкли, и, будь он понаблюдательней, не мог бы не заметить, что все — кто исподтишка, кто открыто — присматривают за ним, большинство — с сострадательной улыбкой, некоторые — с наигранным изумлением, другие — словно бы говоря: и этот туда же! Ну и ну!

Шеф не давал никаких сигналов: прочел он его тетрадь или забыл о ней за делами, принял сухаревские предложения или отверг? В одном Сухарев не сомневался — в том, что Дмитрий Андреевич проволокитит с его тетрадкой как можно дольше и будет, конечно,

прав. Он же сказал ему ясно: поезд ушел, дорогой Владимир Палыч, где ты раньше-то был, о чем прежде думал? Хорошо еще, если отнесет все, как обычно, на счет сухаревских чудачеств, скажет: с такими, как наш проектант, ни одного дела до конца не доведешь, они и в идеальном найдут несовершенства, непременно попробуют чудо-блоху еще и подковать... А если скажет иное: что вы, Владимир Палыч, все норовите вставлять палки в колеса, бросая тень на работу коллектива, мной возглавляемого? И главное, как всегда — в последний самый момент, когда ничего уже ни поправить, ни переделать нельзя? Вы, мол, новатор, светлая голова, а я кто, выходит, — глухой рутинер, консерватор, могильщик ценных идей, валун на пути прогресса? Не того ли вы добиваетесь? А я между тем отвечаю за результаты, за графики, сроки, за план. Хорош же я буду, если каждый раз — с вашей подачи! — стану готовое браковать: можно, мол, лучше сделать. Не последний проект сдаем, придет время, и ваши идеи еще пригодятся. В другой раз. Не в другой, так в третий. Только вы мне работать-то не мешайте, не заставляйте себя негодяем чувствовать, будто я кого-то обманываю, живу, мол, по принципу «сойдет и так». Мне и без того несладко. Заказчик вон привередничает: ему бы чего такого, чего и не было и нет. А мы не на небе живем, на земле, не боги — простые смертные.

О справке же Сухарев и совсем позабыл, сразу забыл, как только сдал ее секретарше. Глупое дело, чего о нем лишний раз вспоминать? Заставили человека чужие пороги обивать, как мальчишку, стыдом умываться... А теперь еще Вася подначивает: шерше ля фам. И Танечка на него со значением поглядывает, будто тоже на что-то намекает. Надо бы ее расспросить. Ей, понимаешь ли, кто-то что-то порассказал! Сама, наверное, выдумала, со скуки — ум не работой занят, а черт-те чем. У Ады Глебовны хоть есть свой любимый конек, никто чище ее не чертит, аккуратность — ее персональное личное клеймо, на том, похоже, и держится, и довольна. А Танечка сроду карандаша в руках не держала, вот разве пилочку для ногтей, кисточку маникюрную или щеточку для покраски и без того смоляно-черных ресниц...

— Надо бы нам с вами, Владимир Павлович, кое-какой вопрос обсудить.

Невесть как оказавшийся у сухаревского кульмана Ни-

китенко заговорил вкрадчивым шепотом, сделав знак следовать за ним.

— Сигареты брать? — с нажимом, стараясь вложить в свой вопрос как можно больше иронии, спросил его Сухарев. — Или вы для душевности разговора свои предложите?

— Сам не курю и другим не советую, — официальным тоном сказал Никитенко, когда они вышли в коридор. — А вас предупредить считаю долгом.

— Да, — притворно согласился Сухарев, — пора бросать.

— Вот именно, Владимир Павлович, вот именно, — пора бросать. И чем скорей, тем лучше, пока до семьи не дошло.

Сухарев насторожился:

— Что вы, понимаете ли, хотели этим сказать?

Антоний Карпович по-отцовски взял его за плечо:

— Для вашей же пользы, Владимир Павлович, для вашей пользы. Весь институт на ваш счет уже информирован.

— И что же дальше?

— Куда уж дальше! Сколько я здесь работаю, такой возмутительный факт наблюдаю первый раз. Солидный работник, всегда служили примером, и нате — женщины из-за вас бросаются под поезда.

— Какие женщины? Какие поезда? Не понимаю, что вы говорите?

— Не делайте вида, Владимир Павлович, — наставительно сказал Никитенко. — Не делайте вида. Я вам как старший товарищ желаю добра и только добра. Я встречался однажды с Ириной Аркадьевной, на нашем вечере по случаю юбилея отдела, и очень уважаю вашу супругу.

— Да скажите же наконец, в чем дело? — вскипел Владимир Павлович. — Могу и я знать, о чем информирован весь институт? Откуда пошли эти глупые разговоры?

Никитенко смотрел на него, как сердитый дворник на шалуна, разбившего стекла футбольным мячом и упорно отрицающего свою провинность.

— Видно, я в вас ошибся, — сказал он почти трагически. — Я считал вас человеком прямым, серьезным, а вы, простите меня, начинаете проявлять неискренность. Сам же по всей полной форме справку принес, — про-

должал Никитенко, обращаясь как бы к кому-то третьему, — и сам же делает вид, что не знает, о чем в ней написано.

— Почему же не знаю? — опрометчиво возразил Сухарев. — Дана настоящая тов. Сухареву в том, что по техническим причинам поезда метрополитена не ходили с такого-то по такое-то время.

— Вы это сами читали?

— Читал!.. Нет, сам я не читал, потому что конверт был заклеен. Мне обещали дать именно такую справку.

— Обещали! Справка — документ, в ней пишут не то, что кому-то обещали, а то, что было в действительности. А в действительности, как всем известно, было другое: неизвестная гражданка сорвала движение метропоездов...

— Ну, дура! — вырвалось у Сухарева. — Но я-то здесь при чем? Спасли хоть эту вашу гражданку?

— В том-то и суть, что спасли. И выяснилось, что она, — Никитенко многозначительно поднял вверх палец, — что она сделала свой поступок из-за несчастной любви. Теперь вам все понятно?

— Ничего не понимаю!

— А пора бы уже понимать.

— Да вы-то хоть сами ту справку читали?

— Я? — удивился Никитенко. — Зачем мне ее читать? Люди зря говорить не будут. Эта информация во-он откуда идет! — Антоний Карпович торжественно простер руку вдоль коридора, в сторону кабинета Дмитрия Андреевича, и, считая свой долг исполненным, скрылся в туалет.

Сухарев, не помня себя, ворвался к Нине Сергеевне:

— Где у вас?.. — начал он возбужденно. И тут же осекся, наткнувшись на неприступный взгляд секретаря. — Простите, Нина Сергеевна, шеф у себя?

— Дмитрий Андреич занят.

— Когда он освободится?

— Он мне не докладывает, — сухо сказала секретарша, явно показывая, что вызывающий тон, взятый Сухаревым, здесь, в приемной начальства, по меньшей мере неуместен.

— Простите, — на всякий случай извинился Сухарев, сдерживая клокочущую в нем ярость. — Простите великодушно. Могу я вам лично задать всего лишь один вопрос?

— Вы его уже задали.

— Но пока что не получил ответа.

— Можете задавать свой вопрос.

— Значит, Дмитрий Андреич, как вы только что сказали, вам не докладывает... Откуда же, понимаете ли, весь институт уже знает о содержании документов, не подлежащих тиражированию?

— Я вас не поняла.

— Не вам ли я должен быть благодарен за сплетню, простите, за информацию, которая циркулирует по коридорам?

— Не забывайтесь, Владимир Павлович! — вспыхнула секретарша, нервно тиская в тонких пальцах крохотный носовой платок. — Вы, я смотрю, привыкли, что вам все сходит с рук.

— Вы так считаете? Или это Дмитрий Андреич сказал?

— Какая вам разница! Вы, вероятно, решили, что кто-то обязан вас покрывать? Что вам можно безнаказанно совершать всевозможные проступки... У меня скромная зарплата, но своим местом я дорожу.

— А я дорожу своим именем и должен знать, с чьей подачи его беззастенчиво треплют по коридорам.

— Я по коридорам не хожу, — строго уточнила Нина Сергеевна, — мне по коридорам некогда ходить, но если о ком-то говорят, для этого, очевидно, есть повод. У нас в институте сотни сотрудников, но говорят почему-то только о вас... Дмитрий Андреич должен будет учесть это при вашей аттестации.

— Спасибо за разъяснение. Когда к нему можно зайти?

— Я доложу. Если Дмитрий Андреич найдет нужным вас принять.

Дальнейший разговор становился бесполезным, и Сухарев, не получив удовлетворения, вернулся к своим чертежам.

Вася Коробкин панибратски похлопал его по плечу:

— Не раскисай, Владим Палыч! С кем не бывает. А она как из себя, ничего?

Сухарев посмотрел на него, как затравленный волк на охотника, в упор нацелившего ружье:

— Иди-ка ты, Вася! Сам знаешь куда или напомнить?

— Знаю, знаю! Я хотел по-товарищески, хотел помочь. Стоит ли Париж этой мессы? Один мой знакомый тоже на пустяках погорел. Одна дуреха в него с маху втрескалась, достала домашний телефон. И нарвалась на супругу. А та — в профком. Стали клубочек разматы-

вать... Пришлось ему с работы давать прощальный гудок. Начальник аж плакал, никак не хотел отпускать: хороший специалист, генератор идей, такие на улице не валяются. Но делать нечего, подписал.

— Заманчивая у меня перспектива! Иди, Вася, к станку. Сам беспокоился, сроки горят... Выдадим на-гора километр-другой чертежей, тогда и вернемся к занимательной байке про твоего бедного знакомого.

— Я же из солидарности, — заверил Коробкин. — Нам, мужчинам, надо вместе держаться. Смотри, кто вокруг нас! Одно, извините, бабье. Они как подымутся!..

— Ничего, понимаешь ли, отобьемся!

Направляясь с работы домой, Сухарев не без страха спускался по эскалатору: черт-те какие неожиданности могут случиться в метро. На женщин старался не смотреть — лишняя предосторожность не помешает. Это же надо: какая-то сумасшедшая бросилась на рельсы, Анной Карениной захотелось побыть, а ты ни сном ни духом и, пожалуйста, влип. Вот тебе и технические причины! Разыскать бы ее, эту лже-Каренину, да хорошенечко всыпать. Что бы она запела? Если, конечно, жива... Как она хоть выглядела, дуреха? Наверняка не красавица. Крокодил в юбке. Танечке Эпикуровой с какой стати под поезд бросаться, если и так от комплиментов отбою нет? Аделаиде — пожалуй. Но эта станет тебе рисковать, от нее не дождешься. Кто же тогда чертежи будет перебеливать?

Сухарев, перебрав таким образом чуть не всех знакомых, рассудил, что из них никому подобная глупость прийти в голову не могла. С какой такой печали? Все это давным-давно прошедшее, из неправдоподобно прежних, сегодня нам вовсе непонятных старинных времен. Когда с большого жиру, бывало, бесились иные бабоньки. Или уж от беспросветной нужды. Не попади нынче Сухарев сам в идиотскую ситуацию, случись нечто такое же с кем-нибудь другим, даже и сверхсерьезнейшим человеком, Владимир Павлович и не поверил бы никогда, за анекдот принял эту нелепую историю и посмеялся бы вместе со всеми. Ну кто сегодня всерьез, без рисовки, поверит рассказу о столь несчастной любви, тем более кто поверит, что из-за этого можно решиться на безрассудный поступок, нарушить движение метропоездов? Не домострой на дворе, чтобы на одном ненаглядном бесчувственном свет клином сошелся. С одним дело не

сладилось, другого найдешь, и никто зря тебя не осудит. Все так и делают... Сухарев знал, правда, молодую женщину, которая в свое время — по молодости, по глупости — скакнула за немилого замуж, а вскоре, похоронив его и не утратив еще ничего от своей красоты и молодости, отказалась от счастья с тем, кого и прежде и теперь все еще любила. Из всех, кому Сухарев про нее рассказывал, ни один не одобрил ее поступок, никто и в мотивы его не стал вникать, не понимали даже, зачем об этой чудачке и речь заводить. Кому, в самом деле, может быть интересен рассказ о несовременной, не «сладкой» и не «странной» женщине? А большинство и вовсе отмахивались: придумал бы что-то поинтереснее, Владимир Палыч, это мы в школьных книжках читали и то не верили. Ну если и есть на весь город одна такая, сверхисключительная — бог с ней, пусть живет, горбатых могила исправит...

И все же Сухарев поймал себя на мысли, что дорого дал бы, чтобы хоть краем глаза, хоть на один только миг увидеть ту сумасбродную женщину, а еще лучше — поговорить с ней, попытаться если уж не понять, то хотя бы выслушать ее, вникнуть в мотивы ее поступка.

Сухареву почему-то вдруг сделалось не по себе, и каким-то иным, критическим взглядом смотрел он теперь на собственные свои решения и поступки. Вспомнилось, как год или два назад приходил он к начальнику отдела — не сам, по вызову Дмитрия Андреевича, как получил от него задание переделать кое-что в проекте, вдохнуть в него две-три свежие идеи, как долго бился над новым подходом к традиционной схеме и так-таки нашел перспективное решение. Развернул перед начальником тетрадку с расчетами и эскизами, горячо говорил о том, какой эффект получится, если сделать так, по-новому; Дмитрий Андреевич многословно его благодарил, едва пролистав тетрадь, потом куда-то с нею ходил, что-то кому-то доказывал и наконец вернул ее Сухареву, сказав, что все это смело, прогрессивно, заслуживает внимания, но надо немножко подождать, что сейчас для осуществления его идей нет ни соответствующих материалов, ни оборудования... Но уж потом, как только настанет время, они непременно, всем коллективом возьмутся за их воплощение. Сухарев слушал его, хорошо понимая, что вся эта словесная бормотуха — вежливый, но категорический отказ, что его тетрадка понадобилась началь-

нику отдела для чего-то иного, но, понимая, не посмел даже возразить, тем более — возмутиться обманом и скромно, вместе со всеми, стал доводить, ничего принципиально не меняя, первоначальный проект.

Сейчас Сухарев с горькой иронией вспомнил и то, как тешили его самолюбие доходившие до него похвалы Дмитрия Андреевича, устно распорядившегося создать ведущему инженеру режим наибольшего благоприятствования, не загружать его черновой работой: пусть, мол, себе творит!.. Себе их начальник устроил такой режим — вот в чем суть. Как он тогда не догадался?

Донельзя раздосадованный поступком некой неизвестной ему экстравагантной дамочки, неожиданно вторгшейся в его жизнь, Сухарев обнаружил, однако, что все происшедшее с ним в последнее время что-то в нем изменило, вывело из привычного равновесия. Есть же, оказывается, еще и сегодня люди, способные на безрассудные поступки, их не останавливает, что цена такому поступку — жизнь... А он потихоньку да помаленьку привык довольствоваться малым, тем, что его кто-то ценит (за что: за способность рождать новые идеи или за то, что он не настаивает на них?). Чем тогда, в сущности, отличается он от Аделаиды или от той же Танечки? Одна гордится, что природа не поскупилась, дала ей дар умеренности и аккуратности, другая — тем, что ее судьбою распоряжается чья-то сильная рука, бог весть, любовника или друга... Результат в конечном счете один и тот же, может, от скромной Ады Глебовны пользы даже больше, чем от него, инженера Сухарева, а то, что он возомнил себя, с подачи Дмитрия Андреевича, мастером проектного дела — приятная иллюзия и больше ничего...

Как она все-таки решилась броситься на рельсы, погибнуть из-за любви? Сильный характер или расколотая душа? Со стороны глядеть — все это, безусловно, глупо, а если не со стороны? О чем она думала, что переживала в тот свой безумный миг? Жива или погибла? Жаль, если погибла. А может быть, тот, из-за кого все это случилось, был с нею рядом, все понял и спас. Как поступил бы в такой ситуации он, Сухарев? Вот уже до чего дошло! Зачем спрашивать, зачем ставить себя на чужое место, если с тобой ничего подобного произойти не может. Кто не то что собой рисковать, ну хотя бы до слез опечалится из-за него, старого валенка, на которого женщины если и смотрят, то лишь с одной житейской целью — чтобы

он место уступил, посторонился, не стоял на дороге, не мешал...

Знала бы Ирина Аркадьевна, о чем по дороге с работы размышляет сегодня ее супруг! Первым делом ему бы, конечно, градусник под мышку: померяй температурку, Володя, у тебя скорей всего грипп... Сухарев зажмурил глаза, пытаясь представить семейную сцену и вдруг... Вдруг ясно увидел совсем другое: переполненная народом станция метро, приближается, погромыхивая, поезд, и тут, на виду изумленной толпы, полная женщина в бежевой дубленке с криком «ах!» кидается вниз с платформы... «Куда вы, Ирина Аркадьевна?» — кричат все вокруг... «Старею, — стирая со лба холодный пот, подумал Сухарев. — Спать стал на ходу и даже сны видеть... Может, и в самом деле грипп подхватил, говорят, опять валит людей какой-то злой «филиппинец». Надо было вовремя прививки сделать». Из поликлиники приходили, настаивали, но Сухарев отмотался, сославшись на дела, да и прививки он переносит плохо, дня два голова как пивной котел. Ну вот теперь и расплачивайся за свою всегдашнюю беспечность...

Жена молча поставила перед Сухаревым ужин и, сняв клеенчатый передник, собралась из кухни, зная, что он не любит застольных разговоров.

— Послушай, Ира, — остановил Сухарев жену, — какие у нас запланированы на ближайшее время покупки?

Ирина Аркадьевна куклой застыла в дверях, не на шутку напуганная таким неожиданным обращением супруга. В других семьях, возможно, житейские разговоры ведутся почти каждый день, для нее же подобный невинный вопрос прозвучал будто гром с ясного неба. Сто лет уже Сухарев ни в какие домашние дела не вмешивался и, казалось Ирине Аркадьевне, не знал даже, есть у них дома деньги или нет, куда и на что идет его зарплата, и тем более не догадывался, что ей не так-то легко стало сводить концы с концами.

— Ванюшка ботинки своим хоккеем до дырок разбил. Надо бы присмотреть что-нибудь в магазинах. Да и Пете пора бы новую шапку, в этой уж стыдно ходить, никто теперь таких и не носит... А что, Володя?

— Мне, видимо, придется уйти с этой работы.

Ирина Аркадьевна молча ждала объяснений, и Сухарев напряженно думал, как бы попроще ей все объяснить, но в голову ничего путного не приходило.

— Дело так может обернуться.

— Тебе видней, — обиделась Ирина Аркадьевна. — Извини, Володя, сегодня третья серия. Я две предыдущие посмотрела, хочу узнать, чем кончится.

— Что за фильм? — машинально спросил Сухарев, вовсе не ожидая ответа, и не расслышал, что сказала ему жена уже из коридора.

«Уж какое там — на рельсы! Хорошо, ужин всегда на столе, в доме какой-никакой порядок...»

На другой день с утра Сухарев занял пост в приемной начальника отдела, но тот все никак не появлялся, а Нина Сергеевна, не простив ему вчерашней дерзости, время от времени напоминала:

— Идите, товарищ Сухарев, к себе. Не мешайте людям работать.

— Да кому я мешаю? — притворяясь наивным, спросил Сухарев. — Дмитрий Андреич и не подозревает, что я здесь сижу.

— Мне вы мешаете, — не скрывая возникшей неприязни, пояснила Нина Сергеевна. — Вы, я гляжу, секретаря и за человека не числите, а у меня, между прочим, своя работа. И вовсе не обязательно, чтобы каждый ко мне через стол заглядывал, над душой журавлем стоял.

Сухарев, покраснев, быстро вышел из приемной. Стоять же в коридоре было совсем неудобно: мимо сновали, поглядывая на Сухарева с недоумением, знакомые и незнакомые сотрудники, некоторые прошли туда-обратно уже по нескольку раз. Одни могли заподозрить, что Сухарев, как какой-нибудь подхалим, ошивается возле начальства с утра пораньше, другие, напротив, подумать, что дело его совсем плохо, если Дмитрий Андреевич, вызвав ведущего инженера, специально мурыжит его у дверей, чтобы напомнить ему, кто есть кто.

Не успел, однако, Владимир Павлович занять свое место у верстака, как иногда называл вдруг осточертевший кульман, раздался телефонный звонок, и Аделаида, первой поспевшая к аппарату, огласила не без тревоги и одновременно с легкой долей злорадства, что инженера Сухарева требует шеф.

Вернулся Сухарев совершенно расстроенный, сел на стул и глубоко задумался, ничего не замечая вокруг.

— Ну что, старик? — посочувствовал ему Вася Коробкин. — Не вышел номер?

— Вышел, Вася, вышел, — с готовностью отозвался

Сухарев, как будто давно ждал вопроса, — для всех нас вышел. Заказчик проект забодал, а сроки менять ни в какую, придется, понимаешь ли, упираться нам день и ночь. А главное, Дмитрий Андреич не знает, какого им нужно рожна и вообще из-за чего они заупрямились, как богатые сваты.

— Ого-го! — выдохнул Вася. — Я так и знал, что они нам козу заделают. Печенкой чувствовал.

Проектировщики перестали скрипеть рейсфедерами и карандашами, напряженно прислушиваясь к их разговору.

— Выходил наш дискутант! — подала наконец голос Аделаида. — Чего и следовало ожидать. Я же вам говорила...

Что она говорила, Ада Глебовна не сочла нужным пояснять: отношение к неприятному событию она ясно выразила, назвала и причину и виновника, заодно и свою предусмотрительность показала, предупредив малейший возможный упрек в ее собственный адрес.

— Это как же вас понимать? — заострил вопрос Антоний Карпович, больше всего ущемленный тем, что о столь важном решении руководства узнает вопреки установленному порядку не из первых рук. — Надо созвать совещание, заслушать ответственных лиц. Провести разъяснительную работу, нацелить коллектив.

— Может, удастся все-таки уломать? — высказал общую надежду Вася. — Должны же они войти в наше положение. Тем более неизвестно, кто больше виноват — мы или сам заказчик. Где они раньше были?

Одна лишь Танечка никак не проявляла своих чувств, продолжая привычное дело — полировку зеркально-гладких длинных ногтей.

— Вот приедет Иван Афанасьевич, — развивал между тем свою мысль Коробкин, — он все поставит на место, с головы на ноги.

Иван Афанасьевич, руководитель группы, залечивал старую язву в одном из санаториев где-то в районе кавказских Минеральных Вод, кажется, в Дубовой или иной какой-то роще.

— Если уж Дим Андреич не смог, — сам себе возразил Коробкин, — то на Ивана и вовсе надежды мало.

— Во всяком случае, — с опозданием подхватила его первую мысль Аделаида, — при руководителе группы иные инициаторы были бы вынуждены поменьше торчать

в приемной шефа. И не мозолить начальству глаза своими вечными идеями.

Сухарев, как подстреленный заяц, посмотрел в ее сторону, но ничего не сказал.

— Нет, правда, их можно еще уломать, — фонтанировал Коробкин. — По-товарищески, по-братски. Пригласить, например, в круиз по городу, заблудиться в каком-нибудь уютном ресторанчике, покумекать насчет соблазнительных напитков, а то и...

— Понесло! — тоном сурового ревизора остановил его Никитенко. — Нас с тобой за такие заблуждения — поганой метлой. Думаешь, если ты к этим напиткам пристрастен, то и другие без них не могут жить?

— С чего вы, Тонь Карпыч, решили, что я к напиткам пристрастен? Это обвинение в ваших устах прозвучало довольно грубо. И, смею заверить, бездоказательно. Всем хорошо известно, что я, кроме безалкогольного пива, других никаких напитков в рот не беру. Но если для общего дела — готов собой пожертвовать. И с вашего разрешения приглашаю на это ме-ро-при-я-тие нашу Танечку — надеюсь, мой выбор не требует доказательств?

— Не требует, — поспешила заверить Аделаида. — А вот насчет вас, Василий Дмитриевич, стоило бы еще подумать. У нас в коллективе есть и другие достойные претенденты, из-за которых срывается график движения в метро.

— Я не настаиваю, — примирительно сказал Вася. — Как ты, Владим Палыч?

— Я подумаю. — Сухареву стоило большого труда удерживаться в рамках. — А вас, Ада Глебовна, могу успокоить: полный порядок в метро восстановлен, тему пора закрывать. Как ни жалко для вас расставаться с такой прекрасной сплетней... Да и я, понимаете ли, к ней уже как-то привык.

— Обидно! — поспешил вмешаться Коробкин, предвидя, что объяснение Сухарева с Аделаидой может зайти слишком далеко. — Так хорошо все начиналось! Не знаю, как вы, а я, например, возгордился: как же, работаю рядом с человеком, из-за которого женщины бросаются под поезда. Не подтвердилось, а?

— Тихо, товарищи! — закричал Никитенко, как делал обычно во время собраний, когда прения выходили из берегов. — На повестке дня сегодня другой вопрос. А к происшествию в метро мы еще вернемся и отреаги-

руем — в соответствующем месте и при соответствующих обстоятельствах. Какие есть предложения?

— Предлагаю объявить обеденный перерыв, — первым откликнулся Вася Коробкин, обнаружив, что подступает время обеда. — Пошли, Танечка, с рестораном пока не получилось, так хотя бы в буфет не опоздать... Ты как, Владим Палыч?

Сухарев ничего не ответил. Он был расстроен, но не теми язвительными намеками, от которых не удержалась Аделаида, и не тем, что заказчик торпедировал почти готовый проект, а тем, как только что разговаривал с ним Дмитрий Андреевич. Впрочем, чего иного он мог ожидать — все шло по логике тридцати трех несчастий...

...Шеф, вызвав его, встретил гробовым молчанием, даже не предложил ему сесть, а только взглянул исподлобья и продолжал бесцельно листать лежащие на столе бумаги. Когда молчание красноречиво затянулось, Дмитрий Андреевич встал из-за стола, подошел вплотную к Сухареву, хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и наконец пригласил садиться.

— Вот так, Владимир Палыч. Может быть, вы разъясните, как все произошло?

Сухарев беспомощно развел руками:

— Если вы скажете, о чем речь, я, может быть, смогу вам быть полезен.

— Вот как? — вскинулся шеф, и грозные молнии брызнули из-под его резко сдвинутых бровей. — Значит, вы не догадываетесь, о чем идет речь, из-за чего не только отдел — весь институт трясет, как при массовой лихорадке... Я считал, что вы человек порядочный и серьезный, а вы, простите, петляете как заурядный заяц.

— Если вы имеете в виду злополучную справку, — попытался самостоятельно отгадать причину начальственного гнева Сухарев, — то я действительно виноват. Надо было проверить, что написали эти шутницы из метро. Я должен был догадаться, что они заклеили тот конверт неспроста.

— При чем здесь конверт? — возмутился начальник отдела. — При чем здесь какая-то справка?

— Вы же мне сами велели достать эту справку, — совсем растерялся Сухарев. — Я и принес. Отдал вашей Нине Сергеевне. А теперь надо мной смеются, будто я, понимаете ли, какой-то донжуан. Будто из-за меня кто-то бросился под поезд...

— Не понимаю, — сухо прервал его Дмитрий Андреевич, — зачем вы мне заговариваете зубы?

— Но вы же сами... Впрочем, не знаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду ваши особые отношения с заказчиком, в обход руководства отдела. Скажите, откуда им стали известны эти вот ваши предложения?

Дмитрий Андреевич гневно потряс перед Сухаревым его зеленой тетрадкой, листы ее, казалось, от страха затрепетали.

— Вы не согласны с первоначальным проектом — это я еще мог бы понять. Вы убеждены, что его можно сделать иначе. Это тоже в рамках нормальной логики. Вы даже знаете, как нужно сделать лучше. Фантазия у вас работает дай бог! Но вы прекрасно знаете и о том, что двери вот этого кабинета всегда открыты для вас. Всегда! В любое время! Это не значит, что я заранее буду согласен с вами. Я тоже, простите, инженер, и у меня на плечах не тыква и не котелок с гречневой кашей. К тому же я должен, я не могу не учитывать тысячи обстоятельств, о которых вы, дорогой наш гений, можете и не подозревать. Так приходите же — кто вам мешает? Давайте спорить, считать, давайте попробуем убедить друг друга. Не знаю, как вас, но меня можно убедить. И даже переубедить, если я в чем-либо ошибаюсь. Но вы же не пришли! Вы стали искать другой путь, и вот, пожалуйста, все мы оказываемся в глупейшем положении ретроградов, а вы один — светлая голова, которой с высокой колокольни плевать на престиж института...

— Мне подавать по собственному или вы сами? — звенящим обидой голосом спросил Сухарев и встал. — После таких обвинений, вы понимаете, я здесь работать далее не могу.

— Как вам будет угодно. — Запал гнева у Дмитрия Андреевича, кажется, иссяк, но он уже не мог остановиться. — Только сначала ответьте, как это все, — он опять потряс зеленой тетрадкой, — как это все оказалось у них?

— Вам лучше знать, — отрешенно сказал Сухарев. — Я пойду.

— Я вас больше не задерживаю. — Дмитрий Андреевич всем корпусом повернулся к селектору, занес руку над кнопкой вызова секретаря. Надо, мгновенно решил он, дать ход той синей папочке, хватит возиться с этим

Кулибиным или кем он тут себя вообразил. Умный вроде бы человек, а простых вещей в толк не возьмет: всему свое время. Ты себе фантазируй, изобретай, но не выходи за рамки, не лезь не в свое дело, не нарушай заведенный порядок, и все будет хорошо. Когда ты, а точнее, твоя идея понадобитесь, вас позовут. Попросят. Поддержат. Но зачем же так? Идут сложные переговоры с заказчиками, твой начальник отдела, рискуя больным мотором, столько с приезжими кофе выпил, все возможные и невозможные доводы в ход пустил, и они, упрямцы с периферии, уже заколебались, а тут, извольте, к ним напрямую является Сухарев со своей тетрадкой и все — вверх дном... Ну кто это стерпит?

Сухарев уже был в дверях, когда Дмитрий Андреевич, выплеснув раздражение в мысленном монологе, вдруг неожиданно для себя подумал, что в эти минуты может произойти непоправимое, что Сухарев еще пригодится, что с заказчиком все уладится, а толкового инженера где потом найдешь? Уверен ли он, начальник отдела, в своей правоте? Во всяком случае, не настолько, чтобы делать оргвыводы.

— О какой все же справке вы говорили?

— Спросите вашу Нину Сергеевну.

И вот теперь Сухарев одиноко сидел в опустевшей комнате проектной группы и казнил себя, что погорячился, что решение уйти принял еще вчера, и это помешало ему понять логику начальника отдела, попытаться с ним вместе найти ответ на законный вопрос: почему содержание школьной тетрадки стало известно заказчику? Почему вообще его желание сделать как лучше приобретает такие уродливые формы, в конечном счете идет всем во вред? Неужели и впрямь его привычка искать и находить необычные, нетривиальные решения несовместима с устоявшимся порядком, с нормальной, раз навсегда заведенной, вполне оправдывающей себя в тысяче других случаев организацией работы вполне солидного учреждения? Может быть, он действительно стал или — помягче — становится заурядным склочником, всеми и всем недовольным, которому никогда и ничем не угодить. А всему виной — происшествие в метро...

Вчера, поздно вечером, когда жена наконец досмотрела третью серию, когда угомонились некстати расшалившиеся мальчишки, Сухарев, сам не зная зачем, рассказал Ирине о своих злоключениях в метро, о том, что весь

институт потешается над ним из-за этой дурацкой справки.

— Ты в самом деле думаешь, — расхохоталась Ирина Аркадьевна, — что какая-то женщина из-за тебя может броситься под поезд? Ты посмотри на себя. Тебя никогда не называли дедушкой? Мне один молодой нахал как-то сказал в троллейбусе: «Садитесь, бабушка!» Нам с тобой, Володя, пора бы уже иметь внучат. Если бы мы с тобой встретились пораньше...

— Жаль, — неожиданно вздохнул Сухарев.

— Чего тебе жаль?

— Что ни одна женщина из-за меня не захочет броситься под поезд. Даже собственная жена.

— Вот ты о чем мечтаешь! Да, Володя, я уже не способна на безрассудные поступки. Дети, кухня, стирка, уборка — ни на что другое не остается сил... Когда у нас последний раз были гости? Ты помнишь, когда мы в последний раз ходили с тобой в театр? Или хотя бы в кино? Думаешь, мне самой не надоело торчать у телевизора? Ты всегда по уши в своих чертежах и расчетах, и даже когда ты дома, ты где-то далеко-о-о. Я же вижу, что мы тебе мешаем. Только мешаем... Ты все еще мечтаешь сделать открытие, которое перевернет весь мир. Прости, если тебе это неприятно, но наше с тобой время уже миновало. Еще несколько лет, и ты поймешь, что ты просто неудачник. Растяпа, не умеющий жить. Другие давно поняли, что не хватают звезд с неба, но это совсем не мешает им покупать машины и строить дачи, устраивать детей в хорошие институты и на хорошие места и не думать, как же свести концы с концами в скудном семейном бюджете. Они живут уверенно, весело живут, у них нет комплексов и предрассудков. Ты не знаешь, откуда у них берутся лишние деньги?

— Не знаю, — честно признался Сухарев. — А ты?

— Я тоже. Недавно к нам приходили два молодых парня. Одеты вполне интеллигентно. Тебя как раз не было дома... Такие могли бы работать у вас. Или в академическом институте. Даже в министерстве. Предложили мне укрепить входную дверь — говорят, на всякий случай, в городе стало много квартирных краж. И что ты думаешь? Включили электродрель, просверлили несколько дырок, забили в них металлические штыри. Все это — минут за двадцать. С тебя, говорят, хозяйка, двадцать пять рэ.

— Зачем же ты согласилась? Что у нас воровать?

— Испугалась, Володя. Знаешь, недавно мне рассказали, будто в соседнем доме повесили объявление: в такой-то день, в такое-то время придут из санэпидстанции тараканов травить. А кто в этот час не сможет быть дома, просьба выставить у дверей квартиры тазик для порошка... И что ты думаешь? Вечером приходят хозяева, а их квартиры обчищены до последней безделушки. Одни тараканы остались... Все квартиры, где были тазики у дверей. Смотри, как просто: раз тазик выставлен, значит, хозяев в квартире нет...

— Кто это тебе рассказал? — улыбнулся Сухарев.

— А чего ты смеешься?

— Это же старый-престарый анекдот. И ты на него купилась, как деревенская бабка. Старые анекдоты ты могла бы знать.

— В каждой шутке, Володя, есть доля правды. Может, эти наши ребята как раз и хотели проверить, как у нас двери закрываются. В другой раз, попозже, придут, когда нас дома не будет...

— Сказали бы мне, я бы сам что-нибудь придумал. Какой-никакой инженер.

— Будешь ты на такие мелочи время тратить. Ты же государственный человек, мыслишь другими масштабами. Что тебе наши домашние хлопоты?

Жена, в общем, была права, и, хотя это «наши» больно его задело, Сухарев не стал возражать, а сейчас, вспоминая тот разговор, с горечью подумал, что и дома, и здесь, в институте, — всюду оказывается беспомощным, недогадливым, ненужным, больше того — мешается у других под ногами, не дает людям спокойно жить. Нет, пора писать заявление.

А куда, спрашивается, уйдешь? Где ждут тебя с распростертыми объятиями? Разве в компании неисправимых чудаков, изобретателей вечного двигателя. Где нет ни графиков, ни сроков, один полет фантазии... Пожалуй, и там не обрадуются. Там и без тебя перебор. Вот выйдешь, тов. Сухарев, на пенсию, тогда и заходи.

Нет, надо сначала во всем разобраться. Стоит все-таки с Васей Коробкиным поговорить... А как разберешься, если не знаешь, с чего это началось? С автора детектива, который так закрутил сюжет, что пришлось дочитать книгу почти до конца и дольше обычного задержаться дома? С досадного случая в метро? С анонимки, подписан-

ной «группой товарищей»? Нет, нет, это нелепые случайности, россыпь фактов; единственное, что все их связывает, это он сам, Владимир Павлович Сухарев, усталый, рассеянный, несовременный человек, потерявший нить, перспективу, не знающий, чего он хочет, чего добивается... Непонятный даже себе самому. Что же тогда удивляться, если другие его не понимают? Кому хочется разгадывать ребусы, которые он задает?

...В молодости и Сухарев был не лишен честолюбивых намерений; хотелось собрать вокруг себя верных, талантливых, инициативных людей, чтобы вместе заниматься любимым делом, подумывать и о диссертации, об ученой степени, о месте в академическом институте. Хотел и стремился, пока не понял, что силы его не беспредельны, что он не столь широк и талантлив, чтобы питать идеями других, а иных данных — железной воли, предприимчивости, организаторской хватки — в себе не обнаружил. И дальше ведущего инженера нигде не пошел. И не пойдет — это теперь беспредельно ясно. И не только ему. Разве что Ада Глебовна может еще заблуждаться на этот счет — она трепещет от одного сознания, что кому-то могут все-таки приходить в голову какие-то, пусть самые завалященькие идеи, даже если они не то что мир перевернуть, но и кругов на воде не оставляют.

Он знал, что ему в равной степени присущи как жгучая самоуверенность, возносящая его в мыслях бог весть на какие вершины, так и полная растерянность, стремление стереть себя в порошок, растоптать как последнюю тряпку. Но почему же тогда заказчик — неглупые же там сидят люди, — почему заказчик так ухватился за тощую сухаревскую тетрадку, что в ней нашел? Из-за чего, извините, сыр-бор загорелся? Почему он логике вопреки надумал насчет своих дел посоветоваться не с кем-нибудь из людей стопроцентно серьезных и положительных, а с Васей Коробкиным, который для некоторых выглядит шутом гороховым, ни на что более не способным, кроме как плоско шутить и при всяком затруднении, требующем высказаться по существу, нахально поглядывать на часы и улепетывать, вместе с ветреной Танечкой Эпикуровой, в буфет, чтобы оказаться по своему обычаю в первых рядах на раздаче блюд. Ошибки тут вполне возможны, и давно пора о Коробкине чуть-чуть подробнее рассказать.

...Вася Коробкин явился к ним в группу из загадочно-

го конструкторского бюро, покинутого им — по своей или чьей-то воле — опять же при загадочных обстоятельствах. Представился: Василий Дмитриевич Коробкин, даже титул какой-то присочинил, но уже через неделю никто, кроме Никитенко, его по имени-отчеству не называл, просто — Вася или наш Вася. Говорили, будто на прежнем месте он не сошелся характерами с своим непосредственным начальством, возник жуткий конфликт, и Васю бурей прибило к их группе. Имела хождение и другая, тоже правдоподобная, версия, из которой следовало, что пострадал он из-за пристрастия к хмельному: как раз усилилась борьба с зеленым змием, а Вася, похоже, не сразу сориентировался, за что и полетел. Больше других на этом предположении настаивал Никитенко, принимавший за чистую монету Васины бесшабашные разговоры насчет пивка, а главное, насчет того, что талантливый человек без напитков, мол, жить не сможет. Никитенко, услышав такую чушь, заводился с полоборота, и непонятно было, что больше всего его возмущало — Васино своеволие в разговорах или прозрачный намек на не бравшего в рот Антония Карповича, который считал себя тем не менее чрезвычайно способным работником. У него в самом деле имелось одно замечательное свойство: Никитенко был придирчив и осторожен до крайности, и если сам ничего из ряда вон выходящего выдумать не мог, то уж чье бы то ни было недозрелое предложение, заманчивая, но недодуманная идея или рискованный прожект через него еще никогда не проскочили. Кем и когда это было заведено, никто, даже Ада Глебовна, не помнил, но Никитенко играл у них роль самодеятельного ОТК, неподкупнейшего эксперта, за которым Иван Афанасьевич, руководитель группы, чувствовал себя как за каменной стеной.

Впрочем, скорее всего никто этого не устанавливал, приказом тем более не проводил — само собой так сложилось. Не только за Никитенко, за каждым в группе непроизвольно, без всяких письменных или устных установлений, закрепилась какая-нибудь особенная роль, в прямом или косвенном соответствии с его характером. За Васей Коробкиным — разбитного рубахи-парня, насмешника и весельчака, инженера не без задатков, но ненадежного, за которым нужен глаз да глаз. Иван Афанасьевич, видя это, поощрял стремление Никитенко взять Коробкина под неусыпную опеку и даже в каком-то от-

чете, правда, не афишируя в коллективе, отметил, что Антоний Карпович выполняет, и выполняет активно, принятые им добровольно обязанности наставника.

А на днях во время общего перекура Коробкин и Сухарев остались на минуту вдвоем; вокруг стояла тягучая тишина, коридор будто вымер.

— А не устроить ли нам, Владим Палыч, забег «в ширину»?

Сухарев, занятый своими отнюдь не веселыми мыслями, от неожиданности вздрогнул, его поразило не Васино, привычно ерническое предложение, а то, с какой несвойственной ему злостью произнес Коробкин эти слова.

— Вы, я надеюсь, «Калину красную» видели в свое время. Помните, как там Егор Прокудин до смерти тосковал? Болото у нас, Владим Палыч, тоска! Поставить один завалящий робот, а всех нас, как тараканов, по щелям разогнать... Что, вы думаете, не справится? Еще как! Я студентом такие колесики-винтики вычерчивал, все эти кружочки и квадратики. И теперь черчу. А ведь я инженер. Когда-то был инженером. Серьезные вещи делал... Э, да что вспоминать!.. Выдавили меня, Владим Палыч, из настоящего дела. Убрали, как мусор со двора.

Сухарев молчал, не понимая, зачем Вася завел этот разговор, куда он клонит, чего от него можно ждать.

— Высунулся я, ну и сгорел, как пробка. Знаете, почему динозавры вымерли, а клопы до сих пор чужую кровь преспокойно пьют? Динозавры высовывались, а клопы — все по щелям, по щелям... Впрочем, это к делу не относится. Вот вы, талантливый человек, почему вы смирились? Неужели не понимаете, что Дим Андреич вас держит для фирмы: как же, наш Сухарев — голова, идей масса... Создаем ему все условия... А какая из ваших идей в производство пошла? Чем вы похвастать можете? Стыдоба! Извините, если обидел, считайте — шучу. Я же шутник, генератор смеха. Один такой обязательно должен быть на коллектив. По штату положен. Ну я и шучу. А ведь был инженером. Почти как Ада Глебовна...

Вася отбросил в урну пустую пачку сигарет, попросил:

— Не угостите? Спасибо. Хотя и вредно, если верить Тонь Карпычу... Вам, кажется, неинтересно? Я — коротко, самую суть. Работал я там, в КБ, заместителем начальника отдела. Вкалывал как мог. И даже немножко

больше. Я, Владим Палыч, без настоящей работы не могу, я сразу шутить начинаю... И начальник меня, можно сказать, со студенческой скамьи в люди вывел. Чуть не с первых дней стал выделять. Коробкин, Коробкин... На Коробкине для него свет клином. Своим заместителем сделал, направо-налево всем говорил: вот мой ученик, мой наследник. Только, мол, стукнет шестьдесят — сразу на пенсию, его рекомендую... Дорого мне иной раз выходили его похвалы. Как же, любимчик шефа! Не по заслугам честь. Другие вон упираются, а мне, вишь ли, все на блюдечке с голубой каемочкой: бери не хочу. А что — их можно понять, тоже достойные люди. У меня, честно признаться, руководящих способностей категорически нет. И не тянулся я к этому креслу. А теперь и вовсе — аллергия...

Ну это так, лирическое отступление. Окажись на моем месте другой, ему бы тоже не поздоровилось. Впрочем, не знаю. Может быть, как раз наоборот, если бы цепкий попался... Шеф мой пенсионный рубеж перемахнул, тут-то вся каша и заварилась. Юбилей скромненько справил, шуметь особо не стал. Эдакий, знаете ли, святой, чуть не херувим, подвижник, не для славы всю жизнь старался — для дела. Клюнули на приманку!.. Насчет пенсии — полностью передумал. Я, Владим Палыч, поверь, и не хотел тогда с ним расставаться. Честное слово даю, ни о чем и не думал. Я ведь действительно его ученик, многому у него научился... А потом вижу: шеф мой круто повернул, на 180 градусов. Бывало, какую-то мелочишку ему предложу, на грош пятаков, он ее — на ура и мне — зеленую улицу. Мужик-то авторитетный, пробивной. А тут о серьезном деле ему говоришь, мнется: надо подумать. Неделю думает, месяц. Напомнил: думаю. Еще раз напомнил, он в крик: что ты себе воображаешь? И через неделю — обратный ход, рубит мою идею на техсовете. Под корень рубит, вместе со мной рубит, а умный ведь был мужик, понимал, что предлагаю дело. Не мог не понимать.

С тех вот пор и завертелось. Слухи кругом пошли: выталкивает нахал Коробкин любимого шефа. На пенсию выпроваживает. Не терпится его место занять. И конечно, соответствующие подробности, из которых и дураку ясно, что я полный нуль. И скандалист, каких свет не видел. Хотел я к главному на прием — духу не хватило. Что я ему скажу? Сказать было что, если о деле. А он-

то уже проинформирован, он решение шефа уже поддержал. Теперь — задний ход не дашь, себе дороже.

Так и шло, пока мы одно задание не провалили. Тут уж — комиссия, проверка, вагон бумаг насоставляли. И решили, как Александр Македонский, не развязывать узел, а разрубить. Шефа на пенсию, мне — строгача и добрый совет переменить место работы. Главный вызвал: понимаю, не ты виноват, проглядели мы ситуацию. Но вот коллектив, дескать, нас не поймет, если тебя оставим... Верно: и я уже грязью оброс, отмыться не так-то просто. Попробуй-ка докажи, что не верблюд.

Вот, Владим Палыч, суть моей одиссеи. А заодно и моей сегодняшней позиции в вашей проектной группе. Нет у меня позиции. Роль есть, записного остряка, а позиции нет. Смотрю, как вы маетесь, зло берет — шутить начинаю. Самому от своих шуточек тошно, а замолчать, остановиться — уже не могу. Привык к маске. Сломался. Был такой фильм, или рассказ я читал: надел человек маску, а она к нему прилипла — не отодрать... Кстати, вы анекдот слыхали? Жена костерит мужа: чудак, мол, ты. Из чудаков чудак. И даже в конкурсе таких, как ты, чудаков займешь только второе место... В общем, понятно. Так это про меня... Пошли, Владим Палыч, к нашим баранам, я хотел сказать — столам. А то мой наставник Тонь Карпович уже, наверное, мечет икру: куда это я запропастился?..

Собственно, Сухарев про себя тоже кой-что подобное мог ему рассказать. Его тоже по головке не гладили, когда был поершистее, помоложе. Да и было ли это когда или только кажется, что было? Уже и забыл, при каких обстоятельствах маску рассеянного таланта на себя нацепил... Теперь-то вошло в привычку, стало второй натурой, уже не бьет по самолюбию, даже приятно. Удовольствие доставляет. Приспособился... С кем не бывает? Один инженер, читал Сухарев в газете, тот прославился тем, что кофты-блузки для женщин искусно вязал. На работе номер отбудет, а дома — спицы в руки и пошел вывязывать... Нашел себя.

Да, но как все же его заветная тетрадка попала в руки к заказчикам? Не сам ли Дмитрий Андреевич передал? Вполне мог случиться подобный казус, если, как утверждает Вася, шеф держит его «для фирмы», чтоб лишний раз где-то козырнуть, а сам давно поставил на нем жирный крест. И поделом тебе, Владимир Павлович,

раз позволяешь с собой, будто с куклой играть. Ну да, шеф, наверное, так и рассчитывал: пусть, дескать, посмеются над сухаревским прожектом, над его фантазиями, войдут в положение. Новые агрегаты, видишь ли, придумал, а где, извините, их нынче возьмешь? Пока дашь заявку, пока она по инстанциям будет кружиться, обрастая визами, — за это время не то что завод построить можно, а и новый еще заложить. Да и где принимают такие заявки? Нет уж, дорогие заказчики, берите что есть, не требуйте черт-те чего. Мы же не фокусники... Поймут. Как не понять, с них ведь тоже за сроки спрашивают, их по головке не погладят, если что.

Тогда чего ради Дмитрий Андреевич наводит тень на плетень, вешает ему лапшу на уши? А может, Нина Сергеевна удружила? Что-то уж очень часто все линии сходятся к ней, и с этой тетрадью, и с той же справкой — никто, кроме Нины Сергеевны, ее и в глаза не видел. Нет, это просто нелепость — она и понять-то неспособна, что там, в его тетрадке, написано, дело он предлагает или безделицу. Там же одни чертежи, эскизы, а Нина Сергеевна не инженер... Справка — да, тут она могла на весь свет растрезвонить, повод для сплетни вполне подходящий: женщина, поезд — ну, прямо кино, мелодрама, захватывающий детектив... За что она его так невзлюбила? А может, другая причина — скука, женское любопытство, страсть позлословить да заодно показать, что причастна отдельским тайнам, что и от нее кое-что зависит в судьбах других сотрудников...

Все-таки насчет заявления он погорячился, поддался минутному настроению. Может, как раз теперь настает его звездный час. Если заказчик от своего не отступит, момент подходящий, чтобы им, Сухаревым, задуманное обрело наконец черты технического решения, стало проектом, потом — новой технологической линией, производством, и производством не вчерашнего, а, может быть, завтрашнего дня. И тут — уйти, хлопнуть дверью, встать в позу обиженного... Кофты начать вязать или крыжовник выращивать... Ну уж нет! Есть же и у тебя, Владимир Павлович, характер, есть самолюбие, не тряпка же ты, в конце концов! Ну пусть злословят, пусть треплют имя, пусть сорок сороков напридумают, если кому-то без этого нельзя... Не так уж, черт подери, и плохо, что есть пока на свете женщины, которые из-за любви неотвеченной, неразделенной бросаются под поезда.. Дура, конеч-

но, дура, особенно в глазах тех, кто рвет страсти на части только в очередях за какой-нибудь импортной тряпицей, за мишурой. Если бы она в самом деле кинулась на рельсы из-за него, из-за Сухарева, можно бы себя и зауважать... Тогда бы, глядишь, и жена не говорила: посмотри-ка, мол, старый пень, на себя. Дедушкой тебя не называли? Скоро назовут...

— Ну что будем делать? — раздался рядом привычно игривый голос Коробкина. — Не ударить ли нам по пивку?

Оказалось, вся группа уже вернулась с обеда, и, как успел заметить Сухарев, от прежнего минора ни у кого не осталось и следа.

— Напоминаю, — торжественно произнес Никитенко, — в пять часов — производственное совещание, явка обязательна для всех. Вас, Владимир Павлович, предупреждаю особо — будем заслушивать ваш вопрос.

— Раньше надо было заслушивать, — вмешалась Аделаида, — когда проект не сгорел. А вы всегда — после драки.

— Не было указаний, — невозмутимо ответил Никитенко. — Вопрос не был подготовлен до конца.

— Когда же вы успели? — съехидничал Коробкин. — Я видел, Тонь Карпович, как вы в буфете с котлетами расправлялись, и вдруг — вопрос.

— Что хоть обсуждать-то будем? — вступила Танечка, у которой на вечернее время был, очевидно, намечен совсем иной план. — У меня, Антоний Карпович, дела.

— У вас, Татьяна Борисовна, — упиваясь своею властью, сказал Никитенко, — всегда дела, вы не хотите жить одной жизнью со всем коллективом.

— А что я такого сказала? — смутилась Танечка, складывая в пухлую косметичку миниатюрные пилочки и щеточки. — Я только спросила, что мы собираемся обсуждать.

— Характеристику на инженера Сухарева, — сменил гнев на милость профорг и добавил: — В порядке эксперимента. В связи с новым положением документы на аттестацию сотрудников должен готовить сам коллектив, где и дать оценку как положительных качеств, так и недостатков, которые надо устранять. Поскольку мы еще не накопили опыта, решено в порядке эксперимента выбрать по одному человеку из каждой группы и, так сказать, их прокатать. В нашей группе выбор пал на веду-

щего инженера Сухарева, которого нам сегодня и предстоит обсудить.

Никитенко вынул из ящика, где хранил профсоюзное делопроизводство, знакомую синюю папочку с надписью «Сухарев В. П.».

— Я набросал проект характеристики, Дмитрий Андреевич ее уже просмотрел. У него нет принципиальных замечаний.

Сухарев, как во сне, следил за манипуляциями профорга с той самой папочкой, которая стоила ему стольких неприятных минут.

Вася Коробкин, воспользовавшись замешательством, схватил папку со стола Никитенко, раскрыл ее и, прочитав вслух подпись «Группа товарищей», захохотал:

— Так это ж, Тонь Карпович, некролог. Позвольте полюбопытствовать, когда состоится гражданская панихида?

— Отдайте документы, — побагровел Никитенко, — что вы себе позволяете?

— А что? — заартачился Вася. — Могу я узнать, что мы написали о своем безвременно усопшем товарище по работе?

— Отдайте, я вам говорю, документ. Нашли над чем зубоскалить. Следующая характеристика будет составлена на вас, Коробкин, и я посмотрю, как вы станете реагировать на нелицеприятную критику со стороны коллектива.

— Когда будете сочинять про меня, — попросил Коробкин, — возьмите за образец представление к награде. Нет, правда, товарищи, я не хочу раньше времени помирать. А медаль или лучше орден мне бы никак не помешали. Посмотри, Танечка, он в самом деле переписал все это с какого-то некролога: «На всех постах, которые поручались тов. Сухареву, он...»

— Ну и что, если с некролога? — обиделся Никитенко. — Надо же было найти подходящую форму.

— Ну и шутки у вас, Антон Карпович, — холодно сказала Аделаида. — Все знают, как я отношусь к некоторым изъянам в поведении Владимира Павловича, но некролог — это уже через край. Неужели и Дмитрий Андреевич одобрил эту галиматью?

— Во всяком случае, вернул без малейших поправок, — гордо сказал Никитенко. — А это значит, вполне одобрил. Здесь, кстати, приложена справка: «Дана тов. Сухареву в том, что 17 февраля сего года, когда он проезжал

в метрополитене, движение поездов было остановлено по техническим причинам — в скобках: какая-то пассажирка из-за своей неосторожности уронила на рельсы сумочку и, вместо того, чтобы сообщить об этом дежурной по станции, спустилась на путь, чтобы ее достать».

Вася Коробкин, повиснув на кульмане, стонал от хохота, даже Аделаида и та заулыбалась.

— Поздравляю! — наконец пришел в себя Вася Коробкин. — Это же убийственный документ. Не выпускайте его из рук, Никитенко! Другого такого не будет... Я разочарован в вас, Владим Палыч. Я-то думал, вы действительно сердцеед. Придется вносить поправку.

...Дмитрий Андреевич, решив еще раз ознакомиться с содержанием синей папочки, не обнаружил ее на своем столе.

— Нина Сергеевна! — включил он селектор. — Вы не знаете, где документы на инженера Сухарева?

— У профорга группы, — ответила секретарша, — у них сегодня собрание.

— И что они собираются обсуждать? Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Минут через десять Нина Сергеевна выскочила из кабинета шефа, беспричинно поправляя и без того безукоризненную прическу; краска пятнами разлилась по ее лицу.

— Инженера Сухарева просит зайти Дмитрий Андреевич, — скоро справившись с волнением, сказала она в телефонную трубку и тут же забарабанила пальцами по клавишам пишущей машинки, в которую был заложен какой-то документ.

— Ну что, Владимир Палыч, — энергично сказал начальник отдела, — вам карты в руки. К назначенному сроку проект должен быть готов. Я думаю, вы еще не успели сочинить заявление? Ну вот и хорошо. Давайте будем работать. Я посидел над вашей тетрадкой: заказчик наш совершенно прав. Но почему же вы не зашли ко мне с этим раньше?

— Я заходил, — сказал Сухарев. — Нина Сергеевна меня не пустила, я ей оставил тетрадку и ушел.

— Да-а, — поморщился Дмитрий Андреевич, — с каким-нибудь пустяком — каждый рвется, будто нашел точку опоры, чтобы земной шар повернуть. А если по важному делу — скромничает: передал секретарше тетрадку и был таков.

— А что я, по-вашему, должен был делать?

— Ворваться сюда и доказать, что отныне мы все должны поступать так, как написано в вашей тетрадке. Так и никак иначе. Надо, голубчик Владимир Палыч, уметь свое мнение отстаивать. Бороться за свои идеи. Борьба в нашем деле — естественное состояние.

— Естественное состояние, — резко возразил Сухарев, поддавшись уговорам, — не борьба, а работа. Нормальная работа. Можно задать вам встречный вопрос? Все же я не пойму, как вот эта тетрадка попала к заказчику.

Дмитрий Андреевич, не отвечая, вышел из-за стола, с минуту ходил по кабинету.

— Раньше я думал, — наконец обернулся он к Сухареву, — что отделом руковожу я, и только я. Что я знаю все и вся, держу в руках все нити... Оказывается, совсем не так. Я кабинет занимаю, исправляю, как говорили раньше, должность. А решает, кого к тебе пропустить, кого придержать, кого отвадить, — она, Нина Сергеевна. Ее величество технический секретарь. А я, каюсь, даже ее фамилию не потрудился запомнить: Нина Сергеевна — и все. Утром скажешь ей мимоходом: у вас сегодня какая-то необыкновенно красивая прическа. Или: вам эта блузка очень идет... Оцените, мол, какой у вас добрый, внимательный начальник! А знаете, скольких начальников она здесь пересидела? И с каждым умела сработаться, каждым по-своему управлять... Большое искусство! Знаешь, Владимир Палыч, — шеф неожиданно для Сухарева перешел на «ты», — знаешь, как та синяя папочка на стол мне попала? Раскрою тебе маленький секрет. Мы тут решили новую форму аттестации кадров внедрить у себя. Привлечь к оценке деловых качеств своих коллег рядовых сотрудников. Для начала — в порядке эксперимента. Так вот Нина Сергеевна по ошибке твою характеристику не туда положила, подколола ее к бумагам из вышестоящих инстанций. А раз из инстанций, положено реагировать: мне же, голубчик, ответ держать... А ваш проектик она по-другому оценила: несолидная бумаженция, не документ, раз в простой да еще и помятой школьной тетради. Уловили разницу? Соответственно и держала его у себя на столе. Спросят — вот он, не спросят — значит, не очень-то и нужен, пусть валяется. Ну и попался он на глаза одному из приезжих. Они, пока меня ждали, давай его листать... То-то я обратил внимание,

когда вошел, что они шушукаются над какой-то зеленой тетрадкой. И конечно, зацепились. Там, шумят, свежие идеи, а мы будто бы собираемся им старье, допотопную тухлятинку запродать... А ведь только и оставалось бумаги подписать — все уже было согласовано. Еле их уломал...

— Значит, не пригодилась тетрадка? — упавшим голосом спросил Сухарев, только теперь осознавая, для чего шефу понадобился и столь длительный разгон в их теперешнем разговоре, и самокритика, и гневные выпады против якобы всесильной Нины Сергеевны, которая слышать их не могла.

— Как же не пригодилась? — слишком горячо возразил Дмитрий Андреевич, приятельски обнимая ведущего инженера. — Еще как пригодилась! За этим, Владимир Палыч, будущее. Настанет время. Ты меня, думаю, понимаешь, я должен был... должен был не торопиться. Учитывать тысячи обстоятельств. В сроки не уложились — конечно, не трагедия, но и лавров нам всем не принесет. Подожди, подожди, главное не в этом. А если в твоем проекте какая-нибудь закорючка не оправдает себя, потребует переделки? Второй раз никто нас с тобой и слушать не станет: обещали чудо — так положите его на стол. А у нас журавль в небе, его еще не знаешь, как и подстрелить. Зато в плане синица заложена. Синица, конечно, мелкая птица, но ведь — в плане, и ни я, ни ты не имеем права ее отменить. Не имеем — вот в чем, голубчик мой, суть вопроса. Ну да ты не расстраивайся, не кисни — проверим, отладим, убедимся и других убедим — тогда с богом, Владимир Палыч, дерзай! Все включимся. Я — первый.

Дмитрий Андреевич тяжело опустился в широкое кресло, наполовину скрывшись за массивным столом, просунул ладонь под пиджак, потер левую сторону груди:

— Давит чего-то. Погода, что ли, меняется. И этот проклятый кофе...

Сухарев медленно, осторожно привстал, словно после долгой болезни: ничего, ноги держат, голова не кружится. Если что и осталось от хвори, об этом пусть знают лишь медики. Ну, всего тебе не сказали — так ведь есть же врачебная тайна, чего же ты возмущаешься? Ах, тебя обманули, обвели вокруг пальца, как последнего простофилю, как несмышленыша... Но ведь умно обманули, смотри, как ловко обставили: все — за, никто не про-

тив, с кем спорить, с кем воевать? Дмитрий Андреевич — тот тобой не нахвалится, даже на «ты» перешел, на дружескую ногу... «Послушай, дорогой Владимир Палыч... Пойми и меня, голубчик... Я должен учитывать тысячи обстоятельств...» Не иначе — отец родной! Смотри, как душевно он улыбается, прямо расплылся в улыбке. Золотой человек!..

— А за синюю папочку не обижайся, мало ли что бывает. Забудь. Надо людей приучать, развивать демократические начала... Нину Сергеевну я серьезно предупредил. По глупости она это сделала или умышленно — кто же теперь установит? У нее, сам понимаешь, тоже бывают разные обстоятельства. Человек не робот. Одинокая женщина, сына воспитывает без отца... Я и сам на крючок попался, тоже не сразу сообразил, что к чему.

— Так ведь все правильно там написано, в этой синей папке, — неожиданно для себя сказал Сухарев, — абсолютно как есть. Очень полезная форма.

— Ты так считаешь? — обрадовался Дмитрий Андреевич. — Я тоже так думаю. Издержки, конечно, будут, не без того. Но начинать с чего-то надо!

Проводив Сухарева до двери, Дмитрий Андреевич вернулся к своему массивному столу и долго сидел молча, думал. Думал он о том, что Сухарев в общем-то ничего мужик, сообразительный, что с ним все, слава богу, уладилось, и уладилось хорошо, и что никто ему, Дмитрию Андреевичу, ничего поставить в вину не сможет. Уладилось дело! А ведь конфликт назревал! Стоило ему чуть-чуть пережать, чуть быстрее крутнуть педали... Нет, правильно в газетах пишут, доверие к кадрам — это все. Заказчик бы только опять не заартачился... Ничего, прижмем: не ваша ли это подпись под документом? Ваша. Ага, тогда в чем дело? Синицу вам, вишь ли, подсунули вместо журавля. Так это еще как посмотреть. Есть ли он вообще, пресловутый журавль, или одни предположения, догадки?

— Нина Сергеевна, — нажал он кнопку селекторной связи, — с этой тетрадки, ну, сухаревской, зеленой, никто из заказчиков копии не снимал? Выписывали, вы говорите? Как это вы недоглядели! Нет, нет, голубушка, все, что на стол к вам попало, все — документ!

Дмитрий Андреевич выключил связь, с досадой отпихнул на дальний угол стола злополучную сухаревскую тетрадку. С этим Кулибиным еще намучаешься, будь он

неладен!.. Может быть, и в самом деле, уволить его за нарушение трудовой дисциплины, и все дела? Пожалуется? Пусть пишет. Сам же признал: все в характеристике правильно, ничего не отрицает. Подумаешь, Моцарт! А мы что — Сальери? Какая чушь! А все-таки... Какой-то он... неудобный, несовременный человек... вечно доставляет всему коллективу хлопоты. Ну а если и не увольнять пока, то надо... как можно скорее надо поставить его в рамки дисциплины. Нечего по утрам прохлаждаться, пусть вкалывает как все, от и до. Посмотрим, как это у него получится... И как с разными идеями тогда у него будет...

Зеленая тетрадь, как ни отворачивался от нее Дмитрий Андреевич, все время торчала перед глазами. Даже спрятав ее в нижний ящик стола, он не мог отвязаться от видения. Черт-те что, не дает работать! Хоть бы кто позвонил, отвлек от этих дурацких размышлений... Назло никто не звонит. То кнопки нажимать не успеваешь, а тут — никому дела нет... Что все-таки предлагает этот Сухарев? Тюфяк он, а не мужчина. Если уж что-нибудь дельное придумал, так разъясни, добейся, чтобы тебя все поняли, все поддержали... Народ нынче пошел!

Дмитрий Андреевич не удержался, открыл наконец тетрадку. «К вопросу о проектировании...» Ишь ты, профессор, придумал название! «Преамбула». Не иначе — дипломатический документ, договор об отношениях между двумя крупными державами... «Стало общим местом ссылаться на нехватку рабочих рук». Не много ли на себя берете, товарищ Сухарев? Стало общим местом... А разве не так? Потребности наши огромны, строим много — заводы, шахты, атомные электростанции... Кадров не наберешься. При чем тут «общее место»? «По моему убеждению, не хватает не рук, а голов. Умных голов. Возьмите любое производство. Везде нынче уже не столько руки нужны, сколько умные головы, инициативные, думающие люди». Нет, он, похоже, не инженер, а доморощенный философ. Ему в вузе лекции читать, дурить студентам головы. Или, еще лучше, в академическом институте, где нет жестких планов...

— Зайдите, пожалуйста, Нина Сергеевна. Передайте эту тетрадь главному инженеру проекта. Пусть теперь у него голова поболит. Да, да, от моего имени. Пусть изложит свои соображения. Кстати, а где та синяя папочка с материалами на инженера Сухарева? Ах да... Опять вы поторопились! Не надо возвращать. Подумает, я свожу

с ним счеты. Пригласите-ка лучше Никитенко. Пусть зайдет. Да и принесите мне, пожалуйста, чаю. Можно с лимоном. Заранее спасибо.

...Вася Коробкин поджидал Сухарева в коридоре:

— Ну что?

Сухарев поправил очки, долго смотрел на Васю, будто не узнавал:

— Все то же, Василий Дмитрич. Закончили с чертежами?

— Аделаида последний лист начала. К вечеру будет готово.

— Хорошо. А расчеты?

— Само собой.

Вася не отходил, ждал чего-то. Сухареву ни о чем не хотелось говорить, но было больно обмануть Васины надежды.

— Будем бороться. Тряхнем стариной.

— Обидно, Владим Палыч, что все так кончилось, — печально сказал Коробкин. — Я имею в виду с женщиной в метро. Мы ее чуть ли не Джульеттой считали, а она, вишь ли, сумочку уронила. Помаду небось пожалела. Наверно, импортная... А может, враки? Не так все было? Ты борись, не уступай.

Сухарев рассеянно посмотрел на собеседника, махнул рукой:

— А за что бороться, Василий Дмитрич? Коперник открыл, что Земля вокруг Солнца вращается, и то не шумел. Джордано Бруно пошел на костер, так ведь за что? За новый взгляд на мироустройство! Он хотел людям глаза открыть, научить их видеть по-другому... А какая разница, если вместо агрегатов УТП-6 установить ПН-12? Пусть они даже сверхсовременные... Кого это колышет? Пока идейку свою пробиваешь, пока строить будут завод, все это станет позавчерашним днем, старой рухлядью. Разве в этом дело?

— А может, все-таки из-за несчастной любви? — не унимался Коробкин. — Кто про такое в справке напишет? Смеяться же будут, если написать...

— Ну, Дмитрия Андреича подвинут, другой придет — кто поручится, что лучше? Вот если бы добиться, чтобы нормально работать было так же привычно, как ходить... Кажется, все для этого есть, все к тому призывают, а вот, понимаешь ли, из всего делаем проблему.

— Вы, Вадим Палыч, не отступайте. Поезжайте к

ним, потребуйте, чтобы написали, как все было. Чего они, в самом деле, финтят?

Вечером Сухарев привычно шел к станции метро, машинально обходя встречный поток людей и стараясь ни о чем не думать. Вдруг в голове его само собой, непроизвольно включилась все та же кнопка, о которой он в суете последних дней успел подзабыть, и задорный, приятный голос Людмилы Гурченко запел для него одного: «Все дело в том, что в дилижансе, все дело в том, что в дилижансе, все дело в том, что в дилижансе свободных мест, представьте, нет». И Сухарев в ритме песни ускорил шаг и только удивился, почему так давно эта чертова кнопка в нем не включалась, а тут на тебе — включилась: неужели все возвращается на круги своя?

Он свернул в сторону, сел на троллейбус, потом ехал автобусом — добирался домой часа полтора.

— Город захотел посмотреть, — объяснил он дома. — В метро, конечно, быстрее, но иногда надо же и на город посмотреть. А что увидишь из подземелья? Знаешь, Ира, вроде к весне повернуло. Март не за горами.

●

СТИХИ МОЛОДЫХ

Валерий ЧЕРКАШИН

РАВНЕНИЕ

СМЕНА

«Пост принят!»
Сквозь метель и темень
шагать в сугробах не устав,
сержант
в положенное время
разводит смены
по постам.
Машинный парк —
с казармой рядом,
а за годами,
там, в снегу, —
в семнадцатом,
и в сорок пятом,
и на амурском берегу
бойцы других подразделений
ушли в дозор,
штыки примкнув.
Посты времен и поколений —
один тревожный караул.
Солярной гарью
пахнет воздух;
сжимает стужа кулаки.

«Пост принят!» —
и ушли на отдых
фронтовики.

ВОЕННЫЕ ГОРОДКИ

За кольцами автобусных маршрутов,
от суеты и моды далеки,
бессрочную размеряв по минутам,
живут — все время служат городки.

Побудку им чуть свет играют трубы.
Осмотры учиняет старшина.
А если строевым ребята врубят —
оглохнет, онемеет тишина.

Не разлучиться мне, не разминуться,
как с собственной солдатскою судьбой,
с привычной их готовностью в минуту
по первому сигналу выйти в бой.

И до подхода свежих подкреплений
держать знамена славы над собой.
Здесь происходит смена поколений
на рубежах истории самой.

Здесь гарью выхлопной подмешан ветер,
помечен вечер мартовский свинцом.
Здесь молодость повернута к планете
суровым и обветренным лицом.

ЭХО ВОЙНЫ

...Потом говорили:
разъело металл;
взрывать надо было
                    на месте.
И парня жалели,
а взводный писал
родителям горькие вести:
«За сорокалетьем
осталась война,

а взрыв ее
вскинулся рядом...
До вашего сына
достала она
проржавленным
старым
снарядом».

РАВНЯЙСЬ!

— На правый фланг
равняйсь! —
а там,
все переслуживая сроки,
стоит
прошедший по фронтам
ефрейтор:
тихий, невысокий...
У гимнастерки
дымный цвет,
любовь и гнев
во взгляде твердом.
Ему все те же
двадцать лет,
как в феврале
в сорок четвертом.
Над ним
звезда его горит,
и на ветру
трепещут флаги,
а он
который год стоит
в строю,
на самом правом фланге.

* * *

Все учтено наверное:
пространства,
число ракет,
резерв станиц и сел;
подсчитаны природные богатства...

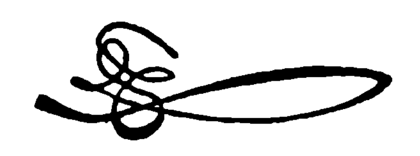
И все ж
стратег заморский не учел:
в строю они —
партийцы сплава редкого, —
матрос
в нахлесте пулеметных лент,
и политрук
с разъезда Дубосеково, —
и честь моя,
и мой боекомплект.

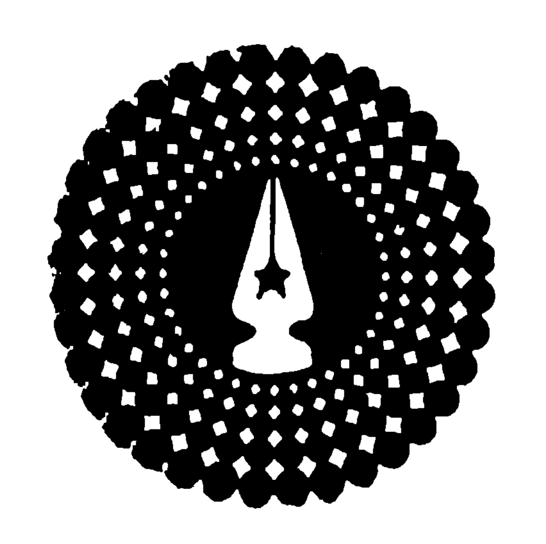
* * *

Не опасаюсь громких слов,
от них не заслоняю уши,
когда захватом на излом
беда испытывает души.

Тогда: «Отчизна или смерть!»
Тогда клич: «Не Москва ль
за нами!»
Тогда священны гнев и месть,
как наше полковое Знамя.

Но в час, когда однополчане
надежно числятся в живых,
я чутко слушаю молчанье
суровых слов прифронтовых.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Александр ГУСАКОВ

СЛАДКИЙ ЛИМОН ЗАЙНИДДИНА

— Без детей как без часов: никогда не знаешь своего точного времени, — сказал хозяин сада, разливая в пиалы «летний» — зеленый — чай. — А у меня было тогда уже восемь ребят, и я видел, как они быстро взрослеют, а я старею... Дело, которое я затеял, требовало времени, нужно было терпеливо ждать не год и не два — гораздо больше.

Старый садовник чуть прикрыл тонкими веками глаза и стал похож на восточного мудреца. Как и положено мудрецу, он прихлебывал свой чай маленькими, изысканно-вежливыми глотками.

— Но если есть азарт, — складки в уголках его губ разгладила улыбка, — человек может много успеть. Я вот сын дехканина, внук батрака, правнук раба — кое-что все же успел. И дело не в том, что с семью классами за плечами попал прямиком в почетные академики. Главное — я доказал то, в чем был уверен: самые прекрасные и прихотливые фрукты — цитрусы — можно выращивать и у нас в Средней Азии. Праздником праздников стал для меня день, когда я собрал с молодых деревьев первые четыре килограмма лимонов своего собственного сорта.

Высокая, сплетенная из винограда крыша над нами вдруг качнулась, шелест листьев вдруг превратился в шелест крыльев, и на плечо садовника во всем своем черно-белом щегольском блеске опустилась ручная сорока.

— Это мой страж и телохранитель, — представил он длиннохвостую непоседу. — Однажды, когда я задремал в саду, моя сорока спасла меня от змеи, которая подползла уже на расстояние вытянутой руки. Смелая птица бросалась на большую гадюку и громко кричала, пока не разбудила меня... У нас старики говорят так: «Где хранится богатство, туда приходят стеречь его и змеи». Может быть, на месте нынешнего сада когда-то оставил клад сребролюбивый Джамил-бай. А может быть, настоящим золотом сделался сам этот сад.

Он скользнул взглядом по аккуратным шеренгам лимонов, выстроившихся поодаль — за пышными кустами цветущих роз, и раскрыл большую, точно вместительный семейный альбом, книгу:

— На ее страницах мои гости оставили разные добрые слова об увиденном здесь. И по правде сказать, мне, старому человеку, очень приятно, что люди интересуются лимонным садом, который пустил прочные корни на узбекской земле.

Наверное, он гордился еще и своими именитыми гостями. Ведь посмотреть на дела его рук сюда, на окраину Ташкента, приезжали генералы и маршалы, писатели и министры, государственные деятели разных стран, знатные колхозники и рабочие, иностранные журналисты, космонавты. На каких только языках не благодарили они Зайниддина Фахриддиновича Фахриддинова! В книге отзывов можно найти строки, написанные на любом из европейских языков, на любом из языков наших народов, ее страницы украшают китайские и японские иероглифы.

Оказывается, у Фиделя Кастро удивительно красивый и аккуратный почерк. Запись, оставленная этим высоким гостем, — образец изящного, каллиграфического письма. «Трудно даже представить, — делился впечатлениями знаменитый кубинец, — что в таких суровых климатических условиях можно добиться столь заметных успехов в выведении цитрусовых. Ваши лимоны и мандарины самого превосходного качества. Поздравляю с замечательными успехами всех тружеников колхоза имени В. И. Ленина и особенно выдающегося селекционера, крестьянина Зайниддина Фахриддинова — человека высочайшего ума, огромной энергии и сердечности».

А вот совсем короткая запись. «Мы восхищены Вашим искусством, потому что Вы истинный художник, который работает с самым ценным для всех материалом — с живой природой», — так благодарили его журналисты из Франции.

«Большое Вам спасибо, дорогой Зайниддин Фахриддинович! — написал в книге академик Р. З. Сагдеев. — Вы возвращаете людям веру в то, что и в наш технократический век можно сохранить и приумножить чудеса природы. Вас можно считать современным Мичуриным, современным Циолковским. Надеюсь, что по всему миру разойдутся на радость людям Ваши сорта лимона. Привет Вам от работников космоса и низкий поклон, красивый Вы человек».

Я листал и листал эту книгу, а ручная сорока разгуливала у наших ног и теребила шнурки на башмаках старого садовника.

В глиняном бедном доме Фахриддина был сандал — круглый, устроенный в земле очаг, вокруг которого, плотно укладываясь рядками, ногами к огню спали все домочадцы. Еще была — одна на всех — телогрейка, две пары кирзовых сапог и несколько пар узконосых галош. Но было у этой семьи и богатство.

Однажды в награду за годы каторжного труда на хозяйском поле дехканин Фахриддин получил от Джамил-бая кусок земли.

— Я не жадный. Бери эту землю, разводи на ней сады, кушай урюк и персики, — рассыпчато смеялся бай и показывал рукой на известный в здешних местах бугор, который звался Елангач (Голая земля).

Бай был шутник. На пропеченном солнцем и просоленном бугре не могла выжить даже колючка. Здесь могли медленно превращаться в прах только обдуваемые ветром горячие камни.

День за днем Фахриддин сносил их вниз в надежде увидеть когда-нибудь землю. И он увидел ее — серую, сухую, мертвую. Чтобы дать ей воду, он стесал не один кетмень, шаг за шагом прокладывая через заросли камыша двухкилометровый арык... И увидела Голая земля первый сад.

Прирожденным садоводом оказался неграмотный крестьянин. В двадцатых годах о его чудесных деревьях знали уже многие в Ташкенте. «Один человек не может съесть один абрикос! — передавали друг другу люди. — Такие крупные плоды дает дерево в саду Фахриддина». На другом диковинном дереве росли яблоки сразу четырнадцати сортов. Свою яблоню посадил в отцовском саду и Зайниддин.

А еще он посадил орех. Обыкновенный орех, который дает первый урожай не раньше чем на десятый год. И это деревце он схоронил в той самой яме, где прятался, когда ловил соловьев.

— Знаешь, — сказал мальчик отцу, — хочу попробовать сделать так, чтобы орех поторопился...

— Тогда надо начинать готовить мешки. Скоро будем собирать урожай? — Фахриддин улыбнулся и погладил короткий ежик волос на голове своего любимца. — Только, сынок, я не знаю секрета, который бы заставил орех изменить законам природы. Десять лет есть десять лет.

После этого разговора мальчик дал себе клятву, что его орех принесет плоды — через пять.

Он вдруг стал смотреть на обычные деревья с таким жгучим любопытством, словно увидел их впервые. И однажды, забравшись на старый орех, неожиданно для себя возвысился до вполне самостоятельного открытия: «Вот они, орехи, висят только на боковых ветках... И если у моего дерева убрать прямой корень, чтобы он не хозяйничал и не гнал вверх бесплодную макушку, то боковые корни будут лучше питать урожайные боковые ветки...»

Увидев через год орешину, которую посадил в яме его сын, Фахриддин наморщил загорелый лоб: каким-то странным было это деревце. На второй год он удивился еще больше: «В чем дело? Орех не должен так расти». А когда на третий год вопреки всем незыблемым правилам на нем появились плоды, сказал сыну:

— Когда ты вырастешь, то станешь садовником, которым будет гордиться весь наш род... Постарайся, сынок, сделать так, чтобы мои слова сбылись.

Ну и кислятина! Все фрукты как фрукты, а от этого радость разве что умозрительная: он богат витаминами. Самых невзрачных яблок можно съесть и пять, и десять, не говоря уже о грушах... А лимонов? Много ли их нужно потребителю с нормальным вкусом? И если кто-нибудь думает, что из них делают лимонную кислоту, то он попросту ошибается: ее, эту кислоту, добывают из обыкновенной махорки. Правда, махорку в кофе не положишь, а лимон, кроме кофе, годится в чай, в солянку, в «лимонные дольки», в лимонад или, на худой конец, в шампунь. Правда и то, что старые фламандские живописцы любили добавлять его в свои натюрморты. Битая дичь и лимон. Отливающая серебром сельдь и лимон. Копченый окорок, букетик цветов, вяленая рыбка, вилка с деревянной ручкой, бокал вина и опять же лимон, наполовину очищенный. Смотришь, как нарочито закручивается в спираль его кожица, и добропорядочное эстетическое переживание поневоле уступает место несолидному восторгу: надо же так виртуозно и так кокетливо разделать самый ординарный фрукт!

Гораздо позднее светло-желтый и кислый образ воскрес уже не на полотнах славных живописцев, а на шипящих патефонных пластинках. «Ах, лимончики, вы мои лимончики, вы растете дома на балкончике», — сообщалось в столь же легкомысленной, сколь популярной песенке. Но песенке представитель цитрусовых был нужен для рифмы, а картинам для колорита. В Средней же Азии на базарах и без того колорит самый сочный: оранжевые дирижабли сладких, как мед, «гуляби», полупрозрачные неотшлифованные кристаллы сладких, как мед, «дамских пальчиков», неподъемные пушечные ядра сладких, как мед, арбузов. И все они — аборигены, все привыкли к умопомрачительному зною, все заслужили в своем отечестве громкую славу. А этому пришельцу из влажных субтропиков все здесь не так: зимой холодно, летом жарко и сухо.

Ну и привереда! Все фрукты как фрукты — растут в обычном саду: яблони растут в саду, вишни и сливы — в саду. А лимон — в лимонарии. «В лимонарии». Само слово отдает не то аптекой, не то планетарием.

Мне не кажется крамольной мысль о том, что человек, по уши влюбившийся в лимон, может приходиться дальним родственником герою чеховского «Крыжовника». Разница в характерах. Книжный персонаж, «зациклившись» на одноименной ягоде, довольно вяло мечтал о своем предмете, хотя и с аппетитом поедал ее потом даже ночью. А наш герой, заболев лимоном, пошел ва-банк, пошел на жертвы. Он бескорыстно взялся за гиблое дело, которое давало миллионные убытки, и превратил его в доходнейшее, приносящее миллионные прибыли. То, чего не сумели (не захотели? недодумали? не осилили?) сотни садоводов, агрономов и ученых, сумел сдвинуть с места он один — дилетант и самоучка. Оказалось даже, что в Узбекистане с его сказочным изобилием фруктов лимон есть именно то, чего здесь как раз не хватает. И в первую очередь не хватает хлопкоробам, которые днюют и ночуют на полях, обрабатываемых самыми сильными дозами самых сильных препаратов. Лимон служит «противоядием» от них, прекрасно выводит из организма всю эту вредную химию...

...Дошло до того, что Турабу Нормухамедову делалось кисло при одном упоминании о лимоне.

Тураб — председатель колхоза имени В. И. Ленина Орджоникид-

зевского района Ташкентской области, Герой Социалистического Труда. У Тураба длинные, как у запорожца, усы, и все давно заметили: если они висят вниз, просьбами руководству лучше не докучать, скорее всего откажет.

В тот день председательские усы под стать барометру пророчили близкую грозу, и она не замедлила разразиться. Молнии блеснули и гром грянул, когда в кабинет к Турабу вошел Зайниддин Фахриддинов.

— Уважаемый Тураб, — смиренно начал посетитель, — там бульдозер засыпает траншеи, в которых растут лимоны. Может, попробуем оставить несколько деревьев для теплицы? Вдруг они себя еще покажут?

— Покажут?! — взорвался председатель. — За десять лет они обошлись нам дороже каменного моста и не дали ни единого плода, а ты хочешь этими пустоцветами еще теплицы занимать? Белые медведи должны жить на севере, слоны — в Африке а лимоны должны расти в Грузии. Их проще и дешевле оттуда привезти, чем здесь вырастить. И всем, кроме тебя, это давно ясно!

Зайниддин почувствовал, как противная пустота подступила к сердцу и его удары громким эхом стали отдаваться в висках. Муха равнодушно путешествовала по председательскому столу Солнце старалось проникнуть в кабинет сквозь увитые традиционным виноградом окна.

— Все! — смахнул муху председатель. — Вопрос с лимонами считаю исчерпанным.

Зайниддин вышел из кабинета, плотно прикрыл за собой дверь, постоял минуту и вернулся обратно.

— Уважаемый Тураб, эти лимоны...

— Послушай, товарищ Фахриддинов, — перебил его председатель, — ты на самолете когда-нибудь летал?

— Летал. А при чем здесь самолет?

— При том. Он, когда идет на посадку, а сесть не может, заходит на другой круг. Так вот ты, — Тураб прищурил глаз и нацелился карандашом в грудь Зайниддину, — похож на тот самолет. Тоже на второй круг заходишь, только напрасно.

— Да мне эти лимоны нужны просто как защита от солнца. В теплице ведь цветам от него никакой жизни нет. А под тенью лимона и примула и цикламен будут чувствовать себя как в раю... В общем, отдайте мне лимоны и не платите ничего, пока не появятся плоды. Только не губите деревья.

— И ты будешь работать бесплатно? — усомнился председатель.

— Буду.

Тураб Нормухамедов бросил на стол карандаш, закрутил один ус в тугой каракулевый завиток и посмотрел на упрямца долгим, исполненным укоризны взглядом.

— Ладно, — сказал наконец хозяин кабинета. — Возьми два-три десятка деревьев. Но уж не взыщи: платить тебе наравне со всеми за то, что ты станешь заниматься зряшным делом, я действительно не намерен. Да и люди меня не поймут. Красная цена такой работе — половина трудодня.

С шестьдесят первого по шестьдесят четвертый год Зайниддин получал за трудодень вдвое меньше, чем остальные колхозники.

Теплица, ставшая его вотчиной, располагалась в нескольких шагах от чайханы. В теплице капризничали двадцать пять спасенных лимонов, над которыми колдовал новоиспеченный цитрусовод, в

чайхане веселились подгулявшие посетители, ели плов и самсу, пили из пиал чай, утирая платками потные лица. Ему казалось, что шум чайханы стоит у него в ушах даже ночью.

— Одним аллах дает аппетит, другим дает плов, — пошутил однажды завсегдатай чайханы, увидев, что обед Зайниддина состоит из куска простой лепешки. И Зайниддин еле сдержал себя. А потом до конца дня работал зло, на износ.

В четыре утра он бывал уже в теплице, пробовал рукой землю, ветви и листья деревьев. «С растениями, — учил когда-то отец, — нужно разговаривать на рассвете. В это время они сами скажут, что им нужно: тепла или прохлады, воды или удобрений. А как припечет солнце, все становятся одинаковыми и молчаливыми».

Что, собственно, они скажут? Что их, цитрусы, нужно выращивать в более подходящих местах, а здесь, на Голой земле, хорошо родятся камыши да верблюжьи колючки?.. В тридцати двух хозяйствах Узбекистана выкопали траншеи и посадили в них привезенные из Грузии саженцы. Эти траншеи расхваливались в книгах и статьях, признанные авторитеты пророчили скорые и богатые урожаи. Но вот минуло десять лет, и траншеи стали попросту засыпать: не пошли лимоны.

Конечно, теплица не траншея. В теплице лимону, который не спит все двенадцать месяцев, уютнее, особенно зимой, когда ударит мороз. И все же. Прошел год, другой, третий... До первого плода прошло пять лет.

Глаз прирожденного садовника точен и зорок, он подмечает невидимые простому смертному мелочи. К примеру, такую. Обычно стекла теплиц в колхозе старались отмыть дочиста, чтобы не потерять и малой толики солнечных лучей. А Зайниддин очень скоро уловил, что для лимонов больше подходят не чистые, а мутноватые стекла. И таскал приправленную песком воду из арыка, лил ее ведрами на прозрачную крышу своей оранжереи.

Тысячи раз осматривал деревца от корня до макушки внимательнее, чем врач осматривает больного. И опыт, и интуиция, и минутное вдохновение постепенно подсказали единственно верные ответы на вопросы: какими должны быть почва и удобрения? Какую температуру и влажность воздуха нужно поддерживать в теплице? Свое нетерпение он умел подчинить медленному ритму жизни деревьев. Лимонам спешить некуда... У них каждый плод зреет почти девять месяцев — целых три квартала!

Когда на деревьях засияли пятиконечные звездочки цветов, Зайниддин купил улей с пчелами и водрузил в теплице. Теперь, открывая рано утром ее двери, он вступал в маленький уютный мир, исполненный гармонии и ожидания. Пчелы перелетали с цветка на цветок, копили в сотах белый лимонный мед. От густого, жасминного аромата цветущих цитрусов и от предчувствия близкой удачи чуть кружилась голова. Уже появлялись первые, размером с горошину, завязи. Постепенно они становились крупнее, и густой зеленый глянец уступал место пронзительной желтизне. Боясь спугнуть долгожданное чудо, он обернул созревающие плоды соломой, и они стали похожи на птичьи гнезда.

В конце 1964-го Зайниддин зазвал к себе в теплицу председателя колхоза.

— Вот тот самый лимон, который пятнадцать лет не давал плодов, — сказал он гостю и преподнес ему на блюдце пупырчатое золотое солнце.

Председатель прищурился на него, как щурятся на настоящее светило, покачал его в ладонях и потянул из кожаных ножен прямой бухарский нож, чтобы снять пробу.

— Ух, какой вкусный! — чуть сморщился он, раздавив во рту тонкую душистую дольку. — Вот, значит, и у нас в Узбекистане появился лимон... А ты, брат, совсем черный стал, маленький стал....

Тураб Нормухамедов засмотрелся на похудевшего энтузиаста и распрямил свои достопримечательные усы. В колхозе имени В. И. Ленина началась эра лимонов.

Похожие на громадные аквариумы теплицы населялись уцелевшими еще кое-где цитрусами. И Зайниддин гонял на грузовиках в соседнюю Наманганскую область, чтобы забрать нежный неудобный груз — совсем взрослые деревья лимонов, которые так и не пожелали зацвести в траншеях. Вместе с колхозными садоводами растил собственные саженцы для новых и новых посадок. И уже с его легкой руки в лексикон колхозников прочно вошло непривычное поначалу слово «лимонарий». Рос лимонарий (общую площадь которого теперь начинали мерить гектарами) — росли и прибыли хозяйства, ведь культура цитрусовых повсюду считается одной из самых выгодных. А Зайниддин Фахриддинов возмечтал о своем, о среднеазиатском сорте лимона. О сорте, который бы легко переносил сорокаградусное ташкентское лето, который был бы щедрым, покладистым и давал замечательные по вкусу плоды. Таким виделся идеал. Оставалось вдохнуть в него жизнь.

Наверное, дивная тайна человеческой одаренности и избранности останется тайной на все времена, едва ли ее рассекретишь даже изысканиями на «молекулярном уровне». Вдруг обнаружится в человеке магнит, который начнет притягивать к едва заметной другим точке. И сила этого притяжения отчеканится в новую остроумную машину или хорошую книгу, зазвучит гениальной скрипкой, расцветет розой, а то обернется каким-нибудь хотя и прозаическим, но вполне необыкновенным укропом или лимоном... Совсем не ради оригинальности я хочу причислить к одним из самых смелых и дерзких занятий тихое, почти патриархальное ремесло селекционера. Его канонам мало подходят рывки, озарения и сиюминутная отвага. Здесь куда важнее мужество долготерпения и большой, прочный запас отпущенного тебе времени. И здесь всегда есть риск не уложиться в срок, окончить многолетние хлопоты обыкновенным пшиком... Раз — и упало яблоко Ньютона. Вот если бы так падали яблоки новых сортов!

В качестве героя очерка селекционер, как и скрипичный мастер, наверное, проигрывает летчику-испытателю или следователю МУРа. Там и действие и остросюжетность, а здесь сплошное однообразие, все та же ситуация. Но эта заданность сразу обнаруживает силу туго скрученной пружины, стоит лишь вспомнить великие примеры. Хотя бы легендарного Страдивари — «селекционера» скрипки. Изо дня в день, из месяца в месяц, годами и целыми десятилетиями делает он свои инструменты: ель и клен, стамеска и рубанок, ель и клен... Его ничто не отвлекает и не развлекает, кроме одного предмета. Чтобы возвыситься до совершенства, он еще и еще повторяет и так уже удачный опыт. И вдруг на шестом десятке лет (на шестом!), окруженный многочисленными детьми и внуками, Страдивари создает инструменты, равных которым

не было и нет. Может быть, в этом «переходе количества в качество» и заключена частица секрета непревзойденного мастера?

Зайниддин обрек себя на хлопоты и сомнения (можно скаламбурить — на сомнительные хлопоты): первая прививка лимона — и долгое ожидание ее результатов. Потом вторая, третья, десятая (почти переливание из пустого в порожнее...), тридцатая, сорок шестая... Новый сорт родился после сорок седьмой прививки.

Это был именно тот сорт, который он когда-то заказал самому себе...

Новый лимон сохранял свой «жизненный тонус» даже в семидесятиградусную жару (а она не редкость летом в теплице). Его деревья отличались свежей густой листвой и цветами, среди которых не было пустоцветов. Но еще больше они отличались от деревьев старых сортов обилием крупных, в двести-триста граммов, замечательных плодов. Их нежная (будто размягченная в кипятке), почти гладкая кожица скрывала необычный деликатес — дольки «сладкого» лимона. Такой лимон можно есть как яблоко — прямо со шкуркой. И при этом не только не морщиться, а, наоборот, смаковать освежающую пряность плода. А можно сжать податливый, как хлебный мякиш, лимон в руке — и весь сок маленьким быстрым потоком схлынет в чашку.

Сегодня этот необыкновенный — столовый — сорт хорошо известен цитрусоводам всей страны. Самую высшую оценку — пять баллов с плюсом — ему выставила Всесоюзная дегустационная комиссия. «Ташкентский» — так назвал его Фахриддинов.

Через несколько лет он вырастил еще более удивительное дерево. Даже самому ему временами чудилось, что на этом дереве зреют не лимоны, а по крайней мере дыни «колхозницы» — такими крупными (до полутора килограммов!) были его плоды. И по другим статьям эти тяжеловесы оказались рекордсменами: в них аккумулировано огромное количество «аскорбинки» и иных витаминов, а прочная, толстая, с сильнейшим лимонным ароматом кожура на редкость богата эфирными маслами. Суперлимоны не боятся тягот транспортировки и долгого хранения.

За этот сорт (он получил название «юбилейный») Зайниддин Фахриддинов награжден орденом Ленина. А союзный Минздрав, по достоинству оценив лечебные свойства «юбилейного», присвоил народному селекционеру из Узбекистана почетное звание «Отличник здравоохранения СССР».

И «ташкентский» и «юбилейный» прекрасно чувствуют себя не только в Средней Азии, но и в Азербайджане, в Грузии. Продвинулись эти сорта и на север — в Иваново, Пензу, Челябинск. Отличные урожаи приносит «юбилейный» в Новосибирске — в теплицах завода «Сибсельмаш». А у Зайниддина Фахриддинова есть в запасе еще сюрприз — три новых сорта лимона и сорт мандарина. Этот мандарин, который дает плоды весом в двести-шестьсот граммов и обещает стать сенсацией в цитрусоводстве, уже получил имя — «Узбекистан».

Такой зимы не припомнят даже столетние старики. Весь февраль мороз щеголял узорами на окнах, весело щипал плохо знакомые с ним носы и уши и наводил на невеселые думы: «Останутся ли целы сады, виноградники?»

В лимонарии что-то случилось с газовыми коммуникациями, с электричеством, из семи отопительных котлов работал один. На термометры в теплицах лучше было не смотреть: летом они разгоняли свои красные столбики до самых верхних отметок, а сейчас от этих столбиков остались жалкие, едва заметные пеньки. Весь февраль по ночам держалось минус двадцать шесть, и в теплицах ночью было как в страшном сне, навеянном темнотой, тревогой, холодом и «свежезамороженными» деревьями нежных цитрусовых.

Зайниддин окунался в этот сон, чтобы попробовать холодными ладонями холодные ветви лимонов, и слезы наворачивались на глаза. Если бы речь шла об обыкновенных огурцах или помидорах, можно было бы погоревать и утешиться: вымерзли — посади новые. А тут безвозвратно гибли двадцатипятилетние труды.

Чтобы не сидеть сложа руки, он решил испробовать единственно возможное, хотя и сомнительное при таких холодах средство — жечь костры. Агрономы и рабочие лимонария бросились на поиски опилок для них, и пошла работа. День и ночь клубились в теплицах дымы, кутались в легкие эфемерные одежды озябшие деревья, суетились измученные люди. В эти дни он почти не спал.

...Наконец морозы отступили. В теплицах сожгли ни много ни мало семьсот машин опилок и спасли почти все: из двадцати восьми гектаров урожайной площади погибло только пять. Уцелевшие деревья «поднатужились», и план трудного 1985 года был даже перевыполнен. Гектар лимонов дал больше, чем гектар бахчей, — по тридцать четыре тонны плодов!

— Зимний сад — это моя душа, — говорит он гостям, приглашая их прогуляться под сенью экзотических деревьев.

Здесь под высоким стеклянным колпаком выстаиваются такие ароматы, что кажется, самый воздух зимнего сада можно резать на куски, словно праздничный торт. Вы не видели, как растут кофе, какао или «краснодарский» чай? Пожалуйста, вот они. А рядом цветущие алоэ, бананы, кокосовые и финиковые пальмы. Дальше папайя, манго, фейхоа, жасмин, бамбук, кактусы, аспарагус...

— Жалко, что нет женьшеня и ананаса, — огорчается хозяин.

И была весна. Наливалось теплом небо, женщины ходили на босу ногу, ворковали влюбленные горлицы, и открывались настежь двери теплиц. На центральном отделении лимонария запестрел ковер тюльпанов и нарциссов. Эти ранние, весенние цветы торопливо выбросили похожую на перья лука зелень и после зимнего небытия спешили напомнить хотя бы о самых простых запахах пробуждающейся природы: красные бокалы тюльпанов — о запахе ореха, хрупкие цветки нарциссов — о запахе пучков первой редиски... И уже копила бутоны царица цветов — роза.

За пышными высокими кустами роз ухаживает его средний сын Мухаматазиз. Вместе с ним еще пять братьев работают агрономами в отцовском лимонарии. Дочь Рано, аспирантка сельскохозяйственного вуза, пишет диссертацию о цитрусах.

Зайниддин давно стал дедом. Да еще каким! У него тридцать шесть внуков и внучек!

— У меня дома целый караван-сарай, — смеется старый садовник.

г. Ташкент,
Узбекская ССР

Юрий АРАКЧЕЕВ

В ОТВЕТЕ — КАЖДЫЙ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Не секрет, что «зеленый змий» — наш заклятый враг, он подрывает здоровье пьющего, семьи, здоровье общества в целом, его экономику, культуру. Как же бороться, как борются с этим злом?

Прежде чем поделиться своими мыслями по этому поводу, хочу вспомнить недавнюю свою командировку в Костромскую область. Поездка оставила интересные впечатления: старые русские земли, живописная природа, приветливые, добрые люди... Разъезжали мы по Костромскому району, в окрестностях областного центра. Там я и услышал об одном любопытном новшестве: в опытно-производственном хозяйстве «Минское» построили Дом животновода. Мне показывали фотографии, они запоминались.

И вот мы в «Минском». Осматриваем Дом животновода. Показывает и рассказывает директор опытно-производственного хозяйства Николай Яковлевич Сыпко. Дом животновода действительно впечатляет. Он напоминает небольшой и очень уютный Дом культуры. В компактном зале здесь можно послушать лекцию, посмотреть кинофильм. Особенно понравилось мне лечебно-профилактическое отде-

ление: кварц, озокеритовые ванны, УВЧ, всевозможные процедурные кабинеты. Везде чистота, цветы, картины и эстампы, чеканные изделия местного мастера. Удобно, уютно. И особенно важно, что все это ведь совсем рядом, буквально по соседству с производственными помещениями. Дояркам после работы ни ехать, ни даже идти далеко не надо, и медицинская помощь, и очаг культуры — все под рукой.

Но еще больше понравился мне Дом механизатора, который тоже построен в «Минском». И тоже в непосредственной близости от места работы механизаторов — рядом с машинным парком. Здесь диспетчерская, зал заседаний, в комнате отдыха телевизор, стол, уютные кресла, журнальный столик, здесь можно попить чаю из самовара или поиграть в шахматы, шашки, почитать газеты, журналы. В другой комнате — настольный теннис, спортивные снаряды, гантели, гири, эспандер... Механизаторы чувствуют себя в своем Доме действительно «как дома» и, если в семье нет неотложных дел, могут оставаться здесь после работы.

Забота об отдыхе рабочего человека в ОПХ «Минское» — на высоком уровне, на это затрачены большие средства. Жаловаться людям в этом отношении не на что.

Николай Яковлевич рассказывает о том, что весьма дорогостоящее строительство обоих домов и задумано-то было в значительной мере именно для того, чтобы занять людей, поднять их культуру отдыха, чтобы не тянуло людей к выпивке. Однако пьяницы в «Минском» еще не перевелись. И вред от них немалый.

— Понимаете, в нашем хозяйстве, впрочем, как и во всяком другом, конечно, есть люди, от которых очень многое зависит, — взволнованно делится Николай Яковлевич. — Это так же, как, например, в футбольной команде вратари. Представьте себе, что на футбольную игру вратарь придет пьяный. Усилия всей команды могут пойти насмарку, потому что пьяный вратарь не задержит ни одного мяча. В нашем хозяйстве все взаимосвязано, у нас очень много таких людей, от кого многое зависит. Фактически — каждый механизатор. И сколько бы ни старались другие, работа все равно не заладится, если механизатор пьян... Мы можем сотню человек правильно организовать, заинтересовать, расставить, все они будут стараться работать с полной отдачей. А несколько пьяных все дело испортят.

— Что же делать, Николай Яковлевич? — спросил я директора.

— Строже надо быть, — твердо ответил Николай Яковлевич. — Во всем нужна мера, мне кажется. Забота необходима, истинная забота, не для показухи. Но и требования нужны истинные. Ответственность. Нельзя с пьяницами церемониться, как с детьми малыми. Наше попустительство их только развращает.

В известном постановлении ЦК КПСС о борьбе с алкоголизмом особо подчеркивается его суть: с одной стороны, подлинная неформальная забота о быте и отдыхе людей, с другой — твердые меры борьбы с пьянством. Это и хочется подчеркнуть особо — именно две стороны проблемы, которые, так сказать, связаны диалектически. И мне кажется, успех нашей борьбы с «зеленым змием» и зависит как раз от того, насколько гармонично и последовательно будет исполняться и то и другое: с одной стороны, забота о человеке, предоставление возможности проявиться не с плохой, а с хорошей стороны, то есть реализовать творческие воз-

можности своей личности, с другой — неотвратимость законодательных мер борьбы с пьянством.

Давно известно: чем человеку больше дается, тем больше спрашивается. И наоборот, чем больше мы спрашиваем с человека, чем больше требуем, тем больше обязаны ему давать. Это непременная диалектика всякого воспитания, и любой перекос в ту или другую сторону неминуемо принесет горькие плоды.

Многие ли руководители могут с честью заявить, что они все сделали для организации полноценного отдыха и быта людей?

К сожалению, нередки случаи однобокого понимания постановления Центрального Комитета партии. Запретить всегда легче, чем разрешить, организовать, наладить. И мне представляется, что как раз в этом — в консультативной помощи, в делах, направленных на профилактику пьянства, — решение важной государственной проблемы. Мы должны стремиться не только к тому, чтобы путем ужесточения мер и запретов отвратить народ от «зеленого змия», но и к тому, чтобы пробудить естественное, здоровое желание человека вести здоровый образ жизни, любить жизнь, труд, общение с другими людьми — все то, что в широком смысле можно назвать радостью полноценного человеческого существования.

И тут важен еще один момент. Говоря о борьбе с пьянством, мы как альтернативу бездуховности и безделью приводим чаще всего досуг, отдых. Но ведь досуг, даже если он чем-то заполнен, бывает очень неравноценным и неполноценным. Бездумное сидение у телевизора, игра в «козла» и т. п. Разве это интересный, разумный отдых? Отдых должен быть активным, развивающим, реализующим творческие возможности человека.

Приведу такой пример. Этим летом, совсем недавно, довелось мне побывать в городе Кызыле Тувинской автономной республики. Ездил я в командировку от газеты «Советская культура», и, естественно, именно культура, досуг жителей города интересовали меня больше всего. Выяснилось, что в городе с двухсоттысячным населением около десяти кинотеатров. Это много: в процентном отношении к количеству жителей это, пожалуй, больше даже, чем в Москве. Кроме того, здесь два стадиона, парк культуры и отдыха, музей, роскошный музыкально-драматический театр. В домах много телевизоров. А культура, увы, не слишком высока. Я говорил со многими жителями города, главным образом с молодыми. «Вечером пойти некуда, заняться нечем — вот и пьют... Скука...»

Но почему же? Ведь в городе столько очагов культуры, такая, казалось бы, забота об отдыхе! Но в том-то и дело, что забота эта часто носит формальный, внешний характер. Дело ведь не в количестве кинотеатров, а в том, какие фильмы в них идут. Суть не в количестве и даже не в качестве стадионов, а в том, насколько рационально, насколько разумно они используются, сколько возможностей проявить людям свои способности они предоставляют. Ведь даже рекорд в спорте имеет значение не сам по себе. Смысл рекорда в том, чтобы показать каждому человеку его потенциальные возможности, дать образец для подражания, разбудить активность, энтузиазм, чувство соревнования, побудить его следить за своим здоровьем и красотой, то есть опять же увеличить радость полноценного человеческого существования.

Или возьмем клуб, этот, так сказать, оплот культурной работы. Проблема клубов сейчас, по-моему, важна как никогда раньше. Клуб, как и стадион, имеет смысл не сам по себе: какой он внеш-

не красивый и каким оборудованием оснащен. Клуб только тогда выполняет свое назначение, когда он зажигает в людях дух творчества, и не только зажигает, но и умело направляет его, поддерживает, когда посетители клуба чувствуют себя в нем хозяевами, а не случайными и не очень желательными гостями. Только тогда клуб оправдывает себя, когда человек здесь может с наибольшей полнотой испытать то чувство, которое Лев Николаевич Толстой н(вал «высшей радостью» — радостью человеческого общения. И общения не с бутылкой и не вокруг бутылки — вот что в' 'но. Общения друг с другом.

Ведь что греха таить: многие люди пьют вовсе не от того, что они плохие от природы, развращены, морально неустойчивы. Многие, увы, потому и подвержены печальной, унылой страсти, что в какой-то момент их жизни не получилось у них самопроявления, не удалось найти себя. Не смог человек вовремя реализовать творческие возможности своей личности, не в состоянии он оказался и приобщиться к той самой «высшей радости» человеческого общения, которую пытается компенсировать общением с бутылкой или в л' чшем случае с такими же, как и он. Собутыльниками.

Помочь людям реализовать себя, найти себя, научить общаться между собой не посредством алкоголя, а при помощи здоровых человеческих чувств и разума — вот в чем, мне кажется, главный смысл культурных и спортивных учреждений.

Конечно, положительные примеры такого рода у нас есть. И в общем-то их не так мало. В той же Тувинской автономной республике, в городе Туране например, построен и работает хороший Дворец культуры. Его директор Оюн Марк Марцинмаевич — настоящий энтузиаст своего благородного дела. Заслуженный работник культуры республики, работает в этой области уже 29 лет. В Туране проводятся мероприятия очень разнообразные, для всех слоев и возрастов. Здесь не только показывают фильмы, проводят дискотеки, устраивают встречи с интересными людьми. В программе выступления участников художественной самодеятельности, различные конкурсы, соревнования. Один из конкурсов — «А нука, бабушки!..» — особенно запомнился жителям Турана. И вот результат: правонарушений в районе сравнительно мало, мало и случаев алкоголизма. Людям интереснее стало жить.

Хорошие клубы появились сейчас во многих городах нашей страны, и в частности в Москве. Это так называемые «семейные клубы», клубы интересных встреч, клубы знакомств, клубы студенческой и туристической песни. О многих из них писали газеты.

Вот, например, клуб «Эстетика» при Доме культуры Московского завода «Станколит» (руководитель Л. А. Земскова). Тематика встреч здесь разнообразна, однако все они в той или иной мере подчинены главной теме, которая заявлена в названии клуба. Выступают художники, архитекторы, музыканты, поэты, искусствоведы, артисты самых разных жанров, и самодеятельные, и профессиональные. Важно отметить, что в результате тщательного подбора тематики встреч в клубе «Эстетика» образовался контингент людей, объединенных общими интересами. А это как раз и способствует взаимопониманию и полноценному человеческому общению. Популярность клуба растет: интересно, что взрослые приводят на встречи в клубе своих детей, происходит, так сказать, семейное приобщение к культуре...

С октября 1984 года при клубе Московского производственного

швейного объединения «Салют» работает «Клуб психологических знаний». Сегодня он объединяет уже около 150 человек, возраст — от 15 до 18 лет. Его главная цель — помощь одиноким людям, которые не смогли постичь науку человеческого общения. Перед членами клуба выступают специалисты с лекциями на темы: психология культуры, психология общения, психология цвета и так далее. Проводятся консультации с врачами-психологами. Практические занятия включают аутотренинг, ролевой тренинг, пластическую гимнастику. Председатель клуба — Майя Захаровна Дукаревич, старший психолог Всесоюзного научно-методического социологического центра (руководитель — профессор А. Г. Амбрумова). Со дня основания клуба прошло совсем немного времени, но уже появилась новая форма работы: естественное разделение на группы по интересам и симпатиям. Помимо общих, совместных встреч всех членов клуба, группы встречаются отдельно, здесь-то и зарождаются истинные человеческие контакты, основанные на взаимопонимании, уважении, доверии. Разумеется, алкоголь для всех членов клуба начисто исключен. Более того, и руководители, и члены клуба выступают в цехах объединения с антиалкогольной пропагандой, работникам объединения доступ на занятия клуба всегда открыт.

Подобных достойных примеров можно привести много, однако их, конечно, гораздо меньше, чем хотелось бы. Ведь возможности общения поистине безграничны.

В школе № 69 Фрунзенского района Москвы по инициативе молодого учителя английского языка Сергея Леонидовича Лойко и его друга Сергея Зиновьевича Казарновского на общественных началах была организована театральная студия, о спектаклях которой писала даже газета «Правда». Студия эта работает и сейчас. С какой охотой и любовью занимаются в ней ребята!

А разве нельзя, к примеру, создать «Клуб любителей путешествий»? Или «Клуб любителей природы»? Клубы для тех, кто интересуется историографией, археологией... А чем плох был бы клуб «Москвич», к примеру, объединяющий тех, кому интересна история нашей столицы. Ведь о Москве выпущена целая энциклопедия!

Да, здесь огромное поле деятельности для партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, ЖЭКов, школ, институтов. Как и везде, важен тут открытый обмен опытом, широкое оповещение о работе друг друга — гласность. Главнейшим должен быть принцип самостоятельности, уважение инициативы каждого, чтобы участники клуба чувствовали себя в своем клубе хозяевами. Меньше запрещать, больше разрешать, конечно же в разумных пределах. Гармония личных и общественных интересов — именно в ней решение многих проблем, в том числе и проблемы пьянства.

Надо прямо сказать, не все благополучно у нас с клубной и спортивной работой. Проблем много. Не хватает помещений, плохо продумана система привлечения и поощрения энтузиастов, не разработана финансовая основа стихийно возникающих кружков, секций.

Особенно хочется остановиться на отношении к энтузиастам. Ведь энтузиазм любого работника — огромная общественная ценность. Увы, далеко не всегда умеем мы эту ценность использовать. Для того чтобы активный человек мог работать с наибольшей от-

дачей, чтобы он мог полностью реализовать свои потенциальные возможности, необходим ряд условий, нужна поддержка и снизу и сверху.

Вспоминаю разговор во Дворце культуры города Турана. Парторг крупного хозяйства, при помощи которого как раз и был построен этот Дворец культуры, тогда сказал:

— Зарплата хорошего директора клуба должна быть не ниже, чем зарплата главного специалиста совхоза. Ведь он, директор, и есть один из главных специалистов — специалист по культуре. В наше время эта специальность становится одной из важнейших.

Стоит прислушаться к словам человека, близко связанного с производством материальных ценностей!

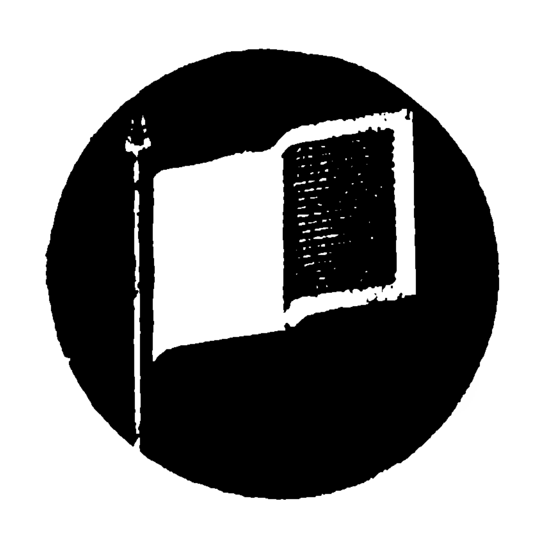
Вспоминаю и свою поездку в Латвию. Многие хозяйства произвели тогда на меня доброе впечатление, и среди них колхоз «Узвара» («Победа»). Ежегодная прибыль колхоза — несколько миллионов, хотя работающих в нем всего около тысячи человек. Здесь высокая культура труда и быта людей, нет здесь проблемы пьянства. Большие средства, затраченные на строительство очагов культуры, на организацию в них живой, творческой работы, полностью оправдали себя.

Нужно всячески поддерживать увлеченных людей, если их хобби воспитывает в них доброту, чувство красоты, любовь к природе. Взять, к примеру, даже такое незатейливое занятие, как содержание и разведение аквариумных рыб. Конечно, это всего лишь подобие игры, чаще всего — детской. Но сколько из нас, взрослых, с радостью и умилением вспоминают свои давние занятия «рыбками»! Аквариум — это же целый мир, маленький, но яркий, живой, приобщающий нас к огромному миру природы.

Да и многие взрослые подчас остаются верны своей детской увлеченности, держат аквариум в своей квартире всю жизнь. И как всякое увлечение, любовь к аквариуму сплачивает людей, помогает общению. В нашей стране насчитывается свыше 20 миллионов аквариумистов. Примерно столько же фотолюбителей. Однако очень многие из них предоставлены сами себе. Те немногочисленные фотоклубы и фотостудии («Новатор», «Кадр», студия при ДК «Правда» и некоторые другие) охватывают лишь малую часть фотолюбителей, причем ориентированы они в основном на элитарный подход. Кружками фотолюбителей далеко не всегда руководят достаточно компетентные люди именно в области культуры. А ведь и здесь можно бы сеять разумное, доброе, вечное, пользуясь тем, что увлечение фотографией объединяет множество людей, и главным образом молодых!

Думая о воспитании нового человека, мы не должны упускать ни одной возможности сделать его жизнь духовно богатой, интересной, яркой. Комсомолу, нашим общественным организациям предстоит работа по перестройке сознания людей, отношения не только к водке как таковой, но и к тем, кто ее неумеренно употребляет. Главная наша задача — поднять культуру отдыха, быта, всей нашей жизни. Хотя ведь самое важное в ней — это все же не отдых и не досуг, пусть даже активный, наполненный. Самое важное в ней — это труд в широком творческом понимании этого слова.

Трезвость помыслов и ударный труд на благо нашей любимой Родины — вот норма нашей жизни!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр БАЙГУШЕВ

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЯ МАРКОВА

В новом романе Георгия Маркова «Грядущему веку» главный герой первый секретарь Синегорского обкома партии Антон Соболев, вступив в свою новую должность, едет по районам знакомиться с людьми. Он принял область, знает сводки, полученные с мест, протоколы, цифровые показатели, но не спешит ни с решениями, ни с выводами. Он понимает, что, как бы хороши ни были проекты, какой бы выверенной, научно обоснованной ни казалась намеченная программа, осуществлять перестройку партийно-хозяйственной работы в области в соответствии с новыми требованиями должны конкретные люди. И от них и только от них будет прежде всего зависеть действенность проектов и программы.

В решениях партии неоднократно подчеркивалось, что судьба нашей страны и крепость позиций социализма в современном мире зависят от всех нас, от нашей работы на благо Родины. Ныне имеется только один путь — широко исполь-

зуя достижения научно-технической революции, приведя все формы нашего социалистического хозяйствования в соответствие с самыми современными условиями и потребностями, добиться серьезного ускорения социально-экономического прогресса. Осуществить реальную научно-техническую революцию во всем хозяйстве и, главное, в самих методах управления. И в выполнении этой великой задачи решающую роль должен играть «человеческий фактор».

Антон Соболев — один из таких энергичных новых людей, на которых партия возлагает на современном этапе особые надежды. Кто он? В классе маленькой деревенской школы любимая учительница когда-то называла его фантазером, потому что ей представлялось, что именно этим он прежде всего выделялся среди других ребятишек. И с годами Антон Соболев, мужая, обретая знания и зрелость суждений, вовсе не потерял своей прежней ребяческой склонности к «прожектам». Его восторженно-мечтательный романтизм сменился возвышенным романтизмом зрелого человека, коммуниста, живущего не для личных благ, а для других людей, для общества, для совершенствования окружающего мира. Отличительная черта Антона Соболева состоит в том прежде всего, что ему до всех и вся есть дело, что он верит в лучшие черты в людях и старается эти черты поддержать, на них опереться. Он становится партийным работником, ибо убежден, что это и есть самая необходимая работа — в ней, как нигде, сливаются воедино убежденность, деловитость и умение мечтать.

«Грядущему веку» — так назван роман Георгия Маркова. Грядущему веку всегда служили революционеры, в том числе и те, кто дерзнул осуществить Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Разве мог узкий прагматик представить, какими гигантскими шагами уйдет вперед, преодолев голод и разруху, отсталая прежде Россия и за относительно короткий срок станет могущественной державой — опорой всего социалистического мира? Романтики-революционеры верили в прекрасную мечту, боролись за нее, и она осуществилась.

Любимые герои писателя, как правило, преобразователи мира: революционеры, коммунисты, те, кто овладел «человеческим фактором», — сами идут впереди и умеют самоотверженно увлечь, повести за собой на борьбу за правое дело других людей.

В этом смысле наиболее крупные произведения Георгия Маркова — романы «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь» и «Грядущему веку» — складываются в эпическое художественное полотно, воссоздающее важные этапы истории Советского государства.

Биография Георгия Маркова во многом предопределила главную тему его прозы. «Я держусь того мнения, что очень важную роль для писателя, для его творчества играют те впечатления, тот жизненный опыт, которые он получил в детстве и в юности, та среда, в которой он рос, формировался нравственно и идейно. Ведь изначальные впечатления всегда наиболее памятны», — утверждает сам писатель. И действительно, приход будущего писателя в литературу был, пожалуй, закономерным.

Георгий Марков родился в 1911 году в Сибири, в семье таеж-

ного охотника. Его родные места — тайга Чикка-Юлы и Юксы, Чулыма и Оби, Васюгана и Парабели. Характеры, которые он видел перед собой, были крупными, сильными. «А знаешь ли ты, что Сибирь — это земля чудес? — Эти слова впервые я услышал от своего отца. В тот год мне исполнилось одиннадцать лет, и отец впервые взял меня «белковать» — охотиться на белку. С тех пор, кочуя по охотничьим становищам и рыболовецким землянкам, я слышал удивительные побывальщины таежников о чудесах родной земли». Это был особый мир с удивительно красочным народным языком, сочным, образным. «Однажды, — вспоминает Г. Марков, — отец послал меня со стана в деревню. Я подходил к ней ранним утром. Стоял март. Вокруг широкие заснеженные просторы. Лес оголился, так как шапки снега, лежавшие на сучьях, подтаяли и рухнули на землю. Небо высокое, ясное, охваченное солнечным светом. Подхожу к своей деревне. Слышу: колодцы скрипят, петухи горланят, доносится скукоток из овинов — хлеб молотят. И у меня такое рождается чувство, будто праздник вокруг, я начинаю что-то бормотать вполголоса, а потом пою, громко и увлеченно».

Спустя несколько десятилетий в роман «Соль земли» войдет эпизод про молодую таежницу Ульяну, которая, подходя к деревне, тоже поет — поет от полноты жизни, от радости, что «праздник вокруг» — праздник земли и неба. Но пока у будущего писателя еще не было «нужных слов», ему предстояло учиться и учиться — у жизни, у «политических». Через его родное Ново-Кусково проходил зачулымский тракт, и ссыльных здесь укрывали, снабжали продовольствием, а они оставляли после себя добрые семена просвещения. Учился затем у новой жизни, которая пришла вместе с Революцией.

Отец Маркова Мокей Фролович стал одним из первых организаторов коммуны на Васюгане в 1921 году, а сам Георгий уже в тринадцать лет вступил в комсомол. А вскоре появилась и его первая публикация — гневная заметка селькора в газете «Томский крестьянин» о расправе кулаков с пастухом. «И когда я увидел все то, что произошло после опубликования моей заметки, — вспоминает Г. Марков, — я понял своим детским сердцем великую силу печатного слова, его способность поднимать людей на большие дела».

Вожатый первого в волости пионерского отряда, член райкома комсомола, сотрудник горкома и крайкома комсомола, редактор молодежных газет и журналов Западной Сибири — вот последующие вехи его пути. В 1930 году Г. Марков уже редактор газеты «Большевистская смена», а было ему всего девятнадцать лет.

Тогда же Г. Марков начал писать свой первый роман, взяв для себя примером творчество Вячеслава Шишкова. Проработав над своей первой книгой около восьми лет, в 1938 году Георгий Марков повез рукопись в Москву: «Рукопись своего романа я хотел передать П. А. Павленко, но не решился и отнес в Гослитиздат... Зная, что рукописи читают не сразу, я купил билет и собрался уже ехать обратно в Сибирь. Но перед отъездом все же позвонил в издательство, и мне сказали: «Вот вы где! А мы вас ищем с милицией». Случилось так, что рукопись мою прочитал как раз Павленко...»

Однако началась Великая Отечественная война, уже готовые

матрицы романа были уничтожены бомбой, которая попала в склад, где они хранились. 18 июля 1941 года Марков стал специальным корреспондентом газеты Забайкальского округа «На боевом посту». В 1945-м он в качестве военного корреспондента участвует в разгроме Квантунской армии, а в 1948 году расскажет об этом событии в повести «Орлы над Хинганом», опубликованной журналом «Сибирские огни».

А как же первый роман? Начиная с сорок пятого года Г. Марков одновременно работал над второй книгой романа — «Строговы» — и над военными повестями. Полное послевоенное издание «Строговых» (первая часть романа успела выйти до войны в Иркутске) принесло Георгию Маркову литературное имя. Роман был высоко оценен критикой, стал вехой в формировании «сибирского романа». А когда в 1959 году вышел его новый большой роман «Соль земли», то стало ясно, что в советскую литературу пришел крупный, самобытный писатель — со своей темой, писатель остро гражданский, партийный, мыслящий масштабно, умеющий нарисовать цельные, яркие, сильные характеры.

Произведения Георгия Маркова как-то сразу вышли из рамок местной сибирской литературы и включились в спор не только о будущем советского «толстого романа», но и о будущем жанра романа в мировой литературе вообще. Некоторые наши молодые литературоведы то ли забывают, то ли недооценивают ту нелегкую ситуацию, которая одно время сложилась в отношении к старому реалистическому «толстому роману» на рубеже 50—60-х годов. Поборники так называемого «нового романа», за которым стояло не только формальное название определенной французской «исповедальной школы», но и была широкая поддержка целого ряда крупных писателей из других стран, — выступили с тезисом о кризисе старой школы критического реализма, и прежде всего школы старого «семейного», «толстого романа». Понятие «нового романа» означало на практике подмену реалистического повествования, с развернутым сюжетом, коротким исповедальным полурассказом-полуновеллой без фундаментальных обобщений. Западные писатели, мечтавшие сохранить старый «толстый роман», смотрели тогда на советскую литературу с надеждой как на последний форпост атакуемого модернистской критикой жанра.

Естественно, в этот период «сибирский роман» стал уже не частным литературным фактом одной страны, а одним из реальных аргументов в широких спорах вокруг будущего для «толстого романа». Не случайно многие произведения этого жанра (в том числе и романы Георгия Маркова) потом будут достаточно широко комментироваться и переводиться за рубежом. Речь шла как раз о романах партийных по своему идейно-художественному звучанию, романах, страстно проповедующих коммунистическую идею преобразования общества, которым, естественно, западная издательская конъюнктура ставила нарочито искусственные преграды.

Композиционно роман «Строговы» построен как типично «семейный» роман. Три поколения семьи Строговых проходят перед читателем. Первый Строгов — молодой батрак — откупает у купца на кабальных условиях пасеку и становится «хозяином». Идет вторая половина XIX века. Захар Строгов еще сохраняет в себе врожденные крестьянские чувства справедливости, трудо-

любия, он чужд стяжательству. Но жизнь рушит его иллюзии, и сын Захара Матвей Строгов уже становится на путь борьбы, приходит к большевикам, а затем назначается командиром партизанского отряда. Дети Матвея органически входят в Революцию. Рассказывая неспешно и обстоятельно о пути Строговых, автор дает широкую панораму жизни предреволюционной Сибири, объясняет специфику становления в Сибири Советской власти.

В 1949 году Г. Марков начал работу и через десять лет закончил следующий свой роман — «Соль земли». Замысел этого произведения Георгий Марков объяснял как социальный заказ самого читателя:

«И в письмах и в статьях по поводу романа «Строговы» довольно сильно звучал один и тот же мотив: «Расскажите историю героев дальше, покажите их жизнь в наше, советское время». Именно под воздействием этих пожеланий и сложился у меня замысел нового романа «Соль земли», героями которого стали представители младшего поколения семьи Строговых. И снова начались мои поездки по Сибири. Снова я встречался с различными людьми, работал в библиотеках и архивохранилищах, снова продвигался трудно и медленно, от эпизода к эпизоду, от главы к главе. Выход в свет романа «Соль земли» совпал с разворотом гигантской работы советского народа и Коммунистической партии по освоению несметных природных богатств Сибири. И мне приятно сознавать, что наряду с другими произведениями советской литературы мой роман оказался нужным народу в этой борьбе, о чем свидетельствуют письма читателей, отчеты о читательских конференциях, газетные и журнальные отзывы, театральные инсценировки романа, радио- и телевизионные постановки по нему».

Мы в последнее время как-то порой недооценивали силу примера, который подают герои произведений литературы. Скольким проложил путь в жизнь, скажем, Павел Власов или Павел Корчагин! Георгий Марков тоже вложил свою лепту в создание героя, с которого берут положительный пример.

Роман «Соль земли» начинается с описания, в котором метафорически проходит главная тема всего романа.

«Весна запаздывала. Морозы держались стойко наперекор календарю. В марте по ночам еще звонко лопался над озерами и реками лед. Метели бесновались без передышки по нескольку суток. В логах и на косогорах сугробы снега поднимались выше черемуховых кустов. Казалось, что зиме не будет конца.

Но в середине апреля солнце прорвалось сквозь низкое свинцовое небо, и в Улуюлье наступила весна. Под снегом заколобродили потоки талых вод, лесистые заломы и каменистые перекаты огласились буйным шумом вешнего половодья. Неохватная ширь поднебесья покрылась живыми серыми пятнами: то двигались с просторов юга несметные стаи перелетных птиц. И хотя весна запаздывала, все на улуюльской земле происходило так, как и год, и десять, и сто лет назад. Только люди не могли и не хотели повторять прожитого...»

Здесь очень характерен для Георгия Маркова поворот интонации и самой темы: люди хотят новой жизни, они не могут мириться с застоем. В центре «Соли земли» оказывается судьба романтика-энтузиаста Краюхина. Молодой аспирант, родом из Улуюлья, он вступает в конфликт с целым научно-исследователь-

ским институтом, поставившим на Улуюлье крест как на районе бесперспективном, лишенном якобы природных богатств. Герой романа проигрывает первый бой — против него выступают крупные научные авторитеты. Тогда Краюхин уходит из института, чтобы отправиться в Улуюлье и в одиночку все-таки начать исследования. Он становится учителем географии в таежной школе, на свой страх и риск изучающим природные богатства района. Обстоятельства пока что против него, но он верит — правда будет восстановлена.

Г. Марков прекрасно рисует в «Соли земли», как постепенно начинает меняться общественная атмосфера вокруг Краюхина, как из упрямого донкихота он превращается в символ человеческой веры в победу творческого начала над косностью и бюрократизмом. «Неуживчивый» молодой ученый обретает поддержку самого народа.

Критика отмечала сопряжение «Русского леса» Леонида Леонова и «Соли земли» Г. Маркова по многим поставленным в этих романах проблемам. И у Леонова, и у Маркова герои думают о грядущем.

В романе «Соль земли» выведено немало интересных характеров. Дело Краюхина побеждает, потому что сама жизнь начинает требовать от руководителей на местах коренной перестройки. И сам Краюхин все-таки не сломался: снова опаздывает в Улуюлье весна, снова не торопится с обновлением природа, но изменилась общественная атмосфера. «И хотя весна запаздывала, все на улуюльской земле происходило так, как и год, и десять, и сто лет назад. Только люди не могли и не хотели повторять прожитого... В безбрежном океане жизни они прокладывали новые, никем не изведанные пути» — так заканчивает свой роман Георгий Марков.

Под романом «Соль земли» стоит: Иркутск — Томск — Москва.

В Иркутск писатель вернулся после демобилизации из армии, а вскоре был избран секретарем Иркутской писательской организации, здесь же после войны редактировал альманах «Новая Сибирь». В 1956 году Г. Марков переехал в Москву — последние главы «Соли земли» дописывались, когда писатель уже вел активную общественную работу в столице, став секретарем Правления Союза писателей СССР.

Чуткий к общественным переменам, к меняющейся атмосфере человеческих взаимоотношений, Георгий Марков в эти годы все больше думал о тех людях, которые придут на смену его героям-коммунарам. И не случайно, что именно в эти годы существенных перемен в стране, наступивших после XX съезда партии, Георгий Марков создает новое крупное художественное полотно — роман «Отец и сын». Этот роман Г. Маркова со своим романтическим призывом — строить будущее! — оказался как нельзя более нужным молодому поколению. Недаром его главный герой — старый коммунар — с тайной отцовской гордостью думает о своем сыне: «Вырос человек, вырос! Будет боец не хуже отца. Значит, живет наше дело вот в таких ребятах и будет жить всегда».

В 1971 году на XXIV съезде КПСС Г. Марков избирается членом ЦК КПСС, а на V съезде писателей СССР его избирают Первым секретарем Правления Союза писателей СССР.

Свою убежденность, свое художественное кредо он доказывает

собственным творческим примером — в 1974 году в издательстве «Молодая гвардия» выходит роман «Сибирь», получивший самый широкий общественный резонанс, — он был удостоен Ленинской премии. Замысел этого романа лучше всего объяснил сам автор:

«Западно-Сибирская низменность давно привлекала внимание передовых умов России. Высоко оценивали ее перспективы и большевики, сосланные царским правительством в Нарымский край. Они жили в тяжелых условиях, оторванные от мира, от борьбы, испытывали лишения. Но, несмотря на все это, с большим оптимизмом думали о Сибири, изучали ее, заинтересованно следили за работой ученых, обращавших свой взор к этому краю. В новом моем романе одна из линий как раз вскрывает связи большевиков с крупным ученым профессором Лихачевым. Этот мой герой в известной степени тип собирательный, но за ним стоят реальные фигуры. Мне удалось нащупать материалы, которые свидетельствуют, что ссыльные революционеры старались сохранить до победы революции сведения о важнейших изысканиях, связанных с сокровищами Западной Сибири. Они даже предприняли специальные меры — и это отражено в сюжете моего романа, — чтобы эти сведения не попали в распоряжение зарубежных стран, которые связывали определенные надежды с эксплуатацией наших богатств...

Вот почему в деятельности коммунистов нашего времени, которые по планам партии преобразовывают Западную Сибирь, сделали ее могучим бастионом коммунистического строительства, я вижу непосредственную связь поколений большевиков, единую линию нашей ленинской партии, которая даже в условиях подполья, когда задачи разрушительного характера — взрыв царского строя — преобладали над всем остальным, была преисполнена созидательного духа, пафоса устремлений в будущее, веры в неизбежную победу революции».

Иван Акимов и Катя Ксенофонтова — уже идейно сформировавшиеся, зрелые большевики-подпольщики. Вот они-то и становятся главными действующими лицами романа «Сибирь», через их судьбы автор прослеживает судьбу самой революционной Сибири.

Г. Марков рассказывает, как сложился сюжет «Сибири»:

«Когда я думал об общей канве, о сюжетных линиях, о том, как связать их, то в памяти моей как бы сами собой возникали фактические параллели к той вымышленной ситуации или фигуре, которые были мне нужны. Вот один пример. Еще в юности я хорошо знал такое имя — Ефим Волков. Это тогурский крестьянин, который вывез шестьдесят ссыльных из Нарыма. Один раз, правда, провалился, попал в тюрьму в Томск, но сумел вывернуться. Это был очень ловкий и смелый мужик, — мой отец его хорошо знал. А потом, много лет спустя, читая книгу «Нарымская ссылка», изданную партийным архивом Томского обкома, я снова натолкнулся на это имя. Когда я спрашивал у отца, который был близок к этим делам: «Ну а какой дорогой и как он вывозил ссыльных?» — то отец по памяти восстановил этот путь. Он шел не по Нарымскому тракту на Томск, где было много полицейских и жандармских служб, а обходил эти самые опасные места. В зимнее время и бежали на лыжах, и ехали на лошадях. Этим далеким и сложным путем, которым отправлял «своих ссыльных» Ефим Волков (в романе Ефим Власов), и бе-

жит мой главный герой Акимов. Затем я начал вспоминать: а кто был в это время из нашей семьи в городе? Дело в том, что я вырос в большой семье. Она состояла как бы из двух частей — «таежной» и «городской». Я был в семье младшим сыном; моложе меня была только одна сестра, а все старшие, уже люди взрослые, жили в городе и были рабочими. И в основе изображения многих черт семьи Лукьянова в романе, городской ее части, например Степашки Лукьянова, лежит жизненный опыт моих старших сестер — Клавдии и Прасковьи, — да и брата моего Ивана. Когда, вычленяя из жизни, я все это поставил в один ряд, у меня сюжет как-то сложился сам собой... Любопытный «случай» произошел с Катей Ксенофонтовой. Ее прототип — женщина удивительной судьбы: бестужевка, участница революции, гражданской войны, затем преподаватель рабфака... Так вот, едва начав публиковать роман, я получил из Москвы очень интересное письмо от старой большевички. Она писала примерно так: «Товарищ Марков! Я прочитала Ваш роман, и я узнала в нем себя. Я пережила то же самое, что и Ваша Катя Ксенофонтова».

Вот каких героев всегда искал писатель в самой жизни! Именно благодаря этому его произведения вошли в золотой фонд нашей литературы. Лучшие из героев писателя являются людьми новой формации, руководителями нового стиля.

Сила творчества Георгия Маркова, крупного общественного деятеля, дважды удостоенного звания Героя Социалистического Труда, в активном примере его героев для формирования молодого читателя. Его романы продолжают великие традиции Н. Чернышевского, М. Горького, Н. Островского. Писатель наглядно учит «делать жизнь с кого», и в этом заключается непреходящая ценность творчества Георгия Маркова для нашей страны.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЛИК ВРЕМЕНИ

Новая книга Юрия Прокушева «Живой лик России» обращена к творчеству писателей, неотделимых от исторических судеб России XX века, к личностям, в которых «как бы концентрируется само время, эпоха, душа народа». При этом движение литературы критик соотносит с самой жизнью, историей. В этом, собственно, и заключается его исследовательский метод как при разговоре о классиках — Маяковском, Демьяне Бедном, Александре Блоке, Сергее Есенине, так и о наших современниках — Александре Твардовском, Василии Федорове, Егоре Исаеве. Но при этом художественный анализ вовсе не подменяется историко-социологическим, поскольку сама литература выступает как одна из форм проявления всеобщей диалектической связи мировых исторических законов развития бытия и мышления. Юрию Прокушеву всякий раз важно дойти до сути, выявить глубинную связь блоковского «Коршуна» или же есенинского «Черного человека» со временем, эпохой, душой народа.

Отсюда пафос, публицистичность книги и сам ее метод критического анализа. Так, в статье о Маяковском, как, впрочем, и в других исследованиях, Юрий Прокушев немалое внимание уделяет поэтике, но при этом не ограничивается формальным разбором тех или иных поэтических приемов и форм. Для него и здесь гораздо важнее другое — выявление всеобщих, исторических закономерностей развития этих поэтических форм. «Ритмическое богатство стиха Маяковского, — отмечает он, — во многом определяет симфонизм его поэзии, особенно крупных его сочинений, начиная от трагедии «Владимир Маяковский» и «Облако в штанах» и кончая поэмами — «Хорошо!» и «Во весь голос». Все они построены на

Ю. Прокушев. Живой лик России. Раздумья критика. М., «Художественная литература», 1985.

разговорной интонации. Она характерна для Маяковского, поэта, который более других сознавал: «...Улица корчится безъязыкая; ей нечем кричать и разговаривать». Дать этой улице, то есть восставшему народу, язык — задача, выдвинутая революцией перед поэзией. Точнее, Октябрьская революция эту задачу предельно обострила. Ибо русская поэзия со времен «Слова о полку Игореве» и былинного эпоса и далее — Ломоносова, Державина и особенно Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Некрасова — постоянно решала, причем с огромным успехом, эту новаторскую задачу. Она вся построена на многоголосой разговорной интонации, ибо обращена сердцем своим к народу. В народной жизни, в народном языке, в народных песнях и русских былинах обретала она свою художественную силу и мастерство».

Так вопросы чистой поэтики — ритмика, симфонизм поэм — тоже оказываются сопряженными с глобальными историческими явлениями, Критик должен быть историком и философом, так как вне истории и философии не существует и самой литературы.

Книга «Живой лик России» начинается с размышлений о поэзии Маяковского, Демьяна Бедного, Александра Блока, но, конечно же, в основу ее легли статьи Юрия Прокушева о Сергее Есенине. Ровно тридцать лет назад появились первые работы Юрия Прокушева о Сергее Есенине, с которых во многом и начиналось осмысление в литературе Есенина как великого поэта и великого сына России. И все эти годы Юрий Прокушев продолжает свое открытие мира поэзии и личности Сергея Есенина. Исследования последних лет, вошедшие в книгу «Личность и время» и «Гримасы старого мира», заслуживают, как мне кажется, особого внимания. Они посвящены прозе поэта — его «Железному Миргороду» и письмам. И дело здесь не только в том, что исследователь очень убедительно прочитывает письма поэта как своеобразную документальную автобиографическую повесть. Не менее важно и другое: в зарубежных письмах, как и в «Железном Миргороде», поэт сравнивает буржуазную Европу и Америку с Советской Россией, постигая в этом сравнении глубинную суть исторических судеб страны.

«После заграницы, — напишет Есенин в автобиографии 1924 года, — я смотрел на страну свою и события по-другому.

Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америку. Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держать курс на Америку, то я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясел торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.».

Эти размышления поэта легли в основу «Железного Миргорода» и зарубежных пи-

сем. «Сила железобетона, громады зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение», — скажет он в «Железном Миргороде» и продолжит в «Стране негодяев»:

Места нет здесь мечтам
и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры,
курьеры,
Маклера, маклера, маклера.

«Как контрапункт в зарубежных письмах Есенина, — замечает Юрий Прокушев, — возникает образ России, с ее духовным богатством, революционным устремлением в будущее, которое принес родине поэта Октябрь 1917 года». «Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу». «В голове у меня, — подчеркивает Есенин, — одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски». И еще одно есенинское признание: «Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь всюду я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может».

Эти исследования Юрия Прокушева, как и опубликованные в 1985 году статьи о Сергее Есенине Юрия Селезнева, Михаила Лобанова, открывают главное в поэте — его «чувство родины». Причем Юрий Прокушев, опять же диалектически, рассматривает национальное не в отрыве, а во взаимосвязи с общечеловеческим.

Об этом национально-общечеловеческом русской и советской литературы продолжается разговор и в других главах книги — «За красоту времен грядущих», «Штрихи времени», «Эпоха, художник, критика». Здесь перед нами предстает целая плеяда поэтических имен — Василий Федоров, Егор Исаев, Александр Твардовский, Ярослав Смеляков, Анатолий Софронов, Николай Флеров, Алексей Марков... В каждом из них исследователь стремится открыть стержневые темы. Так, размышляя о поэзии Василия Федорова, он выделяет тему трагедийности как высшую меру ответственности художника перед своим временем, своим народом, замечая по этому поводу: «Всегда была и будет по-настоящему трагедийна, а значит, и глубоко правдива, гуманна, патриотична та литература, которая стремится к философскому осмыслению коренных социальных и нравственных конфликтов своей эпохи, к показу судьбы народной и судьбы человеческой, к раскрытию святого чувства любви и верности матери-Родине».

Впрочем, разговор идет в книге не только о поэзии и не только о поэтах. Глава «Штрихи времени», например, открывается очерком о Леониде Леонове, а глава «Эпоха, художник, критика» — сравнительным анализом романов «Воскресение» Льва Толстого и «Мать» Максима Горького. Весьма примечательны завершающие книгу полемические статьи Юрия Прокушева «Один поучительный урок», «Жизнь и смерть «делового» человека», «Верши-

ны истинные и мнимые». В каждой из них критику удалось сказать свое слово в острых спорах, которые уже не один год ведутся на страницах нашей печати по проблемам «деревенской» прозы, о «деловом» человеке, об ответственности критики. Эти полемические статьи отличаются все тем же четким, диалектическим взглядом, позволяющим увидеть причинную, историческую связь явлений литературы наших дней — как позитивных, так и негативных — с общим литературным процессом. Убедительна точка зрения Юрия Прокушева на «деревенскую» прозу. «В конце 60-х — начале 70-х годов, — отмечает он, — в ряде критических отзывов о книгах Василия Белова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Валентина Распутина, Бориса Можаева вновь зазвучали «старые ноты»: о том, что эти талантливые писатели, к сожалению, часто обращают взор к прошлому русской деревни, что некоторые из них воспевают старину, «патриархальщину» и что «вообще» их романы, повести, рассказы в основном затрагивают вчерашний день в жизни русской деревни, что герои их книг слабо связаны с современностью. В некоторых случаях этих писателей прямо, как говорится, открытым текстом упрекали в том, что они не чувствуют, не видят прихода на село НТР». Этому взгляду и этим высказываниям некоторых критиков не только 60—70-х, но и 80-х годов, когда дискуссия о «деревенской» прозе, ее якобы «кризисе», вновь прошла по страницам журналов, Юрий Прокушев противопоставляет свою твердую убежденность, что именно «деревенская» проза выполнила и выполняет свою святую обязанность и свой святой долг перед народом. «Велик патриотический, высоконравственный подвиг русского крестьянства, русской колхозной деревни в годы Великой Отечественной войны, равно как и в первые послевоенные годы. И об этом подвиге должна была сказать правдивое слово наша литература, да так сказать, чтобы слово это было слышно на всю страну, а то — и весь мир». Такова точка зрения Юрия Прокушева.

Столь же весомы его аргументы в споре о «деловом» человеке в литературе. Автор «Человека со стороны» хотел показать положительное начало, заложенное в «деловом» человеке, показать его «героизм» в эпоху НТР, а получилось наоборот: стал особенно ясен главный порок этого «делового» человека — его «душевная черствость», его бездуховность.

В статье «Вершины истинные и мнимые» Юрий Прокушев говорит о мере ответственности критика перед читателем и перед литературой, особо подчеркивая, что «настоящий талант всегда национальное достояние, всегда духовное богатство нации, требующее к себе со стороны тех, кто с ним соприкасается, включая критику, думающего, бережного народного отношения».

Таким народным отношением — рачительным и одновременно требовательным — отличается критический дар самого Юрия Прокушева. Его новая книга «Живой лик России» еще одно тому подтверждение.

Виктор КАЛУГИН

ПРИОТКРЫВАЯ ЗАВЕСУ

Исследование механизма политической власти в современном капиталистическом мире, как известно, давно приводит к выводу о решающем значении там не только внешних, показных сторон государственной власти, но и мощных тайных пружин, скрытых за этим внешним фасадом.

В последние годы существенно возрос интерес к роли в этой системе тайных организаций буржуазии и буржуазной элиты, и в первую очередь к главной сети таких организаций — масонству. Отражением такого интереса является и вышедший в издательстве «Молодая гвардия» новый сборник, включающий в себя различные материалы по данному вопросу, ранее опубликованные советской прессой.

Надо сразу оговорить один важный факт. Все авторы сборника, каков бы ни был их подход к решаемым вопросам, единодушны в оценке масонства прежде всего как политической организации.

Определение «братства вольных каменщиков» как «религиозно-этического течения», взятое из трудов самих масонов и ранее, особенно до скандала с итальянской ложей «П-2», часто бытовавшее в трудах некоторых исследователей, достаточно убедительно опровергается всем материалом сборника. Авторы стараются, насколько это возможно, судить масонов не по их словам, а по их делам. И это справедливо. Как при этом не вспомнить известную фразу Маркса о том, что в «исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлениями о себе и их реальной сущностью». Как не вспомнить и отношение самих Маркса и Энгельса к масонству, отношение явно отрицательное. Так, охарактеризовав бакунинскую фракцию (тайный Альянс) в рядах I Интернационала как «франкмасонскую организацию», существование которой было скрыто от руководства Международного товарищества рабочих и его членов и с помощью которой Бакунин «рассчитывал... захватить в свои руки руководство Интернационалом», Маркс и Энгельс отзываются об одной лиссабонской группе Альянса как группе из «наихудших буржуазных и рабочих элементов, навербованных в рядах франкмасонов». Тайная организация, созданная для захвата руководства, то есть для задачи сугубо политической, не может, конечно, характеризоваться как «течение», да еще «этическое», и если уж Маркс и Энгельс назвали организацию «франкмасонской», то под этим термином они подразумевали вовсе не ту елейную личину «вдовьих деток» («дети вдовы» — одно из самоназваний масонов), которую пытались представить миру многочисленные масоны от литературы и науки.

Что же такое масонство? Как оно возникло? Название «франкмасон», как известно,

За кулисами видимой власти. М., «Молодая гвардия», 1984.

в переводе означает «вольный каменщик», и согласно широко распространенной версии современное масонство произошло именно от корпораций каменщиков средневековья. Эти каменщики имели свои определенные приемы, секреты и орудия труда, оберегавшиеся от непосвященных. Имели они и специальные помещения для хранения инструментов — «ложи», там же собирались члены артели для решения своих дел. Впоследствии эти организации вылились в современную форму «умозрительного» масонства. Об этой версии кратко говорится в предисловии к сборнику, написанном В. Старцевым, и в небольшой статье Б. Ильина.

Как справедливо пишет В. Старцев, «в вопросе о времени появления масонства, его связей с артелями каменщиков, со средневековыми орденами рыцарей, а тем более, уходя в глубь веков, со жрецами есть много спорного, неясного и недостоверного. Масонские источники и авторы сами спорят между собой, выдвигая разные версии...». Автор предисловия поэтому принимает за дату основания современного «ордена вольных каменщиков» 1717 год, достоверно известную дату образования так называемой «Великой ложи» в Лондоне. Конечно, все это требует детальных специальных исследований, как и вопрос о близости многих масонских символов, аллегорий и, возможно, многих черт организации с иудейско-кабалистическим комплексом, затрагиваемый некоторыми материалами сборника. Такая близость несомненна, о ней пишут многие советские ученые (см., например: Бегун В. Я. «Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1983), она широко не пропагандируется, но признается многими масонскими авторами (Ж. Лоренс, А. Маки и т. д.).

Конечно, проблем здесь много, но книга «За кулисами видимой власти» вполне закономерно нацелена на исследование в основном современной деятельности «вольных каменщиков». Какова же их роль в современном мире? В сборнике приводятся разные данные о численности масонов — 6, 8, 10 миллионов в конце 50-х — середине 60-х годов нашего столетия. Это старые данные. Сейчас говорят о 14 и даже 30 миллионах. Так или иначе, это немалые цифры. Если же учесть, из каких слоев общества вербуются в ложи эти миллионы, то цифры просто огромны. Промышленники, банкиры, политические деятели, ученые... Уже сам по себе состав лож заставляет усомниться в том, что там, как пытаются уверить масонские сочинители и некоторые наивные исследователи, занимаются исключительно душеспасительными проповедями и детской игрой в рыцарей. Для бизнесменов и политиков это нехарактерно... В отрывке из воспоминаний вернувшегося на Родину в 1946 году бывшего эмигранта Б. Н. Александровского, включенном в сборник, в частности, указывается: «...если в руководящих кругах государственной машины и общественной жизни некоторых капиталистических стран трудно найти человека, не состоявшего членом «братства вольных каменщиков», то среди так называемых социальных низов капиталистического общества, то есть рабочих, фермеров и ремесленников, наоборот, вы

не найдете ни одного «брата-масона». «Низы» масонству не нужны. Захватывать нужно командные посты на «верхах» общества и с высоты этих постов управлять «низами». Примерно так же характеризуют состав масонских лож и их задачи В. Кудрявцев и В. Артемов (статья «Когда тайное становится явным»), да и другие авторы. Отсюда довольно ясно видна лживость масонских разглагольствований о «равенстве», «единении людей во времирном братском союзе» и т. д., являющихся лишь словесным прикрытием довольно банальной истины — масонству при вербовке человека в свои сети важны его связи и общественное положение (значительным уровнем которого ни рабочие, ни крестьяне похвастаться, естественно, не могут). Так, было завербовано в братство «детей вдовы» множество известнейших политических деятелей, писателей, людей науки.

В статьях В. Старцева — о масонстве в России и Э. Генри — о влиянии масонства в мировом масштабе, занимающих вместе более половины сборника, перечисляется множество таких лиц. Конечно, не все из членов масонского «братства» знают его истинные секреты и причастны ко многим его неблаговидным делам. Многие привлечены туда, как, например, известные деятели искусства и науки, лишь для придания «братству» веса и солидности. Как пишут В. Кудрявцев и В. Артемов, их «имена служат ширмой для неблаговидных целей масонского руководства. Завлеченные в ложи с помощью обмана и игры на слабостях, эти деятели могут и не подозревать об истинных намерениях своих «братьев», последние все более и более стараются запутать их в своих сетях, превращая в послушное орудие своего господства». Действительно, имена многих крупных ученых, писателей, композиторов, которыми пестрят масонские словари и справочники, по существу, лишь формально привязаны к «братству каменщиков». Так, можно назвать имена Вольтера, посвященного в «братство» согласно надежным источникам в 1778 году, менее чем за два месяца до смерти, Бетховена, чью принадлежность к масонству удостоверяют на основании неких весьма сомнительных «мотивов масонской инициации», содержащихся якобы в его музыкальных произведениях, и т. д. Да и те из деятелей культуры, которые действительно и постоянно посещали ложи, были «масонами» едва ли не в такой же степени, занимая самые нижние ступеньки в иерархии власти «каменщиков».

Что это за иерархия? Как главную черту «братства» В. Кудрявцев и В. Артемов выделяют его многоступенчатость: все члены масонской организации «находятся на разных уровнях посвящения в цели организации и соответственно своей степени имеют власть над нижестоящими «братьями» и должны, в свою очередь, подчиняться вышестоящим». Из этого можно сделать важный вывод. Вот, например, В. Старцев пишет, что вопреки «утверждениям агрессивных черносотенцев» подавляющее большинство членов лож 1907—1908 годов в России «по своей национальности принадлежали к велико-

россам». Правда, имеющиеся материалы противоречивы, и сам В. Старцев приводит отрывок из воспоминаний Керенского, где тот свидетельствует, что по крайней мере с момента его вступления в масонство в 1912 году в этой тайной организации не велось ни письменных документов, ни списков членов. В масонстве важно не численное превосходство, а порой даже и не обладание формальным титулом мастера или гроссмейстера, а степень «посвящения». Ведь какой-нибудь «незаметный» А. И. Браудо (библиотекарь и редактор сионистских изданий по совместительству) занимал в масонской иерархии куда более высокое место, чем, например, А. И. Шингарев, член Временного правительства, и тем более беллетрист Вас. И. Немирович-Данченко. Существование различных систем масонства должно, по В. Кудрявцеву и В. Артемову, создать мнение о независимости их друг от друга, но «на самом деле все «системы» подчиняются масонам с более высокими степенями».

Пожалуй, перед всеми авторами сборника, хотя и по-разному, встал очень важный вопрос: насколько масонство, как в масштабе отдельной страны, так и в мировом, едино? Монолитная ли это сила, только проявляющаяся под разными вывесками, или же мы имеем дело с организациями, расколотыми по ритуальным, политическим и другим признакам? Из статьи В. Кудрявцева и В. Артемова видно, что они сторонники первого мнения. Б. Александровский также считает разногласия между различными ветвями «ордена вольных каменщиков» показными, несущественными, а на деле, пишет он, «мировое масонство едино во всех основных вопросах, касающихся завоевания ими мирового господства». Впрочем, с этим не все согласны. Э. Генри видит «глубокое политическое расслоение» в рядах современных «каменщиков». По его мнению, «о единстве масонства — не только в международном масштабе, но и в рамках отдельных стран — сегодня можно говорить меньше, чем когда-либо». Э. Генри приводит в пример ситуацию во Франции, где консервативной группе масонов противостоит часть членов ложи «Великий Восток», выступающих за единство демократических сил.

В. Старцев также согласен с Э. Генри в несостоятельности «ходячего предрассудка о некой единой сверхорганизации масонства, все составные части которой действуют по единому плану и в едином направлении». Такая точка зрения находит поддержку и в заявлениях масонских (гласных и негласных) печатных органов. В статье А. Манакова, давшей название сборнику, указывается: «Когда в мае 1981 года разразился скандал вокруг тайной ложи «П-2» в Италии, «Нью-Йорк таймс» тут же поспешила заверить: «Ряд масонских организаций США «признают» ложи, практикуют ритуал и учение масонства. Но какой-то единой международной организации франкмасонов («свободных масонов») нет».

Добавим, что хозяева «Нью-Йорк таймс» Сульцбергеры, о чем пишет и Э. Генри, занимают высокие посты в иерархии «вольных каменщиков» США. Не является ли заявление этой газеты официальным ответом масонских вер-

хов США на слухи о «единой сверхорганизации»?

А. Манаков, В. Кудрявцев и В. Артемов отмечают широкие связи руководства ложи «П-2» с зарубежными центрами, прежде всего с «братьями» из руководства ЦРУ, из американской администрации.

Французский тайный орден тамплиеров, центры сионизма, фашистский «черный интернационал», мафия — какие только скрытые, подчас неожиданные связи не приоткрыло далеко не законченное дело о «П-2». А ведь итальянское масонство имело и имеет связи и с «Бильдербергским клубом» и «Трехсторонней комиссией» — настоящими теневыми суперправительствами стран Запада, объединяющими избраннейшую элиту капиталистического мира. И члены этих организаций сплошь да рядом состоят в «братстве каменщиков», что и дало В. Кудрявцеву и В. Артемову повод заключить, что и комиссия и клуб являются «легальными международными органами... главных масонских лож». Существуют и другие подобные организации — клубы «Богемиан», «Ротари» и т. д. Даже то немногое, что удалось приоткрыть в последние годы в международных связях «П-2», «Трехсторонней комиссии», «Бильдербергского клуба», с большим сомнением заставляет отнестись к заявлениям масонских «вождей» разных стран Европы и США о том, что масонского интернационала не существует. Ведь и сейчас, и в прошлом за такими высказываниями стояло лишь желание скрыть реальную и тесную взаимосвязь между различными ветвями «ордена вольных каменщиков». Впрочем, и сами масоны, особенно в прошлом, когда они высказывались и писали, как говорится, не на широкую публику, такую связь признавали. Как писал один из самых информированных авторов, «брат» 30-й степени Ж.-М. Рагон, «масонство не принадлежит ни к какой стране... Оно едино и всемирно, оно имеет многие центры своей деятельности, но в то же время имеет один центр единства».

В эту схему очень хорошо укладываются и единство и синхронность действий антисоветских сил с началом «холодной войны», проявившиеся «внезапно, точно по команде или по взмаху палочки невидимого дирижера», как пишет Б. Н. Александровский. Как не вспомнить здесь и акцию по «декоммунизации» правительств Франции, Италии, Бельгии весной 1947 года, которой предшествовали предварительные консультации масонов, — премьер-министров этих стран с высокопоставленными заокеанскими «братьями»... Как не призадуматься над порой необъяснимым поведением многих правительственных деятелей Западной Европы, то высказывающихся во вполне разумном, миролюбивом духе, а потом вдруг внезапно начинающих проводить в жизнь даже явно опасные антинациональные решения? «Масонство не принадлежит ни к какой стране...» Борьба с патриотизмом народных масс тех или иных стран, подлинно национальными правительствами давно стала одной из главнейших задач всемирного франкмасонства.

Недаром выдающийся деятель Коминтерна и болгарского коммунистического движения Г. Димитров назвал

масонские ложи «чужой шпионской и предательской агентурой», призывая бить тревогу против «этих антинародных гнезд». Ему ли, славному сыну Болгарии, не помнить события 1923 года, когда свергнувшая демократическое правительство А. Стамболийского масонская клика А. Цанкова развязала фашистский террор против своего народа? Высказывание Димитрова включено в сборник. В сборнике же найдет читатель и воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о встрече с П. А. Кропоткиным, где последний высказывал довольно наивные, хотя и характерные для многих революционных деятелей соображения о возможности сотрудничества с масонами в целях приближения буржуазной революции. Сходные мысли в свое время имел и М. А. Бакунин, стремясь использовать масонскую оболочку для революционных нужд, но быстро разочаровался в «братстве каменщиков». В книге «За кулисами видимой власти» помещены выдержки и отрывки из протоколов II и IV конгрессов Коминтерна, решительно отвергнувших попытки «вольных каменщиков» втереться в коммунистическое движение. Было подчеркнуто, что Коминтерн «не допускает и мысли» о возможности одновременной принадлежности к партии пролетарской диктатуры и к чисто буржуазной организации, прикрывающей избирательно - карьеристские происки формулами мистического «братства».

Эти материалы Коминтерна не просто документы истории. Масонская агентура отнюдь не прекратила попыток проникнуть в коммунистические партии, развернуть свою деятельность в социалистических странах. Трагические события в Польше 1980—1981 годов, в которых зловещую, хотя до конца еще далеко не проясненную роль сыграла масонская организация «Польское независимое соглашение», — наглядный пример реальности таких попыток. «Вольные каменщики» тем более опасны, что их организация может скрываться под разными вывесками. Историк В. Старцев в предисловии к сборнику очень верно замечает, что масоны представлены во многих клубах и организациях, творческих союзах и организациях интеллигенции. В самом деле, что может быть безобиднее союза под названием «центр по изучению современной истории»? Однако за этим «центром» пряталась отнюдь не безобидная ложа «П-2». Еще легче масонам использовать вывески организаций по изучению искусственных языков и разного рода теософских обществ, учитывая их широчайшие международные связи. Такой метод отнюдь не безуспешен, и в результате там, где на деятельность «вольных каменщиков» наложен запрет, где формально масонства нет, реально оно может существовать и действовать. «У нас в России это очень просто, — писал в 1912 году один из русских критиков масонства, — масоном быть нельзя, а теософом можно. Кто там разберет, что теософ и масон — одно и то же». Подобная специфика деятельности масонства, как и его тайный характер, делают «орден вольных каменщиков» вдвойне опасным. И тем более надо быть бдительными.

А. ВИНОГРАДОВ

КРУГ ЧТЕНИЯ

Б. А. Абрамов, Ф. М. Ваганов. СССР окончательно укрепился на социалистическом пути. (К 50-летию XVII съезда ВКП(б). М., «Знание», 1984 .

Совершенствование общественного строя требует самого тщательного изучения опыта борьбы нашей партии на завершающем этапе строительства социализма. Об этом опыте, который получил концентрированное выражение в документах XVII съезда ВКП(б), рассказывается в книге Б. А. Абрамова, Ф. М. Ваганова «СССР окончательно укрепился на социалистическом пути».

XVII съезд проходил, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК партии, под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок. Меньшевики и эсеры, подрывавшие строительство социализма в России, потерпели крах. Изобличила себя и платформа троцкистов, доказывавших, что между нами и социализмом лежит, дескать, глубочайшая пропасть «недостаточной цивилизованности».

Не случайно, что одной из основных линий борьбы между большевистской партией и оппортунистами стала битва за экономические темпы развития страны. Троцкисты выдвинули концепцию потухающих темпов экономического роста. Большевики видели в этом попытку законсервировать отсталость России, оправдать неумение и нежелание овладевать передовым техническим опытом, неумение и нежелание строить социализм.

Наша страна добилась таких темпов, которые были во много раз выше, чем в капиталистических странах. Этот опыт чрезвычайно важен и актуален сегодня, когда партией поставлена задача превзойти мировой уровень производительности труда. Ключевую роль в повышении темпов экономического роста играет, как учит наша собственная история, ускоренное развитие машиностроения, создающего базу для технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства.

На съезде была вскрыта реакционная сущность выдвинутого правыми лозунга «обогащайтесь», который предполагал индивидуальную погоню за личным обогащением, безотносительно к тому, как растет богатство общества в целом. Партия же боролась за воплощение в жизнь ленинской идеи о цели социалистического производства, которая состоит в обеспечении полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

XVII съезд ВКП(б) констатировал выдающуюся победу — создание экономического фундамента социализма. Но почивать на лаврах не в традициях большевиков. Для партии важно было привнести в сознание самых широких масс ленинскую мысль о том, что «социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели сегодня к другой завтра во имя своей коренной цели, приближаясь к ней с каждым днем». Коренной целью рабочего класса, подчеркивалось на съезде, является достижение социального равенства, не в смысле уравниловки потребностей и личного быта, с которой у марксистов ничего общего нет и быть не может, а в смысле уничтожения деления общества на классы.

Ярко прозвучала на съезде мысль о том, что в созидании нового общества не может быть самотека и стихийности. Съезд признал неправильными те взгляды, согласно которым дальнейшее продвижение к социализму рассматривалось как стихийный процесс, где не будет классовой борьбы и в связи с этим может быть ослаблена диктатура пролетариата как государственная власть. «У нас есть ряд товарищей, — говорил М. И. Калинин в речи на съезде, — которые считают, что бесклассовое общество придет естественно, без борьбы или, во всяком случае, без напряжения. Вопрос этот — исключительной принципиальности. Бесклассовое общество надо создавать, сознательно строить, искать лучшие для него формы. Мало того, наше общество, делаясь бесклассовым, потребует длительного срока господства диктатуры пролетариата. Это будет вытекать и из дальнейших задач строительства, и из международной обстановки, из капиталистического окружения».

По мере завершения социалистического строительства менялись формы классовой борьбы. С ликвидацией эксплуататорских классов рабочий класс и возглавляемые им трудящиеся массы должны были вести ее уже не против какого-либо класса, а лишь против идей и действий, враждебных делу рабочего класса, делу социализма, против носителей негативных тенденций.

Разгромив оппозиционные течения, партия не объявила идеологической демобилизации. Раз противоречия социализма, связанные с его выхождением из старого строя, остаются, наряду с положительными возможны и негативные тенденции. Носители чуждых социализму явлений слепо хватаются за идеи, чуждые марксизму-ленинизму, то есть за идеи разгромленных пар-

тией антиленинских групп и течений. Поэтому история партии учит политической бдительности, учит постоянной борьбе с отступлениями от ленинизма, какую бы личину они ни принимали. В этой беззаветной борьбе и проявляет себя верность ленинизму.

Михаил ПОПОВ

С. Поликарпов. Град белокаменный. Исторические поэмы. М., «Советский писатель», 1983.

Тот, кто внимательно следит за развитием поэта Сергея Поликарпова, заметил его давний творческий интерес к прошлому. Его книга «Град белокаменный», состоящая из трех поэм, посвящена славным и драматическим событиям, которые определили будущее Русского государства в XIV—XV веках. Эти исторические поэмы объединены не только близостью времен их действия, в них заметен качественно новый этап постижения реальности жизни предков, утверждение и неразрывность дел века нынешнего с их высокими деяниями. Такой подход, естественно, отразился на структуре произведений, и на их словаре, и на образной системе. При всей насыщенности поэм славянизмами и многими оборотами заповедных кладезей языка, они далеки от архаичности, хотя, разумеется, требуют от читателя сотворчества, проникновения в историю.

С помощью многих интонационных приемов, сочетая меткие слова живой народной речи, высокий стиль летописей и ораторский голос современного художника, поэт подчеркивает сквозную идею книги. Идея русичей, вышедших к Непрядве, утверждалась не в жажде сразиться с «иноверцами», отмечает поэт, а в жажде защиты своей земли во имя созидания на ней своей государственности, культуры, во имя строительства всего, что зовется Домом, Миром. Куликовская битва предстает в поэме «Подкова над порогом» не просто небывалым сражением двух армий, а столкновением двух идеологий, одна из которых воспитана трудом, полем и хлебом, а другая воплощает хищнические, темные силы.

Но и эта идеология, мы знаем, дожила до наших дней и дает недобрые новые всходы. Вот почему историко-философский подход автора в поэме представляется чрезвычайно актуальным. Не случайно строки ораторско-обобщающего значения и в этой и в других поэмах сочетают в себе былинно-сказовые ноты с интонациями военных поэм Твардовского. Такая опора на традицию, выражающая народный героизм и высоту души простого человека, становится необходимой современному поэту.

Для живых
Еще не кончен
Труд нещадный —
Этот бой,
Что землетрясенья громче
Грохотал в степи Донской,
Вехой был
краеугольной
На стезе судьбы лихой...

Возведение новых, «белокаменных» стен Московского Кремля в начале XV века,

которое стало сюжетным стержнем поэмы «Град белокаменный», показано С. Поликарповым отнюдь не как сооружение очередной важной фортификации. Это событие осмыслено автором как символ роста народно-государственного самосознания, как веха в истории страны, становящейся после эпохи раздробленности мощным и единым государством — надежным щитом против врага. В поэме изображены события, происшедшие через век после битвы на Непрядве, однако именно тогда страна и ее созидатели, герои поэмы, ощутили себя продолжателями дела витязей Куликова поля, поняли, что трудом и дерзанием должны защитить, возвысить и украсить свою родину. Достоверно, живописно изображает поэт непривычное для деревянных дел мастера строительство белокаменных стен Кремля:

Белый камень — надежда и
вера
В белостволие будущих
дней,
Что над мглой разорения
серой
Прорастут от исконных
корней,
Их глубинные кроны живучи.
С кроветворною слиты
землей, —
Никакие налетные тучи
Их не вырвут из тверди
родной.

Примечательно, что главный герой поэмы «Град белокаменный», «древоузорья мастер» Гридя приходит к мысли о необходимости «переквалифицироваться» на каменных дел мастера сам по себе, а не по царскому указу. Поэт подчеркивает этим, как отчетливо, воедино сходились помыслы простых людей и интересы государственных деятелей — прежде всего в укреплении мощи родной земли для защиты от внешнего врага.

Идея созидания и единения Руси воплощена и в поэме, посвященной творчеству великого художника Андрея Рублева. Поэт объясняет современникам, в чем достоинство и величие Рублева, выразителя духа своего века и народа. Здесь автор противопоставляет творения русского художника, которые оказались ближе сердцам его соотечественников, работам не менее гениального Феофана Грека. Грозная беспощадность кисти греческого мастера не столько пугала, сколько была им не по душе. Гармонично-светлые творения Рублева вселяли надежду и веру в дух народа и звали к единению и созиданию — вот в чем выразился гений Рублева.

Поэмы Сергея Поликарпова, рассказывающие о возрождении Родины, стали частями единого исторического полотна, в котором предстает подвиг народа.

Ст. ЗОЛОТЦЕВ

А. Баева. Тобол — степная река. Алма-Ата, изд-во «Жазуши». 1983.

А. Баева. Голосники России. М., «Советская Россия», 1984.

В стихах Антонины Баевой постоянно звучит мотив ее Зауралья, Тобольщины. Рассказывая о родном, деревенском быте, она ведет разго-

вор и о сегодняшнем дне. Ведь и хлеба печь, и корову доить, стряпать — эти традиционные крестьянские атрибуты, подчеркивает поэтесса, возвеличивают человека. Неравнодушие, а точнее сказать, глубокое пристрастие к делам сельчан определяет интонацию стихов, выводит разговор далеко за пределы малой родины.

Поэт-гражданин, имеющий за плечами большой жизненный путь, знающий не понаслышке о тяготах народа в тылу в период Великой Отечественной, не может оставаться в стороне от больших проблем. В произведениях о невзгодах фронтового времени, о родной природе, о себе Тобол и Россия, Тобол и Казахстан сливаются в единый поэтический образ великой Советской Родины. Особенно отчетливо проявилась эта тема в таких стихотворениях, как «Голосники», «О Москве», «Из тех лет», «Солдатка», «Лицо войны». Так, в стихотворении «На Курской дуге», где автору довелось побывать спустя тридцать лет после незабываемых сражений, она говорит:

Вся Курская дуга еще
в железе...
Над нею тридцать лет
снега мели,
и ливни бушевали
проливные...
А в сильном теле матушки-
земли
болят и ноют раны огневые.

Идея жизнеутверждения наиболее выразительно проявилась и в поэме «Твой вечный бой». В ней автор как бы ведет беседу с Николаем Островским — воплощением несгибаемого мужества, воином-писателем. Перед нами исповедь человека, прикованного, как и Николай Островский, тяжким недугом к постели, человека, не согнувшегося под ударами судьбы, продолжающего борьбу за жизнь, за наше общее дело поэтическим словом. Обращаясь мысленно к автору «Как закалялась сталь», А. Баева признается:

Мы меньше бы знали,
беднее б мы были,
когда бы такие, как ты,
не вошли
в сны наши,
в жизнь нашу,
в песни и были,
как полые воды
в могучий разлив
стремительных сил,
что растут год от года...

Знаменательной вехой в творческой биографии поэтессы явилась высокая награда — за поэму «Твой вечный бой» Антонина Баева была удостоена премии Ленинского комсомола. Это свидетельство широкого признания ее поэзии читателем.

И. БЛОХИН

А. Поляков. По нехоженым тропам. М., «Молодая гвардия», 1983.

О Севере в последние годы пишут много. И не только писатели, но и геологи, этнографы, геодезисты, моряки, полярники.

Академик А. Поляков — автор многих книг и статей. Его новая книга — это рассказ о начале трудового пути, о далеких 30-х годах, когда он после окончания Ом-

ского ветеринарного института по комсомольской путевке приехал в Якутию.

А. Полякову пришлось добираться до Колымы долгие дни и месяцы. Сначала он ехал по железной дороге до Иркутска, затем продолжил полет на шестиместном самолете с многочисленными посадками и ночевками, и, наконец, длинный путь на лошадях и оленях по бесконечной снежной якутской трассе до далекого Среднеколымска. Приехав в Иркутск в конце февраля, А. Поляков попал в Среднеколымск лишь месяц спустя, а в низовьях Колымы оказался только летом, когда сошел лед и река стала судоходной.

Основными транспортными средствами на Крайнем Севере в те годы являлись лодки, оленьи и собачьи упряжки. И можно представить, как работали первопроходцы, энтузиасты-специалисты в суровых климатических условиях.

«В течение семи дней, — пишет А. Поляков о своем пребывании в Нижнеколымске, — я не знал отдыха: с утра обследовал животных, принимал пациентов, а вечерами занимался комсомольской работой. Здесь мы провели перевыборы бюро ячейки комсомола, привели в порядок комсомольские дела, обсудили вопросы о подготовке к разгрузке прибывающих пароходов». Работая ветеринаром в низовьях Колымы, комсомолец А. Поляков одновременно руководил агитбригадой, которая оказывала населению поселков и промысловикам охотничьих заимок медицинскую помощь, делала противооспенные прививки, демонстрировала кинофильмы.

Автор рассказывает о первых выборах органов Советской власти у эвенков и чукчей, об их быте, обычаях, культуре.

Книга академика А. Полякова содержит немало и разнообразных исторических материалов: здесь приведены сведения об основании якутских поселков, рассказы о первых землепроходцах — казаках, материалы о политических и революционных деятелях, сосланных на поселение в Якутию, и борцах за установление Советской власти в этом крае. Автор освещает довольно малоизвестные страницы якутской истории: пребывание в верхоянской ссылке народовольца Морозова, подробности гибели на Колыме красногвардейского отряда во главе с Э. Г. Светцем.

В книгу включены подлинные тексты и фотокопии исторических документов, иллюстрации, воссоздающие быт якутов, эвенков и чукчей тех лет.

Заключительная глава книги — «Через сорок лет на Колыме» — показывает огромные перемены, происшедшие в жизни сурового и некогда практически недоступного Колымского края.

Нам далеко еще не все известно о славных делах энтузиастов - первопроходцев. Вот почему так важно каждое слово о тех героических днях.

Эта книга ветерана-комсомольца А. Полякова о молодежи 1930-х годов, но обращена она к сегодняшним молодым людям, к тем, кто осваивает и будет осваивать Север в 80-е годы.

В. ВАСИЛЬЕВ

А. Ливанов. Солнце на полдень. М., «Советский писатель», 1984.

Книга Александра Ливанова «Солнце на полдень» — лирическое повествование о детдомовцах и воспитателях 30-х годов.

Мы видим жизнь детдомовцев в ее будничном течении: в минуты, когда к кому-то из воспитанников приходит горе и все сплачиваются, чтобы вместе выстоять; в дни, наполненные трудом, когда выходят помогать колхозникам. Автор рассказывает, как Леман, заведующий детдомом, очень ответственно относился к такой работе, потому что она давала возможность раздобыть бесценные по тем временам продукты — картофель, муку, масло.

И хотя детдомовцы побаивались Лемана — человека требовательного, непреклонного, но и гордились им, героем гражданской войны, по-настоящему любили его, понимали, что для него нет ничего важнее, чем их судьбы, их будущее. Автор пишет: «Отгороженное от огромного мира и его опыта — живет наше детство. Солнечны его радости, не омраченные заботами старших, — безутешно и искренне его горе, не просветленное смирением опыта... Потеряв мать, мы теряем связь с миром, и долго потом обретается чувство родины...»

Это хорошо понимают воспитатели — бесконечно добрая тетя Клава, старающаяся привить своим воспитанникам любовь к литературе, чтобы через понимание мудрости великих писателей выработать в ребятах критерии добра, справедливости, человечности. Она безраздельно отдала себя детям: лишила себя выходных, открыла для воспитанников свой дом. В этой постоянной женской заботе о детях как бы забылась и собственная неустроенность беспредельно доброй русской женщины.

В желании ребят детдома походить на героя Перекопа — Лемана уже проглядывает характер будущих воинов, и верится, что они будут до конца отстаивать свободу Родины, которая вернула детство им в те трудные годы. Самоотверженность воспитателей учила самоотверженности и воспитанников. Мы видим главного героя Саньку в бригаде трактористов, куда его направляют работать и где начинается его самостоятельная жизнь. Большое влияние оказали на Саньку мастер Ткаченко, учитель Марчук, у которого он жил, когда работал в колхозе, бригадир трактористов Микола Стовба — все они, каждый по-своему, учили его работать.

В эту повесть веришь, потому что она продиктована самой судьбой ее автора, детдомовца, фронтовика, писателя Александра Ливанова, свидетельствующего, что херсонский детдом воспитал в трудные тридцатые годы настоящих людей.

Елена АНДРЕЕВА

НЕЗРИМЫЕ ПОЕДИНКИ. Рассказы о воронежских чекистах (под общей редакцией генерал-майора А. И. Борисенко). Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1985.

Книга очерков «Незримые поединки» является как бы

продолжением сборника «Воронежские чекисты рассказывают...», вышедшего несколько лет назад в том же издательстве.

Сборник документальных очерков, подготовленный под общей редакцией генерал-майора А. И. Борисенко, рассказывает о борьбе воронежских чекистов с контрреволюцией в первые годы Советской власти, об их деятельности в период Великой Отечественной войны, о разоблачении бывших карателей, предателей и изменников Родины в послевоенное время.

«Чекистские традиции уходят своими корнями в героическое прошлое. Уже первые шаги ВЧК не для кого не были тайной — чекисты неустанно, в печатных изданиях и устно, рассказывали широким массам о своей борьбе с контрреволюцией», — пишет В. Барабашов в своей статье «Продолжая традиции».

Об этом рассказывается в очерке «Хранить вечно», из которого мы узнаем имена тех, кто стоял у истоков деятельности чекистов, — о первых председателях Воронежской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцей и саботажем Никите Петровиче Павлунском и Отто Петровиче Хинценбергсе. Читая эти документальные строки, соглашаешься со словами автора очерка О. Данилова, что эти «имена бойцов несгибаемой ленинской гвардии будут навечно в нашей памяти».

В трудное для молодой республики время активизировались недобитые кулацкие банды, остатки белогвардейщины. И порой сотрудникам ВЧК приходилось идти на смертельный риск, чтобы успешно бороться с контрреволюцией (очерк «Под маской батьки Ворона»).

Но не только о борьбе с врагами Советской власти говорится в этой части сборника. Были и другие дела, которыми, казалось бы, не должны были заниматься чекисты в то грозное время. Видимо, поэтому с таким интересом читается материал о действительных событиях — очерк Л. Тарасова «По совету Ленина». В нем рассказывается, как в 1918 году воронежские чекисты спасли для будущих поколений культурные ценности, архив потомков декабриста князя С. Волконского, обнаруженный в Борисоглебске. В нем наряду с другими ценными документами, представляющими исторический интерес, были и подлинные письма Робеспьера и Бонапарта (ныне эти ценнейшие и уникальные материалы хранятся в Ленинграде, в Пушкинском доме).

В книге широко освещена работа воронежских чекистов в грозные годы Великой Отечественной войны. Этот раздел сборника, названный составителями «За свободу и независимость Родины», открывает интереснейший по своим фактам материал. Читатель наверняка с удовольствием прочтет о том, что Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Константин Феоктистов пятнадцатилетним подростком выполнял задания командования в тылу врага в оккупированном немцами Воронеже (очерк «О доблести, о подвигах, о славе»). В беседе с журналистом И. Бубновым, рассуждая о природе мужества, К. П. Феоктистов говорил, что это, на его взгляд, «сознательное действие, осо-

знаваемый риск». И дальше он поясняет свою мысль: «А иногда это понятие отождествляют либо с безрассудной решимостью, либо с такими качествами, как мужество и смелость или даже просто терпение».

О сегодняшней деятельности работников управления КГБ Воронежской области рассказывают очерки «С чужого голоса», «Эти хитрые уроки», «Бизнес мистера Алекса».

В условиях обострения международной обстановки в наши дни заметно активизировали свою подрывную деятельность специальные службы Запада и находящиеся на их содержании различные зарубежные антисоветские центры и организации. Делая ставку в капиталистических странах на различного рода антисоветчиков, вражеские разведки подбирают и вербуют это отребье.

Еще в 60-е годы журнал «Ньюсуик», говоря о деятельности разведывательных органов США и их союзников, сделал характерное признание: «Деятельность любой из этих разведывательных служб не оставляет места для каких-либо сентиментальных эмоций. Для агентуры этих служб денежные мотивы в большинстве случаев более существенны, чем чувства патриотизма».

Думается, что книга очерков «Незримые поединки» будет с интересом встречена широким читателем.

Р. ЮРГЕЛЕВИЧ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 03.02.86. Подп. в печ. 07.03.86. А08082.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 29.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251